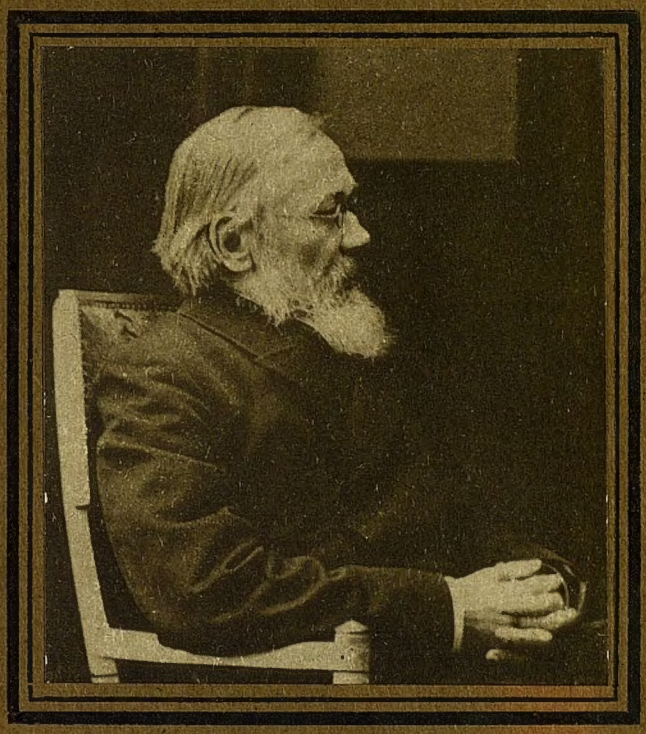
947
К52

947
К52

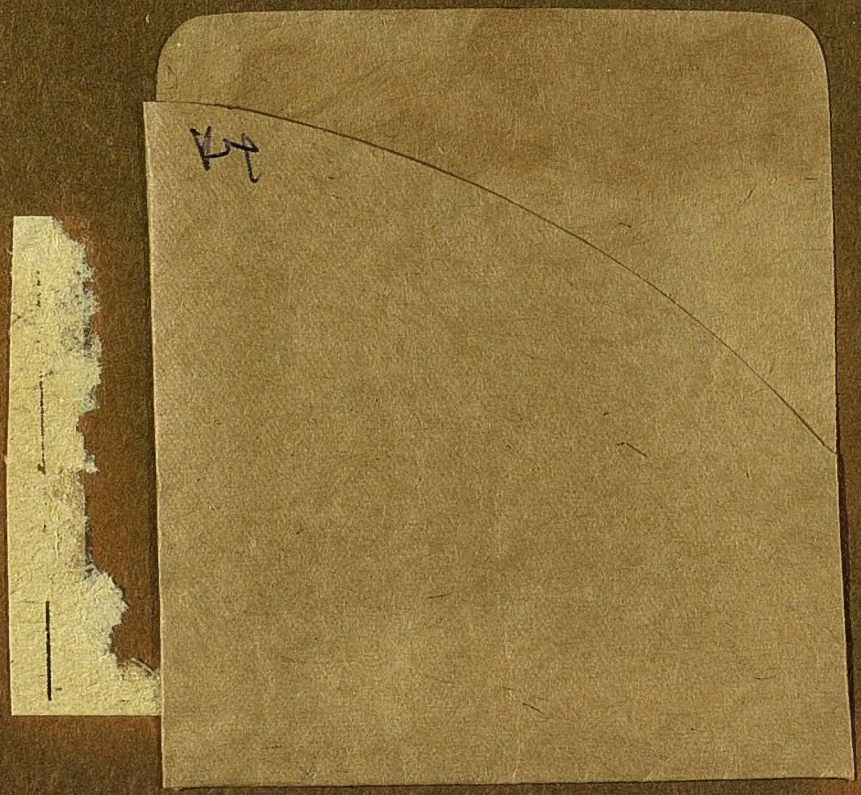
В. О. Ключевскій

Характеристики и Воспоминанія



947
К52

„Научное слово"



Честнымъ порывамъ дай силу свободную,
Начатый трудъ довершай.
1912 г. 30 января.
XX. 2
Ко.
П 34 г.
На домъ не выдается

В. О. КЛЮЧЕВСКІЙ

ХАРАКТЕРИСТИКИ и ВОСПОМИНАНІЯ

56689
947
К52
Центральная типография
Москва Б-ная
Московская Центральная Публичная библиотека

Москва
„НАУЧНОЕ СЛОВО"
1912.

6

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. домъ.
МОСКВА—1912.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Отъ „Научнаго Слова". *Н. А. Умовъ* 1

Василій Осиповичъ Ключевскій. *М. К. Любавскій* 5

В. О. Ключевскій какъ ученый. *М. М. Богословскій* 26

Соловьевъ и Ключевскій. *М. К. Любавскій* 45

В. О. Ключевскій и Б. Н. Чичеринъ. *Б. И. Сыромятниковъ* 69

Памяти Ключевскаго. *С. Ѳ. Платоновъ* 94

Историческіе взгляды В. О. Ключевскаго. *А. С. Лаппо-Данилевскій* 100

Ключевскій мыслитель и художникъ *Ю. И. Айхенвальдъ* 117

Воспоминанія о В. О. Ключевскомъ. *А. Ѳ. Кони* 145

В. О. Ключевскій какъ преподаватель. *А. А. Кизеветтеръ* 164

В. О. Ключевскій какъ руководитель начинающихъ ученыхъ. *Ю. В. Готье* . 177

В. О. Ключевскій. *П. Н. Милюковъ* 183

Отъ „Научнаго Слова".

Журналъ «Научное Слово» имѣлъ счастье считать въ числѣ своихъ соредакторовъ Василія Осиповича Ключевскаго, относившагося съ полнымъ сочувствіемъ къ цѣлямъ журнала и давшаго не одно цѣнное указаніе не только по вопросамъ его общаго направленія и руководства, но и по деталямъ, иногда второстепеннымъ, его изданія. Научныя занятія Василія Осиповича мѣшали ему быть нашимъ дѣятельнымъ сотрудникомъ и его перу принадлежатъ только три статьи, изъ коихъ первая, руководящая, помѣщенная въ первой книгѣ журнала за 1903 г. подъ заглавіемъ «*Задачи научной популяризаціи*», имъ не подписана; двѣ другія статьи, подписанныя—«*А. Л. Ординъ-Нащокинъ, Московскій государственный человѣкъ XVII в.*» и «*памяти С. М. Соловьева*», помѣщены въ III и VIII книгахъ журнала за 1904 г.

Въ руководящей статьѣ развивается необходимость популяризаціи научнаго знанія, которая должна облегчить человѣку, владѣющему обыкновенными образовательными средствами, укладывать въ себя крупнѣйшія пріобрѣтенія наукъ такъ, чтобъ изъ нихъ сложилось въ его сознаніи нѣчто цѣльное, систематическое. По мнѣнію В. О. Ключевскаго,—«такое цѣльное всестороннее знаніе становится все нужнѣе. Жизнь частная, а тѣмъ болѣе общественная, осложняется съ каждымъ поколѣніемъ. Нашимъ дѣтямъ будетъ труднѣе жить, чѣмъ живется намъ, и не безъ основанія можно опасаться, что наши внуки будутъ завидовать легкости жизни своихъ отцовъ. Значитъ ли это, что мы идемъ назадъ или падаемъ? Ни то, ни другое; но для движенія впередъ, какъ и для подъема, необходимы новыя средства и усилія. Культура, возвышая общій уровень духовной и матеріальной жизни, отъ отдѣльныхъ людей съ каждымъ поколѣніемъ требуетъ все большаго напряженія силъ, чтобы подняться на уровень своего времени и на немъ удержаться. Нашимъ дѣтямъ это будетъ удаваться труднѣе, чѣмъ удавалось намъ, а внуки будутъ удивляться, какъ легко это удавалось ихъ

отцамъ. На всякомъ житейскомъ пути передъ современнымъ человѣкомъ все чаще вырастаютъ вопросы, которыхъ не рѣшишь на глазъ или чутьемъ, для рѣшенія которыхъ требуются разнообразныя знанія, не входящія въ составъ школьной программы. Мало того. Жизнь дѣлается все изобрѣтательнѣе на спорные интересы, на боевыя положенія, которыя заставляютъ человѣка иногда быстро рѣшать, за что стоять, на которую сторону становиться. Для этого и человѣку, не посвятившему себя никакой научной спеціальности, необходимо устойчивое сознаніе, необходимъ твердый общій взглядъ на людей и вещи, а такое сознаніе, такой взглядъ дается только научно выработанному мышленію, пріобрѣтается переработкой разнообразнаго научнаго запаса въ цѣльное воззрѣніе».

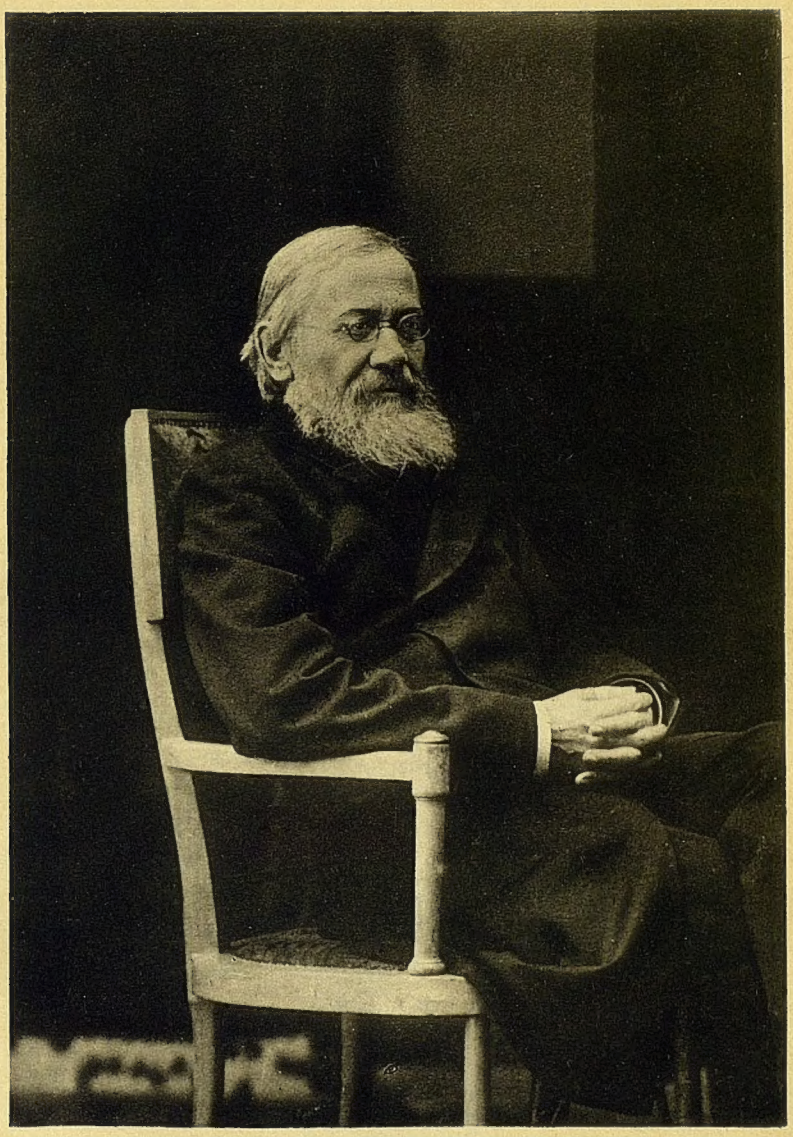
Подчеркивая такимъ образомъ жизненную потребность каждаго образованнаго человѣка стоять на уровнѣ пріобрѣтеній научнаго знанія, Василій Осиповичъ предъявляетъ подобныя же требованія и по отношенію къ спеціальностямъ; онъ говоритъ:

«Да и ученому, работающему въ той или другой научной области, существенно нужно слѣдить за успѣхами въ другихъ областяхъ, не только смежныхъ, но и отдаленныхъ: этимъ обезпечивается надлежащая широта, ясность и жизненность его спеціальныхъ выводовъ и положеній».

Мы приводимъ эти цитаты, какъ характеризирующія общіе взгяды Василія Осиповича.

Изъ бесѣдъ касающихся внѣшности изданія журнала, я приведу здѣсь пожеланіе высказанное Василіемъ Осиповичемъ и интересное какъ отмѣчающее привычку замѣчательнаго человѣка. Когда зашла рѣчь о томъ, выпускать ли книги журнала уже обрѣзанными, или предоставлять эту операцію читателю, Василій Осиповичъ сообщилъ, что онъ предпочитаетъ неразрѣзанныя книги разрѣзаннымъ, и что ему доставляетъ удовольствіе разрѣзать книгу по мѣрѣ того какъ онъ подвигается въ ея чтеніи.

Привычки замѣчательныхъ людей особенно такихъ, къ которымъ примѣнимо выраженіе одного некролога Василія Осиповича— «онъ самъ по себѣ», тѣсно связаны съ рѣзко выраженною индивидуальностью замѣчательнаго человѣка. Такъ, эта привычка раскрывать источникъ размышленія—книгу постепенно, по мѣрѣ того, какъ воспринимаемыя мысли укладываются въ головѣ читающаго, цѣльно связывается съ манерой художника писать картину, накладывая мазокъ за мазкомъ, безъ ея предварительнаго наброска и подмалевки. Такимъ художникомъ является Василій Осиповичъ Ключевскій въ своихъ разсказахъ, которыми прерывались или которые слѣдовали за бесѣдами о журналѣ. Василій Осиповичъ лю-



В. Ключевский

1905 г.

Фот. П. Павлова.

Московская Центральная
Публичная Библиотека

билъ разсказывать въ тѣсномъ кружкѣ редакціи о различныхъ событіяхъ своей жизни и жизни «сферъ», къ которымъ онъ привлекался въ эпоху обновленія Россіи. Василій Осиповичъ не знакомилъ слушателей съ макрокосмомъ, приближая его издали и дѣлая все болѣе и болѣе явственной всю совокупность его характерныхъ чертъ; нѣтъ, онъ былъ микроскопистомъ, создававшимъ макрокосмъ элементъ за элементомъ. Мозаика, которая выростала передъ глазами слушателя постепенно, была въ высокой степени художественна и красочна. Это—совершенно своеобразный родъ живописи, который едвали не представляетъ первичный процессъ, протекающій въ мысли художника, направляющій его творчество къ извѣстному сюжету и затѣмъ остающійся навсегда скрытымъ для зрителя! Характеры дѣйствующихъ въ какомъ-либо событіи лицъ представлялись Василію Осиповичу теоремами, требующими доказательства. Подобно тому, какъ геометръ для доказательства чертитъ рядъ наклонныхъ и перпендикулярныхъ линій, послѣдовательно, одну за другою, и неожиданно, съ проведеніемъ послѣдней, теорема выступаетъ вполнѣ доказанной,—такъ Василій Осиповичъ, выкладывая штрихъ за штрихомъ слова и поступки лицъ, возсоздавалъ ихъ во всей своей жизненности. И самая накладка штриховъ отличалась необыкновеннымъ умѣньемъ: она представляла собою тоже правило дополнительныхъ цвѣтовъ, которымъ руководится живописецъ. Если, напримѣръ, на картинѣ, изображающей поверхность воды, вы нарисуете зеленый листъ кувшинки, вы получите очень блѣдное впечатлѣніе: этотъ листъ, несмотря на то, что вы будете дѣлать его все зеленѣе и зеленѣе, не будетъ обнаруживать желанія выдѣлиться изъ окружающаго его воднаго фона, развѣ только вы дадите ему совершенно ненатуральный цвѣтъ. Опытный художникъ на границѣ листа и воды проводитъ тонкую красную черту или ставитъ нѣсколько красныхъ точекъ или штриховъ. Точно такъ же чтобы сдѣлать свѣтъ теплѣе, художникъ кладетъ рядомъ холодную тѣнь, и наоборотъ. Сразу достигается эффектъ жизни, дѣйствительной природы. Такъ и въ описаніи личности, если мы будемъ останавливаться лишь на ея крупныхъ чертахъ, то, передавая только ихъ, мы даемъ описаніе, а не живую личность. Жизненное впечатлѣніе, получаемое нами отъ общенія съ личностью, обусловливается цѣлымъ рядомъ воспринимаемыхъ нами, но не сознаваемыхъ мелочныхъ словъ, поступковъ, движеній, выраженій лица. Это все тѣ же дополнительные цвѣта, которые даютъ жизненность крупному и которые могутъ быть подмѣчаемы только такими великими художниками, какъ Василій Осиповичъ. По отношенію къ нему могутъ быть примѣнены тѣ самыя слова Германа Гельмгольтца, ко-

торыми онъ объяснялъ открытія покойнаго физика Генриха Гертца и которыя приведены въ моей статьѣ въ той же первой книгѣ «Научнаго Слова», въ которой помѣщена и первая статья Василія Осиповича.

«Онъ обнаруживалъ величайшую внимательность въ наблюденіи незамѣтныхъ явленій. Непосвященный наблюдатель легко проходитъ мимо нихъ, не удѣляя имъ своего вниманія; но проницательному взору они открываютъ путь, который ведетъ въ новыя, невѣдомыя глубины природы»—глубины личности и событій, прибавимъ отъ себя.

Едва ли методъ Василія Осиповича не есть естественный и прирожденный методъ историка: вѣдь жизнь слагается изъ штриховъ, накладывающихся одинъ за другимъ, нѣтъ общаго наброска жизни человѣчества; ея подмалевки. Въ этомъ методѣ, сдѣлавшемся второю природою Василія Осиповича, лежитъ, вѣроятно, и объясненіе почему онъ не выдавался какъ дѣятель общественный. Его зрѣніе было вооружено слишкомъ сильнымъ микроскопомъ, а дѣятельность общественная требуетъ иногда быстрой рѣшимости, предваряющей детальный анализъ.

Василій Осиповичъ любилъ разсказывать въ тѣсномъ и непринужденномъ кружкѣ, собиравшемся у хлѣбосольнаго издателя «Научнаго Слова». Онъ любилъ чтобы его слушали, и теперь чувствуется глубокое сожалѣніе, что своевременно не были записаны его художественныя повѣствованія и остроумныя замѣчанія. То, что говорилось на этихъ вечеринкахъ и обращало на себя его особенное вниманіе, заносилось имъ въ записную книжку; содержаніе такихъ записей, касающееся текущей жизни, представляетъ несомнѣнный интересъ, и если они сохранились, то можно только пожелать ихъ своевременнаго опубликованія.

Послѣднія сношенія издателя «Научнаго Слова» съ Василіемъ Осиповичемъ относятся къ январю текущаго года по поводу обѣщанной имъ характеристики Императора Александра II, имѣвшей появиться въ сборникѣ «Освобожденіе крестьянъ». Къ сожалѣнію, Василій Осиповичъ уже лежалъ въ больницѣ, захваченный своимъ послѣднимъ недугомъ. Отъ этого времени сохранились въ издательствѣ два его письма: больной, онъ писалъ, жалуясь однако что много писать не можетъ, и намѣчая вмѣстѣ съ тѣмъ распредѣленіе своего времени по выходѣ изъ больницы.

Не сбылись ожиданія Василія Осиповича, и тѣсному кружку издательства совершенно неожиданно пришлось навсегда проститься съ дорогою ему личностью и настоящимъ сборникомъ почтить память почившаго.

Н. Умовъ.

Василій Осиповичъ Ключевскій.

(† 12 мая 1911 года.)

Въ лицѣ скончавшагося Василія Осиповича Ключевскаго Россія потеряла крупнѣйшую научную и преподавательскую силу, потеряла ученаго и профессора, имя котораго въ исторіи науки и образованія всегда будетъ ставиться въ ряду «славныхъ», всегда будетъ произноситься съ гордостью и умиленіемъ.

Съ этимъ именемъ навсегда будетъ связано воспоминаніе объ учителѣ, который не только глубоко разрабатывалъ и ясно излагалъ свою науку, но и силою своего художественнаго слова живилъ умы и сердца учащагося юношества, напоялъ ихъ мысль чувствомъ и одухотворялъ ихъ чувство мыслью.

Василій Осиповичъ происходилъ изъ духовнаго сословія—былъ сыномъ священника села Воскресенскаго Пензенской губерніи и уѣзда Іосифа Васильевича (позже отецъ Василія Осиповича перешелъ въ село Можаровку Городищенскаго уѣзда). Учился Ключевскій сначала въ пензенскомъ духовномъ училищѣ, а потомъ, съ 1856 по 1860 годъ въ пензенской духовной семинаріи. Первоначальная жизненная обстановка несомнѣнно оказала сильное и, въ общемъ, благотворное вліяніе на развитіе будущаго русскаго историка. Поставивъ его близко, лицомъ къ лицу, къ русской природѣ и къ быту сельскаго населенія, эта первоначальная обстановка дала его воспріимчивой душѣ рядъ неизгладимыхъ впечатлѣній, рядъ представленій, которыя облегчили ему впослѣдствіи пониманіе народной жизни въ прошедшемъ. Эта же первоначальная обстановка обвѣяла его юную душу и тѣмъ нравственнымъ тепломъ, которымъ, несмотря ни на что, согрѣта трудовая жизнь русской деревни. Та симпатія къ русскому крестьянину-земледѣльцу, которою проникнуты научно-литературные труды Василія Осиповича, его обостренный интересъ къ судьбамъ этого крестьянина, восходятъ своимъ первоначаломъ несомнѣнно къ впечатлѣніямъ его дѣтства и юности. Здѣсь же надо искать отчасти объясненія и тѣмъ изслѣдователь-

скимъ симпатіямъ, которыя проявлялъ Василій Осиповичъ къ исторической дѣятельности класса, стоявшаго рядомъ съ крестьянствомъ, бывшаго *народною* интеллигенціею, т.-е. русскаго духовенства.

Къ историческимъ судьбамъ русскаго народа Василій Осиповичъ возымѣлъ сильный интересъ еще въ средней школѣ. Онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, что еще въ семинаріи онъ перечиталъ труды по русской исторіи Татищева и Карамзина. Развернувшіяся передъ нимъ картины прошлаго родной земли дали сильный толчокъ его юношеской мысли, направили эту мысль въ сторону отъ чисто богословскихъ сюжетовъ. Это обстоятельство въ связи съ общественнымъ возбужденіемъ того времени было причиною ухода Василія Осиповича изъ духовной школы. Надо сказать, что уже въ духовной семинаріи Василій Осиповичъ обнаружилъ въ полной мѣрѣ свои блестящія способности и успѣхи въ наукахъ. «Онъ не на голову,—говоритъ одинъ изъ его біографовъ,—а на три головы стоялъ выше прочихъ семинаристовъ и былъ предметомъ удивленія товарищей. Въ спискахъ для обозначенія его успѣховъ измышлялись особые термины. Начальство лелѣяло Ключевскаго и при строгости тогдашнихъ порядковъ спускало ему многое такое, что на другихъ навлекало серьезныя наказанія». И несмотря на все это, Василій Ключевскій не остался въ духовной семинаріи. «По переходѣ въ высшее отдѣленіе,—говоритъ тотъ же біографъ,—въ ученикѣ произошелъ какой-то переворотъ: онъ совсѣмъ забросилъ занятія, такъ что послѣ декабрьскихъ испытаній въ спискахъ, вмѣсто обычнаго перваго мѣста, занялъ третье; а потомъ подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ семинаріи». Прошеніе мотивировано было стѣснительными домашними обстоятельствами и слабостью здоровья. На дѣлѣ, конечно, не эти причины заставляли Ключевскаго покинуть духовную школу: очевидно, она уже не удовлетворяла новымъ, пробудившимся въ немъ духовнымъ запросамъ и жизненнымъ стремленіямъ. Начальство духовной семинаріи хотѣло было удержать Ключевскаго отъ предпринимаемаго имъ шага и отказало ему въ увольненіи на томъ основаніи, что онъ получалъ казенное пособіе (за все время имъ было получено 66 руб. 50 коп.), и что при поступленіи въ среднее отдѣленіе онъ «собственноручнымъ отзывомъ изъявилъ желаніе остаться въ духовномъ званіи». Но преосвященный Варлаамъ, епископъ пензенскій, не согласился съ такимъ рѣшеніемъ и на журнальномъ постановленіи семинарскаго правленія положилъ резолюцію: «Ключевскій не совершилъ еще курса ученія и, слѣдственно, если онъ не желаетъ быть въ духовномъ званіи, то его и можно уволить

безпрепятственно» [1]). Преосвященный былъ глубоко правъ въ своемъ мудромъ приговорѣ, и въ исторіи русской науки и высшаго преподаванія этотъ приговоръ всегда будетъ отмѣчаться съ великою признательностью.

27 февраля 1861 года, недѣлю спустя послѣ отпуска крестьянъ на волю, вышелъ на волю и нашъ Василій Осиповичъ. Между этими двумя фактами несомнѣнно была нѣкоторая внутренняя связь, а не простое, случайное совпаденіе. Въ русской общественности повѣяло новымъ, свободнымъ духомъ, стали открываться заманчивыя жизненныя перспективы, широкое поприще для приложенія способностей, и талантливаго семинариста естественно потянуло на этотъ общественный просторъ. 24 іюля 1861 года Василій Осиповичъ подалъ прошеніе ректору московскаго университета о зачисленіи его для продолженія образованія своекоштнымъ студентомъ историко-филологическаго факультета «по выдержаніи установленнаго для сего полнаго экзамена». Экзаменъ былъ сданъ успѣшно, и осенью 1861 года Василій Осиповичъ былъ студентомъ перваго курса историко-филологическаго факультета.

Вспоминая впослѣдствіи свои студенческіе годы, Василій Осиповичъ говорилъ и писалъ, что съ великимъ интересомъ онъ слушалъ лекціи П. М. Леонтьева, Г. А. Иванова, Ѳ. И. Буслаева, К. П. Побѣдоносцева и Б. Н. Чичерина (на юридическомъ факультетѣ). Леонтьева Василій Осиповичъ цѣнилъ, какъ великаго знатока классической древности, Иванова—какъ превосходнаго преподавателя, одного изъ немногихъ, умѣвшихъ возбуждать интересъ къ классическимъ языкамъ, Побѣдоносцева высоко ставилъ за рѣдкую ясность и отчетливость его изложенія, Чичерина—за его философію, за научныя построенія исторіи русскаго права. Въ лекціяхъ и научныхъ трудахъ Василія Осиповича и сказалось отчасти вліяніе чичеринскихъ историко-юридическихъ концепцій. Но въ особенности привлекъ вниманіе и симпатіи Василія Осиповича Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ, котораго онъ сталъ слушать съ третьяго курса. Въ то время 42-лѣтній Соловьевъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ физическихъ и умственныхъ силъ. Своими лекціями онъ произвелъ на Василія Осиповича сильнѣйшее впечатлѣніе. «Соловьевъ,—писалъ онъ впослѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ о своемъ учителѣ,—давалъ слушателю удивительно цѣльный, стройною нитью проведенный сквозь цѣпь обобщенныхъ фактовъ взглядъ на ходъ русской исторіи, а извѣстно, какое наслажденіе для молодого ума, начинающаго научное изученіе, чувствовать себя въ

[1]) Богословская энциклопедія: статья С. А. Бѣлокурова подъ заглавіемъ „Ключевскій“.

обладаніи цѣльнымъ взглядомъ на научный предметъ» [1]). Общая концепція русской исторіи, выработанная къ тому времени Соловьевымъ, оказала Василію Осиповичу огромную помощь и въ его самостоятельныхъ научныхъ трудахъ. Василій Осиповичъ всегда работалъ съ извѣстнымъ цѣльнымъ взглядомъ на свой предметъ, ему приходилось этотъ взглядъ углублять, исправлять въ частностяхъ, дополнять, перерабатывать, но не вырабатывать заново. Въ экономіи времени и силъ это сыграло, конечно, огромную роль.

Уже на студенческой скамьѣ Василій Осиповичъ сталъ продолжать дѣло своего учителя. Находясь на четвертомъ курсѣ, онъ написалъ кандидатское сочиненіе на тему «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ». Уже въ этомъ юношескомъ произведеніи Василій Осиповичъ выступилъ настоящимъ изслѣдователемъ, вводившимъ въ ученый оборотъ много матеріала, критически перебраннаго и превосходно систематизированнаго. Вслѣдствіе этого его кандидатское сочиненіе признано было необходимымъ напечатать.

Въ маѣ 1865 года Василій Осиповичъ кончилъ курсъ историко-филологическаго факультета со степенью кандидата. Такъ какъ этотъ кандидатъ уже достаточно заявилъ свою ученость и способность, то, по предложенію С. М. Соловьева, онъ оставленъ былъ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русской исторіи. Готовясь къ магистерскимъ испытаніямъ, Василій Осиповичъ не прерывалъ самостоятельныхъ научныхъ изысканій въ своей области. Плодомъ этихъ изысканій была его статья подъ заглавіемъ «Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ». Эта превосходная картинка изъ исторіи заселенія и хозяйственной жизни нашего сѣвера написана была Василіемъ Осиповичемъ по рукописному житію Зосимы и Савватія и рукописному же сборнику соловецкихъ грамотъ.

Повидимому, это пріобщеніе къ рукописному матеріалу, касающемуся исторіи одного изъ выдающихся сѣверно-русскихъ монастырей, кромѣ совѣта С. М. Соловьева, опредѣлило направленіе ученыхъ работъ, предпринятыхъ Василіемъ Осиповичемъ для написанія магистерской диссертаціи. По крайней мѣрѣ, въ предисловіи къ этой диссертаціи онъ самъ засвидѣтельствовалъ, что «онъ обратился къ древне-русскимъ житіямъ, какъ къ самому обильному и свѣжему источнику для изученія одного факта древне-русской исторіи—участія монастырей въ колонизаціи сѣверо-восточной Руси». Тяжело досталась магистерская диссертація Василію Осиповичу.

---

[1]) Изданія историческаго общества при Императорскомъ московскомъ университета, годъ I. стр. 191, Москва, 1896.

Ему пришлось перечитать колоссальное количество рукописныхъ списковъ житій святыхъ изъ разныхъ публичныхъ и частныхъ собраній. Ограничить себя въ этомъ отношеніи оказалось труднымъ дѣломъ. «Чѣмъ болѣе входилъ онъ въ изучаемый матеріалъ, тѣмъ яснѣе становились для него два вывода: во-первыхъ, этотъ источникъ далеко не такъ свѣжъ и обиленъ, какъ о немъ думаютъ; во-вторыхъ, его небогатымъ историческимъ содержаніемъ нельзя воспользоваться безъ особаго предварительнаго изученія его въ полномъ объемѣ» [1]). Василій Осиповичъ, слѣдовательно, до извѣстной степени разочаровался въ своемъ источникѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ вспоминалъ онъ впослѣдствіи годы, проведенные за изученіемъ житій сѣверно-русскихъ святыхъ, говаривалъ даже подчасъ, что результаты не были соразмѣрны потраченнымъ на нихъ усиліямъ. Но въ этомъ сѣтованіи сказалось только воспоминаніе о томъ томленіи, которое испытывалъ его творческій духъ, рвавшійся къ историческимъ построеніямъ и черезчуръ долго задержанный предварительною очисткою мусора, разборкою матеріала. Василій Осиповичъ одержалъ побѣду надъ самимъ собою и явилъ примѣръ такого самоотверженнаго исполненія научнаго долга, который всегда будетъ нравственно поддерживать молодыхъ ученыхъ, изнемогающихъ въ работѣ надъ сырымъ матеріаломъ. Художникъ по натурѣ, одаренный живымъ воображеніемъ и темпераментомъ, онъ кропотливо и терпѣливо перебралъ колоссальный по размѣрамъ, но небогатый по содержанію матеріалъ, который представляютъ изъ себя житія древне-русскихъ святыхъ, разсортировалъ его по рубрикамъ, далъ ему мѣткую и блестящую оцѣнку и выбралъ изъ него тѣ крупицы исторической дѣйствительности, которыя въ немъ содержались. Изученіе житій святыхъ было для него тою суровою школою, въ которой закалился его изслѣдовательскій духъ. Изъ этой школы Василій Осиповичъ вынесъ привычку необыкновенно тщательно, до самыхъ тончайшихъ мелочей изучать и разбирать источники, исчерпывать до конца все, что они даютъ. Эта привычка пріобрѣтена была имъ именно въ работѣ надъ источниками, которые не много, а мало давали. Работа надъ древне-русскими житіями сдѣлала художника-творца, какимъ былъ по натурѣ Василій Осиповичъ, тонкимъ критикомъ-аналитикомъ, гармонически сочетала въ немъ несовмѣстимыя, обыкновенно, свойства кропотливаго, аккуратнаго и осторожнаго изслѣдователя и широкаго творческаго размаха писателя.

Работа надъ житіями сѣверно-русскихъ святыхъ оказалась пло-

---

1) Древне-русскія житія святыхъ, какъ историческій источникъ, стр. I.

дотворною и съ другой стороны: она заставила Василія Осиповича изучить удѣльную эпоху, къ которой преимущественно относились эти житія, и изучить такъ, какъ не удавалось никому раньше. Превосходныя страницы, посвященныя въ «Боярской думѣ» и затѣмъ въ общемъ курсѣ русской исторіи удѣльной эпохѣ, выросли несомнѣнно изъ этихъ спеціальныхъ занятій Василія Осиповича. Здѣсь ему удалось далеко опередить своихъ учителей С. М. Соловьева и Б. Н. Чичерина и дать яркую, исполненную живыхъ красокъ времени характеристику удѣльной эпохи. Нѣкоторыя изъ этихъ красокъ позаимствованы изъ изучавшихся имъ житій святыхъ. Кромѣ того, спеціальная тема изслѣдованія вовлекла Василія Осиповича въ кругъ церковно-историческихъ вопросовъ и сдѣлала его спеціалистомъ и въ этой области. Уже до выхода въ свѣтъ магистерской диссертаціи Василій Осиповичъ напечаталъ цѣлый рядъ рецензій и статей на темы, такъ или иначе касавшіяся исторіи церкви. И послѣ выхода въ свѣтъ магистерской диссертаціи не переставали появляться въ печати труды Василія Осиповича церковно-историческаго характера. До выхода въ свѣтъ «Боярской думы» эти труды даже преобладаютъ въ спискѣ его статей и рецензій. Послѣ выхода въ свѣтъ докторской диссертаціи интересы Василія Осиповича были направлены большею частью уже въ другія области, на другіе вопросы русской исторіи. Но и въ это время появились два такихъ его литературныхъ шедевра, какъ «Содѣйствіе церкви успѣхамъ гражданскаго права и порядка»—рѣчь, произнесенная на торжественномъ актѣ московской духовной академіи 1 октября 1888; «Значеніе преподобнаго Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства»—рѣчь, произнесенная на торжественномъ собраніи московской духовной академіи 26 сентября 1892 г. въ память преподобнаго Сергія. Эти рѣчи были какъ бы заключительнымъ словомъ Василія Осиповича, коимъ завершились его труды и изысканія въ области исторіи русской церкви.

Магистерская диссертація сыграла огромную роль и въ личной судьбѣ Ключевскаго. По окончаніи курса Василій Осиповичъ перебивался уроками въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домахъ. Въ 1867 году по рекомендаціи С. М. Соловьева онъ приглашенъ былъ репетиторомъ по исторіи въ Александровское военное училище, гдѣ въ то время «политическую исторію» (всеобщую и русскую) преподавалъ самъ С. М. Соловьевъ. Но все это, конечно, не устраивало должнымъ образомъ молодого ученаго. Занятія житіями святыхъ въ синодальной и академической библіотекахъ дали возможность Василію Осиповичу познакомиться съ ректоромъ московской духовной академіи А. В. Горскимъ и извѣстнымъ кано-

нистомъ А. Ѳ. Лавровымъ, который занималъ одно время должность библіотекаря московской духовной академіи. Эти ученые замѣтили и оцѣнили талантъ и познанія Василія Осиповича и въ засѣданіи совѣта 28 мая 1871 года настойчиво рекомендовали его въ качествѣ кандидата для замѣщенія вакантной каѳедры русской исторіи. По тогдашнему уставу академій отъ кандидата, не имѣющаго высшихъ ученыхъ степеней, требовалось представленіе и защита диссертаціи pro venia legendi и прочтеніе пробной лекціи на тему по назначенію комиссіи. Въ качествѣ диссертаціи pro venia legendi Василій Осиповичъ представилъ и 8 іюня защитилъ свой кандидатскій трудъ «Сказанія иностранцевъ о Россіи»; пробную лекцію читалъ на тему «О житіяхъ русскихъ святыхъ, какъ источникѣ свѣдѣній для русской гражданской исторіи». 9 іюня 1871 года онъ былъ избранъ приватъ-доцентомъ академіи по каѳедрѣ русской исторіи, а послѣ того, какъ 26 января 1872 года защитилъ въ университетѣ магистерскую диссертацію и удостоенъ былъ степени магистра, избранъ былъ доцентомъ академіи. Уже на магистерскомъ диспутѣ Ключевскій выступилъ въ качествѣ восходящей ученой звѣзды. «Несмотря на спеціальность предмета,— пишетъ очевидецъ,—диспутъ привлекъ въ залу (актовую) многочисленную публику. Кромѣ студентовъ и профессоровъ университета, здѣсь были и другіе ученые, а также чиновники, офицеры, коммерсанты и даже раскольники. Замѣтно было особое множество дамъ. Самый диспутъ былъ веденъ съ такимъ серьезнымъ тономъ и такимъ живымъ увлеченіемъ, что онъ представлялъ рѣдкое исключеніе изъ ряда подобныхъ диспутовъ, отзывающихся обыкновенно оффиціальною мертвенностью. Давно уже московская публика не слыхала въ стѣнахъ университета подобнаго ученаго спора». Въ качествѣ оппонентовъ выступали всѣ наличныя силы факультета по спеціальностямъ, имѣвшимъ какое-либо отношеніе къ сюжету диссертаціи: С. М. Соловьевъ, Н. А. Поповъ, Ѳ. И. Буслаевъ, Н. С. Тихонравовъ; изъ публики возражалъ извѣстный ученый и многолѣтній другъ Василія Осиповича Е. В. Барсовъ, бывшій тогда помощникомъ хранителя рукописей Румянцевскаго музея. Послѣдній указалъ, что диспутантъ явилъ ученому міру 250 редакцій житій, что ему приходилось разсмотрѣть для этой цѣли, по всей вѣроятности, около 5000 списковъ житій. «Хотя диссертація,—пишетъ очевидецъ,—осаждаема была со всѣхъ возможныхъ сторонъ: съ исторической, литературной, библіографической, диспутантъ съ находчивостью ограждалъ ея достоинство. По прочтеніи факультетскаго отзыва и по провозглашеніи диспутанта магистромъ русской исторіи взрывъ рукоплесканій огласилъ залу: московская

публика единодушно привѣтствовала новаго дѣятеля на поприщѣ русской исторіи» [1]).

Съ 1872 года Василій Осиповичъ состоялъ преподавателемъ трехъ учебныхъ заведеній: Александровскаго военнаго училища, московской духовной академіи и высшихъ женскихъ курсовъ, учрежденныхъ въ томъ же году В. И. Герье. Въ Александровскомъ военномъ училищѣ Василій Осиповичъ преподавалъ новѣйшую русскую исторію въ связи съ всеобщею, въ академіи и на курсахъ излагалъ всю русскую исторію. Слушатели Василія Осиповича по училищу вспоминали впослѣдствіи (въ 1901 году, по случаю исполнившагося тридцатилѣтія его преподавательской дѣятельности), съ какимъ «захватывающимъ вниманіемъ и истиннымъ наслажденіемъ» слушали они его параллельный курсъ новѣйшей русской и всеобщей исторіи. По ихъ словамъ, Василій Осиповичъ разбилъ старый ученый предразсудокъ, что новѣйшая исторія не можетъ быть предметомъ научнаго изученія. Онъ излагалъ событія новѣйшей исторіи «съ такою глубокою основательностью и воспитательнымъ значеніемъ, которыя оказывали неотразимое вліяніе на все міросозерцаніе слушателей». Съ неменьшимъ восторгомъ вспоминали впослѣдствіи о лекціяхъ Василія Осиповича и его старые слушатели по академіи и высшимъ женскимъ курсамъ. Проф. В. А. Соколовъ, бывшій слушателемъ перваго курса лекцій Василія Осиповича въ московской духовной академіи, говорилъ ему на его профессорскомъ юбилеѣ: «Не могу удержаться, чтобы не засвидѣтельствовать, что съ перваго же года вы такъ сумѣли завладѣть своими слушателями, что мы внимали вамъ, можно сказать, съ замираніемъ сердца; и мы начали собою тотъ длинный рядъ вашихъ поклонниковъ, который непрерывно тянется теперь уже десятки лѣтъ» [2]). Извѣстная художница Е. Д. Полѣнова писала: «Сейчасъ возвратилась съ лекціи Ключевскаго. Какой это талантливый человѣкъ! Онъ читаетъ теперь о древнемъ Новгородѣ и прямо производитъ впечатлѣніе, будто это путешественникъ, который очень недавно побывалъ въ XIII—XIV вѣкѣ, пріѣхалъ и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разсказываетъ все, что тамъ дѣлалось у него на глазахъ, и какъ живутъ тамъ люди, и чѣмъ интересуются, и чего добиваются, и какіе они тамъ» [3]).

Тайна обаянія курсовъ Василія Осиповича заключалась не только въ Богомъ данномъ ему талантѣ, въ ясности и отчетливости его мысли, въ мѣткости его вычеканеннаго слова, но и въ томъ, что

---

[1]) Современныя Извѣстія, 1872, № 27.

[2]) Богословскій Вѣстникъ, 1896, № 12, стр. 480.

[3]) Богословская энциклопедія, ст. С. А. Бѣлокурова.

1873 г.

Фот. П. Павлова.

Московская Центральная
Публичная Библиотека

съ каѳедры онъ излагалъ не литературу предмета, а плоды своей неустанной работы надъ источниками при помощи этой литературы. Это постоянное общеніе съ источниками обусловливало оригинальность и конкретность его изложенія, свободу его отъ установившихся шаблоновъ, давало ему возможность облекать это изложеніе въ живые образы времени. Слушатели Василія Осиповича какъ бы перечитывали вмѣстѣ съ нимъ въ аудиторіи лѣтописи и хартіи. Василій Осиповичъ удивительно гармонически сочеталъ свою преподавательскую и научную дѣятельность. Онъ изучалъ для того, чтобы не преподавать, какъ говаривалъ онъ, въ кредитъ; и тѣ лекціи, которыя ему приходилось по необходимости читать въ кредитъ, были для него, по его признанію, своего рода мученіемъ. Подчиняя такъ преподаваніе самостоятельному изученію предмета, Василій Осиповичъ и, наоборотъ, научное изученіе до извѣстной степени подчинялъ задачамъ преподаванія. Совершенствуясь неустанно, какъ преподаватель, онъ совершенствовался въ то же время и какъ ученый. Его курсъ выраставъ изъ самостоятельныхъ изслѣдованій, а эти послѣднія выростали, въ свою очередь, изъ курса. Такъ создалась постепенно и какъ бы незамѣтно и докторская диссертація Василія Осиповича «Боярская дума древней Руси», которую онъ написалъ, не уединяясь отъ текущей работы по преподаванію. Эта диссертація, напечатанная сначала въ «Русской Мысли» (1880 и 1881 гг.), а затѣмъ отдѣльною книгою, выдержала еще четыре изданія. Причина этому та, что книга была не только спеціальною монографіею, но и общимъ изложеніемъ хода древне-русской исторіи, и даже больше послѣднимъ, чѣмъ первою.

Къ концу семидесятыхъ годовъ репутація Василія Осиповича какъ крупнаго ученаго и талантливаго преподавателя установилась прочно. Поэтому, когда вслѣдствіе тяжкой болѣзни С. М. Соловьева возникъ вопросъ о замѣщеніи должности второго преподавателя русской исторіи въ московскомъ университетѣ, выборъ вполнѣ естественно и заслуженно остановился на Василіи Осиповичѣ. Историко-филологическій факультетъ, въ засѣданіи 12 сентября 1879 года *единогласно* избралъ Василія Осиповича доцентомъ по каѳедрѣ русской исторіи. Совѣтъ въ засѣданіи 22 сентября избралъ Василія Осиповича большинствомъ 45 противъ 1. Въ скоромъ времени, 22 декабря, совѣтъ московской духовной академіи избралъ его экстраординарнымъ профессоромъ.

5 декабря 1879 года въ большой словесной аудиторіи прочелъ Василій Осиповичъ свою первую лекцію въ московскомъ университетѣ. На отдѣльныхъ студентовъ (въ томъ числѣ и на пишущаго эти строки) лекція произвела превосходное впечатлѣніе.

Ключевскій сдѣлалъ въ ней общее вступленіе въ русскую исторію по смерти Петра Великаго (ему пришлось продолжать курсъ Соловьева, прерванный по болѣзни). Студенческая же масса отнеслась довольно холодно къ преподавателю, пришедшему въ университетъ изъ духовной и военной школы. Но понадобилось только одно полугодіе для того, чтобы разбить этотъ ледокъ. Когда въ слѣдующемъ 1880—1881 академическомъ году Василій Осиповичъ сталъ читать общій курсъ русской исторіи, его аудиторія уже была полнымъ полна студентами-филологами и юристами. Его слушали не только тѣ, кому назначалось слушанье по росписанію, но и тѣ, которые въ это время должны были слушать другія лекціи. Василій Осиповичъ, можно сказать, опустошалъ другія аудиторіи, и читать съ нимъ въ одинъ часъ становилось почти немыслимо. Съ слѣдующаго академическаго года Василій Осиповичъ, кромѣ чтенія курса, началъ вести практическія занятія по источникамъ. И эти спеціальныя занятія съ чрезвычайною охотою посѣщались студентами. Василій Осиповичъ такъ артистически читалъ источники, такъ тонко ихъ анализировалъ, такъ много давалъ побочныхъ интересныхъ свѣдѣній, что участвовать въ его семинаріяхъ было прямо наслажденіемъ.

Въ короткое время Василій Осиповичъ завладѣлъ симпатіями учившагося въ московскомъ университетѣ юношества, и когда 29 сентября 1882 г. онъ появился на каѳедрѣ въ актовомъ залѣ для защиты своей докторской диссертаціи, ему сдѣлали настоящую овацію. Актовая зала была биткомъ набита не только учащеюся молодежью, но и стороннею публикою, пришедшею посмотрѣть и послушать Василія Осиповича. Въ числѣ почетныхъ гостей были: бывшій профессоръ московской духовной академіи преосвященный Алексій, епископъ можайскій (въ мірѣ А. Ѳ. Лавровъ), попечитель московскаго учебнаго округа гр. П. А. Капнистъ, вице-губернаторъ И. И. Красовскій, городской голова Б. Н. Чичеринъ, редакторъ-издатель *Русской Старины* Семевскій, нѣкоторые профессора московской духовной академіи и др. Оффиціальными оппонентами были профессоръ русской исторіи Н. А. Поповъ, профессоръ исторіи русскаго права П. Н. Мрочекъ-Дроздовскій; кромѣ того, возражали—проф. каноническаго права А. С. Павловъ и изъ публики извѣстный историкъ Д. И. Иловайскій.

«Диспутъ носилъ болѣе характеръ дружеской бесѣды, нежели суроваго научнаго судилища,—пишетъ очевидецъ.—Ясно было для всѣхъ, что фактически докторантъ уже давно докторъ во мнѣніи ученой коллегіи, остается только оформить дѣло и совершить обрядъ вѣнчанія. Всѣ оппоненты отозвались о диссертаціи г. Ключевскаго съ величайшею похвалою. Г. Поповъ заявилъ, что обильно

черпаетъ изъ нея матеріалъ для своихъ лекцій, присовокупивъ, что «это лучшая похвала, какую можетъ высказать профессоръ русской исторіи». Г. Дроздовскій сказалъ, что онъ прочелъ диссертацію съ наслажденіемъ. Г. Иловайскій замѣтилъ, что она должна сдѣлаться настольною книгою для всякаго изучающаго русскую исторію... Несмотря на то, что диспутъ продолжался почти четыре часа, докторантъ велъ его съ неизмѣннымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, излагая отвѣты свои съ необыкновенною отчетливостью и изяществомъ» [1]). Провозглашеніе Василія Осиповича докторомъ русской исторіи было привѣтствовано публикою шумнымъ восторгомъ и криками «браво». Въ теченіе десяти минутъ въ залѣ стоялъ стонъ отъ рукоплесканій, которыя сопровождали Василія Осиповича до самаго университетскаго двора.

2 октября 1882 года совѣтъ московскаго университета утвердилъ Василія Осиповича въ степени доктора русской исторіи. Полная его ученая зрѣлость была признана и засвидѣтельствована оффиціально и торжественно, и вслѣдъ затѣмъ началось быстрое возвышеніе Василія Осиповича по лѣстницѣ преподавательской іерархіи. Почти одновременно и въ университетѣ и въ академіи возбужденъ былъ вопросъ о промоціи Василія Осиповича. Въ засѣданіи совѣта 13 ноября 1882 года Василій Осиповичъ былъ *единогласно* избранъ экстраординарнымъ профессоромъ московскаго университета по каѳедрѣ русской исторіи. Наконецъ, 12 ноября совѣтъ московской духовной академіи избралъ его ординарнымъ профессоромъ по той же каѳедрѣ [2]). Въ званіи экстраординарнаго профессора университета Василій Осиповичъ пробылъ два съ небольшимъ года. 1 марта 1885 года, по ходатайству ректора и представленію попечителя московскаго учебнаго округа, онъ былъ утвержденъ министромъ въ званіи ординарнаго профессора [3]).

Къ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ Василій Осиповичъ занялъ почетное и авторитетное положеніе среди своихъ товарищей по факультету и совѣту. Это обстоятельство въ связи съ проявленною работоспособностью и ревностнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей было причиной того, что 27 сентября 1882 года Василій Осиповичъ былъ назначенъ деканомъ историко-филологическаго факультета [4]). Василій Осиповичъ сдѣлался деканомъ въ трудный моментъ ломки университетской жизни, вызванной введеніемъ устава 1884 года. Онъ не сочувствовалъ въ общемъ этому

---

[1]) Русскія Вѣдомости 1882, № 268.

[2]) Дѣло совѣта Императорскаго московскаго университета отъ 1882 г., № 464.

[3]) Дѣло совѣта за 1885 г., № 105.

[4]) Дѣло совѣта 1887 г., № 554.

уставу, но при всемъ томъ не счелъ возможнымъ уклониться отъ возложеннаго на него начальствомъ порученія. Онъ всегда стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что университету надо служить вѣрою и правдою, по мѣрѣ силъ и возможности, даже при неблагопріятныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Поэтому онъ относился неодобрительно къ извѣстному уходу изъ московскаго университета профессоровъ Чичерина и Дмитріева въ 1868 году. Принимая деканство, Василій Осиповичъ разсчитывалъ на улучшеніе положенія въ примѣненіи новаго устава на практикѣ. Эти же соображенія вмѣстѣ съ присущимъ ему всегда сознаніемъ служебнаго долга заставили Василія Осиповича не отказываться и отъ принятія новой должности помощника ректора, учрежденной для московскаго университета.

Впрочемъ, онъ недолго пробылъ на этой должности, созданной главнымъ образомъ для вѣдѣнія хозяйственной части университета, и въ концѣ 1890 года подалъ прошеніе объ освобожденіи его отъ обязанностей помощника ректора.

Съ 1891 года Василій Осиповичъ уже не занималъ никакихъ административныхъ должностей въ университетѣ и сосредоточился исключительно на преподавательской и научной дѣятельности. Преподаваніе въ Александровскомъ военномъ училищѣ Василій Осиповичъ покинулъ еще въ 1883 году. На высшихъ женскихъ курсахъ Герье онъ читалъ лекціи до самаго закрытія ихъ въ 1888 году. Когда въ 1891 году была сдѣлана попытка воскресить частично высшіе женскіе курсы въ формѣ систематическихъ публичныхъ лекцій (100 лекцій), Василій Осиповичъ также принялъ участіе въ этомъ предпріятіи и прочелъ десять лекцій по древней русской исторіи. Когда въ 1900 году высшіе женскіе курсы возобновились, Василій Осиповичъ также началъ было читать здѣсь лекціи. Но тѣснота помѣщенія въ связи съ постоянною опасностью простуды заставила Василія Осиповича въ осеннемъ же полугодіи прекратить здѣсь чтеніе лекцій. Зато въ томъ же 1900 году Василій Осиповичъ, по усиленному настоянію великаго князя Сергія Александровича, началъ читать лекціи въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества и продолжалъ это чтеніе до самой болѣзни своей, низведшей его въ могилу,—въ общей сложности десять лѣтъ. Молодые художники слушали Василія Осиповича съ неменьшимъ вниманіемъ и любовью, какъ и студенты и курсистки, и Василій Осиповичъ чрезвычайно доволенъ былъ аудиторіею училища, простотою и отсутствіемъ всякаго напряженія въ своихъ отношеніяхъ къ здѣшнимъ слушателямъ. По его словамъ, онъ не столько читалъ здѣсь лекціи, сколько пріятно бесѣдовалъ, отдыхалъ въ обществѣ молодыхъ художниковъ,

чрезвычайно интересовавшихся исторіей, предлагавшихъ ему разные вопросы. Репутація Василія Осиповича, какъ единственнаго въ своемъ родѣ преподавателя, была причиной того, что государь императоръ Александръ III соизволилъ поручить ему преподаваніе политической исторіи великому князю Георгію Александровичу. Для этого Василій Осиповичъ былъ командированъ на Кавказъ въ Аббасъ-Туманъ съ 1 ноября 1893 года до 1 апрѣля 1894 года. Преподаваніе въ университетѣ Василій Осиповичъ велъ до начала 1909 — 1910 академическаго года, когда по разстроенному здоровью долженъ былъ прекратить его, не теряя, однако, надежды на возобновленіе (въ обозрѣніи преподаванія за 1910—1911 гг. фигурируетъ предположенный имъ курсъ). Въ духовной академіи Василій Осиповичъ прекратилъ преподаваніе еще въ 1906 году. Занявшись печатаніемъ своего курса, Василій Осиповичъ уже не могъ тратить время для поѣздокъ въ духовную академію, отнимавшихъ у него въ общей сложности три дня въ недѣлю. Въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества Василій Осиповичъ читалъ до начала 1910—1911 академическаго года, когда уже слегъ въ постель.

Отдавая много времени и силъ дѣлу преподаванія, Василій Осиповичъ попрежнему, какъ и въ семидесятыхъ годахъ, совершенствовалъ это преподаваніе неустанною самостоятельною разработкою науки русской исторіи. Въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ онъ напечаталъ цѣлый рядъ капитальныхъ этюдовъ по экономической, соціальной и политической исторіи Россіи, которые такъ же, какъ и «Боярская дума», органически связаны съ его общимъ курсомъ и являются какъ бы его дополненіями, оправдывающими высказанныя въ немъ положенія. Самыми крупными изъ нихъ являются: «Русскій рубль XVI—XVIII в.в. въ его отношеніи къ нынѣшнему»; «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи»; «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи»; «Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси». Напечаталъ Василій Осиповичъ и нѣкоторые этюды, выполненные имъ въ связи съ чтеніемъ спеціальныхъ курсовъ по исторіографіи и источникамъ. Кромѣ печати, своими частными изысканіями Василій Осиповичъ дѣлился устно въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ Василій Осиповичъ былъ дѣятельнымъ членомъ московскаго археологическаго общества. Въ засѣданіяхъ его онъ сдѣлалъ цѣлый рядъ сообщеній. Въ восьмидесятыхъ же годахъ началъ Василій Осиповичъ выступать съ докладами въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Послѣ того, какъ онъ былъ избранъ здѣсь предсѣдателемъ (21 февраля

Московская Центральная Публичная Библиотека

1893 года), онъ читалъ ученые доклады уже преимущественно въ этомъ обществѣ. Кромѣ чтенія собственныхъ докладовъ, Василій Осиповичъ принималъ самое живое участіе и въ обсужденіи докладовъ, предлагавшихся другими членами общества. Онъ готовился къ этому обсужденію, изучалъ вопросы, наводилъ нужныя справки и выступалъ въ засѣданіяхъ во всеоружіи учености и таланта. Его критическія замѣчанія, дополненія и разъясненія подчасъ были интереснѣе самаго доклада и всегда оживляли засѣданія даже съ узко-спеціальными сообщеніями. Дѣятельность общества подъ руководствомъ Ключевскаго стала неузнаваема (до его предсѣдательства засѣданія проходили большею частью въ чтеніи бумагъ). Ключевскій въ обществѣ исторіи и древностей былъ не просто предсѣдателемъ, а ученымъ вождемъ и инструкторомъ (онъ оставался предсѣдателемъ до 10 апрѣля 1905 года).

Дѣятельнымъ членомъ былъ Василій Осиповичъ и въ обществѣ любителей россійской словесности, гдѣ имъ прочтенъ былъ также цѣлый рядъ рѣчей о Пушкинѣ (см. ниже) и докладъ «Борисъ Годуновъ съ исторической точки зрѣнія» (10 января 1887 года). Надо сказать, что Василій Осиповичъ былъ дѣйствительно любителемъ россійской словесности и изучалъ ее съ великимъ интересомъ, внося въ это изученіе особые, чисто-историческіе пріемы. Результатомъ этого изученія былъ рядъ превосходныхъ этюдовъ, мастерски воспроизводившихъ ту общественную почву, на которой вырастали какъ самые дѣятели нашей литературы, такъ и воспроизведенные имъ типы. Таковы были, кромѣ извѣстной рѣчи «Евгеній Онѣгинъ и его предки», статья «Грусть», посвященная памяти М. Ю. Лермонтова, «Недоросль Фонвизина, опытъ историческаго объясненія учебной пьесы». Эти этюды являются превосходными очерками изъ исторіи русской культуры и общественности.

Работая непрерывно и послѣдовательно преимущественно въ одномъ направленіи — совершенствованія общаго курса русской исторіи, Василій Осиповичъ не уклонялся и отъ тѣхъ работъ, которыя возлагались на него, такъ сказать, извнѣ и болѣе или менѣе случайно въ силу его оффиціальнаго положенія, а также и въ силу установившейся репутаціи художника слова, блестящаго оратора. И эти работы, такъ сказать, случайнаго характера, онъ умѣлъ органически сочетать съ своею основною работою, производившеюся по внутреннимъ движеніямъ его научной мысли, и результаты этихъ побочныхъ работъ гармонически соединять съ результатами основной работы. У Василія Осиповича никогда не пропадалъ даромъ потраченный имъ трудъ. Среди такихъ работъ на первомъ мѣстѣ надо поставить диспуты, въ которыхъ Ключевскій

выступалъ оппонентомъ. Эти диспуты привлекали всегда множество студентовъ и сторонней публики. Приходили слушать не столько диспутантовъ, сколько Ключевскаго, обнаруживавшаго на диспутахъ всю глубину и широту своей эрудиціи, тонкость критики и блескъ остроумія. Первое выступленіе Ключевскаго въ московскомъ университетѣ имѣло мѣсто на магистерскомъ диспутѣ В. И. Семевскаго, 17 февраля 1882 года защищавшаго диссертацію «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II». Личность и труды диспутанта уже завоевали прочныя симпатіи учащейся молодежи, и Семевскаго встрѣчали и провожали шумными привѣтствіями. При такихъ обстоятельствахъ роль advocatus'a diaboli была особенно трудна. И несмотря на это Василій Осиповичъ заставилъ себя слушать не только съ терпѣніемъ, но и съ великимъ интересомъ и сочувствіемъ, хотя критика его въ общемъ была неблагопріятна диспутанту. Студенты-филологи старшихъ курсовъ, въ томъ числѣ и пишущій эти строки, выходили съ диспута съ чувствомъ гордости за своего профессора, показавшаго не только глубину познаній и остроту критики, но и великое нравственное мужество въ виду опредѣленнаго настроенія аудиторіи. Василію Осиповичу въ московскомъ университетѣ пришлось выступать еще въ одиннадцати диспутахъ по русской исторіи: въ семи диспутахъ своихъ учениковъ и въ четырехъ диспутахъ стороннихъ лицъ.

Къ диспутамъ Василій Осиповичъ готовился необыкновенно тщательно, входилъ въ существо вопроса, пересматривалъ источники. Всякій диспутъ для него былъ серьезною ученою работою, и онъ нерѣдко покряхтывалъ, когда поспѣвала диссертація и ему надо было ее разсматривать. Но принимаясь подчасъ съ сокрушеннымъ сердцемъ за разсмотрѣніе диссертаціи, Василій Осиповичъ скоро входилъ въ интересъ къ дѣлу, начиналъ самъ разрабатывать вопросъ и приходилъ на диспутъ не только съ замѣчаніями формальнаго, методологическаго характера, но сплошь и рядомъ съ существенными дополненіями и разъясненіями. Это качество ученыхъ рецензій Василія Осиповича было причиною того, что академія наукъ не разъ поручала ему разборъ выдающихся трудовъ, представленныхъ на преміи.

Къ «случайнымъ» же работамъ Василія Осиповича относятся и рѣчи, произносившіяся имъ по поводу разныхъ торжествъ. Университетъ, духовная академія и ученыя общества выдвигали его, какъ мастера слова, всякій разъ, когда совершались какія-либо историческія или литературныя поминки. Изъ рѣчей Василія Осиповича особенно извѣстны: рѣчь о Пушкинѣ, произнесенная въ торжественномъ собраніи университета 6 іюня 1880 года, по случаю

открытія памятника Пушкину; «Евгеній Онѣгинъ и его предки», произнесенная 1 февраля 1887 года въ соединенномъ засѣданіи совѣта московскаго университета и общества любителей россійской словесности по случаю пятидесятилѣтія со дня смерти Пушкина; рѣчь «о значеніи преподобнаго Сергія для русскаго народа и государства», произнесенная въ торжественномъ собраніи московской духовной академіи 26 сентября 1892 года по случаю празднованія пятисотлѣтія со дня смерти пр. Сергія Радонежскаго; рѣчь объ императорѣ Александрѣ III, произнесенная въ чрезвычайномъ собраніи общества исторіи и древностей 28 октября 1894 года [1]); рѣчь о Н. И. Новиковѣ и его времени, произнесенная 13 ноября 1894 года въ засѣданіи общества любителей россійской словесности.

Поминая людей и дѣла давно минувшихъ дней, Василій Осиповичъ не оставался безмолвнымъ въ отношеніи памяти сошедшихъ въ могилу современниковъ, близкихъ ему по духу и дѣятельности людей. Когда умеръ С. М. Соловьевъ, Василій Осиповичъ написалъ два его некролога, одинъ для «Критическаго Обозрѣнія», другой для университетскаго отчета за 1879 годъ. Позже, 4 октября 1895 года, въ шестнадцатую годовщину смерти С. М. Соловьева, въ засѣданіи историческаго общества при московскомъ университетѣ Василій Осиповичъ говорилъ рѣчь на тему «Соловьевъ какъ преподаватель». Цѣлый рядъ рѣчей посвященъ былъ Василіемъ Осиповичемъ памяти и другихъ его ученыхъ друзей и знакомцевъ. Всѣ эти статьи и рѣчи подсказаны были Василію Осиповичу движеніями его чувства, сознаніемъ нравственнаго долга передъ почившими. Къ числу трудовъ Василія Осиповича, вызванныхъ побужденіями моральнаго характера, надо отнести и его знаменитую публичную лекцію «Добрые люди древней Руси», читанную въ концѣ 1891 года въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая, и лекцію «Два воспитанія», читанную въ пользу воскресныхъ школъ.

Друзья и почитатели Василія Осиповича уже съ средины девяностыхъ годовъ усиленно настаивали на томъ, чтобы онъ напечаталъ свой превосходный курсъ и сдѣлалъ бы его достояніемъ всего учащагося юношества и образованнаго русскаго общества.

---

[1]) Эту же рѣчь Василій Осиповичъ повторилъ затѣмъ и въ аудиторіи университета, что, какъ извѣстно, вызвало противъ него демонстрацію со стороны студентовъ и временное охлажденіе извѣстной части общества. Василій Осиповичъ былъ не понятъ въ этой рѣчи, проникнутой девизомъ „suum cuique“ и историческимъ безпристрастіемъ. Неудовольствіе, вызванное рѣчью, объясняется только тѣмъ, что она была произнесена, какъ говорится, не ко времени, въ моментъ общественнаго возбужденія, враждебнаго къ прошлому царствованію.

Василію Осиповичу указывали на то, что курсъ распространяется во множествѣ литографированныхъ и притомъ далеко неисправныхъ студенческихъ записей, что было бы лучше, если бы самъ Василій Осиповичъ издалъ его въ свѣтъ. Но Василій Осиповичъ долгое время отклонялъ всѣ эти настоянія, указывая на то, что курсъ его—непрерывно идущая впередъ работа, нуждающаяся въ постоянной обработкѣ и переработкѣ, что онъ не сказалъ въ немъ своего послѣдняго слова. Онъ находилъ возможнымъ давать въ печать только отдѣльныя его части, выдержки въ измѣненномъ соотвѣтственно видѣ. Представленіямъ, что курсъ нуженъ какъ пособіе учащемуся юношеству, въ какомъ бы видѣ онъ ни былъ въ данный моментъ, Василій Осиповичъ пошелъ навстрѣчу тѣмъ, что составилъ и напечаталъ въ 1899 году «Краткое пособіе по русской исторіи», обозначивъ его какъ «частное изданіе для слушателей автора». Но это «частное» изданіе быстро расхватывалось на книжномъ рынкѣ, получило широкое распространеніе не только въ высшей, но и въ средней школѣ, и въ короткое время выдержало еще шесть изданій.

И только послѣ того, какъ закончилась штатная служба Василія Осиповича въ университетѣ, и онъ былъ уже въ ожиданіи близкаго конца своей преподавательской дѣятельности, приступилъ онъ къ печатанію своего курса. Первая часть его вышла въ 1904 году, вторая—въ 1906 г., третья—въ 1908 и четвертая—въ 1910 году. Успѣхъ курса у читающей публики былъ колоссальный, прямо неслыханный: несмотря на то, что онъ печатался въ большомъ количествѣ экземпляровъ, первая часть выдержала еще три изданія, вторая—одно; третья—одно. Смерть застала Василія Осиповича за приготовленіемъ къ печати пятой части, и если бы Богу угодно было продлить его жизнь, мы, навѣрно, имѣли бы въ оконченномъ и обработанномъ видѣ дѣло всей его жизни, которому отдавался онъ съ такою тщательностью и любовью. Этотъ курсъ навсегда останется лучшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ самому себѣ Василіемъ Осиповичемъ, свидѣтельствомъ счастливой гармоніи великаго ученаго и блестящаго профессора, историка-соціолога и художника.

Василію Осиповичу выпало на долю рѣдкое счастье получить при жизни со всѣхъ сторонъ полную и справедливую оцѣнку своимъ ученымъ и преподавательскимъ талантамъ и заслугамъ. Первою сдѣлала это московская духовная академія, праздновавшая 27 октября 1896 года двадцатипятилѣтіе профессорской службы Василія Осиповича въ этой академіи. Въ слѣдующемъ году по службѣ въ духовной академіи Василій Осиповичъ получилъ званіе заслу-

женнаго ординарнаго профессора, а такъ какъ академическая служба приравнивается къ университетской, то этимъ званіемъ Василій Осиповичъ сталъ пользоваться и въ университетѣ. Въ 1900 году 7 октября заслуги Василія Осиповича передъ русскою историческою наукою засвидѣтельствованы были Императорскою академіею наукъ, избравшею его ординарнымъ академикомъ по исторіи и древностямъ русскимъ сверхъ штата. Въ слѣдующемъ году, когда исполнилось тридцатилѣтіе его профессорской дѣятельности и закончилась его штатная служба въ университетѣ, у всѣхъ, имѣвшихъ счастье учиться у Василія Осиповича или служить вмѣстѣ съ нимъ, явилась сердечная потребность сказать ему, какъ много онъ сдѣлалъ для науки, для высшей школы, для общества. Ему поднесенъ былъ цѣлый рядъ адресовъ и привѣтствій: отъ товарищей по преподаванію въ университетѣ, отъ студентовъ университета, отъ преподавателей исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ слушателей по училищу живописи, ваянія и зодчества, отъ товарищей по преподаванію на высшихъ женскихъ курсахъ и т. д.

Когда приближалось тридцатилѣтіе профессорской службы Василія Осиповича въ университетѣ, между учениками его созрѣла мысль издать въ честь Василія Осиповича сборникъ статей. Эта мысль осуществилась полностью. Въ сборникѣ приняли участіе не только ученики Василія Осиповича, преподаватели исторіи въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и сторонніе профессора и ученые, почитатели Василія Осиповича. Получились двѣ объемистыхъ книги, въ пятьдесятъ слишкомъ листовъ. Въ обращеніи къ Василію Осиповичу участники сборника еще разъ констатировали, какъ много обязаны были Василію Осиповичу всѣ новыя поколѣнія историковъ. «Вашимъ курсомъ,—говорится въ этомъ обращеніи,—мы зачитывались еще въ сѣрыхъ литографіяхъ прежнихъ дней. Для многихъ изъ насъ онъ былъ первой книгой, заставившей мысль встрепенуться. Изъ него мы исходили, приступая къ занятіямъ русской исторіей. Мы шли въ глубь отдѣльныхъ вопросовъ, изучая смутное время, преобразованія Петра, литовскую Русь, исторію русской верховной власти и государственнаго тягла, судьбы русской деревни, прошлое русскаго города, отъ южной окраины московскаго государства черезъ замосковный край или на далекій поморскій сѣверъ съ его мужицкими мірами,—надъ чѣмъ бы мы ни работали, мы всегда исходили изъ вашего «курса» и возвращались къ нему, какъ къ тому цѣлому, отдѣльныя части котораго мы изучали»... «Чѣмъ бы мы ни занимались,—русской исторіей или исторіей другихъ народовъ и другихъ государствъ, литературой, языковѣдѣніемъ, правомъ или общественнымъ хозяйствомъ,—

мы всегда чувствовали крѣпкую духовную связь съ вашей работой и съ вами»[1]).

Талантъ и трудъ высоко вознесли Василія Осиповича въ ученомъ мірѣ. Онъ сталъ фактически почетнымъ членомъ и академіи, и университета, и ученыхъ обществъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ. Въ концѣ концовъ этотъ фактъ былъ признанъ и санкціонировалъ юридически. При уходѣ изъ духовной академіи Василій Осиповичъ былъ избранъ ея почетнымъ членомъ и 10 апр. 1907 г. утвержденъ былъ въ этомъ званіи св. синодомъ. Въ слѣдующемъ году 3 ноября онъ былъ избранъ въ почетные члены рязряда изящной словесности Императорской академіи наукъ. Въ слѣдующемъ 1909 году въ торжественномъ засѣданіи университета и общества любителей россійской словесности по случаю открытія памятника Гоголю (26 апрѣля) Василій Осиповичъ провозглашенъ былъ почетнымъ членомъ общества любителей россійской словесности. Наконецъ, въ 1911 году наступилъ удобный моментъ для избранія Василія Осиповича почетнымъ членомъ и московскаго университета.

Среди профессоровъ московскаго университета уже давно возникала мысль объ этомъ избраніи. Но приходилось отказываться отъ ея осуществленія въ виду категорическихъ заявленій Василія Осиповича, что званіе почетнаго члена несовмѣстимо съ званіемъ члена дѣйствительнаго, что избраніе въ почетные члены равносильно приглашенію къ уходу изъ дѣйствительныхъ (по этой причинѣ воздержалось отъ избранія Василія Осиповича въ почетные члены и общество исторіи и древностей россійскихъ). И только тогда, когда наступила 50-я годовщина освобожденія крестьянъ, товарищи Василія Осиповича по университету рѣшились избрать его почетнымъ членомъ, полагая, что этотъ внѣшній и симпатичный для Василія Осиповича поводъ лишитъ его возможности быть недовольнымъ своимъ избраніемъ. Въ совѣтъ было внесено представленіе, въ коемъ избраніе Василія Осиповича въ почетные члены университета мотивировалось такъ:

«Поступивъ въ студенты московскаго университета въ 1861 году, въ годъ великой крестьянской реформы, когда все вокругъ было полно мыслями о русскомъ мужикѣ, о его прошломъ и дальнѣйшей судьбѣ, о его благѣ, Василій Осиповичъ еще на студенческой скамьѣ получилъ соотвѣтствующее умственное возбужденіе и интересъ, которые не оставляли его потомъ во все время его ученой и профессорской дѣятельности. Русскій мужикъ, крестья-

---

[1]) Сборникъ статей, посвященныхъ Василію Осиповичу Ключевскому. Москва, 1909. Стр. I—II.

нинъ—земледѣлецъ и промышленникъ, сдѣлался предметомъ его особеннаго и любовнаго вниманія въ историческомъ изученіи и изложеніи, и о чемъ бы ни приходилось трактовать Василію Осиповичу въ своихъ статьяхъ и книгахъ, на своихъ лекціяхъ, образъ этого земледѣльца и промышленника, созидавшаго русскую жизнь, никогда не сходилъ съ фона его мысленной картины. Русскій мужикъ, можно сказать, всегда былъ героемъ русской исторіи въ изложеніи В. О. Ключевскаго; о немъ онъ думалъ, писалъ и говорилъ, когда изображалъ первую завязь государственнаго порядка на Руси, кіевскую Русь съ ея внѣшнею торговлею, съ ея городовыми волостями и вѣчами, съ ея наносною изъ Византіи культурою; онъ же фигурируетъ у него на первомъ планѣ въ изображеніи деревенской суздальской Руси съ ея князьями-хозяевами, боярами-землевладѣльцами и многочисленными монастырями. Крестьянинъ-земледѣлецъ и промышленникъ не ускользалъ отъ вниманія Василія Осиповича все время, пока ему приходилось изучать и излагать московскую царско-боярскую и военно-земледѣльческую Русь, и онъ тщательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ въ это время стали свиваться и затягиваться узы крѣпостной неволи. Крѣпостное право, крѣпостной бытъ, крѣпостное хозяйство земледѣльческое и фабрично-заводское составили основной фонъ въ изображеніи Василіемъ Осиповичемъ Руси новой, императорско-дворянской, съ ея новыми учрежденіями, съ ея наносными съ запада идеями, съ ея поверхностною культурою. Его статьи о происхожденіи крѣпостного права въ Россіи, о подушной подати и отмѣнѣ холопства составили цѣлую эпоху въ исторіографіи крѣпостного права. Они бросили новый и яркій свѣтъ на самое возникновеніе крѣпостного состоянія и на дальнѣйшій его ростъ, внесли существенныя поправки и дополненія въ обычныя представленія о происхожденіи крѣпостного права. Нельзя не упомянуть также и о блестящемъ очеркѣ крѣпостного права въ пору его полнаго расцвѣта, въ царствованіе Екатерины II, о той многосторонней оцѣнкѣ, которую нашло въ изложеніи Василія Осиповича вліяніе крѣпостного права на экономическую, общественную и политическую жизнь Россіи во второй половинѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX вѣка. Курсъ русской исторіи, составленный Василіемъ Осиповичемъ, можно назвать самымъ полнымъ и всестороннимъ изложеніемъ общей исторіи крестьянства въ Россіи. Василій Осиповичъ такъ крѣпко вдвинулъ исторію крестьянства въ общій курсъ русской исторіи, далъ ей тамъ такое органическое мѣсто, которое навсегда останется за нею и въ послѣдующихъ концепціяхъ русской исторіи. Бросивъ въ общественный оборотъ цѣлую массу научныхъ идей по

исторіи крестьянства вообще и крѣпостного права въ частности, Василій Осиповичъ влилъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ общественное настроеніе и всю ту массу теплыхъ и любовныхъ чувствъ къ крестьянству, съ какими онъ самъ изслѣдовалъ и излагалъ его судьбы».

Совѣтъ присоединился къ этимъ мотивамъ и единогласно избралъ Василія Осиповича почетнымъ членомъ московскаго университета (въ засѣданіи 26 марта). Василію Осиповичу не суждено было при жизни носить это званіе: его утвержденіе пришло какъ разъ въ день его смерти, и почетнымъ членомъ московскаго университета пришлось повеличать его въ объявленіи о его кончинѣ...

Въ послѣдніе годы жизни Василію Осиповичу пришлось принять нѣкоторое участіе въ переустройствѣ академической и общей политической жизни Россіи. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи различныхъ проектовъ и мѣръ къ обновленію университетскаго строя, былъ членомъ совѣтской комиссіи московскаго университета. Его вызывали въ Петербургъ для участія въ трудахъ комиссіи о печати подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко. Какъ авторитетнаго ученаго, хорошо знающаго прошлое Россіи и могущаго поэтому смотрѣть правильно и въ ея будущее, Василія Осиповича привлекли и въ особое совѣщаніе, собиравшееся въ Петергофѣ подъ предсѣдательствомъ Государя Императора въ іюлѣ 1905 года для выработки положенія о Государственной Думѣ. Въ 1906 году Василій Осиповичъ былъ избранъ въ члены Государственнаго Совѣта отъ академіи наукъ и университетовъ, но немедленно отказался отъ этого званія, за невозможностью жить въ Петербургѣ. Василій Осиповичъ не могъ оторваться отъ основного дѣла своей жизни—построенія научной исторіи Россіи.

Въ исторіи московскаго университета имя Василія Осиповича останется незабвенно. Онъ на своемъ примѣрѣ показалъ, сколь плодотворно можетъ работать ученый въ высшей школѣ, въ живомъ общеніи съ учащимися, доказалъ, что университетъ есть то самое мѣсто, гдѣ преимущественно можетъ быть разрабатываема истинная наука, проникнутая девизомъ non scholae, sed vitae. Впрочемъ, Василій Осиповичъ понималъ этотъ девизъ не въ томъ только смыслѣ, что знать надо, чтобы жить, но и въ томъ, что жить надо, чтобы знать.

Матвѣй Любавскій.

В. О. Ключевскій, какъ ученый [1]).

I.

Прошло уже болѣе четырехъ мѣсяцевъ со дня кончины В. О. Ключевскаго, а все еще не хочется вѣрить въ эту смерть; все еще кажется, что вотъ онъ сейчасъ войдетъ въ наше собраніе своей осторожной походкой, скромно займетъ мѣсто такъ, чтобы быть наименѣе замѣтнымъ, и станетъ вдумчиво и внимательно прислушиваться къ происходящему. Трудно свыкнуться съ мыслью, что его уже болѣе *нѣтъ*, что болѣе никогда нигдѣ его не встрѣтишь, не увидишь остраго, проницательнаго, сверкающаго умомъ взора его глазъ, не услышишь гибкихъ и мягкихъ переливовъ его привлекательнаго голоса, не услышишь его искрящейся остроумными блёстками рѣчи, въ минуты одушевленія переходящей въ ослѣпительный фейерверкъ остроумія.

Глубокій и тонкій изслѣдователь историческихъ явленій, онъ самъ сталъ теперь законченнымъ историческимъ явленіемъ, крупнымъ историческимъ фактомъ нашей умственной жизни. Этотъ фактъ ждетъ и требуетъ изслѣдованія, объясненія и изученія. Вспоминая его сегодня, мы дѣлаемъ первую слабую попытку его объяснить,—попытку, за которою должно послѣдовать обстоятельное, подробное и всестороннее его изученіе.

Ключевскій во всемъ, начиная съ самой своей примѣтной, выразительной, приковывавшей къ себѣ невольное вниманіе внѣшности, былъ своеобразенъ и самобытенъ, и въ общеніи съ нимъ чувствовалось, что имѣешь дѣло съ оригиналомъ-самородкомъ, а не съ копіей съ кого-нибудь или въ чемъ-либо. Онъ былъ талантливъ до геніальности. Но неразгаданной остается и, можетъ быть, навсегда останется тайна геніальнаго дарованія. Какія таинственныя силы созидаютъ геній? Откуда является онъ къ намъ

---

[1]) Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Исторической комиссіи О. Р. Т. З., посвященномъ памяти В. О. Ключевскаго, 30 сентября 1911 г.

Около 1890 г.

Фот. П. Павлова.

въ лучезарномъ сіяніи, озаряя насъ и оставляя широкій и свѣтлый слѣдъ за собою? Въ немъ всегда остается нѣчто ирраціональное, не поддающееся объясненію.

Однако и геній живетъ въ окружающей его средѣ и въ условіяхъ своего времени. Самъ оказывая воздѣйствіе на эту среду, онъ все же испытываетъ на себѣ и ея вліяніе, отражаетъ на себѣ ея болѣе или менѣе глубокую печать. Съ этой стороны и только пока съ этой и можно подойти къ его объясненію.

Неизгладимый, не стирающійся позднѣйшими воспріятіями слѣдъ оставляютъ иногда первыя впечатлѣнія дѣтства, и кто знаетъ, можетъ быть, они опредѣляютъ наклонности и вкусы всей послѣдующей жизни. В. О. Ключевскій родился подъ сѣнію храма; онъ былъ сынъ приходскаго священника въ далекой провинціальной глуши. Звонъ утренняго колокола не разъ отгонялъ дѣтскія сновидѣнія отъ его колыбели. Отъ близкаго ему родного храма онъ унесъ теплое чувство къ церкви и возвышенный взглядъ на нее, какъ на организацію, долженствующую просвѣтлять окрестный мракъ и смягчать окружающую грубость, на организацію, которая, по его выраженію, «воспитывая вѣрующаго для *грядущаго* града, постепенно обновляетъ и перестраиваетъ и градъ *здѣ пребывающій*»[1]). Такимъ теплымъ чувствомъ согрѣта его знаменитая рѣчь о преподобномъ Сергіи; такимъ возвышеннымъ взглядомъ проникнуты тѣ страницы его научныхъ изслѣдованій, гдѣ онъ касается вопроса о вліяніи церкви на положеніе женщины[2]), объ отношеніи ея къ несвободнымъ и обездоленнымъ элементамъ русскаго общества[3]), объ ея смягчающемъ дѣйствіи на грубые нравы народа.

Ключевскій происходилъ изъ той общественной среды, въ которой болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой, сохраняется чувство привязанности и любви къ старинѣ, изъ которой вышелъ С. М. Соловьевъ, изъ которой въ древности выходили наши лѣтописцы.

---

[1]) „Содѣйствіе церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка". Прибавл. къ творен. св. отцовъ, часть 42, стр. 383.

[2]) Ibid., стр. 409. „Гражданскую правоспособность и материнскій авторитетъ женщины церковь строила на ея нравственномъ совершенствѣ и высотѣ ея семейнаго долга, и если русская женщина разберется въ своемъ юридическомъ и нравственномъ имуществѣ, которымъ она живетъ, какъ жена, какъ мать и гражданка, она увидитъ, что всѣмъ, чѣмъ наиболѣе дорожитъ въ ней общество и что въ ней наиболѣе дорого ей самой—всей своей исторической опричниной—она обязана преимущественно церкви, ея проповѣди, ея законодательству. *Это—мое историческое убѣжденіе, а не удастся оправдать его историческими документами, оно превратится въ мое вѣрованіе*".

[3]) „Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. Церковь и холопство". „Русск. Мысль" 1886, кн. 5.

Разставаясь съ тою средой, съ которой онъ былъ связанъ происхожденіемъ, и выходя изъ нея на болѣе широкое поприще, онъ не порвалъ однако съ нею; печать среды лежала на всей внѣшней обстановкѣ его домашняго уклада. Въ комнатахъ его квартиры, выходящихъ непремѣнно окнами на солнце, съ протянутыми по діагоналямъ пола «дорожками», со множествомъ заботливо разставленныхъ домашнихъ растеній, было что-то очень напоминавшее собою домикъ сельскаго священника. Даже въ собственномъ его обликѣ, въ этой красивой головѣ, обрамленной довольно длинными волосами, въ этой клинообразной негустой бородѣ, въ остромъ взглядѣ его глазъ черезъ очки было что-то, такое, что при всей оригинальности его облика роднило его съ типами, встрѣчающимися среди нашего духовенства.

Немаловажное значеніе въ развитіи таланта Ключевскаго надо приписать пройденной имъ школѣ, точнѣе удачному сочетанію двухъ разныхъ типовъ школы, въ которыхъ онъ получилъ воспитаніе. Онъ прошелъ низшую и среднюю духовную школу, обучался въ провинціальномъ духовномъ училищѣ и затѣмъ въ семинаріи. Своей спартанской обстановкой эта суровая школа давала физическій закалъ своимъ питомцамъ и производила отборъ среди нихъ. Не всякій ее выносилъ; но кто ее вынесъ, могъ дѣйствительно похвалиться прочной и сильной организаціей. Василій Осиповичъ былъ богатырь по своей физической природѣ. Правда, онъ не производилъ такого впечатлѣнія при первомъ взглядѣ. Худощавый, необыкновенно живой и подвижной, своею подвижностью какъ бы отражавшій гибкость одушевлявшей его мысли, онъ не казался обладателемъ большой физической силы; но его организмъ скрывалъ въ себѣ неистощимый запасъ здоровья, позволявшій ему развивать такую поразительную работоспособность. Провести цѣлую ночь напролетъ безъ сна за письменнымъ столомъ, а иногда и въ оживленной бесѣдѣ съ друзьями, превзойти при этомъ бодростью и оживленіемъ окружавшую молодежь — затѣмъ, отдохнувъ часъ-другой, прочесть полную вдохновенія и огня лекцію, и это на седьмомъ десяткѣ лѣтъ, было для него обыкновеннымъ дѣломъ. Давая физическій закалъ, отбирая сильнѣйшихъ, духовная школа середины XIX вѣка своею учебною стороною сообщала такой же закалъ мыслительной работѣ, давала мышленію выправку. Эта школа не обогащала учащагося знаніями и фактами; всѣ ея усилія, всѣ преподававшіяся въ ней дисциплины: толкованіе латинскихъ и греческихъ авторовъ, логика, безконечныя упражненія въ писаніи разсужденій по хріямъ—все это было направлено тогда къ изощренію формальной мыслительной работы.

Быть можетъ, именно этой школѣ Ключевскій былъ обязанъ логической выправкой мысли и необыкновенной точностью своего языка. Точность языка была особенно цѣннымъ свойствомъ при занятіяхъ исторіей, которая, хотя и давно уже признана наукой, но все же не отошла еще и отъ изящной словесности и не имѣетъ своего спеціальнаго языка подобно, напр., математическому языку или даже языку юридическихъ дисциплинъ. Историки говорятъ и пишутъ нерѣдко очень литературнымъ и красивымъ языкомъ, но всегда довольно расплывчатымъ и неточнымъ. Первое, что поражало въ лекціяхъ и научныхъ трудахъ Ключевскаго, была необыкновенная, непривычная для историческаго уха точность его выраженій. Каждому явленію, которое онъ изслѣдовалъ, онъ давалъ ясное и точное опредѣленіе; каждое отношеніе, которое онъ устанавливалъ, онъ выражалъ въ сжатой и отчетливой формулѣ, запоминавшейся потомъ со студенческой скамьи на всю жизнь. Эта математическая точность опредѣленій и формулъ вмѣстѣ съ художественной красотой и мѣткостью сравненій и эпитетовъ составляетъ то оригинальное и особенное, чѣмъ отличается стиль Ключевскаго. Его всегда возмущала ученая порча русскаго языка въ научныхъ сочиненіяхъ. «Нашъ ученый языкъ,—не безъ раздраженія замѣчаетъ онъ въ одной изъ своихъ рецензій,—благодаря небрежному обращенію съ русскимъ лексикономъ сталъ превращаться въ неуклюжій и неудобопонятный жаргонъ, который только мѣшаетъ распространенію и ясному пониманію идей, добываемыхъ учеными работами» [1]).

Но формальная мыслительная гимнастика, получаемая въ духовной школѣ, его не удовлетворила. Онъ не созданъ былъ чистымъ логикомъ, какъ Сперанскій. Его живой конкретный умъ не былъ только мыслительнымъ аппаратомъ, механизмомъ для построенія отвлеченныхъ схемъ; этотъ умъ нуждался въ конкретномъ содержаніи, въ знаніяхъ и фактахъ, какъ матеріалѣ для мыслительной работы,—и вотъ Ключевскій затосковалъ въ семинаріи, сталъ рваться въ свѣтскую высшую школу, въ университетъ съ его позитивной наукой, а склонность къ изученію прошлаго, вызванная чтеніемъ Карамзина и Соловьева, подсказывала ему и выборъ факультета. Духовная школа не легко разставалась съ лучшимъ своимъ украшеніемъ; на пути къ университету встрѣтились для Ключевскаго какія-то формальныя препятствія, которыя были однако устранены снисходительной рукой тогдашняго пензенскаго епископа.

---

[1]) „Правосл. Обозр.“ 1877, II, 176.

Что же далъ Ключевскому университетъ? Всего важнѣе было именно самое это сочетаніе высшей свѣтской школы съ средней духовной, самое сочетаніе двухъ методовъ, которыми дѣйствовала каждая. Семинарія логической гимнастикой дисциплинировала мысль; университетъ обогащалъ развитую мысль положительнымъ знаніемъ; семинарія развивала формальное мышленіе, университетъ вооружалъ его фактомъ, опытомъ и наблюденіемъ. Ключевскій попалъ въ высшую школу если, можетъ быть, и не въ самую блестящую эпоху, то все же и не въ сумеркахъ московскаго университета. На небосклонѣ филологическаго факультета, на который онъ поступилъ, блистало тогда немало свѣтилъ первой величины; на юридическомъ это было время знаменитаго Никиты Ивановича Крылова и только что начинавшаго свои лекціи Чичерина. Самъ Василій Осиповичъ, въ многократныхъ бесѣдахъ вспоминая годы своего студенчества, разсказывалъ, что онъ на экзаменѣ у извѣстнаго профессора П. М. Леонтьева обнаружилъ такіе успѣхи по латинской филологіи, что Леонтьевъ первый возбудилъ вопросъ объ оставленіи его при университетѣ по своей каѳедрѣ. Очень возможно, что именно въ занятіяхъ интерпретаціей классическихъ авторовъ надо искать начало того мастерства, которое впослѣдствіи Ключевскій проявлялъ въ толкованіи текстовъ лѣтописей, Русской Правды и другихъ памятниковъ, въ объясненіи запутаннѣйшихъ и труднѣйшихъ мѣстъ въ этихъ текстахъ, въ предложеніи поражающихъ проницательностью коньектуръ, равно какъ и въ исчерпывающей критикѣ, которой онъ подвергъ многочисленные тексты житій святыхъ. Изученіе древнихъ авторовъ представляло хорошую школу для воспитанія критическаго таланта. Въ наши дни эта область въ циклѣ преподаванія на историко-филологическихъ факультетахъ какъ-то отошла на второй планъ; есть лица, склонныя считать греческую филологію даже и совсѣмъ необязательной. Въ этомъ поистинѣ прискорбномъ недоразумѣніи надо видѣть, конечно, лишь временную реакцію противъ того искусственно повышеннаго, надутаго значенія, которое стремились придать классической филологіи на историко-филологическихъ факультетахъ творцы устава 1884 г., ставя ее во главѣ угла всего преподаванія на этихъ факультетахъ и подавляя ею всѣ остальныя дисциплины. Все это преувеличенія то въ одну, то въ другую сторону; но мы искренно убѣждены, что для историка, которому предстоитъ работа надъ древними періодами съ ихъ ограниченнымъ количествомъ памятниковъ, притомъ памятниковъ искаженныхъ, сохранившихся въ различныхъ редакціяхъ, словомъ, для историка, которому предстоитъ имѣть дѣло съ критикой текстовъ, лучшею школою до сихъ поръ

остается интерпретація классическихъ авторовъ, методы которой такъ тщательно разработаны и доведены до такой высокой степени совершенства въ западной наукѣ.

Не разъ говорилъ Василій Осиповичъ о большомъ вліяніи на него лекцій Чичерина, которыя онъ слушалъ уже по окончаніи университетскаго курса въ качествѣ оставленнаго при университетѣ. Можетъ быть, эти лекціи, какъ и вообще труды Чичерина, содѣйствовали развитію въ немъ вкуса къ вопросамъ права; можетъ быть, онѣ именно направляли его мысль на исторію учрежденій и на исторію общественныхъ классовъ преимущественно съ юридической стороны. Работы Ключевскаго по исторіи холопства можно считать непосредственнымъ продолженіемъ статей Чичерина о несвободныхъ состояніяхъ, помѣщенныхъ въ его «Опытахъ по исторіи русскаго права». Такая тема, какъ «Боярская Дума древней Руси», не выходитъ ли изъ того же круга вопросовъ, къ которому относятся и знаменитыя «Областныя учрежденія XVII вѣка»? Щедрую дань признательности своему учителю благодарный ученикъ выразилъ впослѣдствіи, украсивъ посвященіемъ Б. Н. Чичерину одну изъ замѣчательнѣйшихъ своихъ работъ—статью о земскихъ соборахъ, которыми также занимался и Чичеринъ. Василій Осиповичъ передавалъ намъ, что на него производилъ сильное впечатлѣніе и самый языкъ Чичерина, кристально-ясный, сжатый и точный, необыкновенно приспособленный для выраженія юридическихъ понятій и отношеній.

Но болѣе всего Ключевскій цѣнилъ въ себѣ, какъ въ ученомъ, вліяніе С. М. Соловьева. О Соловьевѣ онъ отзывался съ самымъ глубокимъ уваженіемъ и себя, кажется, до послѣднихъ дней все считалъ ученикомъ Соловьева, по удивительной своей скромности не замѣчая, что давно уже переросъ учителя. Разъ, на одной изъ лекцій, которыя мнѣ довелось слушать на студенческой скамьѣ въ концѣ 80-хъ годовъ, Василій Осиповичъ, отсылая насъ по какому-то вопросу, котораго онъ не успѣлъ за недостаткомъ времени развить въ своемъ чтеніи, къ большой исторіи Соловьева, сказалъ: «тамъ вы найдете тѣ же взгляды; я передаю вамъ то, что получилъ отъ Соловьева; я—ученикъ Соловьева, вотъ все, чѣмъ я могу гордиться, какъ ученый», и надо было слышать, съ какою гордостью произносилось при этомъ имя Соловьева. Въ основу своего преподаванія въ университетѣ Ключевскій, кстати сказать, очень умѣлый, но и требовательный и строгій педагогъ, клалъ не свой курсъ, а большой, очень сухой и трудный, наполненный фактами учебникъ Соловьева, отчетливаго знанія котораго онъ и требовалъ весьма взыскательно—въ тѣ, по крайней мѣрѣ, годы на экзаменахъ.

На свой курсъ онъ смотрѣлъ только какъ на дополненіе къ учебнику Соловьева; такой взглядъ на курсъ проведенъ у него печатно въ извѣстномъ его «Краткомъ пособіи по русской исторіи».

Въ чемъ же могло выразиться вліяніе на него Соловьева, которое такъ высоко цѣнилъ Ключевскій? Воздѣйствіе университетскаго учителя, если оно не ограничивается предѣлами аудиторіи, можетъ быть очень сильно и глубоко и при этомъ не всегда поддается точному учету. Оно не заключается только въ идеяхъ и знаніяхъ, сообщенныхъ на лекціяхъ, или въ методахъ, указанныхъ на практическихъ работахъ. Обмѣнъ взглядовъ по спеціальнымъ вопросамъ, споры, передача накопленнаго долгимъ временемъ опыта— все это, при общеніи съ учителемъ, пути вліянія, сумму котораго нельзя точно измѣрить и выразить; а Ключевскій поддерживалъ дружныя отношенія къ Соловьеву до кончины послѣдняго.

С. М. Соловьевъ въ свое время самъ былъ блестящимъ явленіемъ на каѳедрѣ московскаго университета. Онъ занялъ ее во всеоружіи эрудиціи и на уровнѣ того общаго пониманія исторической науки, котораго достигла тогда западно-европейская научная мысль. Съ выходомъ первыхъ томовъ его «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» произведеніе Карамзина — самый текстъ, конечно, его «Исторіи Государства Россійскаго», а не примѣчанія, сохранившія научную цѣну до нашихъ дней—было сдано въ архивъ разряда изящной словесности, а лѣтописныя выписки Погодина оказались не болѣе, какъ подготовительными черновиками. Главная заслуга Соловьева, его безсмертная заслуга въ наукѣ состояла именно въ накопленіи фактовъ, тѣхъ историческихъ фактовъ, безъ которыхъ такъ же немыслима исторія, какъ немыслима математика безъ величинъ и чиселъ. Обладая невѣроятною среди русскихъ людей постоянной, размѣренной и выдержанной, поистинѣ нѣмецкой трудоспособностью, онъ всю свою жизнь посвятилъ собиранію фактовъ, многіе годы неутомимо рылся въ архивахъ, дѣлая все новыя и новыя открытія. Какъ тотъ древне-русскій славянинъ-колонистъ, который по мастерскому изображенію Ключевскаго одиноко съ топоромъ въ рукѣ работалъ въ глухомъ лѣсу верхне-волжскаго края, Соловьевъ расчищалъ непочатыя архивныя дебри и прокладывалъ въ нихъ путь для новыхъ работниковъ. Долгое время онъ несъ эту тяжелую работу дѣйствительно одинъ. Затѣмъ возлѣ его стола въ архивѣ министерства юстиціи, тогда еще помѣщавшемся на Старой Басманной въ неудобномъ и неприспособленномъ зданіи, былъ отведенъ столъ для его ученика— Ключевскаго. Василій Осиповичъ любилъ вспоминать объ этой ихъ совмѣстной работѣ, отдавая всегда Соловьеву безспорное преиму-

щество въ знаніи архивовъ. Можетъ быть, самымъ своимъ примѣромъ болѣе, чѣмъ какимъ-либо намѣреннымъ указаніемъ, Соловьевъ вводилъ Ключевскаго въ сокровищницу архивовъ.

Но и Соловьевъ отдалъ дань своему времени. Онъ выходилъ на научное поприще въ ту эпоху, когда въ развитомъ и передовомъ русскомъ обществѣ царила философія Гегеля и Шеллинга, когда увлекались отвлеченными началами, когда всему многообразію явленій стремились отыскать единое основаніе и когда исторію начинали не съ того конца, откуда привыкли начинать ее мы, не съ фактовъ, восходя затѣмъ къ обобщеніямъ, а съ какого-нибудь основного отвлеченнаго начала, набирая затѣмъ въ подкрѣпленіе этого начала кое-какіе подходящіе факты изъ скуднаго, имѣвшагося тогда налицо ихъ запаса. Каждый, кто прикасался къ русской исторіи, К. Аксаковъ, Кавелинъ, Чичеринъ, Никитскій, непремѣнно выводилъ ее изъ какого-либо отвлеченнаго начала. И Соловьевъ также положилъ было въ основу своихъ взглядовъ такое единое начало—родовой бытъ; но это начало оказалось потомъ, когда онъ занялся добываніемъ фактовъ, слишкомъ тѣснымъ, чтобы вмѣстить въ себя все ихъ обиліе и разнообразіе, уже въ первыхъ томахъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» оказалось чѣмъ-то извнѣ приставленнымъ, а въ дальнѣйшихъ томахъ и совсѣмъ забытымъ.

Было бы однако совершенно неправильно смотрѣть на Соловьева только какъ на собирателя фактовъ. Ему, правда, не удалось отыскать для исторіи Россіи единаго общаго начала; но кому это удалось или удастся? Соловьеву принадлежатъ нѣкоторыя теоріи частнаго порядка, принятыя затѣмъ Ключевскимъ, усвоенныя имъ и вошедшія въ плоть и кровь его Боярской Думы и курса. Въ этомъ заимствованіи теорій можно видѣть прямое вліяніе самыхъ идей учителя, непосредственное идейное преемство; работая надъ ними, Ключевскій продолжалъ и развивалъ взгляды Соловьева. Таковы, напр., двѣ столь извѣстныя теоріи, составляющія органическую принадлежность воззрѣній Ключевскаго: во-первыхъ, ученіе объ очередномъ порядкѣ княжескаго владѣнія въ Кіевской Руси; во-вторыхъ, ученіе о колонизаціи сѣверной верхне-волжской Руси, какъ основѣ новаго политическаго порядка, установившагося въ этой Руси и подготовившаго Московское государство. Соловьевъ вывелъ теорію княжескаго владѣнія изъ родовыхъ отношеній Рюрикова дома, опредѣлилъ порядокъ княжескихъ счетовъ, сопоставилъ лѣствицу волостей съ лѣствицей князей, которые должны были двигаться по волостямъ по очереди старшинства. Выяснивъ самый порядокъ княжескихъ отношеній, Соловьевъ намѣтилъ и тѣ

условія, которыми этотъ порядокъ разрушался: усобицы и договоры князей, вмѣшательство вѣчевыхъ собраній городовъ, положеніе князей-изгоевъ, и онъ же обозначилъ элементы, скрѣплявшіе тогда земское единство готовой распасться Руси. Всѣ эти основныя черты ученія Соловьева о княжескомъ владѣніи въ Кіевской Руси были повторены Ключевскимъ, систематизированы и изложены въ стройной схемѣ и тѣмъ блестящимъ языкомъ, въ которомъ крылась одна изъ тайнъ его очарованія. Точно такъ же кто не читалъ, даже болѣе, кто не зачитывался дивными, какъ бы проникнутыми поэзіей великорусскаго лѣсного пейзажа, страницами Боярской Думы и курса, посвященными колонизаціи верхняго Поволожья, Суздальской земли, образованію великорусскаго племени, возникновенію на сѣверо-востокѣ новыхъ экономическихъ, соціальныхъ и политическихъ отношеній? А между тѣмъ вѣдь это только блестящее развитіе соловьевскаго взгляда! Самый фактъ колонизаціи верхне-волжскаго края установленъ Соловьевымъ, много вообще твердившимъ о движеніи славянскаго племени съ запада на востокъ. Имъ же выяснены и политическія послѣдствія этого факта. Соловьевъ— первый установилъ ученіе о княжескомъ сѣверномъ *удѣлѣ*, какъ о частной собственности князя въ противоположность южно-русской *волости*, какъ временному владѣнію князя, и вывелъ такую политическую перемѣну изъ тѣхъ отношеній, которыя завязывались колонизаціей, выдвигавшей значеніе князя, какъ создателя и хозяина-устроителя своего удѣла. «Мысль: это—мое, потому что мною сдѣлано—легла въ основу удѣльнаго владѣнія»—эти слова, характеризующія отношеніе князя къ удѣлу, сказаны были Соловьевымъ и буквально затѣмъ повторены Ключевскимъ въ его описаніи возникшаго на сѣверѣ княжескаго удѣла. Фактъ колонизаціи, указанный Соловьевымъ, привлекъ къ себѣ особенное вниманіе Ключевскаго, который имѣлъ намѣреніе сдѣлать его темой своей магистерской диссертаціи. Какъ извѣстно, работы надъ житіями святыхъ были предприняты въ надеждѣ найти въ житіяхъ источникъ для исторіи колонизаціи. Принявъ теорію Соловьева, Ключевскій дополнилъ, расширилъ и развилъ ее. Соловьевъ коснулся только новыхъ политическихъ отношеній на сѣверѣ; Ключевскій кромѣ политическихъ отношеній подвергъ внимательному изслѣдованію еще и отношенія, оставленныя Соловьевымъ въ тѣни—экономическія и соціальныя. Получилась ярко написанная картина княжескаго хозяйства въ удѣлѣ и вообще новаго земледѣльческаго и землевладѣльческаго порядка, установившагося на сѣверѣ, въ противоположность торговлѣ, какъ основной экономической силѣ южной Руси.

Такъ мысли, только въ общихъ очертаніяхъ намѣченныя учителемъ, нашли себѣ блестящій расцвѣтъ въ трудахъ ученика.

II.

Не напрасно стало быть Ключевскій хранилъ такую благодарную память о Соловьевѣ и другихъ своихъ учителяхъ. Но какъ бы ни были замѣтны въ немъ испытанныя имъ вліянія, не они создали Ключевскаго. Драгоцѣнные камни-самородки—не созданія ювелировъ; послѣдніе придаютъ имъ только тѣ или другія грани, тѣ или другія внѣшнія формы; тайну своего чарующаго блеска они заключаютъ въ самой своей природѣ. Такимъ талантомъ-самородкомъ и былъ Ключевскій.

Я далекъ отъ намѣренія исчерпывающимъ образомъ характеризовать всю силу и всю глубину дарованій покойнаго историка. Мнѣ хочется только указать тѣ стороны его таланта, которыя всегда мнѣ казались наиболѣе для этого таланта существенными, наиболѣе составляющими его отличительную особенность. Основнымъ свойствомъ его мощнаго ума было поразительно изощренное и развитое, сильное и тонкое, но всегда конкретное, если такъ можно выразиться, мышленіе. Отвлеченная работа мысли была ему чужда; онъ обладалъ слишкомъ яркимъ воображеніемъ, онъ былъ слишкомъ художникъ для абстракцій; самый его языкъ былъ слишкомъ образнымъ для передачи отвлеченныхъ понятій. Высшія отвлеченныя понятія его не занимали, высшими философскими вопросами онъ, повидимому, очень мало интересовался. Даже и къ теоріямъ той самой науки, которой онъ всего себя отдалъ, онъ оставался довольно равнодушнымъ; разговоръ, касавшійся теоріи историческаго процесса его не воодушевлялъ, и кромѣ первой лекціи курса нигдѣ, кажется, больше онъ этой теоріи не касался. Его работы писались не по теоретическимъ шаблонамъ, да и не Ключевскому, конечно, было держаться въ своихъ работахъ какихъ-либо принятыхъ шаблоновъ, когда сами эти его работы въ ихъ практическомъ исполненіи должны служить образцами и основами, отправными точками для методологическихъ теорій! Къ Ключевскому менѣе всего пошло бы названіе отвлеченнаго мыслителя. Какъ топливо для огня, для его мысли всегда нуженъ былъ конкретный, реальный, фактическій матеріалъ. Фактами какъ бы замѣнялись для него логическія понятія. «Историческіе факты», писалъ онъ въ одной изъ своихъ статей, «по существу своему—выводы, обобщенія отдѣльныхъ явленій, сходныхъ по характеру; они—то же, что понятія въ логической сферѣ. Подобно послѣд-

нимъ они могутъ разниться по своей широтѣ, по количеству обобщаемаго въ нихъ матеріала; но подобно послѣднимъ же, они всегда должны сохранять логическое соотвѣтствіе своему матеріалу»[1]). Неутомимый изслѣдователь фактовъ, онъ оригинально ихъ анализировалъ, разлагая ихъ на части и комбинировалъ отдѣльные факты въ стройныя системы, которыя обобщалъ затѣмъ въ грандіозную общую схему своего курса; онъ открывалъ въ изслѣдуемыхъ фактахъ новыя, никѣмъ раньше не замѣченныя черты, своеобразно ихъ освѣщалъ, отыскивалъ ихъ причины и выводилъ слѣдствія— но онъ работалъ всю жизнь надъ историческими фактами и только надъ ними. Вотъ почему онъ органически былъ неспособенъ задаваться задачей вывести весь ходъ русской исторіи изъ какого-либо единаго отвлеченнаго начала, не сотворилъ себѣ того единаго кумира, которому покланялись гегеліанцы славянофилы и западники и отъ поклоненія которому въ началѣ своей научной дѣятельности не остался свободенъ и Соловьевъ.

Не вся масса историческихъ фактовъ привлекала къ себѣ безразлично, въ одинаковой степени научное вниманіе Ключевскаго; можно намѣтить нѣкоторыя группы ихъ, возбуждавшія въ немъ особый, преимущественный интересъ. Его манили къ себѣ въ изслѣдованіи историческаго процесса явленія политическія, соціальныя и экономическія, и главнымъ образомъ соціальныя. Явленій иного порядка, исторіи мысли, религіи, литературы, искусства онъ, разумѣется, не обходитъ и, когда коснется ихъ, даетъ превосходныя вещи; но не на этихъ вопросахъ были сосредоточены его главныя силы. Свой курсъ онъ ограничиваетъ, какъ онъ заявляетъ во вступленіи, лишь политической, соціальной и экономической сторонами историческаго процесса и, припомнимъ, весь ходъ русской исторіи онъ дѣлитъ на періоды по признакамъ этихъ трехъ категорій. Кіевская торговая, городовая Русь смѣняется у него Суздальскою, вольно-земледѣльческой, удѣльно—княжеской, которую въ свою очередь смѣняетъ Русь Московская царско-боярская, военно-землевладѣльческая, и эта послѣдняя, наконецъ, переходитъ въ Русь всероссійскую, имераторско-дворянскую, крѣпостную, земледѣльческую и фабрично-заводскую. Въ основѣ этой классификаціи, какъ видимъ, строго выдержаны экономическіе, соціальные и политическіе признаки. Тяготѣніе къ вопросамъ указанныхъ порядковъ у Ключевскаго можетъ быть объясняемо, конечно, общимъ направленіемъ европейской, а также и русской исторіографіи вто-

---

[1]) „Церковь по отношенію къ умственному развитію древней Руси“. „Правосл. обозр.“ 1870, I, стр. 311.

рой половины XIX вѣка, выдвинувшей эти стороны историческаго процесса на первый планъ научнаго изслѣдованія. Ключевскій въ этой области работалъ не одиноко, и его можно считать членомъ той историко-юридической школы въ русской исторіографіи, къ которой принадлежитъ не мало славныхъ именъ, каковы Неволинъ, Кавелинъ, Чичеринъ, Соловьевъ, Сергѣевичъ, Градовскій, Дитятинъ.

Но даже и къ указаннымъ тремъ категоріямъ историческихъ явленій интересъ Ключевскаго устремлялся неравномѣрно. Всего охотнѣе его мысль направляется къ исторіи общественныхъ классовъ, и въ этомъ, быть можетъ, надо видѣть вліяніе той эпохи, съ которою совпали наиболѣе воспріимчивые годы его юности, когда въ Россіи разрѣшалась великая соціальная проблема—освобожденіе крестьянъ. Практическое рѣшеніе этого вопроса сопровождалось въ нашемъ обществѣ подъемомъ теоретическаго, научнаго интереса къ исторіи тѣхъ двухъ общественныхъ классовъ: дворянства и крестьянства, которые входили, какъ двѣ данныя величины въ подлежавшую рѣшенію задачу. Двѣ неравныя по объему, но совершенно равныя по цѣнности работы Ключевскаго посвящены исторіи высшихъ государственныхъ учрежденій древней Руси: боярской думѣ и земскимъ соборамъ. Но, работая надъ исторіей *учрежденій*, онъ интересуется въ нихъ главнымъ образомъ ихъ *соціальной* стороной. Въ статьѣ о земскихъ соборахъ онъ вскрываетъ общественный составъ этихъ собраній, а его «Боярская Дума» съ полнымъ правомъ можетъ быть названа подробною исторіей русскаго боярства, до такой степени изслѣдованіе ея, какъ института, уступаетъ мѣсто исторіи того общественнаго класса, представители котораго ее наполняли. Новыя, неожиданныя, оригинальныя комбинаціи, къ которымъ Ключевскій приходилъ въ этихъ изслѣдованіяхъ, можно назвать поистинѣ геніальными. Въ самомъ дѣлѣ, элементы, которыми работаетъ геній, тѣ же, что встрѣчаются и въ окружающей его средѣ въ ту эпоху, когда онъ живетъ и дѣйствуетъ. Но тѣ небывалыя, оригинальныя сочетанія, въ которыя онъ эти элементы приводитъ, и тѣ неожиданныя сопоставленія, которыя онъ изъ нихъ дѣлаетъ, составляютъ то его личное, что никѣмъ ему не дано, что ни отъ какой среды и эпохи, ни отъ какихъ вліяній не зависитъ и что онъ самъ вноситъ въ міръ. Элементы давно были извѣстны; знали о думѣ и о земскихъ соборахъ съ одной стороны, извѣстны были и классы русскаго общества съ другой. Но только Ключевскому пришла счастливая мысль сочетать эти элементы, разсмотрѣть ихъ во взаимной связи, и получились поразительные результаты, настоящія открытія. Точно также примѣненное имъ изу-

ченіе *соціальной* основы внесло смыслъ въ исторію Смутнаго времени. Ходъ событій Смутнаго времени представлялся до Ключевскаго какой-то дѣйствительно смутной фантасмагоріей, какимъ-то калейдоскопомъ, въ которомъ въ причудливомъ безпорядкѣ сцѣплялись случайные факты. Только Ключевскій проницательнымъ взглядомъ различилъ выдвигавшіяся въ Смутѣ соціальныя силы, намѣтилъ участіе въ этой революціи на рубежѣ XVI и XVII вѣковъ различныхъ общественныхъ классовъ съ ихъ идеалами и программами и съ ихъ кандидатами на престолъ, какъ средствами для осуществленія этихъ программъ. Ключевскій, не занимаясь самъ Смутой спеціально, указалъ настоящій путь къ ея научному изученію, и въ дальнѣйшихъ, посвященныхъ ей спеціальныхъ изслѣдованіяхъ это его указаніе принесло цѣнные и обильные результаты.

Было бы ошибкой утверждать, что научный интересъ Ключевскаго привлекали къ себѣ историческія судьбы преимущественно низшихъ классовъ, ошибкой хотя бы уже по одному тому, что бóльшую часть своихъ ученыхъ силъ онъ отдалъ работѣ надъ исторіей какъ разъ высшаго класса русскаго общества—боярства. Справедливѣе будетъ сказать, что совершенно одинаково притягивали къ себѣ его вниманіе какъ низы, такъ и верхи русскаго общества, и рѣшительно никакого демократическаго предпочтенія въ его ученыхъ изслѣдованіяхъ уловить нельзя. И въ «Боярской Думѣ», и въ курсѣ онъ подробно изучаетъ эволюцію высшихъ правящихъ слоевъ, торговую аристократію Днѣпровской Руси, землевладѣльческую дружину и монастырское общество Верхне-волжской, титулованное московское боярство XV—XVII вѣковъ и пришедшее ему на смѣну пестрое по составу мелкопомѣстное дворянство XVIII и XIX столѣтій, производящее черезъ гвардію дворцовые перевороты. Общественнымъ низамъ посвящены двѣ небольшія по объему, но не менѣе значительныя по важности работы, статьи о происхожденіи крѣпостного права и о холопствѣ, также могущія служить образцами оригинальнаго и неожиданнаго сочетанія данныхъ, извѣстныхъ и ранѣе. Вопросомъ о происхожденіи крѣпостного права давно занимались, но источника этого права все искали въ правительственныхъ указахъ, и только Ключевскому пришла мысль поискать его въ крестьянской порядной, сопоставивъ эту порядную съ кабальной холопской записью. Получился въ результатѣ цѣлый переворотъ въ изученіи вопроса.

Въ исторіи общественныхъ классовъ Ключевскій изучаетъ главнымъ образомъ ихъ *юридическое положеніе*. Чисто экономическимъ вопросамъ онъ посвятилъ два спеціальныхъ изслѣдованія: «Хозяйство Соловецкаго монастыря на Бѣломорскомъ побережьи»

и затѣмъ изслѣдованіе о цѣнности русскаго рубля. Но вообще экономическія отношенія привлекаются въ его работахъ лишь постольку, поскольку они нужны для объясненія создававшихся на ихъ основѣ юридическихъ явленій. Права и обязанности общественныхъ классовъ, ихъ взаимоотношеніе, положеніе ихъ въ государствѣ, какъ сословій, — вотъ вопросы, на которые отвѣчаютъ отдѣльныя изслѣдованія Ключевскаго. Эти отдѣльныя изслѣдованія онъ сводитъ въ курсѣ въ единую схему процесса постепеннаго закрѣпощенія сословій, достигающаго своей кульминаціонной точки къ половинѣ XVIII вѣка, и затѣмъ излагаетъ развитіе обратнаго процесса раскрѣпощенія сословій, начавшагося изданіемъ законовъ, облегчающихъ обязательную дворянскую службу, и закончившагося манифестомъ 19 февраля 1861 г. На этой схемѣ, изображающей восходящій процессъ закрѣпощенія и затѣмъ нисходящую линію освобожденія, зиждется структура его общаго курса, и если бы нужно было опредѣлить главную, господствующую склонность Ключевскаго, какъ историка, я бы назвалъ его историкомъ общественныхъ классовъ.

Таковы факты, таково фактическое содержаніе, надъ которымъ работала его мысль. Но эта могучая и вмѣстѣ съ тѣмъ поразительно тонкая мысль не скользила по фактамъ поверхностно, не вбирала ихъ въ себя пассивно, чтобы передать ихъ затѣмъ съ эпическимъ равнодушіемъ. Она воздѣйствовала на историческій матеріалъ подобно солнечному лучу, который, падая на предметъ, не только озаряетъ его и дѣлаетъ видимымъ, но и оказываетъ на него глубокое интенсивное, физическое и химическое воздѣйствіе, разлагая его на составныя части или, наоборотъ, содѣйствуя его сочетанію съ другими элементами. Ключевскій не подносилъ читателю непереработаннаго сырья, разсказывалъ историческіе эпизоды только, когда это было необходимо, при чтеніи лекцій излагалъ факты бѣгло, какъ бы нехотя, торопясь скорѣе къ тѣмъ выводамъ и размышленіямъ, для которыхъ собственно и разсказывались факты. Факты были для него то же, что логическія понятія; вотъ почему онъ и совершалъ съ ними ту же мыслительную операцію, которая совершается съ логическими понятіями. Факты были только служебными элементами, питавшими его мышленіе. Не самое изложеніе событія, какъ таковое, а размышленіе надъ событіемъ было его главной цѣлью, и едва его мысль касалась факта, какъ она уже начинала либо расчленять его на составныя его части, анализировать его, либо подыскивать сходные ему факты, соединять частные и мелкіе факты въ болѣе общіе, связывать общіе факты въ группы и системы и, наконецъ, обобщать системы въ единое стройное цѣлое,—словомъ, продѣлывать надъ фактами другую,

синтетическую работу. Въ обоихъ этихъ методахъ и въ анализѣ, и въ синтезѣ мы видимъ въ Ключевскомъ первокласснаго мастера, не знающаго себѣ равныхъ. Онъ одинаково великъ и въ миніатюрныхъ микроскопическихъ изысканіяхъ, и въ грандіозныхъ общихъ построеніяхъ.

Его совершенно не тяготила предварительная, черная, кропотливая, неблагодарная, казалось бы, работа надъ просмотромъ массы источниковъ, на которую приходится изслѣдователямъ затрачивать много времени и силъ и въ результатѣ которой можетъ оказаться всего нѣсколько крупинокъ, но, правда, онъ добывалъ крупинки чистаго золота. Онъ не затруднялся внимательнѣйшимъ образомъ пересмотрѣть груды архивнаго сырья, перечитать множество какихъ-нибудь десятенъ или писцовыхъ книгъ для того, чтобы получить двѣ-три необходимыя ему цифры. Такую работу онъ велъ поистинѣ съ соловьевскою трудоспособностью. Стремясь найти въ житіяхъ святыхъ нѣсколько данныхъ для интересовавшаго его факта колонизаціи сѣверной Руси, онъ собралъ по разнымъ древлехранилищамъ и библіотекамъ громадное количество рукописныхъ житій, подвергъ каждое изъ нихъ самому тщательному критическому изслѣдованію, и результаты, къ которымъ приводила его эта египетская работа, положенія, которыя были имъ добыты, служатъ съ тѣхъ поръ прочнымъ базисомъ и надежнымъ отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ тружениковъ въ этой области. Какую массу скучнѣйшаго, казалось бы, и однообразнѣйшаго цифрового сырья надо было собрать и переработать для того, чтобы получить ровно девять заключительныхъ строкъ всего этого обширнаго изслѣдованія о цѣнности русскаго рубля, тѣхъ строкъ, въ которыхъ изложены результаты изысканій и съ которыми и справляются обыкновенно всѣ тѣ, кто имѣетъ дѣло съ цѣнностью нашихъ денегъ въ прошломъ. Предпринять такой трудъ было настоящимъ самопожертвованіемъ для науки. Анализъ историческихъ фактовъ Ключевскій велъ какъ бы вооруженный микроскопомъ. Такую микроскопическую работу онъ производилъ, когда подвергалъ изслѣдованію мельчайшія детали крестьянскихъ порядныхъ и разнаго рода холопьихъ записей для своихъ статей о происхожденіи крѣпостного права и объ отмѣнѣ холопства въ Россіи, когда разыскивалъ по писцовымъ книгамъ и десятнямъ имя каждаго участника земскихъ соборовъ 1566 и 1598 гг. для статей о составѣ представительства на земскихъ соборахъ или когда изучалъ родословныя и разрядныя записи, собирая гомеопатическими дозами матеріалъ для страницъ «Боярской Думы», посвященныхъ характеристикѣ состава московскаго боярства. И эти миніатюрныя, скрупулезныя изысканія, всю эту тончайшую работу онъ сводилъ всегда къ опредѣленнымъ, яснымъ, точнымъ, отчетливо изложеннымъ выводамъ, составляющимъ завое-

ваніе науки и показывающимъ, что вся эта труднѣйшая, египетская предварительная работа была отважно предпринята и съ упорствомъ проведена не напрасно.

Столь же неподражаемъ былъ Ключевскій и въ синтезѣ, въ искусствѣ комбинировать факты и восходить отъ мелкихъ, частныхъ фактовъ и отношеній къ общимъ и крупнымъ, давая имъ точныя опредѣленія, строить системы, чтобы въ конечномъ результатѣ этихъ системъ создать общее построеніе русской исторіи. Тайну его синтетическаго мастерства надо искать въ его яркомъ художественномъ талантѣ, въ силѣ его воображенія и чувства. Въ Ключевскомъ счастливо слились свойства историка—мыслителя и художника, а что можно представить себѣ удачнѣе сочетанія тонкости мысли съ яркостью художественнаго образа? Какъ будто нѣсколько музъ согласились принести свои дары его воспріимчивой природѣ, и, одаренный ими, онъ столько же былъ посвященъ въ тайны зодчества, сколько и живописи, поэзіи и даже, если хотите, музыки. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не служатъ доказательствомъ способности его, какъ зодчаго, его удивительныя отдѣльныя построенія и все это величественное сооруженіе курса русской исторіи, поражающее глубиною мысли и въ то же время изяществомъ и красотой очертаній? Притомъ Ключевскій умѣлъ строить изъ всякаго матеріала одинаково умно и изящно, были ли это полновѣсные, тщательно вывѣренные критикой источники, изъ которыхъ онъ складывалъ ученіе о московскомъ боярствѣ, или же это были нѣсколько уцѣлѣвшихъ лѣтописныхъ обрывковъ, изъ которыхъ онъ создавалъ гипотезу городового строя Кіевской Руси.

Художественный талантъ билъ въ немъ ключомъ, прорывался въ немъ, заставляя его нарушать обѣщанія и отступать отъ принятаго плана. Своему общему курсу Ключевскій ставилъ соціологическія задачи. Во вступительной лекціи онъ развивалъ взглядъ на исторію, какъ на подготовительную или предварительную ступень къ соціологіи; разсуждалъ о спеціальномъ интересѣ мѣстной исторіи, на которой можно слѣдить за своеобразнымъ, неповторяемымъ въ другихъ мѣстахъ сочетаніемъ основныхъ элементовъ человѣческаго общежитія... но кисть живописца не давала покоя рукѣ, и среди соціологическихъ формулъ, въ которыхъ онъ выражалъ подмѣченныя отношенія, онъ вдругъ рисовалъ, какъ живой, портретъ Андрея Боголюбскаго, Ивана Калиты, Грознаго, Алексѣя Михайловича, Петра Великаго. Его преобладающимъ ученымъ интересомъ было изображеніе юридическаго положенія общественныхъ классовъ, ихъ правъ и обязанностей къ государству, и онъ при чтеніи лекцій обѣщалъ держаться въ ихъ изображеніи только этой стороны, но къ величайшему счастью для слушателей онъ какъ бы

забывалъ свое обѣщаніе и давалъ яркую характеристику умственнаго и нравственнаго состоянія дворянства въ XVIII и XIX вѣкахъ, его взглядовъ, вкусовъ, чувствъ и настроеній, ту характеристику, которая легла въ основу его знаменитой лекціи о Евгеніи Онѣгинѣ и его предкахъ. А развѣ можно читать нѣкоторыя страницы его курса безъ того эстетическаго волненія, которое вызываютъ въ насъ лучшія поэтическія произведенія, и развѣ мы не поставимъ, напримѣръ, дивной характеристики великорусскаго племени на ряду съ лучшими страницами нашихъ величайшихъ поэтовъ? Развѣ стиль Ключевскаго, его точное, мѣткое, сильное, какъ будто выкованное слово не производитъ на насъ дѣйствія какой-то музыки—я уже и не говорю о тѣхъ изъ насъ, которые имѣли счастіе слышать его лекціи въ его собственномъ чтеніи! То было обаяніе настоящей, въ буквальномъ смыслѣ слова музыки, благодаря его необыкновенно привлекательному голосу и дикціи. И теперь еще, когда перелистываешь его курсъ, воскресаютъ слуховыя впечатлѣнія, и отдѣльныя фразы курса слышатся такъ, какъ онѣ были когда-то произносимы.

Несравненный художественный талантъ, которымъ обладалъ Ключевскій, открывалъ ему особый пріемъ изображенія изучаемыхъ имъ явленій и особый путь ихъ познаванія, невѣдомый для патентованныхъ ученыхъ изслѣдователей, но только изслѣдователей. Тотъ предметъ, надъ обстоятельнымъ описаніемъ и надъ тщательнымъ измѣреніемъ котораго со всѣхъ его сторонъ въ его цѣломъ и въ частяхъ ученый изслѣдователь потратитъ много времени, тотъ самый предметъ художникъ нѣсколькими мазками кисти или подобравъ удачный эпитетъ представитъ въ яркомъ, непосредственно воспринимаемомъ образѣ. Это потому, что художникъ познаетъ предметъ путемъ непосредственной, художественной интуиціи, путемъ какого-то внутренняго проникновенія въ самую суть предмета. Когда Ключевскій въ архивѣ или въ тиши своего ученаго кабинета погружался въ чтеніе древнихъ документовъ, онъ вживался въ ту эпоху, которую изслѣдовалъ, онъ проникалъ въ міросозерцаніе, въ чувства и настроенія людей того времени, постигая ихъ внутреннимъ художественнымъ чутьемъ. Онъ на эти минуты какъ бы жилъ съ людьми прошлаго, мыслилъ и чувствовалъ вмѣстѣ съ ними. Этого непосредственнаго художественнаго проникновенія въ былое, и въ его внѣшнюю обстановку, и въ психологію давно сошедшихъ съ исторической сцены людей, и отдѣльныхъ личностей, и народныхъ массъ, этой способности постигать, усваивать и воскрешать отдуманныя думы, угасшія чувства и отзвучавшія рѣчи не могли понять въ Ключевскомъ ученые юристы, видные представители того же историко-юридическаго направленія,

къ которому и самъ онъ принадлежалъ. И вотъ раздавались упреки: откуда взялъ то или иное положеніе, почему не подкрѣпилъ его цитатами, ссылками. Откуда взялъ? Изъ минувшей жизни, во всей своей жизненной яркости проходившей передъ его художественными очами, которую глубоко понялъ и которую воспроизвелъ, воскресивъ ее волшебной силой своего творчества. Какими цитатами и ссылками нужно подтверждать еще правду, почерпнутую такимъ художественнымъ воспріятіемъ? Среди великихъ русскихъ художниковъ Ключевскій долженъ быть отнесенъ къ тому ихъ направленію, разцвѣтъ котораго совпадаетъ со второй половиной XIX вѣка, къ которому въ живописи принадлежитъ Рѣпинъ и которое въ литературѣ нашло себѣ высшее проявленіе въ Толстомъ. Какъ и эти великіе представители русскаго искусства, онъ такъ же былъ художникомъ-реалистомъ. Какъ и они, онъ такъ же былъ одаренъ тонко развитымъ чувствомъ правды, указывающимъ каждую невѣрную линію и позволяющимъ разслышать каждую фальшивую ноту. Въ его изображеніяхъ, такъ сильно приподнимающихъ читателя, нѣтъ ничего приподнятаго, нѣтъ ни одного ходульнаго пріема, преувеличеннаго жеста, какого-нибудь излишне-торжественнаго, напускного выраженія. У него нѣтъ боговъ и героевъ на землѣ, есть только люди, люди менѣе или болѣе сильные и даровитые, даже геніальные и святые, но все это люди въ реальныхъ условіяхъ и въ реальной обстановкѣ.

Что же оставилъ намъ Ключевскій, какъ ученый, силой своей мысли раскрывавшій намъ смыслъ минувшаго и какъ художникъ, воскрешавшій передъ нами образы былого? Теперь еще невозможно оцѣнить все имъ сдѣланное, нельзя еще точно учесть силы оказаннаго имъ вліянія. Настанетъ пора, когда появятся о немъ спеціальныя изслѣдованія; тогда найдутъ себѣ безпристрастную оцѣнку и данная имъ общая концепція русскаго историческаго процесса и предложенныя имъ рѣшенія отдѣльныхъ вопросовъ этого процесса. Въ его крупныхъ произведеніяхъ и мелкихъ статьяхъ спеціалисты найдутъ на ряду съ рѣшеніемъ однѣхъ задачъ постановку другихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ цѣнныя указанія методовъ къ ихъ рѣшенію. Этихъ указаній теперь не перечислишь, но безъ нихъ долго нельзя будетъ обойтись при дальнѣйшихъ работахъ въ тѣхъ областяхъ, которыхъ касался Ключевскій. Можетъ быть, и придется признавать иныя его рѣшенія неудачными, но нельзя будетъ никогда обходить ихъ равнодушно.

Широкимъ и, надо думать, все болѣе имѣющимъ расширяться кругамъ русскаго общества Ключевскій оставилъ свой курсъ, замѣчательный памятникъ нашего національнаго самосознанія, въ которомъ можно видѣть итогъ мыслительной работы русскаго народа

надъ своимъ прошлымъ, подведенный однимъ изъ талантливѣйшихъ его сыновъ. Курсъ сталъ уже настольною книгой каждаго русскаго образованнаго человѣка, и недалеко то время, когда, будучи переведенъ на иностранные языки, онъ сдѣлается свѣтомъ откровенія и для западно-европейскаго міра, которому онъ откроетъ глаза на истину нашего прошлаго. Широкою волной основные выводы курса льются черезъ учебную литературу въ нашу среднюю и низшую школу, и такимъ образомъ его положенія входятъ въ плоть и въ кровь нашего историческаго міросозерцанія. Отрывки изъ него мы скоро увидимъ въ хрестоматіяхъ по русскому языку, какъ образцы русскаго художественнаго слова, на ряду съ лучшими произведеніями нашей прозы. И долгое время эта книга Ключевскаго будетъ зажигать юныя сердца любовью къ изученію родной исторіи и порождать склонность къ спеціальному занятію ею, оказывать то же дѣйствіе, какое на него самого оказали книги Карамзина и Соловьева.

Собравшись сегодня, чтобы вспомнить учителя, запечатлѣемъ въ благодарной памяти его дорогой намъ образъ. Вотъ онъ на славной каѳедрѣ московскаго университета, передъ которой, смѣняя другъ друга, чередуются многія поколѣнія его всегда одинаково восторженныхъ слушателей. Во вдохновенномъ, полномъ огня и красокъ словѣ передаетъ онъ имъ «грустные звуки былого», чутко воспринятые его чуткою, отзывчивою душою. Вспомнимъ и призывъ его, обращенный къ своей аудиторіи, а черезъ нее и ко всему русскому обществу. Такой призывъ, можетъ быть, дѣлался и до него, но никѣмъ не былъ лучше Ключевскаго сказанъ. Историкъ-соціологъ и художникъ-реалистъ, человѣкъ, вынесшій взгляды изъ школы 60-хъ годовъ, онъ цѣнилъ свою науку преимущественно съ ея практической, прикладной стороны. Безъ этой цѣны, говорилъ онъ, исторія была бы ненужнымъ балластомъ, напрасно обременяющимъ нашу память. Изученію мѣстной, отечественной исторіи онъ придавалъ большое гражданско-воспитательное значеніе. Всѣ мы—участники общежитія, всѣ мы— его строители въ настоящемъ и въ будущемъ. Чтобы участвовать въ этомъ строительствѣ сознательно, чтобы лучше созидать будущее, надо прежде всего быть знакомымъ съ прошлымъ. «Чтобы знать, куда и какъ намъ идти, надо прежде всего знать, откуда мы пришли; чтобы быть гражданиномъ, надо хоть немного знать родную исторію». И самъ же Ключевскій далъ намъ лучшее средство къ практическому выполненію своего завѣта. На его книгѣ будутъ воспитываться не только спеціалисты-работники на научной нивѣ русской исторіи, но и многія поколѣнія русскихъ гражданъ.

М. Богословскій.

Соловьевъ и Ключевскій [1]).

Когда сосредоточиваешься мыслью на незабвенномъ В. О. Ключевскомъ и начинаешь разсматривать сдѣланное имъ великое дѣло жизни, неизмѣнно позади его дивнаго образа вырастаетъ величавая фигура его наставника С. М. Соловьева. Соловьевъ и Ключевскій занимаютъ воображеніе, какъ два неразрывно связанныхъ дѣятеля, учитель и ученикъ, начинатель и продолжатель, сливающіеся въ единый образъ мощнаго духовнаго генія, лучезарно освѣтившаго прошлое Россіи. Великъ и оригиналенъ былъ талантъ, данный Богомъ Василію Осиповичу Ключевскому; но свое примѣненіе и направленіе этотъ талантъ получилъ благодаря Сергѣю Михайловичу Соловьеву. Велики заслуги Василія Осиповича въ дѣлѣ разработки науки русской исторіи и въ постановкѣ ея преподаванія. Но почва для него была расчищена здѣсь и подготовлена главнымъ образомъ Соловьевымъ. Памятуя, что Василій Осиповичъ, когда трактовалъ великихъ людей и ихъ дѣянія, всегда старался ввести ихъ въ историческую перспективу, всегда разсматривалъ великія культурныя дѣянія, какъ плоды коллективнаго творчества поколѣній, находя что Василій Осиповичъ завѣщалъ намъ не только преклоняться передъ геніями и талантами, но и исторически объяснять ихъ, я и беру на себя смѣлость подѣлиться здѣсь своими бѣглыми наблюденіями надъ тѣмъ, что далъ Соловьевъ Ключевскому, въ чемъ сказалось духовное вліяніе учителя на ученика.

Въ дѣлѣ научнаго образованія огромное значеніе имѣетъ первое руководство, которое дается при самомъ приступѣ къ научнымъ занятіямъ. Ключевскій-студентъ въ этомъ отношеніи поставленъ былъ въ счастливыя условія, и это благодаря главнымъ образомъ Соловьеву. Припомнимъ, въ какомъ положеніи находилось преподаваніе русской исторіи въ Московскомъ университетѣ до Соловьева. Ближайшимъ предшественникомъ Соловьева былъ М. П. Погодинъ, энтузіастъ такъ называемаго математическаго метода въ

---

[1]) Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, посвященномъ памяти В. О. Ключевскаго, 12 ноября 1911 года.

исторіи. Погодинъ тщательно избѣгалъ общихъ концепцій историческаго процесса, излагалъ одни только частныя наблюденія надъ точно установленными фактами, не заботясь о томъ, чтобы связать ихъ въ какую-нибудь систему, для которой, по его мнѣнію, не наступило еще время. Онъ читалъ съ каѳедры одни только частныя изслѣдованія, преимущественно по древней русской исторіи Кіевскаго періода, изслѣдованія, въ свое время, конечно, имѣвшія научную цѣну, но въ аудиторіи только подавлявшія вниманіе обиліемъ событій, именъ и годовъ. Отъ покойнаго инспектора Московскаго учебнаго округа Якова Игнатьевича Вейнберга мнѣ пришлось слышать, какъ Погодинъ боролся съ гнетущимъ впечатлѣніемъ отъ своихъ лекцій. Взойдя на каѳедру и объявивъ студентамъ, что всѣхъ удѣльныхъ князей было 500, замѣтивъ при этомъ нѣкоторый ужасъ на ихъ глазахъ, Погодинъ приглашалъ ихъ не пугаться этого числа, ибо на Всеволодѣ III это число какъ разъ разбивается пополамъ, такъ что запомнить всѣхъ ихъ будетъ уже не такъ трудно. Едва ли большее научное возбужденіе давали въ свое время изслѣдованія и лекціи предшественника Погодина—Михаила Трофимовича Каченовскаго, главнаго представителя такъ называемой «скептической» школы въ русской исторіографіи, съ его грубымъ и наивнымъ критицизмомъ. Популярность этихъ изслѣдованій и лекцій основывалась, конечно, не на ихъ научной цѣнности, а на ихъ направленіи, шедшемъ въ разрѣзъ съ укоренившеюся идеализаціей и славословіемъ древне-русской старины. Не будемъ заглядывать въ болѣе раннія времена, во времена Чеботарева, преподававшаго и русскую словесность соединено съ латинскимъ языкомъ, и логику съ нравоученіемъ, и географію, и русскую исторію. То былъ еще періодъ младенчества въ постановкѣ университетскаго преподаванія вообще, мало разнившагося отъ гимназическаго. На надлежащую высоту преподаваніе русской исторіи въ Московскомъ университетѣ впервые поставлено было только С. М. Соловьевымъ, и В. О. Ключевскому выпало на долю счастье въ полную мѣру воспользоваться этимъ преподаваніемъ.

Вотъ какъ самъ онъ говорилъ о томъ дѣйствіи, какое оказали на него лекціи Соловьева: «Соловьевъ давалъ слушателю удивительно цѣльный, стройною нитью проведенный сквозь цѣпь обобщенныхъ фактовъ взглядъ на ходъ русской исторіи, а извѣстно, какое наслажденіе для молодого ума, начинающаго научное изученіе, чувствовать себя въ обладаніи цѣльнымъ взглядомъ на научный предметъ... Обобщая факты, Соловьевъ вводилъ въ ихъ изложеніе, осторожной мозаикой общія историческія идеи, ихъ объяснявшія... Благодаря этому курсъ Соловьева, излагая факты мѣстной исторіи

оказывалъ на насъ сильное методологическое вліяніе, будилъ и складывалъ историческое мышленіе: мы сознавали, что не только узнаемъ новое, но и понимаемъ узнаваемое, и вмѣстѣ учились, какъ надо понимать, что узнаемъ. Ученическая мысль наша не только пробуждалась, но и формировалась, не чувствуя на себѣ гнета учительскаго авторитета: думалось, какъ будто мы сами додумались до всего того, что намъ осторожно подсказывалось» [1]).

Съ самаго начала своей преподавательской дѣятельности С. М. Соловьевъ читалъ два курса русской исторіи—общій и спеціальный, при чемъ первый былъ какъ бы введеніемъ ко второму. По словамъ Василія Осиповича, «начавъ спеціальное изложеніе съ эпохи, на которой прервалась «Исторія Государства Россійскаго» Карамзина, Соловьевъ съ каждымъ годомъ понемногу подвигался все дальше впередъ; но студентъ спеціально знакомился съ доставшейся ему эпохой уже подготовленный къ тому общимъ курсомъ русской исторіи съ древнѣйшихъ временъ. Содержаніемъ этого курса была именно смѣна политическихъ формъ съ объясненіемъ историческихъ обстоятельствъ, при которыхъ одна изъ нихъ зарождалась, падала и переходила въ другую, и съ указаніемъ перемѣнъ, какія при господствѣ той или другой изъ нихъ происходили въ составѣ общества и во взаимныхъ отношеніяхъ его частей. Съ теченіемъ времени фактическія подробности въ этомъ курсѣ сглаживалась все болѣе, такъ что онъ превратился наконецъ въ непрерывную цѣпь обобщеній, въ историко-философскую формулу политическаго и соціальнаго развитія Россіи» [2]). Такую постановку преподаванія нельзя не признать въ высшей степени удачною. Изъ такого преподаванія студентъ выносилъ и цѣльный, стройный взглядъ на ходъ русской исторіи, и спеціальное знакомство съ эпохою изъ первыхъ рукъ, и знакомство съ методами научнаго изслѣдованія, и, что особенно важно, уваженіе къ кропотливому научному труду и къ званію профессора, которое въ свою очередь обусловливало собственную охоту къ научнымъ занятіямъ. Василій Осиповичъ въ данномъ случаѣ былъ тѣмъ счастливѣе, что ему пришлось учиться у Соловьева въ то самое время, когда тотъ уже вполнѣ созрѣлъ и какъ ученый, и какъ профессоръ. Въ 1863 году, когда Ключевскій началъ слушать Соловьева, послѣдній уже закончилъ свои научные труды по древней русской исторіи и подвелъ итоги въ своемъ знаменитомъ XIII томѣ. Первоначальная концепція древ-

---

[1]) С. М. Соловьевъ, какъ преподаватель. Изданія Историческаго общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, годъ 1-й, стр. 191, 192. Москва, 1896 г.

[2]) Некрологъ С. М. Соловьева, составленный В. О. Ключевскимъ, стр. 10. Отчетъ Московскаго университета за 1879 годъ.

ней русской исторіи, содержавшаяся въ его диссертаціи «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома» и въ его общихъ курсахъ, къ тому времени была продумана, окончательно исправлена и дополнена на основаніи колоссальнаго изученія источниковъ по древней русской исторіи. И Ключевскій теперь сразу попалъ подъ обаяніе этой концепціи и ея автора. «Слушая Соловьева,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей о немъ,—мы смутно чувствовали, что съ нами бесѣдуетъ человѣкъ, много и очень много знающій и подумавшій обо всемъ, о чемъ слѣдуетъ знать и подумать человѣку, и всѣ свои передуманныя знанія сложившій въ стройный порядокъ, въ цѣльное міросозерцаніе, чувствовали, что до насъ доносятся только отзвуки большой умственной и нравственной работы, какая когда-то была исполнена надъ самимъ собою этимъ человѣкомъ и которую должно рано или поздно исполнить надъ собой каждому изъ насъ, если онъ хочетъ стать настоящимъ человѣкомъ. Этимъ особенно и усиливалось впечатлѣніе лекцій Соловьева: его слова представлялись намъ яркими строками на освященномъ изнутри фонарѣ». «Съ каѳедры слышался не профессоръ, читающій въ аудиторіи, а ученый, размышляющій вслухъ въ своемъ кабинетѣ». «Но Соловьевъ такъ разсуждалъ со студентами о быломъ, что они живо представляли себѣ, какъ это происходило» [1]). Василій Осиповичъ высоко цѣнилъ «Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ». По его словамъ, это—«одна изъ страницъ исторіи русскаго просвѣщенія, и такихъ страницъ, на которыхъ съ отрадою будетъ всегда останавливаться и раздумываться мыслящій русскій человѣкъ» [2]).

Изъ этихъ отзывовъ Василія Осиповича ясно видно, какъ много онъ получилъ отъ Соловьева къ началу своихъ самостоятельныхъ занятій русскою исторіей. Соловьевъ далъ ему цѣльный и стройный взглядъ на ходъ русской исторіи, несомнѣнно облегчившій ему выработку собственнаго, не менѣе цѣльнаго и стройнаго, взгляда, далъ въ его распоряженіе огромный и хорошо разсортированный подборъ данныхъ источниковъ, облегчившій ему дальнѣйшія разысканія въ источникахъ, возбудилъ его творческое воображеніе и, наконецъ,—что особенно важно создалъ извѣстное ученое *настроеніе*, тотъ нравственный подъемъ, съ которымъ работалъ Василій Осиповичъ въ избранной имъ спеціальности. Василій Осиповичъ не только косвенно, но и прямо призналъ, какъ много обязанъ онъ и другіе

---

[1]) Изданія Историческаго общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, годъ I, стр. 188, 189, 194.

[2]) Тамъ же, стр. 190.

современные ему историки Соловьеву. «Въ движеніи русской исторіографіи,—говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей о Соловьевѣ,—это время можно смѣло обозначить именемъ Соловьева: живущіе нынѣ писатели, вмѣстѣ съ нимъ наиболѣе поработавшіе надъ исторіей своего отечества, охотно согласятся съ этимъ. Вооружившись пріемами и задачами, выработанными историческою наукой первой половины нашего вѣка, онъ первый пересмотрѣлъ всю массу историческаго матеріала, оставшагося отъ жизни русскаго народа съ половины IX до послѣдней четверти XVIII вѣка, связалъ одною мыслью разорванные лоскуты историческихъ памятниковъ и вынесъ на свѣтъ всю наличность уцѣлѣвшихъ фактовъ нашей исторіи. Есть и будутъ десятки трудолюбивыхъ изслѣдователей русскаго прошедшаго, которые останавливаются и будутъ останавливаться на томъ или другомъ фактѣ дольше Соловьева, изучаютъ и будутъ изучать то или другое явленіе подробнѣе, чѣмъ изучилъ онъ; но каждый изъ нихъ, чтобы идти прямо и твердо въ своей работѣ, долженъ начинать съ того, чѣмъ кончилъ Соловьевъ свою рѣчь о томъ же, и онъ, какъ маякъ, еще долго будетъ служить указателемъ пути даже для тѣхъ, кто далеко разойдется съ нимъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ» [1]).

Вліяніемъ Соловьева и сдѣланнаго имъ научнаго дѣла опредѣлился какъ преимущественный интересъ, такъ и кругъ самостоятельныхъ разысканій Василія Осиповича. Василій Осиповичъ удѣлялъ свое вниманіе, посвящалъ свои труды многообразнымъ вопросамъ и всѣмъ эпохамъ русской исторіи. Но преимущественно его изученіе сосредоточивалось на тѣхъ вѣкахъ, на тѣхъ вопросахъ, которые уже обняты были «Исторіею Россіи съ древнѣйшихъ временъ», и онъ все время какъ бы углублялъ, исправлялъ и дополнялъ труды своего учителя. Обѣ его диссертаціи, четыре части курса и большая часть статей посвящены древней до-петровской Руси и эпохѣ Петра Великаго. При этомъ больше всего вниманія и усилій мысли удѣлено Василіемъ Осиповичемъ на болѣе глубокое раскрытіе генезиса и смѣны формъ политическаго и соціальнаго строя Руси до Петра Великаго включительно, т.-е. на болѣе тщательную разработку и выполненіе тѣхъ же самыхъ научныхъ задачъ, которыя ставилъ себѣ и Соловьевъ. Захвативъ массу новаго матеріала и болѣе тщательно продумавъ его данныя, Василій Осиповичъ, какъ извѣстно, во многомъ ушелъ отъ положеній своего наставника, измѣнилъ ихъ и дополнилъ. Прежде всего онъ выработалъ иной взглядъ на общественный бытъ древней Руси въ моментъ утвержденія въ

[1]) „Научное Слово“ 1904, кн. VIII, стр. 118.

ней варяжскихъ князей. Онъ не счелъ уже возможнымъ довольствоваться теоріей родового быта, которую развивалъ Соловьевъ, призналъ, что общество къ тому времени сорганизовалось уже въ крупные политическіе союзы—городовыя волости. Ту работу жизни, которую Соловьевъ пріурочивалъ къ княжескому періоду, Василій Осиповичъ отнесъ на болѣе раннія времена и не призналъ возможнымъ приписывать князьямъ ту организующую роль, которую отвелъ имъ Соловьемъ. Въ данномъ случаѣ Ключевскій сошелся болѣе съ учеными противниками Соловьева, чѣмъ съ своимъ наставникомъ. Весь такъ называемый кіевскій періодъ русской исторіи получилъ у Василія Осиповича новое освѣщеніе благодаря тому значенію, которое онъ отвелъ въ жизни Кіевской Руси, въ формировкѣ ея общественнаго и политическаго строя, во всемъ бытовомъ складѣ—внѣшней торговлѣ. Но особенно далеко ушелъ Василій Осиповичъ отъ Соловьева въ разработкѣ удѣльной эпохи. Онъ гораздо рѣзче, чѣмъ Соловьевъ подчеркнулъ своеобразіе этого періода русской исторіи, его полное отличіе отъ предшествующаго Кіевскаго періода, облекъ въ плоть и кровь тѣ общія схемы, которыя даны были въ изложеніи Соловьева, наложилъ детали и краски на изображеніе. Очевидно, здѣсь сыграли огромную роль работы Василія Осиповича по написанію магистерской диссертаціи. Изучая критически житія святыхъ, стараясь оцѣнить ихъ, какъ историческій источникъ, Василій Осиповичъ естественно долженъ былъ прежде всего всесторонне уяснить себѣ то самое время, къ которому относилось большинство этихъ житій. Блуждая воображеніемъ вмѣстѣ съ своими святыми по лѣснымъ дебрямъ и моховымъ болотамъ русскаго сѣвера, Василій Осиповичъ съ его художественною воспріимчивостью попутно бралъ въ свою историческую перспективу всѣ персонажи, которые попадались около монастырей или были въ какихъ-нибудь съ ними отношеніяхъ: и новгородскихъ бояръ съ ихъ страдниками-холопами, и князей-колонизаторовъ и хозяевъ сѣвера, и ихъ бояръ, и крестьянъ. Изъ глухихъ пустынь его воображеніе невольно должно было переноситься и въ тѣ самые центры, куда сходились всѣ нити тогдашней хозяйственной, политической и нравственной жизни русскаго общества. Такъ, въ результатѣ спеціальнаго изученія получилось у Василія Осиповича превосходное общее знакомство съ эпохою, которое и нашло себѣ потомъ художественное выраженіе частью въ «Боярской думѣ», частью въ общемъ курсѣ русской исторіи. Страницы, посвященныя въ этихъ трудахъ удѣльной эпохѣ, навсегда останутся одною изъ лучшихъ частей его исторической картины. Болѣе глубокое и широкое изученіе источниковъ дало возможность

Василію Осиповичу наложить новыя краски и на московскій періодъ русской исторіи, дополнить изображеніе Соловьева новыми существенными подробностями и, кромѣ того, углубить и измѣнить пониманіе нѣкоторыхъ основныхъ процессовъ этого періода. Въ особенности надо отмѣтить здѣсь выясненіе экономическихъ условій зарожденія и развитія крѣпостного права на Руси.—Для XVIII и XIX вѣка Василій Осиповичъ не только углублялъ, исправлялъ и дополнялъ трудъ своего учителя, но и продолжалъ его. Онъ первый изъ русскихъ историковъ далъ въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ общую, но при этомъ въ высшей степени живую, исполненную красокъ времени, концепцію Екатерининскаго царствованія. Въ своихъ лекціяхъ и статьяхъ Василій Осиповичъ далъ превосходные абрисы и яркія картинки и изъ исторіи XIX вѣка.

Но какъ ни самостоятеленъ былъ въ своихъ научныхъ разысканіяхъ Василій Осиповичъ, какъ ни оригиналенъ въ своихъ воззрѣніяхъ, все же въ его историческихъ построеніяхъ нельзя не замѣтить и соловьевскаго наслѣдства. Такимъ наслѣдствомъ является прежде всего его теорія очередного порядка княжескаго владѣнія въ Кіевской Руси. Хотя Василій Осиповичъ и отвергъ соловьевскую теорію родового быта, все же онъ не могъ отвергнуть тѣхъ наблюденій, которыя сдѣлалъ Соловьевъ относительно распредѣленія волостей между князьями XI—XII вв., принялъ установленную Соловьевымъ схему и только позаботился о томъ, чтобы дать ей иное обоснованіе. Соловьевъ въ извѣстной мѣрѣ былъ родоначальникомъ и того объясненія, которое далъ Василій Осиповичъ происхожденію удѣльнаго строя и положенію въ немъ князя. Соловьевъ первый обратилъ вниманіе на условія колонизаціи Суздальской земли, на роль въ ея политической жизни новыхъ городовъ и селеній, возникшихъ при князьяхъ и благодаря имъ. Ключевскій развилъ эту мысль своего учителя, обставилъ ее новыми аргументами и данными источниковъ. Соловьевскимъ наслѣдствомъ является у Василія Осиповича и объясненіе возвышенія Москвы изъ сгущенія въ ея области населенія, эмигрировавшаго съ юга на сѣверъ. Наконецъ, оцѣнка и изложеніе реформы Петра Великаго являются у Василія Осиповича дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ воззрѣній на этотъ предметъ и изображенія его у Соловьева. Можно было бы указать и на другія подробности изъ историческихъ построеній Ключевскаго, свидѣтельствующія о наслѣдованіи послѣ Соловьева, но и сказаннаго, думается мнѣ, совершенно достаточно для доказательства ученой зависимости Василія Осиповича отъ его учителя.

Духовное вліяніе Соловьева отразилось не только на самыхъ

историческихъ построеніяхъ Ключевскаго, но и на его историко-философскихъ и методологическихъ воззрѣніяхъ. Извѣстно, что Соловьевъ увлекался идеею органическаго развитія народовъ, естественности, внутренней логики этого развитія. «У Соловьева,— говорилъ Василій Осиповичъ,—аналогія жизни народовъ съ жизнью отдѣльнаго человѣка, отвлеченные аргументы и, наконецъ, его столь извѣстная и любимая фраза *естественно и необходимо*, повторявшаяся при каждомъ случаѣ, какъ припѣвъ,—все вызывало въ сознаніи слушателя эту идею исторической закономѣрности» [1]). Василій Осиповичъ не такъ рѣзко подчеркивалъ эту идею, не такъ часто, быть можетъ, выражалъ ее, но, несомнѣнно, раздѣлялъ ее и примѣнялъ на дѣлѣ въ своемъ историческомъ изложеніи. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что внутренняя исторія Россіи доминируетъ у Василія Осиповича какъ въ изслѣдованіяхъ, такъ и въ изложеніи. Его интересовали именно тѣ внутренніе, логическіе процессы исторической жизни, которые развивались изъ внутреннихъ свойствъ человѣческаго общежитія подъ воздѣйствіемъ природы и другихъ внѣшнихъ условій. Извѣстно, что Соловьевъ въ данномъ случаѣ находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ воззрѣній, распространенныхъ въ области историческаго мышленія Гегелемъ. Нѣкоторые отзвуки этого отраженнаго гегельянства можно подслушать и у Василія Осиповича. «По условіямъ своего земного бытія,—говорилъ онъ на лекціяхъ,—человѣческая природа какъ въ отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣльныхъ народахъ раскрывается не вся вдругъ, а частично и прерывисто, подчиняясь обстоятельствамъ мѣста и времени». По условіямъ мѣста и времени, «отдѣльные народы, принимавшіе наиболѣе видное участіе въ историческомъ процессѣ, особенно ярко проявляли ту или другую силу человѣческой природы» [2]). Но Василій Осиповичъ, какъ и Соловьевъ, далекъ былъ отъ того, чтобы смотрѣть на народъ, какъ на простой механическій аппаратъ, воспринимающій и перерабатывающій внѣшнія вліянія. Народы въ данномъ случаѣ не одинаковы, имѣютъ каждый свою личность, свою индивидуальность. «Должно быть, каждому народу отъ природы,—говорилъ онъ,—положено воспринимать изъ окружающаго міра, какъ и изъ переживаемыхъ судебъ, и претворять въ свой характеръ не всякія, а только извѣстныя впечатлѣнія, и отсюда происходитъ разнообразіе національныхъ складовъ и типовъ» [3]). «Значеніе на-

---

[1]) Изданіе Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, отд. 1, стр. 192.

[2]) Курсъ русской исторіи, ч. I, стр. 6, Москва, 1904.

[3]) Тамъ же, стр. 386.

рода, какъ исторической личности, заключается въ его *историческомъ призваніи*, а это призваніе народа выражается въ томъ міровомъ положеніи, какое онъ создаетъ себѣ своими усиліями, и въ той идеѣ, какую онъ стремится осуществить своею дѣятельностью въ этомъ положеніи»[1]). Все это были любимыя мысли и его наставника—Сергѣя Михайловича Соловьева. Василій Осиповичъ солидаренъ былъ съ Соловьевымъ и въ общемъ взглядѣ на основные факторы историческаго процесса. «Человѣческая личность, людское общество и природа страны—вотъ тѣ три основныя историческія силы, которыя строятъ людское общежитіе»[2]). Василій Осиповичъ подобно своему учителю удѣлилъ большое вниманіе вліянію природы на исторію русскаго народа, и высказанныя имъ здѣсь соображенія во многомъ повторяютъ и развиваютъ соображенія Соловьева. Подобно Соловьеву Ключевскій придавалъ огромное значеніе рѣкамъ русской равнины. «Государственная сила, основавшись въ области истоковъ главныхъ рѣкъ равнины, естественно стремилась расширить сферу своего владычества до ихъ устьевъ, по направленію главныхъ рѣчныхъ бассейновъ, двигая и населеніе, необходимое для ихъ защиты. Такъ центръ государственной территоріи опредѣлился верховьями рѣкъ, окружность—ихъ устьями, дальнѣйшее разселеніе—направленіемъ рѣчныхъ бассейновъ. На этотъ разъ наша исторія пошла въ достаточномъ согласіи съ естественными условіями: рѣки во многомъ начертали ея программу[3]). Какъ и Соловьевъ, Ключевскій придавалъ огромное значеніе равнинному характеру нашей страны и ея естественной связи съ равнинами Азіи, откуда прикатывались къ намъ волны кочевниковъ. Что касается значенія личности въ исторіи, то и тутъ можно замѣтить родство взглядовъ Соловьева и Василія Осиповича. Для Соловьева каждая историческая личность была дѣтищемъ своей эпохи, продуктомъ историческаго развитія и сама характеризовала эпоху. Великими по оцѣнкѣ Соловьева были тѣ историческіе дѣятели, которые чутки были къ народнымъ и государственнымъ потребностямъ своего времени, сильнѣе другихъ ихъ ощущали, яснѣе другихъ понимали и энергичнѣе другихъ удовлетворяли. Подобныя же оцѣнки разсѣяны и въ курсѣ Василія Осиповича, напр., относительно Петра Великаго. Реформа Петра I, по словамъ Ключевскаго, «сама собою вышла изъ насущныхъ нуждъ государства и народа, инстинктивно почувствованныхъ вла-

---

[1]) Тамъ же, стр. 38.
[2]) Тамъ же, стр. 11.
[3]) Тамъ же, стр. 69.

стнымъ человѣкомъ съ чуткимъ умомъ и сильнымъ характеромъ, талантами, дружно совмѣстившимися въ одной изъ тѣхъ исключительно счастливо сложенныхъ натуръ, какія по неизвѣданнымъ еще причинамъ отъ времени появляются въ человѣчествѣ». Хотя эта реформа была дѣломъ непроизвольнымъ и необходимымъ, но въ способѣ, пріемахъ и размѣрѣ выполненія она была личнымъ дѣломъ великаго Петра. Преобразованіе, несомнѣнно, подготовлялось предыдущею исторіею, но это преобразованіе могло пойти и такъ, и этакъ, при мирномъ ходѣ дѣлъ могло разсрочиться на цѣлый рядъ поколѣній. Но если этого не случилось, то это уже благодаря личности Петра Великаго [1]).

Ключевскаго нерѣдко противополагаютъ Соловьеву, какъ историка-экономиста историку-юристу. Но это противоположеніе въ сущности не совсѣмъ правильно характеризуетъ взаимныя между ними отношенія. Разница между Соловьевымъ и Ключевскимъ въ данномъ случаѣ была не столько принципіальная, сколько фактическая или, если такъ можно выразиться, очередная. Соловьевъ сначала разработалъ лицевую сторону русскаго соціально-политическаго процесса, которая естественно прежде всего подпадала подъ наблюденія, освѣщаемая къ тому же и общею историческою теоріею Соловьева. Ключевскій въ своемъ изученіи и размышленіи сосредоточился преимущественно на той сторонѣ историческаго процесса, которая скрывалась за лицевою стороною, уходила въ самую глубь народной жизни. Такой интересъ Василія Осиповича обусловился не какими либо теоріями, противными теоріямъ Соловьева, а его творческимъ инстинктомъ, склонностью къ будничной житейской правдѣ, къ живому, конкретному пониманію и воспроизведенію исторической дѣйствительности. Экономистъ Ключевскій не отрицалъ, а только дополнялъ юриста Соловьева. Но какъ Соловьевъ не отвергалъ значенія экономическихъ факторовъ въ историческомъ развитіи русскаго народа, такъ и Василій Осиповичъ чуждъ былъ всякой односторонности въ своемъ экономизмѣ. Всѣмъ памятно его классическое разсужденіе на эту тему, вставленное во введеніе къ «Боярской думѣ». Сказавъ, что обыкновенно въ исторіи политическіе факты вытекаютъ изъ экономическихъ, какъ ихъ послѣдствія, Василій Осиповичъ заявляетъ, однако: «Но бываютъ и обратныя явленія. Напримѣръ, завоеваніе можетъ привести къ такому положенію, когда политическая сила измѣняетъ ходъ экономической жизни и развитія страны» [2]). И это не пустыя

---

[1]) Курсъ русской исторіи, IV, стр. 275, 291.

[2]) Боярская дума, стр. 9.

слова. Припомнимъ, какое важное значеніе отвелъ Василій Осиповичъ въ ходѣ экономической жизни древней Руси прибытію и утвержденію кочевниковъ, въ какую тѣсную связь поставилъ возникновеніе фабрично-заводской промышленности отъ внѣшнихъ задачъ, которыя легли на Московское государство въ новый періодъ его исторіи. Василій Осиповичъ, какъ извѣстно, одинъ изъ первыхъ выяснилъ экономическія условія происхожденія и развитія крѣпостного права. Но въ то же самое время никто изъ русскихъ историковъ не раскрылъ въ такой полнотѣ и опредѣленности всѣ тѣ послѣдствія, какія въ свою очередь оказалъ этотъ соціальный фактъ на экономическое развитіе русскаго народа, какъ это сдѣлалъ въ своихъ лекціяхъ Василій Осиповичъ. Ключевскій, какъ и его учитель, чуждъ былъ монистическаго пониманія историческаго процесса, старался подмѣтить и уловить въ немъ дѣйствіе не только внѣшней природы, хозяйственныхъ условій, но и психическихъ причинъ—въ видѣ привычекъ, культурныхъ навыковъ, нравовъ и идей. Онъ любилъ говорить не только о денежномъ, но и нравственномъ капиталѣ русскаго народа въ разныя историческія времена, поддерживая традицію своего учителя, дававшаго въ своей исторіи періодическія обозрѣнія внутренняго состоянія русскаго общества, но далеко превосходя его полнотою и художественностью изображенія.

Эти изображенія, а также нѣкоторыя личныя характеристики проникнуты у Василія Осиповича сплошь и рядомъ юморомъ, а подчасъ и ѣдкимъ сарказмомъ. Какъ это ни странно можетъ показаться съ перваго взгляда, но нельзя не признать и въ этой особенности литературной и преподавательской дѣятельности Ключевскаго извѣстнаго духовнаго вліянія Соловьева. По словамъ Василія Осиповича, Соловьевъ былъ не только историкъ-прагматикъ, но и историкъ-моралистъ, произносившій историческій судъ надъ людьми и ихъ дѣяніями. «Я не вижу,—говоритъ онъ,—въ этомъ научнаго грѣха: эта моралистика у Соловьева была та же прагматика, только обращенная къ сознанію своею нравственною стороною, та же научная связь причинъ и слѣдствій, только приложенная къ явленіямъ добра и зла, помышленія и дѣйствія» [1]). Такимъ же прагматикомъ-моралистомъ былъ и В. О. Ключевскій, но только по свойствамъ его таланта эта нравственная оцѣнка людей и ихъ дѣяній выражалась у него не въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ, а въ художественныхъ образахъ и описаніяхъ. Юморъ и сарказмъ

---

[1]) Изданія Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, годъ I, стр. 192.

Василія Осиповича — художественныя средства того же самаго историческаго суда, который признавалъ дѣломъ своей совѣсти и его великій наставникъ. При этомъ добродушный юморъ Василія Осиповича палъ на долю преимущественно древней до-петровской и петровской Руси, ѣдкій сарказмъ на долю екатерининской эпохи и XIX вѣка. Древняя Русь была вообще какъ-то милѣе Василію Осиповичу, чѣмъ Русь новая, послѣ-петровская. На этомъ основаніи Василія Осиповича зачисляли даже въ ряды славянофиловъ, упрекали въ идеализаціи русской старины. Объясненіе такому предпочтенію древне-русской старины надо искать, конечно, прежде всего въ личныхъ симпатіяхъ Василія Осиповича, который, какъ художникъ, долженъ былъ цѣнить простоту, прямоту и искренность, болѣзненно воспринимать все крикливое, показное и ходульное, всякое искаженіе дѣйствительности. Но несомнѣнно извѣстный толчокъ его симпатіямъ въ этомъ направленіи данъ былъ и Соловьевымъ, указывавшимъ на величіе древней Руси, заключавшееся въ ея скромности, «въ сознаніи своихъ несовершенствъ, въ сбереженной ею способности не мириться со зломъ, въ искреннемъ и горячемъ исканіи выхода въ положеніе лучшее посредствомъ просвѣщенія» [1]).

Подобно своему учителю и въ томъ же духѣ, какъ и Соловьевъ, подводилъ Ключевскій и свои итоги русской исторіи. «Вѣковыми усиліями и жертвами,—говорилъ онъ на своихъ лекціяхъ,—Россія образовала государство, подобнаго которому по составу, размѣрамъ и міровому положенію не видимъ со времени паденія Римской имперіи. Но народъ, создавшій это государство, по своимъ духовнымъ и матеріальнымъ средствамъ, еще не стоитъ въ первомъ ряду среди другихъ европейскихъ государствъ. По неблагопріятнымъ историческимъ условіямъ его внутренній ростъ не шелъ въ уровень съ его международнымъ положеніемъ, даже по временамъ задерживался этимъ положеніемъ. Мы еще не начинали жить въ полную мѣру своихъ народныхъ силъ, чувствуемыхъ, но еще не вполнѣ развернувшихся, не можемъ соперничать съ другими ни въ научной, ни въ общественно-политической, ни во многихъ другихъ областяхъ. Достигнутый уровень народныхъ силъ, накопленный запасъ народныхъ средствъ—это плоды многовѣкового труда нашихъ предковъ, результаты того, что они успѣли сдѣлать. Намъ нужно знать, чего они не успѣли сдѣлать; ихъ недоимки наши задачи» [2]). Этотъ итогъ является резюме и историческихъ трудовъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 193.

[2]) Курсъ русской исторіи I, стр. 39, 40.

и разсужденій С. М. Соловьева, разсѣянныхъ въ XIII томѣ «Исторіи Россіи», и въ публичныхъ лекціяхъ, и въ популярныхъ статьяхъ по русской исторіи. Василій Осиповичъ говорилъ тутъ in verba magistri. Какъ и Соловьевъ, Василій Осиповичъ не относился съ ученымъ олимпійствомъ, съ холоднымъ безразличіемъ къ такому результату русской исторіи. Русская исторія не была для него только одною изъ мѣстныхъ исторій, поставщицею матеріала для сооруженія научнаго зданія соціологіи. У него для русскихъ людей находились не только юмористическія или сатирическія характеристики, но и теплыя слова сочувствія и подчасъ тихой элегической скорби. «Нашъ народъ,—говорилъ онъ на одной изъ своихъ лекцій, — поставленъ былъ судьбою у восточныхъ воротъ Европы, на стражѣ ломившейся въ нихъ кочевой хищной Азіи. Цѣлые вѣка истощалъ онъ свои силы, сдерживая этотъ напоръ азіатовъ, однихъ отбивалъ, удобряя широкія донскія и волжскія степи своими и ихними костями, другихъ черезъ дверь христіанской церкви мирно вводилъ въ европейское общество... Такъ мы очутились въ арьергардѣ Европы, оберегали тылъ европейской цивилизаціи. Но сторожевая служба вездѣ неблагодарна и скоро забывается, особенно, когда она исправна: чѣмъ бдительнѣе охрана, тѣмъ спокойнѣе спится охраняемымъ, и тѣмъ менѣе расположены они цѣнить жертвы своего покоя» [1]). Съ такою же душевною скорбію говорилъ и писалъ объ историческихъ заслугахъ русскаго народа, мало цѣнимыхъ на западѣ, и Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. Душевнымъ тепломъ, глубокимъ сочувствіемъ къ многострадальному русскому народу, проникнуты всѣ творенія Соловьева и Ключевскаго. Это были историки-патріоты въ лучшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова, любившіе свой народъ, свое отечество и въ то же время умѣвшіе говорить о немъ и писать правду.

Не одинакова была манера рѣчи и письма у Соловьева и Ключевскаго. Соловьевъ всегда парилъ надъ дѣйствительностью, надъ моремъ фактовъ и событій, указывая ихъ отображенія въ мірѣ идей. Тонъ его рѣчи и письма былъ какой-то торжественный. Онъ развертывалъ передъ своими слушателями и читателями русскую исторію въ видѣ своего рода философской мистеріи. Василій Осиповичъ давалъ своимъ слушателямъ и читателямъ художественные образы, не отрывавшіе ихъ отъ дѣйствительности, но также возвышавшіе до идеальныхъ высотъ. Онъ развертывалъ передъ ними не мистерію, а реальную жизненную драму, оставлявшую, однако, его слушателей и читателей съ тѣми

---

[1]) Курсъ русской исторіи, ч. II, стр. 507, 508.

же чувствами, которыя выносятся изъ художественной мистеріи. Не одинаковъ былъ складъ ума и таланта у Соловьева и Ключевскаго. Психическія различія нерѣдко порождаютъ взаимную холодность и отчужденіе людей. Ничего подобнаго не было, насколько мнѣ извѣстно, въ отношеніяхъ между Соловьевымъ и Ключевскимъ. Соловьевъ любовно относился къ своему ученику, къ его кропотливымъ разысканіямъ, къ его мастерскому изображенію прошлаго, видя въ этомъ дальнѣйшее продолженіе и исправленіе своего труда. Самъ возвышенно настроенный, онъ любилъ отдыхать отъ этого напряженія нравственнаго сознанія въ проникнутыхъ юморомъ и сарказмомъ разсказахъ своего ученика. Василій Осиповичъ не оставался въ долгу у своего учителя и до конца дней своихъ не переставалъ поминать его съ великимъ піэтетомъ и признательностью, не переставалъ цѣнить то огромное дѣло, которое было имъ сдѣлано. Поэтому, думается мнѣ, напрасны и тщетны предпринимаемыя иногда усилія отдѣлить духовно Ключевскаго отъ Соловьева, перессорить ихъ, такъ сказать, послѣ смерти. Они останутся близкими по духу, по совмѣстной работѣ надъ прошлымъ русскаго народа, по любви къ этому народу.

Да будетъ имъ вѣчная память и благодарность отъ всѣхъ насъ и отъ послѣдующихъ за нами поколѣній!

М. Любавскій.

В. О. Ключевскій и Б. Н. Чичеринъ.

При оцѣнкѣ научныхъ заслугъ В. О. Ключевскаго необходимо имѣть въ виду, что великій русскій историкъ былъ не только первоклассным изслѣдователемъ, который продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ и учителей, но и ученымъ, принадлежавшимъ къ числу немногихъ избранныхъ натуръ, призванныхъ прокладывать новые пути человѣческой мысли. Такіе люди, какъ говорится,— «дѣлаютъ эпохи» въ тѣхъ областяхъ, куда направляютъ они творческія силы своего оригинальнаго генія. Ихъ имена отмѣчаютъ поворотные моменты въ процессѣ развитія культуры духа, полагая глубокія грани въ пространствѣ временъ. Это творцы новыхъ цѣнностей, люди, которые не только оставляютъ позади себя неизгладимый слѣдъ, но и надолго предопредѣляютъ грядущее. Порывая со старой, они создаютъ новую традицію.

Таковъ именно и былъ В. О. Ключевскій, ученый перваго ранга, родоначальникъ новой исторической школы, великій учитель, несравненный художникъ слова и мысли, гордость науки и гордость Россіи.

Понятно, что при такихъ условіяхъ совершенно немыслимо подходить къ Ключевскому съ обычнымъ масштабомъ академической оцѣнки, примѣнимой къ любому рядовому дѣятелю науки. Мы положительно рисковали бы вовсе не понять Ключевскаго, если бы взглянули на него только какъ на продолжателя его учителей или отнесли его къ числу «учениковъ С. М. Соловьева», какъ любилъ—съ преувеличенной скромностью—называть себя самъ великій историкъ. Незабвенная заслуга Ключевскаго въ томъ именно и заключалась, что онъ имѣлъ смѣлость *не идти* по протореннымъ уже путямъ и рѣшительно выступилъ въ роли *историка-реформатора.* Являясь дѣйствительно университетскимъ ученикомъ Соловьева, авторъ «Боярской Думы» однако не сдѣлался послѣдователемъ его «школы» и пошелъ своей собственной дорогой. Рожденный для того, чтобы стать *учителемъ,* Ключевскій естественно

не могъ быть ничьимъ ученикомъ. Онъ долженъ былъ, въ силу своего научнаго призванія, занять совершенно самостоятельное положеніе въ русской исторической наукѣ, *смѣнивъ* Соловьева на его учительскомъ мѣстѣ. Поэтому установить правильный взглядъ на Ключевскаго возможно только въ томъ случаѣ, если мы выдвинемъ на первый планъ его значеніе, какъ *главы новаго историческаго направленія,* утвердившаго новый *методъ* въ русской исторической наукѣ.

Только съ этой точки зрѣнія сумѣемъ мы какъ оцѣнить по достоинству тотъ вкладъ, который внесъ онъ въ сокровищницу историческаго знанія, такъ и установить надлежащее *соотношеніе* между нимъ и его предшественниками. Такимъ образомъ совершенно очевидно, что въ конечномъ счетѣ обѣ указанныя проблемы сводятся все къ тому же основному вопросу о взаимоотношеніи двухъ, смѣнившихъ одна другую, историческихъ школъ—школы Ключевскаго и той, къ которой принадлежали его учителя, С. М. Соловьевъ и Б. Н. Чичеринъ, наиболѣе повлiявшіе на автора «Боярской Думы» и «Курса русской исторіи». Только установивъ необходимыя перспективныя точки зрѣнія, мы будемъ въ состояніи понять, какъ могъ Ключевскій, сохраняя органическую *преемственность научной работы,* въ то же время рѣшительно порвать съ *научной традиціей* старой исторической школы. Ключевскій, дѣйствительно, сумѣлъ—съ одной стороны—выдѣлить въ трудахъ своихъ предшественниковъ все наиболѣе цѣнное и существенное, что должно было войти, какъ прочное достояніе, въ научный оборотъ, съ другой—сумѣлъ вложить въ реципированныя схемы столько новаго пониманія и содержанія, что въ его интерпретаціи знакомыя построенія и факты пріобрѣтали совершенно новый смыслъ и какъ бы перерождались. Творческій геній Ключевскаго не могъ довольствоваться простымъ «заимствованіемъ» готоваго. Великій историкъ всегда сохранялъ свое независимое и свободное отношеніе къ трудамъ своихъ предшественниковъ, являясь во всеоружіи спеціальной эрудиціи. Онъ *принималъ* только то, на что его уполномочивалъ проникновенный анализъ источниковъ, въ такомъ совершенствѣ имъ изученныхъ. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ онъ становился какъ бы вторымъ творцомъ научныхъ теорій, высказанныхъ до него, но окончательно установленныхъ и, такъ сказать, канонизированныхъ имъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что Ключевскій, являясь по преимуществу созидателемъ, никогда не подчеркиваетъ оригинальности своихъ взглядовъ. Чуждаясь всякой полемики, никогда не выступая въ роли «разрушителя», онъ лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ вдавался въ

критику чьихъ-либо воззрѣній. Его вниманіе было всецѣло поглощено *положительной,* конструктивной задачей построенія законченныхъ научныхъ выводовъ, отмѣченныхъ печатью тонкаго изящества мысли. Авторъ даже какъ будто бы сознательно маскировалъ новаторскій характеръ своихъ руководящихъ выводовъ. Не растрачивая своихъ силъ на литературную борьбу, не заявляя о своихъ авторскихъ правахъ, Ключевскій прямо шелъ къ своей цѣли—познанію сокровенныхъ тайнъ историческаго процесса. Онъ имѣлъ дѣло только съ *исторіей,* а не съ историками. Замкнувшись въ самомъ себѣ, онъ творилъ, не задѣвая чужихъ самолюбій, не отвѣчая и на злыя нападки, направленныя противъ него. Само собою разумѣется, что научныя положенія, утвержденныя имъ, нимало не теряли отъ этого въ своей силѣ и своемъ вліяніи. Въ нихъ implicite былъ уже заключенъ и судъ, и приговоръ, и санкція и отрицаніе. Традиціонныя схемы въ процессѣ подобнаго рода созидательной органической работы падали, такъ сказать, сами собой, не требуя особаго развѣнчанія. При этомъ великій мастеръ съ такимъ искусствомъ умѣлъ вкладывать новый смыслъ и содержаніе въ привычные историческіе факты и категоріи, что съ перваго взгляда, пожалуй, могло даже показаться, что никакихъ существенныхъ измѣненій въ дѣйствительности и не произошло. Однако при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи не трудно было замѣтить, какое огромное разстояніе отдѣляетъ «ученика» отъ его «учителей».

Это разстояніе—какъ уже было указано выше—измѣрялось принципіальнымъ различіемъ тѣхъ *методовъ,* которыми оперировала та и другая сторона. Вопросъ шелъ не о замѣнѣ одной очередной «теоріи», напр., «родовой», какой-либо иной, напр., «общинной», а о двухъ *историческихъ міросозерцаніяхъ,* двухъ школахъ, преемственно связанныхъ между собой и послѣдовательно отрицавшихъ одна другую. Поэтому, не выяснивъ отмѣченной *принципіальной* стороны вопроса, мы не сумѣли бы установить правильнаго соотношенія между Ключевскимъ и его предшественниками, въ частности между имъ и Б. Н. Чичеринымъ. Конечно, не трудно было бы указать тѣ общія точки соприкосновенія, которыя въ однихъ случаяхъ, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, въ другихъ—дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ вліяніе на взгляды Ключевскаго такихъ авторовъ, какъ С. Соловьевъ, К. Кавелинъ, Б. Чичеринъ, И. Забѣлинъ, А. Щаповъ, К. Аксаковъ и др. Однако одного простого установленія подобнаго рода связи далеко еще не достаточно для рѣшенія поставленнаго вопроса. Сущность проблемы въ данномъ случаѣ лежитъ гораздо глубже, она заключается въ самомъ отношеніи Ключевскаго къ построеніямъ его предшественниковъ,—отно-

шеніи, которое обусловливалось различіемъ *міросозерцаній* историковъ двухъ школъ. Съ опредѣленія этого различія мы и должны начать нашъ анализъ.

Прежде всего остановимся на предшественникахъ Ключевскаго.

Историческая школа, къ которой принадлежали и Соловьевъ и Чичеринъ, наиболѣе чтимые учителя автора «Боярской Думы», сложилась у насъ въ 40-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Школа эта образовалась подъ мощнымъ вліяніемъ руководящихъ идейныхъ теченій начала XIX вѣка—идеалистической философіи Шеллинга и Гегеля, съ одной стороны, и такъ называемой «исторической школы» Савиньи, съ другой. Отмѣченный фактъ, можно сказать, имѣлъ рѣшающее значеніе въ процессѣ развитія русской исторической мысли дореформенной эпохи. Имъ опредѣлялось, именно, самое *направленіе* исторической науки, ея методъ и конечныя цѣли изслѣдованія.

Въ самомъ дѣлѣ, мы не должны забывать, что это было время, когда на широкомъ общефилософскомъ основаніи впервые было воздвигнуто стройное зданіе романтической «философіи исторіи», безраздѣльно покорившей себѣ наиболѣе видные умы какъ на Западѣ, такъ и въ Россіи. Новая доктрина, дѣйствительно, подкупала своимъ всеобъемлющимъ универсализмомъ и строгой выдержанностью монистическаго принципа. Она поняла міръ, со всѣмъ его безконечнымъ многообразіемъ, какъ единый *логическій* процессъ *саморазвитія* вселенскаго Духа, стремящагося въ исторіи къ своему *самосознанію*. Въ таинствѣ этого извѣчнаго пресуществленія всемірно-историческая жизнь человѣчества должна была манифестировать не что иное, какъ непрерывное и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое восхожденіе мірового Духа въ царство абсолютной свободы. Отдѣльные «историческіе» народы, въ свою очередь, должны были знаменовать собой въ указанномъ процессѣ только извѣстные моменты, состоянія или «возрасты», разъ навсегда пройденные божественной идей по пути къ ея конечной цѣли. Но зато каждый изъ этихъ «избранныхъ» народовъ, пріобщаясь тѣмъ самымъ міровой жизни, становился носителемъ какого-нибудь общечеловѣческаго субстанціональнаго «начала», которое постепенно раскрывалось по мѣрѣ того, какъ данный народъ достигалъ своего *національнаго самоопредѣленія*. При такихъ условіяхъ *абсолютное*, всемірно - историческое значеніе «національной идеи» не подлежало никакому сомнѣнію. Этой идеей въ концѣ-концовъ—согласно теоріи—и должна была опредѣляться какъ историческая «миссія» или «міровое призваніе» народа, такъ и тотъ самобытный «вкладъ», который суждено было ему внести въ сокровищ-

ницу общечеловѣческой культуры. Отсюда понятно, что цѣлью историческаго познанія, при такой точкѣ зрѣнія, поставлялось *историческое самопознаніе* [1]), т.-е. опредѣленіе тѣхъ «исконныхъ» началъ народной жизни, которыя, являясь исключительной принадлежностью извѣстной націи, были глубоко сокрыты въ тайникахъ ея «народнаго духа», органически «изъ себя» развивающагося. Изъ этихъ-то «началъ» и должна была быть выведена самая *исторія народа*.

Такимъ образомъ *національная идея* становилась однимъ изъ руководящихъ принциповъ идеалистической исторіографіи. Не трудно однако предугадать, къ какимъ послѣдствіямъ должна была привести усиленная культивировка этой идеи на исторической почвѣ. Прежде всего она должна была вызвать мысль о «совершенномъ своеобразіи» всякой національной исторіи, призванной сказать «свое слово» міру и потому не соизмѣримой ни съ какой иной исторіей. Каждый народъ, съ этой точки зрѣнія, являлся, въ полномъ смыслѣ слова, историческимъ unicum. Такъ, именно, и рѣшили данный вопросъ русскіе историки-идеалисты. Устами Кавелина провозгласили они категорическую формулу, что «русская исторія не похожа ни на какую другую исторію» въ мірѣ [2]) и что русскій народъ представляетъ изъ себя совершенно «небывалую соціальную формацію» [3]). Но дѣло не ограничивалось одной только декларацiей «безпримѣрной своеобразности» русскаго историческаго процесса. Въ дальнѣйшемъ эта *своеобразность* русской исторіи была истолкована въ смыслѣ ея полной *противоположности* исторіи западно-европейскихъ народовъ. Сложилась даже цѣлая теорія, утверждавшая, что историческое развитіе русской народности—«этого удивительнаго племени»—шло какъ разъ «обратно» тому, какъ оно шло на Западѣ [4]). Міръ славянскій и міръ германскій, съ указанной точки зрѣнія, должны были являться двумя мірами *качественно* отличными, діалектически и субстанціонально непримиримыми въ своей «противоположности»...

И какъ бы ни расходились иногда историки романтической школы въ самой оцѣнкѣ національныхъ основъ русской жизни—которыя однимъ изъ нихъ представлялись какъ великое преимущество Россіи, другимъ—какъ ея печальное историческое наслѣдіе—они всѣ, однако, согласно утверждали, что русская исторія, въ

---

[1]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. I, 6; Историческія поминки по историкѣ, стр. 177 (Моск. Унив. Извѣстія, 1866—7 г., № 3).

[2]) Кавелинъ. Сочиненія, т. I, стр. 7.

[3]) *Ibid.*, стр. 626.

[4]) Ibid., стр. 201.

противовѣсъ западно-европейской, не знала ни внутренней «борьбы», ни сословій, ни общественныхъ классовъ, ни аристократіи землевладѣнія, ни аристократіи капитала, ни «городовъ», ни пролетаріата, ни феодализма, ни революцій,—словомъ, ничего, чѣмъ обычно характеризуется исторія цивилизаціи народовъ Запада. И даже въ тѣхъ случаяхъ, когда историкамъ приходилось все же констатировать нѣкоторыя «разительныя сходства» въ прошломъ русскаго и западныхъ народовъ, они спѣшили подчеркнуть, что за этимъ «внѣшнимъ» и «поверхностнымъ» сходствомъ скрывается рѣзкая «противоположность предметовъ разнородныхъ» по самой своей природѣ [1]). Призваніе историковъ романтической школы въ томъ именно и заключалось, чтобы, не поддаваясь соблазнамъ *исторической дѣйствительности*, вскрыть тѣ метаисторическія «начала» и «стихіи», которыя направляли жизнь каждаго отдѣльнаго народа. Здѣсь-то и сказывалась наиболѣе ярко одна изъ методологическихъ особенностей идеалистической исторіографіи, особенность, опредѣлявшая прежде всего довольно своеобразное отношеніе историковъ этой школы къ историческимъ матеріаламъ и фактамъ.

Понявъ развитіе вселенной, какъ развитіе единой въ себѣ міровой идеи, послѣдовательно воплощавшейся въ жизни «избранныхъ» націй, философія исторіи XIX ст. тѣмъ самымъ послѣдовательно превращала процессъ *историческій* въ процессъ *діалектическій;* историческую *логику событій* она замѣняла *логикой понятій,* апріористически постулируя свои произвольныя схемы, гдѣ *начала* «личности», «государственности» и т. п., чередовались въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ. Въ своихъ «діалектическихъ импровизаціяхъ»—по удачному выраженію Ключевскаго—историки старой школы, дѣйствительно, обнаруживали довольно ограниченный интересъ къ разработкѣ сырого историческаго матеріала. Послѣдній въ ихъ построеніяхъ «на глазомѣръ» игралъ вообще подчиненную, второстепенную роль. Предоставляя любителямъ древностей «рыться въ старой пыли исторіи», они сами предпочитали философически «размышлять надъ фактами» [2]). Мы не должны забывать, что—согласно теоріи—самобытныя руководящія «начала» національнаго развитія извѣстной народности должны были быть выведны непосредственно изъ ея «народнаго духа», какъ нѣчто напередъ данное, исконное, сверхисторическое. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ идеалистическая исторіографія была такъ богата всякаго рода «теоріями» и «взглядами» на сущность русскаго исто-

---

[1]) Кавелинъ, op. cit., т. I, стр. 201, 120.

[2]) Слова Чаадаева.

рическаго процесса и взгляды эти отличались столь разительной противорѣчивостью[1]). Иначе, конечно, и быть не могло при томъ «вольномъ обращеніи съ исторіей», какимъ отличалась вообще идеалистическая школа историковъ въ лицѣ даже наиболѣе умѣренныхъ своихъ представителей. Строить тѣ или иныя схемы при указанныхъ условіяхъ было тѣмъ легче, что изслѣдователь не затруднялъ себя микроскопическими наблюденіями надъ историческими явленіями и ихъ всестороннимъ анализомъ. Онъ ограничивался минимумомъ фактическихъ данныхъ, привлекая ихъ скорѣе въ качествѣ иллюстрацій, чѣмъ доказательства. Въ этомъ смыслѣ нельзя, напр., не отмѣтить поразительной бѣдности того историческаго матеріала, на которомъ базировалъ свою знаменитую теорію авторъ «Взгляда на юридическій бытъ древней Руси».

Но, скользя такимъ образомъ взыскующей мыслью по поверхности исторической дѣйствительности, историкъ-философъ съ тѣмъ бо́льшей готовностью оперировалъ такими общими понятіями, какъ «народъ», «государство», «общество», «народный духъ», которыми онъ пользовался всякій разъ, когда требовалось объяснить тайный смыслъ процесса національной исторіи. Его подкупала при этомъ кристаллическая ясность импровизированныхъ имъ логическихъ схемъ и спекулятивныхъ построеній, создававшая иллюзію законченной научной теоріи. Историкъ, повидимому, и не подозрѣвалъ, что на самомъ дѣлѣ онъ останавливался въ своихъ изысканіяхъ, такъ сказать, у самаго порога исторіи даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему удавалось сдѣлать очень удачное наблюденіе, бросить свѣтлую мысль. Дѣйствительно, вмѣсто того, чтобы *раскрыть* историческій смыслъ и содержаніе названныхъ выше *понятій*, онъ, напротивъ, съ помощью этихъ «неизвѣстныхъ» пытался разрѣшить всѣ вопросы и всѣ контроверзы, стоявшіе передъ нимъ. Въ результатѣ же при такихъ условіяхъ оказывалось, что *схема* русскаго историческаго процесса была дана прежде, чѣмъ самый этотъ *процессъ* сдѣлался предметомъ спеціальной научной разработки. Но зато основная цѣль, поставленная на очередь историками старой школы, была достигнута: spiritus movens русской исторіи, ея руководящее «начало», въ той или иной формѣ, было найдено.

Таковы были конечные результаты торжества *національной идеи* въ русской исторической наукѣ. И слѣдуетъ признать, что торжество названной идеи было настолько полнымъ и рѣшительнымъ, что съ отголосками ея намъ до сихъ поръ еще приходится считаться въ русской исторической наукѣ, гдѣ до послѣдняго времени можно было

[1]) Ключевскій. Боярская дума, стр. 47—50. (Рус. Мысль, 1880 г. III).

встрѣтить воспроизведеніе знаменитыхъ парадоксовъ погодинской «Параллели русской исторіи съ исторіей западныхъ государствъ».

Однако указанными результатами далеко еще не исчерпывалось вліяніе идеалистической философіи исторіи на русскую историческую мысль. На ряду съ идеей *національнаго развитія* она выдвинула съ такой же силой и *идею государства*, какъ наивысшаго выраженія «народнаго духа» во всемірной исторіи.

Идеалистическая философія, можно сказать, обоготворила государство, увидѣвъ въ немъ откровенный символъ «историческаго» призванія народовъ, совершенную форму національнаго самоопредѣленія. «Государство,—говорилъ Чичеринъ,—есть высшая форма общежитія, высшее проявленіе народности въ общественной сферѣ. Въ немъ неопредѣленная *народность*... собирается въ единое тѣло, получаетъ единое *отечество*, становится *народомъ*» [1]) (курс. Ч.). «Только въ государствѣ народъ заявляетъ свое историческое существованіе, свою способность исторической жизни»,—заключаетъ ту же мысль и Соловьевъ [2]).

Естественно, что при подобныхъ предпосылкахъ русскіе историки солидарно переносили главный интересъ научнаго изслѣдованія на *проблему о государствѣ*. Вопросъ о происхожденіи, развитіи и національныхъ особенностяхъ русскаго государства положительно гипнотизировалъ ихъ умы. Съ этого, именно, момента въ русской исторической литературѣ и утверждается окончательно *государственная* точка зрѣнія, т.-е. тотъ взглядъ «сверху» на прошлое русскаго народа, которымъ въ значительной мѣрѣ предопредѣлялись самые пути развитія научной мысли. И дѣйствительно, при указанной постановкѣ вопроса въ глазахъ изслѣдователей вся русская исторія по существу сводилась къ исторіи русской «государственности» или, что то же, къ исторіи государственной власти и правительственной регламентаціи. Говоря иначе, совершался сознательный подмѣнъ самаго объекта исторической науки: все необозримое богатство ея содержанія оказывалось втиснутымъ въ узкія рамки одной опредѣленной группы историческихъ явленій. Съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ господствовавшей тогда философіи исторіи подобный методъ не только не заключалъ въ себѣ ничего недопустимаго, но и являлся вполнѣ цѣлесообразнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, не забудемъ, что романтическая школа смѣло ставила знакъ равенства между такими понятіями, какъ «государство», «правительство», «государственная власть», съ одной стороны, и «народъ», «общество»—съ другой. Въ ея глазахъ, какъ мы видѣли, государство

[1]) Б. Чичеринъ. Опыты по исторіи русскаго права, стр. 309.
[2]) С. Соловьевъ. Историческія поминки по историкѣ, стр. 179.

являлось живымъ воплощеніемъ «народнаго духа», а потому она и считала себя въ правѣ отожествлять исторію государства съ исторіей народа, замѣняя въ то же время одно другимъ.

Задача историка при такихъ условіяхъ, очевидно, значительно упрощалась. Ему не было необходимости и въ данномъ случаѣ спускаться въ самыя нѣдра историческаго процесса, къ истокамъ народной жизни, онъ прямо восходилъ къ ея политическимъ вершинамъ, бросалъ оттуда свой «взглядъ» въ пространство вѣковъ и затѣмъ зачерчивалъ ту или иную схему «исторіи русскаго государства». «Правительство,—писалъ Соловьевъ,—какая бы ни была его форма, представляетъ свой народъ; въ немъ народъ олицетворяется, а потому оно было, есть и будетъ всегда на первомъ планѣ для историка. Исторія имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что движется, видно, дѣйствуетъ, заявляетъ о себѣ, и потому (!) для исторіи нѣтъ возможности имѣть дѣло съ народными массами, она имѣетъ дѣло только съ представителями народа, историческими дѣятелями». Вычеркнувъ такимъ путемъ «народныя массы» изъ исторіи, Соловьевъ дѣлаетъ при этомъ и характерное разъясненіе. Если,—говоритъ онъ,—правительство олицетворяетъ свой народъ, то ясно что «историкъ, имѣющій на первомъ планѣ государственную жизнь, на томъ же планѣ имѣетъ и народную жизнь»[1]). Такимъ образомъ побѣда государственной точки зрѣнія оказывалась полной, а «внутренняя» исторія народа приносилась въ жертву «историческимъ личностямъ», офиціальнымъ героямъ всемірной исторіи, какъ того и требовала теорія.

Совершенно очевидно, что при такомъ аспектѣ *соціальная* исторія должна была отойти у историковъ-идеалистовъ на самый задній планъ, уступивъ свое мѣсто исторіи *политической* въ собственномъ смыслѣ этого слова. И они, дѣйствительно, принялись за ея систематическую разработку.

Конечно, столь исключительное вниманіе къ вопросамъ государственной исторіи не могло не наложить особаго отпечатка и съ этой стороны на идеалистическую исторіографію. Можно было бы даже сказать, что именно подъ вліяніемъ «государственной» идеи, русская историческая мысль первой половины XIX ст. окончательно завершила процессъ своего самоопредѣленія, создавъ *національно-государственную историческую школу*, т.-е. школу предшественниковъ Ключевскаго.

Вліяніе государственной точки зрѣнія сказалось прежде всего на самомъ подборѣ подлежащаго научной обработкѣ историческаго матеріала. Доминирующая роль въ настоящемъ случаѣ, какъ и слѣдо-

[1]) Соловьевъ. Сочиненія, стр. 1123—1127. Чичеринъ. Опыты, стр., 234.

вало ожидать, выпала на долю актовъ государственной власти, офиціальныхъ памятниковъ законодательства, дипломатическихъ документовъ,—словомъ, матеріала юридическаго по преимуществу. При этомъ рука объ руку съ историками шли также и историки права. Послѣдніе принялись съ особенной энергіей разрабатывать исторію институтовъ публичнаго права и государственныхъ учрежденій, почти совершенно игнорируя исторію права гражданскаго. Естественно, что въ трудахъ юристовъ означенная выше государственная точка зрѣнія получила еще болѣе специфическое развитіе. Исторія права у нихъ нерѣдко превращалась просто въ «исторію законодательства», а исторія политическихъ учрежденій и публично-правовыхъ институтовъ сводилась къ детальному описанію государственнаго механизма Россіи и «указной» интерпретаціи. Не удивительно поэтому, что даже и въ сферѣ очерченнаго круга ограниченнаго научнаго интереса историки-государственники далеко не выполнили своего призванія. Говоря словами Ключевскаго, они не пошли далѣе установленія чисто «техническаго взгляда» на исторію государства россійскаго[1]). Описавъ устройство государственной машины, ея составныхъ частей, передачъ, они однако оставляли безъ разсмотрѣнія вопросъ о тѣхъ живыхъ *историческихъ* силахъ, которыя приводили въ движеніе этотъ сложный аппаратъ, и о томъ «соціальномъ матеріалѣ», изъ котораго были сдѣланы его отдѣльныя части[2]). Въ данномъ пунктѣ историки старой школы подходили къ той заколдованной чертѣ, черезъ которую они никогда не дерзали переступить и которая такъ рѣзко отдѣляла ихъ отъ школы Ключевскаго.

Но доведенная до своего предѣла указанная односторонность взгляда приводила историковъ національно-государственной школы и къ другой крайности. Вращаясь постоянно въ «порочномъ кругѣ» однихъ и тѣхъ же историческихъ фактовъ и представленій, сосредоточивъ все свое вниманіе на государственной исторіи «русскаго народа», они въ концѣ-концовъ настолько сжились съ извѣстными традиціонными понятіями и схемами, что свои собственныя одностороннія обобщенія приняли за историческую дѣйствительность и даже, въ довершеніе всего, возвели ихъ на степень національныхъ самобытныхъ «началъ» русской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, не углубляя своего анализа внутрь историческаго процесса и будучи хорошо знакомы только съ «государственной» исторіей Россіи, историки дореформенной эпохи, въ конечномъ итогѣ своихъ построеній сдѣлали тотъ заключительный выводъ, что русская исторія и не знаетъ ни-

---

[1]) Рус. Мысль, 1880, I, стр. 41—42. [2]) Ibid, стр. 53.

какой иной исторіи, кромѣ *государственной*, т.-е. что единственнымъ двигателемъ и вершителемъ судебъ русскаго *народа* во всѣ времена его историческаго развитія была всесозидающая государственная власть. Что же касается этого самаго народа, то, по утвержденію тѣхъ же историковъ, онъ, напротивъ, представлялъ изъ себя не что иное, какъ «жидкую» массу, пассивный сырой матеріалъ, «калужское тѣсто», по выраженію Кавелина, изъ котораго правительство пекло все, что ему было угодно [1]).

Такимъ образомъ оказывалось, что русскій народъ самъ не принималъ никакого активнаго участія какъ въ своихъ собственныхъ судьбахъ, такъ и въ судьбахъ того государства, которое должно было однако являться отраженіемъ его «національнаго духа». Этотъ народъ объявленъ былъ даже, по своей природѣ, народомъ «негосударственнымъ». И дѣйствительно, по утвержденію историковъ, особенно Чичерина, оказывалось, что въ то время, какъ государственная власть, не покладая рукъ, трудилась надъ возведеніемъ своеобразной «храмины» русскаго государства, народъ, напротивъ, только и дѣлалъ, что уклонялся отъ «государева тягла», «брелъ розно», бѣжалъ въ казаки и непрерывно «кочевалъ» [2]). Такимъ образомъ, по словамъ автора «Областныхъ учрежденій», «государство» на Руси «нашло вокругъ себя чистое поле» и вынуждено было съ великими «хлопотами» приняться за постройку на «пустомъ мѣстѣ» своего собственнаго зданія, которое при такихъ условіяхъ должно было получить совершенно оригинальный видъ и оборудованіе [3]). Понятно, что съ указанной точки зрѣнія русскому «народу» не находилось самостоятельнаго мѣста въ исторіи русскаго «государства» и онъ третировался, какъ quantité négligeable.

Заключительный выводъ изъ всѣхъ этихъ положеній напрашивался самъ собой, и историки національно-государственной школы не замедлили его сдѣлать: «Вся русская исторія,—писалъ Кавелинъ,—какъ древняя, такъ и новая, есть по преимуществу государственная... Еще Карамзинъ, руководимый вѣрнымъ чувствомъ, назвалъ свое знаменитое сочиненіе «Исторіей *государства* Россійскаго». Дѣйствительно, политическій, государственный элементъ представляетъ покуда единственно-живую сторону нашей исторіи, сосредоточиваетъ въ себѣ весь смыслъ и всю жизнь древней Руси» [4]). Еще конкретнѣе ту же мысль выразилъ Чичеринъ, заявивши, что «у насъ княжеская власть сдѣлалась единственнымъ двигателемъ

---

[1]) Соловьевъ. Сочиненія, стр. 789, 876—7, 888; *Вѣстникъ Европы*, 1886 г., X, стр. 745—6. [2]) Опыты, стр. 25, 173—4, 385. [3]) Областныя учрежденія, стр. 575. [4]) Op. cit., т. I, стр. 134.

народной жизни»[1]). Но, какъ уже было отмѣчено выше, усиленно подчеркивая столь «безпримѣрный» характеръ русскаго историческаго процесса, идеалисты-историки въ то же время возводили эту «характерическую особенность» русскаго народа на степень его исключительно національнаго свойства, видѣли въ ней проявленіе его «національнаго генія». Именно въ «развитіи государства», по ихъ мнѣнію, не только сказалось коренное, «существенное значеніе» русской исторіи, но и ея «всемірно-историческое» призваніе. «Духъ русскаго народа,—резюмировалъ Чичеринъ,—выразился преимущественно въ созданіи государства: отсюда истекаютъ основныя начала его общественной жизни»[2]). Оставалось, слѣдовательно, разъяснить только, въ какой мѣрѣ эти «основныя начала» могли получить свое признаніе въ русской исторіи. Но отвѣтъ и въ данномъ случаѣ былъ уже предрѣшенъ.

Какъ мы видѣли, «школа» признала, что русскій народъ не принималъ никакого участія въ дѣлѣ строительства русскаго государства и что это самое «государство,—говоря словами того же Чичерина,—организовалось сверху, дѣйствіемъ правительства, а не самостоятельными усиліями гражданъ»[3]). Отсюда понятно, что и «ключомъ къ уразумѣнію всего нашего общественнаго быта» она должна была считать все ту же исторію государственной власти. Созданіемъ этой послѣдней, съ ея точки зрѣнія, долженъ былъ являться не только государственный строй, но и общественный порядокъ, смѣнявшійся въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ «государственныхъ» потребностей. Являясь «исходной точкой общественнаго движенія», верховная власть въ Россіи и въ дальнѣйшемъ, согласно той же теоріи, продолжала оставаться единственнымъ «зодчимъ» русскаго общества[4]). Именно правительству, а никому иному, обязана Россія тѣмъ, что она есть; благодаря его попеченію безразличная масса русскаго народа получила извѣстную организацію, сгруппировалась по разнымъ «чинамъ» и общественнымъ «состояніямъ». Долго, по картинному выраженію Соловьева, «правительственное начало кружило по неизмѣримымъ пространствамъ» бродячей Руси[5]), какъ Духъ святой надъ первобытнымъ хаосомъ, пока не сказало оно, наконецъ, своего историческаго «да будетъ свѣтъ», «да будетъ русское государство и русскій народъ»! Такъ «сверху внизъ», вопреки всѣмъ правиламъ архитектуры, строилось зданіе русскаго общества изъ вѣка въ вѣкъ. «Совершен-

---

[1]) Опыты, стр. 10—11, 285. [2]) Ibid., стр. 139, 232, 358. [3]) Опыты, стр. 381—382. О народномъ представительствѣ. стр. 525, 528. Областныя учрежденія, стр. 36, 47. [4]) Опыты, стр. 382—3. [5]) Сочиненія, стр. 789.

ная своеобразность» нашего національнаго развитія и въ данномъ случаѣ, по сравненію съ западно-европейскими народами, была поставлена внѣ всякаго сомнѣнія: «то общественное устройство, которое на Западѣ,—по утвержденію Чичерина,—установилось само собой, дѣятельностью общества, вслѣдствіе взаимныхъ отношеній разнообразныхъ его элементовъ, въ Россіи получило бытіе отъ государства..., подчиняясь мановенію сверху»[1]). Такимъ образомъ въ исторической литературѣ середины XIX ст., въ концѣ-концовъ, былъ прочно утвержденъ научный принципъ, лаконически, но выразительно формулированный Кавелинымъ, что «въ Европѣ все дѣлалось снизу, а у насъ—сверху»[2]).

Таковы въ основныхъ своихъ чертахъ были ближайшія послѣдствія длительнаго деспотическаго господства *національно-государственной* точки зрѣнія въ русской исторической наукѣ.

Мы видѣли вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ общемъ хорѣ согласныхъ голосовъ историковъ идеалистической школы одно изъ видныхъ мѣстъ принадлежало также и Б. Н. Чичерину, который едва-ли не болѣе, чѣмъ кто-либо, испыталъ на себѣ вліяніе направляющихъ идейныхъ теченій своего времени. Про Чичерина можно было бы даже сказать, что въ кругу своихъ академическихъ сверстниковъ онъ былъ безспорно самой философской натурой и въ этомъ смыслѣ былъ особенно глубоко захваченъ философскими переживаніями эпохи «трансцедентальной реакціи». Въ самомъ дѣлѣ, если увлеченіе гегельянствомъ, напр., у С. Соловьева было довольно поверхностнымъ и скоро преходящимъ, и ему пришлось, въ концѣ-концовъ, сознаться, что «отвлеченность была не по немъ»[3]), то Б. Н. Чичеринъ, напротивъ, какъ на это указалъ въ свое время К. Бестужевъ-Рюминъ, былъ страстнымъ поклонникомъ и проповѣдникомъ философіи Гегеля[4]). И дѣйствительно, несмотря на то, что въ своихъ историческохъ «опытахъ» Чичеринъ не разъ высказывался противъ «умозрительныхъ» построеній въ исторіи и даже заявлялъ, что «въ настоящую эпоху науки естественныя и историческія двигаются другимъ путемъ... посредствомъ наблюденій и опытнаго анализа»[5]), тѣмъ не менѣе неисправимый гегельянецъ смотритъ на насъ съ каждой страницы его блестящихъ трактатовъ. Несомнѣнно, авторъ обнаруживалъ довольно ясную тенденцію къ примиренію умозрительнаго и опытнаго знанія[6]) и неоднократно подчеркивалъ при этомъ, что

---

[1]) О народномъ представительствѣ, стр. 525, 528. [2]) Сочиненія, т. I, стр. 566 (О книгѣ г. Чичерина). [3]) Записки С. Соловьева, стр. 455 (Вѣстн. Европы, 1907 г., IV). [4]) Воспоминанія (изд. 1900 г.), стр. 37. [5]) Опыты, стр. 371—374. [6]) Онъ положительно стремился, по его признанію, къ „установленію вожделѣннаго согласія различныхъ областей знанія и различныхъ путей изслѣдованія“. *Опыты*, стр. 373.

онъ далекъ всякихъ «предвзятыхъ теорій», что его выводы и заключенія только «совпадаютъ съ выводами умозрѣнія» и т. д. [1]), однако мы должны относиться съ большой осторожностью къ этимъ его оговоркамъ. Гегельянская основа міросозерцанія Чичерина слишкомъ демонстративно заявляетъ о себѣ, чтобы можно было въ данномъ случаѣ ставить вопросъ по существу. Чичеринъ не только принялъ ту самую схему основныхъ стадій развитія человѣческихъ обществъ, «какую Гегель начерталъ въ своей философіи права» [2]), но и въ дальнѣйшемъ все время продолжалъ оставаться на почвѣ идеалистической «философіи исторіи», исходя изъ ея предпосылокъ, оперируя ея методомъ. И надо отдать ему справедливость, поскольку геніальная система Гегеля являлась величайшимъ предвосхищеніемъ грядущихъ завоеваній положительнаго научнаго знанія, постольку, опираясь на нее, авторъ «Опытовъ по исторіи русскаго права», въ свою очередь, сумѣлъ дать въ терминахъ философской концепціи нѣмецкаго идеализма рядъ высоко цѣнныхъ историческихъ обобщеній. Въ послѣднемъ отношеніи Чичерину особенно помогалъ его ясный и трезвый умъ, совершенно не мирившійся съ «мистическимъ методомъ» въ наукѣ, тѣмъ методомъ, противъ котораго съ такимъ блескомъ выступилъ онъ 1857 г. на страницахъ «Русскаго Вѣстника» [3]).

Однако, какъ ни было значительно тяготѣніе Чичерина въ сторону «опытнаго анализа» историческихъ явленій, тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ оставаться во власти очаровавшей его философской доктрины, усвоивъ одновременно и всѣ руководящіе выводы національно-государственной исторической школы. Сочетая идеалистическую и «историко-органическую» точки зрѣнія, Чичеринъ такимъ образомъ непосредственно примыкалъ къ тому научному направленію, которое являлось господствующимъ въ его время.

Исходнымъ пунктомъ его философско-историческихъ построеній являлась идея *всемірно-историческаго* развитія. Въ этомъ смыслѣ авторъ говорилъ о міровомъ «призваніи» или «назначеніи» народовъ, которое выражалось въ томъ, что каждый народъ исчерпывалъ свое «историческое содержаніе», развивъ «до крайности» какое-нибудь опредѣленное, присущее ему въ особенности, «общечеловѣческое начало» (начало права, обязанности, личности, государственности и т. п.) [4]). Но, что особенно знаменательно—авторъ выдвигалъ при этотъ мысль о «*разумной необходимости* историческаго хода» событій, разсматривая вмѣстѣ съ тѣмъ самый историче-

---

[1]) Опыты, стр. 373. [2]) Опыты, стр. 371. [3]) Критика г. Крылова, стр. 757—768 (Рус. Вѣстн., X). [4]) О народномъ представительствѣ, стр. 23, 46, 296; Опыты, стр. 358; Рус. Вѣстн., XI, стр. 180.

скій процессъ, какъ эманацію «народнаго естества» или «народнаго характера» [1]).

На той же почвѣ оставался Чичеринъ также и въ томъ случаѣ, когда ему приходилось опредѣлять свое отношеніе къ такъ называемымъ «историческимъ личностямъ». Высказываясь въ томъ смыслѣ, что «великіе люди» всегда являются «сынами своего вѣка» и имѣютъ своимъ призваніемъ реализацію давно назрѣвшихъ уже въ обществѣ «требованій», онъ видѣлъ, однако, въ этихъ избранныхъ личностяхъ носителей великаго мірового начала «свободы», какъ начала абсолютнаго. Эти «герои» всемірной исторіи должны были, такимъ образомъ, вносить въ жизнь «историческихъ» народовъ тѣ новыя *идеи* и *начала*, которыя не въ силахъ была создать косная традиція исторіи. Только этимъ избранникамъ неба дано было разрѣшать тѣ самыя задачи, «которыхъ послѣдняя не въ силахъ была разрѣшить сама собой» [2]).

Наконецъ и въ пониманіи хода историческаго процесса Чичеринъ также обнаруживалъ свою несомнѣнную принадлежность къ идеалистической школѣ. Историческое развитіе онъ мыслилъ какъ діалектическій процессъ согласно абстрактному закону трехъ состояній по формулѣ Гегеля. «Извѣстная форма общественной жизни» — говорилъ онъ — должна непремѣнно «исчерпать» себя «до крайнихъ предѣловъ», чтобы, дойдя такимъ путемъ до самоотрицанія, вызвать появленіе новаго, совершенно «противоположнаго» общественнаго распорядка. «Таковъ діалектическій процессъ различныхъ общественныхъ элементовъ». По мнѣнію Чичерина, указанная борьба «противорѣчій» и является «главной пружиной движенія впередъ» въ историческомъ процессѣ [3]). Однако онъ понимаетъ эту смѣну общественныхъ формъ, какъ процессъ логическій. Указавъ, напр., что въ древней Руси безраздѣльно господствовало «начало личности», онъ затѣмъ дѣлаетъ выводъ, что необузданное развитіе этой личности *должно* было «необходимо» вызвать появленіе противоположнаго начала, начала государственнаго закрѣпощенія: одна крайность должна была привести къ другой [4]). И онъ показываетъ далѣе, что указанное имъ начало, дѣйствительно, доминировало въ московскомъ государствѣ. Но, подчеркнувъ столь категорически *логическую необходимость* смѣны одного историческаго состоянія другимъ, авторъ совершенно не выясняетъ ея *исторической необходимости*. Фигура долженствованія замѣняетъ

---

[1]) Опыты, стр. 374—375, 358; Рус. Вѣстн., X, стр. 749. [2]) Опыты, стр. 388; О народномъ представительствѣ, стр. 284. [3]) Опыты, стр. 74, 336, 357, 369; Областныя учрежденія, стр. 21, 587; Рус. Вѣстн., XI, стр. 181. О народномъ представительствѣ, стр. 285. [4]) Опыты, стр. 336.

у него спеціальную работу изслѣдователя: онъ постулируетъ отъ одного комплекса фактовъ къ другому, прикрывая образовавшуюся между ними пропасть такими безсодержательными декларацiями, какъ, напр.: «возникающее государство, чтобы имѣть возможность развить свои начала и устроить свой организмъ, необходимо требовало...», государство «должно было» положить предѣлъ «разгулу личности», «потребность общаго союза» требовала «образованія государства» и т. д. [1]). Не трудно видѣть, что всѣ эти и подобныя имъ утвержденія или просто являлись тавтологіей или самой очевидной petitio principii. Съ исторической же точки зрѣнія они не выдерживали критики просто потому, что не вкладывали никакого конкретнаго содержанія во всѣ эти «должно» и «требовалось» [2]). Впрочемъ, установленіе внутренней исторической связи въ данномъ случаѣ вовсе и не предполагалось въ теоріи. Чичеринъ нерѣдко даже прямо заявлялъ, что *требуемое* въ тотъ или иной историческій моментъ новое движущее «начало» не было и не могло быть выработано самимъ русскимъ народомъ и тѣмъ не менѣе оно являлось, такъ какъ «должно» было явиться. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно и выступали на историческую сцену «провиденціальныя» личности, великіе двигатели народовъ, которые и совершали то, что *должны* были совершить въ силу требованій высшей, такъ сказать, надисторической логики. Такъ именно и смотрѣлъ Чичеринъ, напр., на Петра I: «великій зодчій», по его словамъ, призванъ былъ совершить то, чего «сама собой» не могла создать «древняя Россія», осужденная иначе окаменѣть въ тупикѣ ея «исключительно національнаго развитія». «Нуженъ былъ исходъ»—явился Петръ [3])! Точно такъ же въ свое время поступилъ и Кавелинъ, которому, согласно его схемѣ, нужно было ввести въ русскую исторію то самое «начало личности», котораго не могла развить изъ себя «древняя русская жизнь», застывшая въ патріархальныхъ формахъ «родового быта», въ корень уже изжившаго себя. *Необходимо* было, такимъ образомъ, заимствовать это начало «извнѣ», нуженъ былъ исходъ—явились князья, а съ ними и вожделѣнная «личность». Историческое движеніе началось [4])...

Не удивительно, что при такихъ отправныхъ точкахъ зрѣнія, сдѣлавъ русское *государство* центромъ своего вниманія, Чичеринъ послѣдовательно изъ самаго *понятія* этого государства пытался вывести всю русскую исторію. Въ концѣ-концовъ у него, дѣйстви-

---

[1]) Опыты, стр. 31, 127, 230—231, 336, 380. [2]) Подобнаго рода аргументацію или „припѣвъ“ столь же часто встрѣчаемъ мы какъ у Соловьева, такъ и у Кавелина. [3]) Опыты, стр. 386, 388. [4]) К. Кавелинъ. Сочиненія, т. I, стр. 45, 57, 65.

тельно, оказывалось, что и русская община, и институтъ холопства, и крѣпостное право, и организація «сословій», и обособленіе города отъ села—словомъ, *все* было созданіемъ государственной власти, которая своими «правительственными мѣрами и распоряженіями» «водворяла» съ немалыми усиліями и даже насиліемъ тѣ или иные порядки [1]). Понятно, что при такихъ условіяхъ авторъ долженъ былъ отнестись также совершенно отрицательно и къ такому проявленію «ничтожества» русской земли, какъ земскіе соборы [2]). Его, можно сказать, положительно подавляла мысль о всеобъемлющей созидательной роли «государства» въ русской исторіи, съ одной стороны, и анархическомъ, безпомощномъ состояніи текучей, инертной «массы» русскаго народа—съ другой. Но въ этомъ противопоставленіи «разумной силы» государства и его «великихъ зодчихъ» мертвой матеріи «народа» [3]) мы, по существу, еще разъ встрѣчаемся съ однимъ изъ основныхъ принциповъ идеалистической философіи исторіи, которая разсматривала историческій процессъ, какъ процессъ «разложенія (коснѣющихъ) массъ мыслію», говоря словами Грановскаго [4]).

Позволимъ себѣ, наконецъ, отмѣтить и еще одну характерную черту въ научномъ творчествѣ Чичерина, которая вытекала изъ того же источника.

Нельзя оспаривать, что центральной идеей, вокругъ которой неустанно вращалась подвижная мысль Чичерина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его научнымъ *открытіемъ* въ области русской исторіи, какъ это подчеркивалъ онъ самъ, была *идея гражданскаго общества*, какъ переходной стадіи отъ «родового», кровнаго союзнаго быта къ быту государственному. Идея эта была цѣликомъ воспринята имъ отъ того же Гегеля, величайшей заслугой котораго Чичеринъ считалъ именно установленное имъ принципіальное различіе между состояніемъ «гражданскаго общества» и «государствомъ». Авторъ до того при этомъ былъ увлеченъ «геніальной» идеей великаго нѣмецкаго философа, что положительно возвращался къ ней въ каждой своей исторической монографіи и статьѣ, какъ въ «Опытахъ», такъ и въ «Областныхъ учрежденіяхъ», какъ въ трактатѣ «О народномъ представительствѣ», такъ и въ своихъ полемическихъ статьяхъ по вопросамъ

---

[1]) Опыты, стр. 13, 27, 31, 36, 47, 57, 127, 145, 163, 189, 227, 229, 230. [2]) О народномъ представительствѣ, стр. 528, 530, 560—562. [3]) Опыты, стр. 366. [4]) Грановскій. Сочиненія, стр. 445. „Массы, какъ природа или какъ Скандинавскій Торъ, безсмысленно жестоки и безсмысленно добродушны. Онѣ коснѣютъ подъ тяжестью историческихъ и естественныхъ опредѣленій, отъ которыхъ освобождается мыслію только отдѣльная личность. Въ этомъ разложеніи массъ мыслію заключается процессъ исторіи".

методологіи исторіи[1]). Опредѣливъ понятіе «гражданскаго общества», Чичеринъ говоритъ: «въ самомъ дѣлѣ, къ этому понятію сводятся всѣ разнообразныя явленія, которыя мы встрѣчаемъ въ удѣльной Россіи: родовыя отношенія, вотчинное начало, общинный бытъ, княжескіе и служебные договоры, сословныя стремленія, крѣпостная зависимость; во всемъ этомъ проявляется одно начало, которое составляетъ юридическую основу гражданскаго общества—частное право»[2]). Такимъ образомъ авторъ взялъ *понятіе* «гражданскаго общества» какъ готовую уже категорію. Онъ не *вывелъ* его изъ русской исторіи, а напротивъ, сдѣлалъ попытку *подвести* явленія этой исторіи подъ напередъ уже данную схему. Естественно, что, подгоняя факты къ извѣстному шаблону, Чичеринъ многаго не видѣлъ вовсе, на многое же смотрѣлъ съ своей предвзятой точки зрѣнія. Однако, внѣ всякаго сомнѣнія, онъ съ полнымъ правомъ могъ считать своей крупной заслугой блестящую историческую интерпретацію гегелевской схемы на русской почвѣ, благодаря чему ему дѣйствительно удалось разъ и навсегда рѣшить вопросъ о «средней эпохѣ» въ русской исторіи. Чичеринъ былъ совершенно правъ поэтому, когда говорилъ, что «значеніе союзовъ кровнаго и государственнаго давно уже извѣстно въ нашей исторіи и утверждено въ ней на незыблемомъ основаніи... Значеніе же средней между ними эпохи не было, какъ намъ кажется, выставлено въ надлежащемъ свѣтѣ»[3]). Эта послѣдняя задача и была имъ разрѣшена его «Опытами».

Вотъ почему, когда приходится говорить о Чичеринѣ, какъ объ историкѣ русскаго права, нельзя не признать, что въ его лицѣ мы имѣемъ, по преимуществу, творца «вотчинной» теоріи происхожденія «удѣльныхъ» княжествъ. Съ его именемъ въ указанной области должна быть связана, именно, эта теорія точно такъ же, какъ «теорія родового быта» съ именемъ Соловьева.

Но въ данномъ пунктѣ мы какъ разъ и подходимъ къ вопросу о взаимоотношеніи Чичерина и Ключевскаго.

Безспорно, послѣ Соловьева, среди университетскихъ учителей Ключевскаго Б. Н. Чичерину принадлежитъ самое почетное мѣсто. Мы сказали бы даже, что въ умственномъ складѣ В. О. Ключевскаго было что-то «чичеринское». Та ясность и острота мысли, сила логики и мастерство конструкцій, законченность формы и точность языка, которыя такъ привлекательны въ Чичеринѣ, несомнѣнно роднятъ съ нимъ нашего великаго историка. Недаромъ Ключев-

---

[1]) Опыты, стр. 70—71, 236—7, 365—7, 374; Областныя учрежденія, стр. 21; Русск. Вѣстн., X, стр. 744—7; XI, стр. 192; О народ. представительствѣ, стр. 288.
[2]) Русск. Вѣстн., X, стр. 747. [3]) Опыты, стр. 374.

скій такъ высоко цѣнилъ въ немъ профессора и учителя. Дисциплина ума автора «Опытовъ», повидимому, передалась и его «ученику», послуживъ доброй школой для развитія исключительныхъ дарованій послѣдняго. И дѣйствительно, вліяніе Чичерина на Ключевскаго было весьма значительно и многообразно. Оно выразилось прежде всего въ томъ, что авторъ «Опытовъ» воздѣйствовалъ, такъ сказать, на самое направленіе научнаго интереса главы новой исторической школы. Въ самомъ дѣлѣ, едва-ли можно отрицать, что *выборъ* цѣлаго ряда темъ для спеціальныхъ работъ Ключевскаго былъ какъ бы подсказанъ ему историческими трудами и «опытами» Чичерина. Такая связь могла бы быть установлена, напр., между статьями Ключевскаго по исторіи крѣпостного права и холопства и этюдомъ Чичерина о «Холопахъ и крестьянахъ въ Россіи до XVI в.», а также между историческимъ очеркомъ земскихъ соборовъ послѣдняго въ его книгѣ «О народномъ представительствѣ» и статьями того же Ключевскаго о «Составѣ представительства на земскихъ соборахъ въ древней Руси», статьями, которыя самъ авторъ «посвятилъ Чичерину». Наконецъ нельзя не обратить вниманія также и на тотъ фактъ, что, повидимому, и «Боярская Дума» Ключевскаго обязана была своимъ появленіемъ «Областнымъ учрежденіямъ» Чичерина. Въ своемъ «Опытѣ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества», Ключевскій, именно, хотѣлъ противопоставить свой методъ изученія «государственной» исторіи древней Руси той «технической» точкѣ зрѣнія, которая безраздѣльно господствовала въ національно-государственной исторіографіи того времени и такъ ярко отразилась въ монографіи Чичерина. Не даромъ авторъ «Боярской думы» начинаетъ свое знаменитое введеніе къ послѣдней прямымъ указаніемъ на результаты новѣйшаго изученія «нашихъ древнихъ учрежденій..., преимущественно областныхъ», т.-е. очевиднымъ намекомъ на трудъ Чичерина [1]).

Но, если въ указанномъ выше смыслѣ вліяніе Чичерина выразилось, главнымъ образомъ въ томъ, что онъ пробудилъ въ своемъ ученикѣ научный интересъ къ извѣстнымъ историческимъ явленіямъ, увлекая его въ опредѣленномъ направленіи на путь самостоятельныхъ изысканій, то—съ другой стороны—это вліяніе сказалось также и въ прямомъ воздѣйствіи творца «вотчинной теоріи» на автора «Боярской Думы». Мы разумѣемъ, именно, взглядъ Ключевскаго на удѣльную Русь. Правда, въ данномъ вопросѣ Ключевскій прежде всего являлся продолжателемъ Соловьева, однако, общая конструкція удѣльнаго порядка, внѣ всякаго сомнѣ-

---

1) Русская Мысль, 1880 г., № 1, стр. 40 и сл.

нія, взята имъ была у Чичерина. Только опираясь на мастерской анализъ «духовныхъ и договорныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей», который далъ Чичеринъ въ своихъ «Опытахъ», выдѣливъ разъ навсегда подъ видомъ «гражданскаго общества» цѣлый *періодъ* въ русской исторіи, Ключевскій, въ свою очередь, могъ подарить намъ по-истинѣ классическую характеристику древнерусскаго *государства-помѣстья*. При этомъ Ключевскій не только принялъ теорію Чичерина объ опредѣляющемъ значеніи «вотчинныхъ», «частно-правовыхъ» отношеній въ удѣльной Руси, но и послѣдовалъ за нимъ въ цѣломъ рядѣ другихъ вопросовъ. Авторъ курса «Русской исторіи» мѣстами почти буквально повторяетъ формулировки, выводы и отдѣльныя мысли своего предшественника, хотя нигдѣ и не называетъ его по имени. Въ самомъ дѣлѣ, когда Ключевскій говоритъ объ удѣльныхъ князьяхъ, какъ первыхъ «заселителяхъ и устроителяхъ» своихъ земель, онъ—по существу—лишь повторяетъ мысль Чичерина, что «князья первые сдѣлались осѣдлыми» въ сѣверо-восточной Руси и первые начали собирать вокругъ себя «блуждающіе» элементы подвижного удѣльнаго общества.[1]) Называя это послѣднее «случайнымъ сборищемъ людей» и указывая, что у князя удѣльной эпохи не было, собственно говоря, «подданныхъ», такъ какъ свободное населеніе въ княжеской вотчинѣ являлось «не политической единицей.., а экономической случайностью», Ключевскій и въ данномъ случаѣ только воспроизводитъ наиболѣе удачныя наблюденія своего учителя.[2]) И далѣе, говоря о томъ, что удѣльный «князь, переставая быть государемъ, оставался только землевладѣльцемъ, простымъ хозяиномъ», что своимъ удѣломъ онъ владѣетъ, какъ «частной собственностью», что «государемъ» онъ былъ только для своихъ холоповъ и что, наконецъ, ему было совершенно чуждо всякое представленіе о политической территоріи, которую онъ не отличалъ отъ своей домашней «рухляди» и прочей движимости,—говоря все это,—Ключевскій продолжалъ, такъ сказать, оставаться въ предѣлахъ «Опытовъ по исторіи русскаго права».[3]) Въ томъ же смыслѣ можно было бы также отмѣтить и взглядъ Ключевскаго на «договорный» характеръ общественныхъ связей въ періодъ удѣловъ, и его сопоставленія «удѣльныхъ порядковъ» съ феодальными отношеніями на Западѣ, отличіе которыхъ отъ первыхъ онъ объяснялъ—подобно Чичерину,—все той же «подвижностью» населенія данной эпохи[4]).

---

[1]) Ср. Опыты, стр. 175; Ключевскій. Боярская дума, стр. 91. Курсъ, I, стр. 431.
[2]) Ср. Опыты, стр. 343; Ключевскій. Боярская дума, стр. 76. Курсъ, I, стр. 440.
[3]) Опыты, стр. 217, 219, 343; В. Ключевскій. Боярская дума, стр. 76—78, 81. Курсъ, I, стр. 440—41, 443. [4]) Боярская дума, стр. 81. Курсъ, I, стр. 445—7.

Уже приведенныхъ примѣровъ съ избыткомъ достаточно, чтобы установить тотъ фактъ, какое глубокое вліяніе оказали труды Б. Н. Чичерина на автора «Боярской Думы». Тѣсная преемственная связь между русскимъ историкомъ и историкомъ права является такимъ образомъ совершенно очевидной. И тѣмъ не менѣе мы вынуждены сказать, что связь эта не уничтожаетъ того разстоянія, которое отдѣляло обоихъ изслѣдователей, казалось, столь сочувственныхъ одинъ другому. Необходимо принять во вниманіе, что устанавливая извѣстное соотношеніе между Ключевскимъ и Чичеринымъ, мы тѣмъ самымъ, однако, еще не рѣшаемъ поставленнаго на очередь вопроса по существу. Рѣшеніе его лежитъ въ совершенно иной плоскости. Какъ бы ни были объективно цѣнны отдѣльныя историческія наблюденія, того и другого автора, мы не должны забывать, что, въ настоящемъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о судьбахъ самой исторической мысли, для насъ первенствующее значеніе имѣетъ какъ разъ противоположный *субъективный* моментъ. Одинъ и тотъ же фактъ или выводъ съ этой точки зрѣнія можетъ получить совершенно различный смыслъ въ зависимости отъ того, какъ онъ будетъ понятъ. Только въ общемъ контекстѣ законченнаго историческаго построенія раскрываетъ онъ передъ нами свое *научное*, «историко-философское» содержаніе. Поэтому, говоря о Чичеринѣ и Ключевскомъ, мы должны также углубить нашъ анализъ и, не смущаясь видимымъ сродствомъ отдѣльныхъ заключеній того или другого изслѣдователя, выявить то *историческое міросозерцаніе,* на которомъ базировали они свое пониманіе русскаго историческаго процесса. Что касается Чичерина, то мы уже опредѣлили его мѣсто въ русской исторической наукѣ, видѣли въ какую схему укладывались у него факты русской исторіи и каковы были его методологическіе пріемы. Остается, слѣдовательно посмотрѣть, какъ подошелъ къ тѣмъ же фактамъ и готовымъ «историко-философскимъ формуламъ» незабвенный авторъ «Боярской Думы».

Несомнѣнно, въ центрѣ всего исключительно богатаго научнаго наслѣдства Ключевскаго стоитъ его геніальная книга—«Боярская дума древней Руси». Въ этой книгѣ, можно сказать, вылился весь Ключевскій! Въ ней далъ онъ одновременно и непревзойденный до сихъ поръ *образецъ историческаго изслѣдованія* по «исторіи государственныхъ учрежденій», и наиболѣе яркое исповѣданіе своего *научнаго credo*, и, наконецъ, блестящую *критику* старой школы историковъ. Въ частности, какъ уже было указано выше, Ключевскій имѣлъ въ виду также противопоставить свою исторію «боярской думы» исторіи «областныхъ учрежденій» Чичерина, демонстрировавъ такимъ образомъ коренное различіе двухъ исто-

рическихъ школъ, двухъ историческихъ *методовъ*. Въ этомъ смыслѣ про «Боярскую думу» Ключевскаго можно сказать, что она явилась какъ бы манифестомъ новой исторической школы. И дѣйствительно, когда въ январской книжкѣ «Русской Мысли» за 1880 г. появились первыя главы «Боярской Думы», уже одно заглавіе «введенія» къ этому «опыту исторіи правительственнаго учрежденія» должно было поразить ученый міръ своей вызывающей дерзостью: «*въ предлагаемомъ опытѣ*,—читаемъ мы тамъ,—*боярская дума разсматривается въ связи съ классами и интересами, господствовавшими въ древнерусскомъ обществѣ*» [1]). Въ этихъ строкахъ авторъ, на самомъ дѣлѣ, смѣло бросилъ перчатку историкамъ національно-государственной школы, рѣзко подчеркнувъ *принципіальную* основу своего разногласія съ ними. Дѣйствительно, авторъ поставилъ себѣ цѣлью написать, такъ сказать, классовую исторію русскаго общества, связавъ съ его интересами исторію одного изъ старѣйшихъ «правительственныхъ учрежденій». Но вѣдь съ точки зрѣнія господствовавшей тогда традиціонной академической теоріи это значило — писать исторію того, чего не было. Казалось, при такихъ ауспиціяхъ попытка смѣлаго новатора должна была окончиться полной неудачей и зданіе, воздвигнутое имъ «на песцѣ», должно было рухнуть. Однако случилось какъ разъ наоборотъ. Именно «Боярской Думѣ» суждено было сдѣлаться той новой *школой*, откуда вышла современная намъ историческая наука. Новыя поколѣнія историковъ пошли, дѣйствительно, *за Ключевскимъ*, и этимъ фактомъ дальнѣйшая судьба національно-государственной исторіографіи была предрѣшена...

Авторъ «Боярской Думы», конечно, отлично понималъ, «на что онъ руку поднималъ», и потому не замедлилъ объясниться со своими предшественниками и «учителями». «Въ исторіи нашихъ древнихъ учрежденій,—писалъ онъ въ томъ же введеніи,—остаются въ тѣни *общественные классы и интересы, которые за ними скрывались и черезъ нихъ дѣйствовали*. Разсмотрѣвъ внимательно *лицевую сторону* стараго государственнаго зданія и окинувъ *бѣглымъ* взглядомъ его внутреннее расположеніе, мы (авторъ говоритъ о своихъ предшественникахъ) *не изучили* достаточно ни его *основаній*, ни его *строительнаго матеріала, ни скрытыхъ внутреннихъ связей*, которыми скрѣплены были его части, а когда мы изучимъ все это,—заключаетъ авторъ,—тогда, можетъ быть, и *процессъ образованія нашего государственнаго порядка* и значеніе его правительственныхъ учрежденій предстанутъ передъ нами нѣ-

[1]) Стр. 40.

сколько въ иномъ видѣ, чѣмъ какъ представляются теперь»[1]) (курсивъ нашъ).

Этими сдержанными словами Ключевскій, по существу, опрокидывалъ все зданіе идеалистической исторіографіи. Предшественники его, какъ мы видѣли, изучали русскій историческій процессъ «сверху», съ лицевой стороны, онъ, наоборотъ, началъ изучать его «снизу», *изнутри*; ихъ интересовала только «техника правительственнаго механизма», за которымъ они ничего не видѣли, онъ же сразу выдвинулъ вопросъ о тѣхъ *живыхъ историческихъ силахъ*, которыя приводятъ этотъ механизмъ въ движеніе, и о тѣхъ *матеріалахъ*, изъ которыхъ онъ сдѣланъ. «Что забываемъ мы,— спрашивалъ онъ,— при изученіи механизма правительственныхъ учрежденій?—А забываемъ то, что они—не механизмъ только, что изученіе ихъ не слѣдуетъ ограничивать вопросами правительственной механики... Передъ нами остается еще *соціальный матеріалъ*, изъ котораго они были построены», а «въ исторіи политическихъ учрежденій,—заключаетъ авторъ,—строительный матеріалъ часто важнѣе самаго строя»[2]). Этими словами, можно сказать, авторъ наносилъ роковой ударъ старой исторической школѣ и прежде всего Чичерину, какъ наиболѣе сильному ея представителю. Онъ особенно подчеркивалъ при этомъ *безсодержательность* историческихъ схемъ историковъ-государственниковъ и опять-таки, не называя именъ, направлялъ самыя острыя свои стрѣлы по адресу автора «Опытовъ» и «Областныхъ учрежденій». «Когда намъ (!) приходится отвѣчать на вопросъ, какъ образовалось московское государство,— писалъ авторъ «Боярской Думы»— мы чаще всего даемъ такой отвѣтъ: путемъ возведенія частнаго права въ государственное [3]), или, говоря проще, путемъ превращенія удѣльной вотчины московскихъ князей во всероссійское государство. Легко видѣть, что это—формула, мѣтко схваченная на глазомѣръ, изображающая ходъ явленій болѣе діалектически, чѣмъ исторически; ее *надобно еще раскрыть и доказать сложнымъ анализомъ многихъ историческихъ явленій, чтобы сдѣлать понятнымъ скрытый въ ней историческій процессъ*... Въ указанной діалектической схемѣ собственно выражается смѣна началъ, развитіе идеи государства, точнѣе—*идеи государственной власти*, а не самаго государственнаго порядка»[4]) (курс. нашъ). Такимъ образомъ задача была поставлена ясно и опредѣленно — требовалось подвести *историческое основаніе* подъ тѣ фасады, которые такъ старательно выводили

---

[1]) Рус. Мысль, 1880 г., I, стр. 48. [2]) Ibid., стр. 53—4. [3]) Формула Чичерина. [4]) Рус. Мысль, 1880 г., I, стр. 43—4, 52.

представители старой исторической школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ надо было вложить *историческое содержаніе* въ тѣ діалектическія формулы, которыми оперировали историки-идеалисты[1]). Понимая такъ глубоко и широко задачу историческаго изслѣдованія, Ключевскій, въ полномъ смыслѣ слова, долженъ былъ заново переработать весь огромный запасъ историческаго матеріала. И дѣйствительно, въ научной лабораторіи Ключевскаго впервые абстрактныя схемы историковъ старой школы стали облекаться въ плоть и кровь исторической жизни. Мистическая пустота «мірового» или «народнаго духа» и всякаго рода «началъ», въ которой такъ долго вращалась научная мысль, теперь должна была обнаружить всю свою несостоятельность и уступить свое мѣсто представленію о живомъ процессѣ исторіи. Эта исторія превратилась теперь въ скромное дѣло рукъ человѣческихъ, развернулась какъ сложный процессъ борьбы тѣхъ самыхъ общественныхъ силъ и интересовъ, которые, по удачному выраженію Ключевскаго, «скрываются» подъ формами преходящихъ государственныхъ учрежденій. «Политическій порядокъ,—говорилъ авторъ «Курса»,—въ своемъ окончательномъ видѣ всегда отражаетъ въ себѣ совокупность и общій характеръ частныхъ людскихъ интересовъ и отношеній, которые онъ поддерживаетъ и на которыхъ опирается»[2]). Такую постановку вопроса мы, дѣйствительно, въ правѣ квалифицировать, какъ *переворотъ* въ исторической наукѣ. Правда, историки идеалистической школы также любили говорить о «тѣсной связи между *государствомъ* и *народомъ*» и даже называли эту связь «органической», тѣмъ не менѣе понятія «государства» и «народа» у нихъ являлись чисто логическими категоріями, лишенными всякаго историческаго содержанія. Поэтому въ мистическомъ, абстрактномъ представленіи о «народѣ», какъ нѣкоторой идеальной «сущности», у нихъ исчезало, растворялось конкретное представленіе о немъ, какъ о сложномъ комплексѣ реальныхъ общественныхъ отношеній. Ключевскій, напротивъ, перенесъ все свое вниманіе въ сферу этихъ жизненныхъ отношеній, потребовалъ, чтобы были раскрыты таинственныя скобки діалектическихъ формулъ и чтобы историки приступили, наконецъ, къ рѣшенію того уравненія со многими «неизвѣстными», которое носило громкое имя «философіи русской исторіи». Стоитъ только сопоставить «Боярскую Думу», это «многопредметное сочиненіе» по ироническому замѣчанію В. Сергѣевича, съ «Областными учрежденіями», чтобы понять, какая, дѣйствительно, огромная пропасть лежитъ между этими двумя зрѣлыми плодами исторической мысли,

---

[1]) Op. cit., III, стр. 47, 50—52. [2]) Курсъ русской исторіи, I, стр. 428.

выросшими на совершенно различной идейной *почвѣ*. «Боярская Дума»—это почти цѣлый курсъ древней русской исторіи, на фонѣ которой авторъ изображаетъ *эволюцію* политической и «*соціальной* исторіи думы» [1]); «Областныя учрежденія»—это техническая схема «правительственной механики» московскаго государства, построенная по діалектическому шаблону внѣ непосредственной «связи» съ исторической дѣйствительностью, хотя и при помощи «историческихъ» фактовъ. Передъ нами, въ данномъ случаѣ, дѣйствительно, два глубоко различныхъ *историческихъ міросозерцанія,* противоположность которыхъ объяснялась принципіальнымъ различіемъ идейныхъ вліяній, воздѣйствовавшихъ въ свое время на того и другого изслѣдователя.

Въ самомъ дѣлѣ, если про *идеалистическую* школу историковъ можно сказать, что она явилась на смѣну *просвѣтительной исторіографіи,* противопоставивъ предпосылкамъ французскаго раціонализма нѣмецкую *романтическую философію,* то про *соціологическую* школу Ключевскаго съ такимъ же правомъ можно было бы утверждать, что она, въ свою очередь, пришла на смѣну *національно-государственной исторіографіи,* поставивъ на мѣсто философскаго идеализма чисто *реалистическое* міропониманіе. Послѣднее заключеніе станетъ для насъ совершенно понятнымъ, если мы вспомнимъ, что *историческіе* взгляды Ключевскаго, его духовный обликъ, складывались какъ разъ въ ту эпоху, когда и на Западѣ, и у насъ, около середины XIX ст., начался пышный расцвѣтъ положительнаго знанія, въ особенности *естествознанія* съ его позитивными методами изслѣдованія. Это было время блестящаго дебюта и необыкновенно быстраго развитія *общественныхъ* наукъ, эпоха, когда подъ вліяніемъ величайшихъ внутреннихъ потрясеній въ жизни Европы всеобщее вниманіе было привлечено къ вопросамъ *соціальнымъ*. Выступленіе широкихъ массъ народа на историческую сцену, борьба партій и классовъ, ростъ общественной культуры—все это, конечно, не могло остаться незамѣченнымъ со стороны ученыхъ историковъ, вниманіе которыхъ также должно было перемѣститься съ периферіи историческаго процесса въ его жизненныя глубины. Не забудемъ, что одновременно и въ Россіи, въ пору такъ называемыхъ *шестидесятыхъ* годовъ, также совершались не менѣе великія событія. То была «эпоха великихъ реформъ», первая весна русской жизни, когда идея національнаго воскресенія народа овладѣла всѣми умами и сердцами. Въ обществѣ началось небывалое оживленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ начался

[1]) Боярская дума, стр. 5, 7.

пересмотръ старыхъ вѣрованій, научныхъ догматовъ и общественныхъ идеаловъ. Открылась новая эра «помраченія кумировъ», старые жертвенники были опрокинуты, явились новые пророки. Подъ шумъ публицистическихъ витій «обличительной» литературы въ русскомъ обществѣ въ это время появился и скоро сдѣлался господиномъ положенія «мыслящій реалистъ», проповѣдывавшій естественныя науки, какъ новую религію. Старые боги при такихъ условіяхъ были окончательно низложены: на мѣсто непререкаемаго авторитета Шеллинга, Гегеля, Кузена, Гердера, Савиньи и др. теперь водворились новые не менѣе деспотическіе «властители думъ» — Контъ, Милль, Спенсеръ, Марксъ и пр. Создалась совершенно особая идейная атмосфера, которой всѣ дышали и которая оказывала могущественное давленіе на общественное сознаніе и научную мысль.

Въ этой-то богатой глубокими переживаніями атмосферѣ и выковалъ В. О. Ключевскій свое собственное *историческое міросозерцаніе*, чуждое какихъ-либо предвзятыхъ точекъ зрѣнія и оригинальное, какъ все, на чемъ лежала печать его глубокой мысли. Но само собою разумѣется, что общій духъ его многограннаго міросозерцанія былъ проникнутъ тѣми самыми руководящими принципами, на которыхъ покоился весь умственный складъ современной ему эпохи.

Прежде всего Ключевскій былъ и всю жизнь оставался *реалистомъ*. Онъ рѣшительно отвергъ «умозрительное» направленіе въ исторіи, являясь непримиримымъ противникомъ всякаго историческаго мистицизма, въ какія бы формы онъ ни облекался, въ формы ли, какъ выражался онъ, «созерцательнаго, богословскаго вѣдѣнія» [1]) или же «философскихъ» метаисторическихъ откровеній. «Исторія народа» — говорилъ онъ — должна являться «изображеніемъ *дѣйствительнаго* его состоянія въ извѣстное время съ указаніемъ историческаго *происхожденія* этого состоянія, а не діалектической импровизаціей на ту или другую бытовую тему безъ времени и мѣста съ одними общими мѣстами вмѣсто фактовъ» [2]). Такимъ образомъ Ключевскій относилъ исторію къ «области опытнаго или наблюдательнаго знанія», а потому и отъ историка прежде всего и послѣ всего требовалъ систематической работы надъ сырымъ историческимъ матеріаломъ, требовалъ *раскопокъ*. При этомъ самые способы, методы историческаго изученія онъ склоненъ былъ заимствовать изъ наукъ естественныхъ, не видя принципіальнаго различія между явленіями соціальной жизни и жизни природы. «Человѣче-

---

[1]) Курсъ, I, стр. 9. [2]) Рус. Мысль, 1880 г. IV, стр. 2.

ское общежитіе,—по мнѣнію автора «Курса русской исторіи»,—такой же фактъ мірового бытія, какъ жизнь окружающей природы... Историческія тѣла... рождаются, живутъ и умираютъ *подобно органическимъ тѣламъ природы*» [1]). И Ключевскій любилъ возвращаться къ этимъ аналогіямъ, проводя параллели между *процессомъ* историческимъ и біологическимъ, говоря объ «анатоміи» и «физіологіи» общественной жизни, «возрастахъ» людского общежитія, органическомъ и соціальномъ раздѣленіи труда и т. п. [2]). Отсюда понятно, что и для исторической науки онъ ставилъ тѣ же самыя цѣли, какъ и для всякаго вообще научнаго знанія. Въ противоположность современной «риккертовской» школѣ онъ относилъ исторію къ разряду наукъ *номотетическихъ, генерализирующихъ*, полагая, что она имѣетъ своей основной задачей «изученіе свойствъ и дѣйствія силъ, созидающихъ и направляющихъ людское общежитіе» [3]). Такимъ образомъ раскрытіе *законовъ развитія* человѣческихъ обществъ, «стихійной закономѣрности народной жизни»—вотъ, по Ключевскому, въ чемъ заключается «общая задача историческаго изученія» [4]).

Но относя исторію къ группѣ наукъ номотетическихъ, Ключевскій, разумѣется, не отвергалъ научной важности изученія *индивидуальныхъ особенностей* того или иного «мѣстнаго» историческаго процесса, такъ какъ отлично понималъ, что исторія никогда буквально не повторяется и, подчиняясь извѣстнымъ законамъ, не знаетъ вовсе шаблоновъ. По мысли Ключевскаго, подобнаго рода изученіе историческихъ «своеобразій» въ прошломъ отдѣльныхъ народовъ не только не противорѣчитъ основной задачѣ исторической науки, но — напротивъ — положительно содѣйствуетъ болѣе углубленному ея разрѣшенію. «Изученіе мѣстной исторіи — говоритъ онъ,—даетъ готовый и наиболѣе обильный матеріалъ для исторической соціологіи», посредствомъ него «мы познаемъ не только природу людского общежитія, но и законы его движенія». Ключевскій думаетъ даже, что раскрытіе «законовъ строенія человѣческихъ обществъ» еще болѣе облегчится, если мы предварительно «сосредоточимъ вниманіе на частичныхъ мѣстныхъ строеніяхъ, представляемыхъ жизнью того или другого народа» [5]). Въ частности, русскую исторію онъ считаетъ особенно «удобной для отдѣльнаго соціологическаго изученія» въ виду ея «сравнительной простоты» и нѣкоторыхъ характерныхъ «*особенностей*», которыя

---

[1]) Курсъ, I, стр. 2. [2]) Ibid., стр. 6; т. III, стр. 7—8; т. IV, стр. 60. [3]) Ibid. стр. 3. [4]) Ibid., стр. 5, 8, 17, 23; т. III, стр. 16, 164. [5]) Курсъ, I, стр. 7—8, 9, 17—18.

однако вовсе не уничтожаютъ того общаго положенія, что и въ исторіи русскаго народа мы «наблюдаемъ дѣйствіе тѣхъ же историческихъ силъ и элементовъ общежитія, что и въ другихъ европейскихъ обществахъ» [1]). Такимъ образомъ «изъ общей задачи историческаго изученія» Ключевскій *выводилъ*, говоря его собственными словами, и «научную цѣль изученія мѣстной исторіи» [2]).

Отсюда понятно, какого метода будетъ держаться авторъ «Боярской Думы» въ «своихъ историческихъ изысканіяхъ. Это будетъ методъ, которому онъ самъ далъ имя метода *историко-соціологическаго*.

И Ключевскій, дѣйствительно, выступаетъ передъ нами въ роли *историка-соціолога*. Героемъ его исторіи была не абстрактная «личность» и не индивидъ, а *общество*, тѣ самыя «массы,» съ которыми историки старой школы не желали входить въ непосредственное соприкосновеніе. «Исторія,—говорилъ онъ,—имѣетъ дѣло не съ человѣкомъ, а съ людьми, вѣдаетъ людскія *отношенія*, предоставляя одиночную дѣятельность человѣка другимъ наукамъ [3]). Поэтому автора интересовали не историческія событія, а стихійные *процессы* исторіи, *соціальная эволюція* въ собственномъ смыслѣ, *исторія культуры*, а не «политическая» исторія. Съ той же точки зрѣнія онъ рѣшалъ и проблему «объ исторической дѣеспособности идей». Его занимали исключительно *общественныя* идеи, которыя однѣ только, по его убѣжденію, и могутъ являться предметомъ научнаго изслѣдованія историка. Это тѣ «конкретныя» идеи-силы, которыя, по его словамъ, *непроизвольно* «отлагаются отъ общественныхъ отношеній» и въ свою очередь «перерабатываются въ общественныя отношенія» [4]). «Исторія—говорилъ при этомъ Ключевскій—не наблюдаетъ дѣятельности отвлеченнаго человѣческаго духа: это область метафизики», ей доступны и подвѣдомы только тѣ идеи, которыя «становятся историческими факторами, подобно тому, какъ дѣлаются ими силы природы» [5]). «Вы поймете,—говорилъ съ каѳедры своимъ слушателямъ великій историкъ—когда личная идея становится общественной, т. е. историческимъ фактомъ: это—когда она выходитъ изъ предѣловъ личнаго существованія и дѣлается общимъ достояніемъ и не только общимъ, но и обязательнымъ... Идеи, блеснувшія и погасшія въ отдѣльныхъ умахъ, въ частномъ личномъ существованіи, столь же мало обогащаютъ запасъ общежитія, какъ мало обогащаютъ инвентарь народнаго хозяйства замысловатыя малень-

---

[1]) Ibid., стр. 18—19. [2]) Ibid., стр. 38. [3]) Курсъ, I, стр. 30. „Человѣкъ самъ по себѣ не есть предметъ историческаго изученія“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ. Ibid., стр. 9, 202. [4]) Курсъ, I, стр. 30; т. II, стр. 147—8, 445—6; т. III, 15, 148, 338; т. IV, стр. 272—3, 294. [5]) Ibid., стр. 9, 30.

кія мельницы, которыя строятъ дѣти на дождевыхъ потокахъ»[1]). Такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ Ключевскій оставался все на той же *соціологической* почвѣ, оставался все тѣмъ же *историкомъ-общественникомъ*.

Но подчеркивая съ такимъ удареніемъ чисто *теоретическую* задачу историческаго изученія, великій ученый на ряду съ этимъ не забывалъ и важной практической, т.-е. общественной цѣнности историческаго знанія. Ясновидящій прозорливецъ, читающій въ вѣкахъ, Ключевскій и на исторію смотрѣлъ какъ на пророчицу въ будущемъ. Наука по его представленію—должна стремиться—«знать» и «видѣть», чтобы *предвидѣть* и цѣлесообразно и планомѣрно творить. Поэтому Ключескій высказывалъ надежду, что настанетъ и для исторической науки такой моментъ, когда «изъ науки о томъ, какъ строится человѣческое общежитіе, можетъ со временемъ—и это будетъ торжествомъ исторической науки—выработаться и прикладная часть ея—наука о томъ, какъ наилучше строить его,—это общежитіе».[2]) Знаніе—по его мнѣнію—призвано служить жизненнымъ потребностямъ и нуждамъ человѣка, иначе оно «становится простымъ балластомъ памяти, пригоднымъ для ослабленія житейской качки развѣ только пустому кораблю, который идетъ безъ настоящаго цѣннаго груза»...[3])

Нетрудно видѣть, какъ неизмѣримо далеко уводитъ насъ это *новое пониманіе* задачъ и метода исторической науки отъ преданій и традиціи идеалистической исторіографіи, которая, какъ бы скользя по поверхности историческихъ событій, стремилась создать для каждаго народа свою собственную «философію исторію», открыть только ему одному присущія таинственныя «начала» его жизни и отрицала всякую возможность прикладывать «европейскій» или какой-нибудь иной «аршинъ» къ такому «безпримѣрному» явленію во всемірной исторіи, какъ «русское государство».[4])

Понятно, каковы должны были получиться, при подобной постановкѣ задачи историческаго изученія, непосредственные результаты глубокомысленныхъ разысканій геніальнаго историка. На первый планъ сами собой должны были выдвинуться тѣ факты и отношенія, которыя почти совершенно игнорировались предшественниками Ключевскаго, но которымъ онъ придавалъ особенное значеніе,—отношенія *соціально-экономическаго* порядка, *культура матеріальная*.

Но усиленное вниманіе Ключевскаго, именно, къ этой сторонѣ

---

[1]) Ibid., стр. 30—32. [2]) Ibid., стр. 17. [3]) Ibid., стр. 38. [4]) Кавелинъ. Сочиненія, т. I, стр. 203, 233; С. Соловьевъ. Сочиненія, стр. 872, 972 и др.

историческаго процесса вовсе не было простымъ результатомъ его стремленія пополнить наиболѣе вопіющій пробѣлъ въ русской исторической литературѣ. Авторъ придавалъ такой постановкѣ исторической проблемы первостепенное *методологическое* значеніе,[1]) не говоря уже о томъ, что онъ вообще склоненъ былъ приписывать особую силу хозяйственному моменту въ общественныхъ отношеніяхъ. Въ данномъ пунктѣ, можно сказать, наиболѣе ярко отразилось *основное различіе* двухъ интересующихъ насъ историческихъ школъ. Отвергнувъ традиціонный «взглядъ сверху» на судьбы русскаго государства и общества, Ключевскій, дѣйствительно, въ корнѣ преобразилъ общепринятыя представленія о русскомъ историческомъ процессѣ, давъ *новые отвѣты на старые вопросы* [2]).

Въ послѣднемъ случаѣ сопоставленіе Чичерина и Ключевскаго должно быть особенно поучительно, и мы позволимъ себѣ, поэтому, сдѣлать два-три такихъ наиболѣе показательныхъ сближенія.

Выше уже было отмѣчено, что «единственнымъ двигателемъ народной жизни» въ русской исторіи Чичеринъ считалъ «княжескую власть». Означенная точка зрѣнія автора «Опытовъ» должна была прежде всего отразиться на его пониманіи древнѣйшаго періода русской исторической жизни. Согласно теоріи Чичерина, первые князья принесли съ собой на Русь совершенно «новыя стихіи» государственнаго и общественнаго быта. «Расширяясь и развиваясь», эти стихіи, по его словамъ, «обняли наконецъ всѣ общественныя отношенія народа», вытѣснивъ окончательно прежніе «родовые союзы» съ ихъ неподвижнымъ патріархальнымъ укладомъ жизни [3]). Продолжая далѣе развивать свою мысль, Чичеринъ послѣдовательно вывелъ весь политическій и соціальный строй древней Руси изъ «особеннаго характера»—«сначала владѣльческаго, а впослѣдствіи государственнаго» [4])—все той же княжеской власти. Князья-завоеватели, по его мнѣнію, тѣмъ легче могли распоряжаться судьбами русскаго народа, что этотъ послѣдній не могъ противопоставить ихъ «разумной» организующей силѣ ничего самостоятельнаго, прочнаго, устойчиваго [5]). При такихъ условіяхъ,—говоритъ Чичеринъ, князья и «водворяли» необходимый порядокъ на Руси, создавъ систему древнихъ княжествъ такъ называемаго кіевскаго и послѣдующаго періодовъ.

Какъ же отнесся Ключевскій къ этой теоріи своего «учителя»? Онъ подвергъ ее самой тщательной критикѣ, посвятивъ всю III

---

[1]) Курсъ, I, стр. 33. [2]) Ср. напр., взглядъ Ключевскаго на реформу Петра, Курсъ, III, стр. 271—73. [3]) „Опыты“, стр. 7. [4]) Ibid., стр. 8. [5]) Ibid., стр. 230, 366, 383—4.

главу своей «Боярской Думы» [1]) разъясненію вопроса о происхожденіи древне-русскихъ «городовыхъ областей» или «волостныхъ городовъ». Углубившись въ до-историческія времена и давъ подробный анализъ процесса заселенія территоріи Днѣпровскаго бассейна, Ключевскій въ результатѣ своихъ детальныхъ и кропотливыхъ разысканій, въ концѣ-концовъ, разрушилъ, можно сказать, до основанія завоевательную теорію Чичерина. Онъ показалъ, какъ въ условіяхъ колонизаціи и хозяйственнаго быта (торговаго обмѣна) древней Руси въ ней совершенно самобытно сложились автономные политическіе союзы городовъ — *земли-волости,* интересамъ которыхъ и были призваны служить первые князья. Эти «крупные *городовые міры,*—говоритъ Ключевскій—обозначившіеся при первыхъ князьяхъ и *образовавшіеся независимо отъ нихъ,* легли потомъ въ основаніе княжескаго дѣленія русской земли» [2]). Ихъ взаимными отношеніями, въ конечномъ счетѣ, и объясняется вся исторія кіевскаго періода. Такимъ образомъ авторъ приходитъ къ тому выводу, что *не князья* «были первыми творцами политическаго порядка, обозначившагося въ памятникахъ X и двухъ слѣдующихъ вѣковъ», а та «политическая сила», которая въ лицѣ городской «правительственной старшины» сложилась въ самыхъ нѣдрахъ древне-русскаго *общества* и руководила имъ задолго до появленія князей. Въ этомъ смыслѣ Ключевскій говоритъ, что «исторія старыхъ волостныхъ городовъ на Руси старше княжеской» [3]). Князья, по его словамъ, не внесли вообще ничего новаго въ земскій волостной строй того времени, они только «продолжали дѣло начатое до нихъ волостнымъ городомъ» [4]). Съ этой точки зрѣнія совершенно новый смыслъ должны были получить въ глазахъ историка и пресловутыя «междоусобія» древне-русскихъ князей. За династическими братоубійственными «счетами и спорами» послѣднихъ, по мысли Ключевскаго, въ дѣйствительности скрывалась все та же исконная «*борьба городовъ* за волости, начавшаяся (также) до князей» [5]). И какъ бы для того, чтобы еще сильнѣе подчеркнуть рѣзкій контрастъ своей теоріи съ теоріей Чичерина, Ключевскій неоднократно повторяетъ свой основной выводъ, говоря, что первые «князья» только «*довершили дѣло,* начатое при господствѣ власти, имъ предшествовавшей, волостныхъ городовъ» [6]). При этомъ онъ добавляетъ, что въ изучаемомъ періодѣ вовсе не князь былъ хозяиномъ русской земли, а, наоборотъ, «волостной городъ преобладалъ надъ княземъ» [7]), который, «явившись въ Русскую

[1]) Рус. Мысль, 1880 г., III, стр. 45—51. [2]) Ibid., стр. 57, 60. [3]) Рус. Мысль, стр. 61. [4]) Ibid., стр. 66. [5]) Ibid., стр. 68. [6]) Ibid., стр. 69—70, 73. [7]) „Курсъ“ I, стр. 429.

землю, вошелъ въ готовый уже общественный строй, до него сложившійся» [1]). Такимъ образомъ, авторъ «Боярской Думы» установилъ совершенно *противоположный* чичеринскому взглядъ на происхожденіе соціально-политическаго уклада древней Руси и на ту роль, какую призванъ былъ сыграть въ исторіи этой Руси «наемный стражъ» ея внѣшней безопасности.

Совершенно къ тѣмъ же результатамъ пришелъ Ключевскій и при дальнѣйшемъ изученіи слѣдующаго историческаго періода, которому особенное вниманіе посвятилъ, именно, Б. Н. Чичеринъ.

Какъ уже было отмѣчено выше, оба автора довольно близко сошлись во взглядѣ на такъ называемый «удѣльный порядокъ», господствовавшій въ сѣверо-восточной Руси, признавъ его «вотчинную» основу. Однако близость эта въ значительной мѣрѣ является кажущейся и дѣло рѣзко мѣняется, едва только вопросъ переносится на почву *историческаго пониманія* этого порядка и выясненія *причинъ* его образованія. Какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, Чичеринъ стоитъ въ своихъ «Опытахъ» цѣликомъ на «политической» точкѣ зрѣнія, фиксируя все свое вниманіе спеціально на князьяхъ. Онъ строитъ свою теорію «гражданскаго общества», опираясь единственно на разборъ нѣсколькихъ «духовныхъ и договорныхъ грамотъ» удѣльныхъ князей и, имѣя на всѣ вопросы готовый уже отвѣтъ, онъ, въ концѣ концовъ, и самое происхожденіе «вотчиннаго» режима удѣльной эпохи объясняетъ не чѣмъ инымъ, какъ все тѣмъ же «завоеваніемъ». [2]) Совершенно иначе къ той же задачѣ подходитъ Ключевскій. Онъ и на этотъ разъ пишетъ цѣлую главу въ своей «Боярской Думѣ» о «происхожденіи удѣльнаго порядка», посвящая ее расмотрѣнію вопроса «*о вліяніи колонизаціи на складъ общества верхневолжской Руси*» [3]). И также, какъ и въ первомъ случаѣ авторъ приходитъ въ результатѣ своего блестящаго анализа историческихъ фактовъ къ аналогичному заключенію, что «причины, создавшія удѣльный порядокъ, лежали внѣ круга князей» и что порядокъ этотъ «самъ былъ однимъ изъ *политическихъ слѣдствій* русской колонизаціи верхняго Поволожья» [4]). Такимъ образомъ «причиной» образованія удѣльнаго строя Ключевскій считаетъ тѣ «географическія и экономическія» условія, «подъ дѣйствіемъ которыхъ» складывалось самое удѣльное общество [5]). Эти условія, говоритъ онъ, привили къ тому, что «господствующей экономической силой страны» и ея «господствующимъ *интересомъ*» въ то время

---

[2]) Опыты, стр. 64, 75. [3]) Боярская дума, стр. I, 83 и сл. [4]) Ibid., стр. 83; Курсъ I, стр. 435. [5]) Боярская дума, стр. 83—86, 93.

сдѣлалось «земледѣльческое и землевладѣльческое хозяйство» [1]). И авторъ въ дальнѣйшемъ показываетъ, какимъ образомъ всѣ эти обстоятельства должны были отразиться и на «политическомъ характерѣ удѣльнаго князя» и на всемъ «удѣльномъ управленіи», являвшемся «довольно точной копіей устройства древне-русской боярской вотчины» и, наконецъ, на «Боярской Думѣ», этомъ «совѣтѣ главныхъ дворцовыхъ приказчиковъ» при князѣ [2]). Передъ читателемъ, при этомъ развертывается, можно сказать, цѣлая панорама древне-русской жизни, исполненная съ такимъ художественнымъ талантомъ и чутьемъ исторической перспективы, что блѣдныя схемы Чичерина положительно исчезаютъ за ней безъ остатка.

Не менѣе разительный примѣръ въ томъ же смыслѣ представляетъ и слѣдующій случай. Какъ извѣстно, Ключевскій и Чичеринъ еще разъ, такъ сказать, помѣрились своими силами на другомъ труднѣйшемъ вопросѣ русской исторіи. Мы разумѣемъ вопросъ о *происхожденіи крѣпостного права.* Чичеринъ и здѣсь остался до конца вѣренъ завѣтамъ національно-государственной школы. Онъ не могъ себѣ иначе объяснить происхожденіе этого института, какъ «мановеніемъ сверху», и потому рѣшительно высказался въ пользу теоріи «государственнаго» прикрѣпленія крестьянъ. «Крѣпостное право, говорилъ онъ, вышло изъ потребности государства устроиться и укрѣпиться». И съ этой точки зрѣнія самый процессъ закрѣпощенія крестьянскаго населенія интересовалъ автора главнымъ образомъ въ той мѣрѣ, насколько «изъ всего этого было видно, что княжеская власть растетъ и развивается» [3]). И радуясь успѣхамъ *государственнаго* роста русскаго народа, Чичеринъ, естественно, не видѣлъ «ничего исключительнаго и несправедливаго» въ такой формѣ «государственнаго тягла», какою являлась, по его взгляду, крѣпостная зависимость крестьянъ [4]). Понятно, что въ концѣ-концовъ авторъ «Опытовъ» долженъ былъ и въ данномъ вопросѣ встать на типическую для старой исторической школы такъ называемую «указную» точку зрѣнія, предположивъ, что «въ 1592 или 93 г.» должно было «послѣдовать» законодательное укрѣпленіе крестьянъ, хотя «самый указъ до насъ и не дошелъ» [5]).

Совершенно противоположное рѣшеніе той же задачи, конечно, долженъ былъ дать Ключевскій. Вмѣсто безплодныхъ поисковъ несуществовавшихъ указовъ, которые, съ точки зрѣнія историковъ-государственниковъ, «должны» были однако существовать, Ключев-

---

[1]) Боярская дума, стр. 93—94, 97; Курсъ I, стр. 451—452 и др. [2]) Боярская дума, стр. 76—78, 100, 111, 119 и сл. [3]) Опыты, стр. 92, 189, 227, 229, 230. [4]) Ibid., стр. 227. [5]) Ibid., стр. 223 и 226. Ср. В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности, т. I, стр. 246, 248, 258 и сл.

скій обратился и на этотъ разъ къ детальному изученію реальнаго соотношенія общественныхъ элементовъ, т.-е. къ изученію взаимныхъ отношеній ближайшихъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ настоящемъ случаѣ, сторонъ. А такими сторонами, какъ извѣстно, являлись, съ одной стороны,—землевладѣлецъ, съ другой—земледѣлецъ, рядившійся «во крестьяни» на землю перваго. Въ результатѣ тщательнаго анализа актоваго матеріала Ключевскій и пришелъ къ тому заключительному выводу, что крѣпостное право вовсе не было «введено» государственной властью, а сложилось «само собой», постепенно, въ практикѣ арендпаго договора, осложненнаго долговымъ обязательствомъ. «Итакъ,—говоритъ авторъ,—законодательство не устанавливало крѣпостного права на крестьянъ ни прямо, ни косвенно» [1]). Государство вообще довольно поздно, по мнѣнію Ключевскаго, обратило вниманіе на этотъ институтъ и начало такъ или иначе *считаться* съ его послѣдствіями. «Крѣпостное право въ Россіи,—заключаетъ онъ свои знаменитыя статьи,—было создано не государствомъ, а только съ участіемъ государства: послѣднему принадлежатъ не основанія права, а его границы» [2]). Согласимся, что этими выводами безпощадно опрокидывались всѣ построенія талантливаго автора «Опытовъ».

Изъ приведенныхъ примѣровъ нетрудно уразумѣть, каково было дѣйствительное отношеніе Ключевскаго къ его учителямъ и предшественникамъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда великій историкъ шелъ по ихъ слѣдамъ, онъ по существу, какъ мы только что могли въ томъ убѣдиться, прокладывалъ совершенно *новые пути*. Продолжая труды своихъ учителей, Ключевскій такимъ образомъ въ корнѣ разрушалъ тѣ основанія, на которыхъ они строили свои «воздушные замки», и въ то же время, подводя новый фундаментъ подъ старыя схемы, онъ создавалъ твердую почву для возведенія прочнаго зданія научной теоріи русскаго историческаго процесса. Но Ключевскаго нельзя обвинить въ неблагодарности къ своимъ учителямъ. Онъ съ рѣдкимъ вниманіемъ отнесся къ ихъ выдающимся и въ свое время также «bahnbrechenden» трудамъ, сохранилъ все, что было въ нихъ положительно цѣннаго и сторицею, можно сказать, умножилъ данный ему «талантъ». Но онъ дерзнулъ вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣчто неизмѣримо большее, чѣмъ скромная роль хотя бы и блестящаго «ученика». Онъ самъ выступилъ въ качествѣ *учителя* новыхъ поколѣній историковъ! Послушный своему великому призванію, прокладывая новые пути, Ключевскій, однако

---

[1]) Происхожденіе крѣпостного права, стр. 19, 25 (Рус. Мысль, 1885 г., X).
[2]) Рус. Мысль, 1885 г., X, стр. 46.

сохранилъ глубочайшее чувство признательности къ тѣмъ изъ своихъ учителей, кто впервые зажегъ въ немъ «священный пламень вдохновенья». И не его, и не ихъ вина была въ томъ, что они являлись людьми двухъ поколѣній, раздѣленныхъ великой гранью двухъ историческихъ эпохъ.

Вотъ почему, только понявъ съ этой точки зрѣнія высокое призваніе незабвеннаго творца «Боярской Думы», и возможно дать надлежащій отвѣтъ на вопросъ, насколько въ самомъ дѣлѣ былъ онъ близокъ или далекъ своимъ учителямъ.

Б. И. Сыромятниковъ.

Памяти В. О. Ключевскаго.

Что могу я сказать о В. О. Ключевскомъ, не слушавъ его курсовъ и не принадлежавъ къ числу его учениковъ по университету? Мои личныя воспоминанія о В. О. не имѣютъ общаго интереса; чѣмъ излагать ихъ,—не лучше ли будетъ представить здѣсь нѣсколько строкъ, посвященныхъ тому, каковъ казался В. О. «на разстояніи», людямъ, судившимъ о немъ болѣе по слухамъ и печатной строкѣ, чѣмъ по личнымъ впечатлѣніямъ?

Я отчетливо помню, какъ, будучи петербургскимъ студентомъ, узналъ я отъ московскихъ сверстниковъ о первыхъ шагахъ «доцента» Ключевскаго въ Московскомъ университетѣ. Я помню, что исключительный лекторскій даръ В. О. Ключевскаго произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе на аудиторію, въ которой тогда были студенты: М. К. Любавскій, П. Н. Милюковъ, М. С. Корелинъ, Р. Ю. Випперъ... Семинарій Ключевскаго сразу сталъ цѣниться столь же высоко, какъ и семинарій В. И. Герье. Одновременно съ блестящимъ университетскимъ выступленіемъ В. О. Ключевскаго начался его литературный успѣхъ. Въ январьской книгѣ *Русской Мысли* за 1880 годъ появилось начало его знаменитаго изслѣдованія «Боярская дума древней Руси». Выпущенное въ 1882 году отдѣльнымъ изданіемъ, оно послужило В. О. Ключевскому докторской диссертаціей, защита которой обратилась въ тріумфъ. Московскій корреспондентъ газеты *Голосъ* писалъ о диспутѣ Ключевскаго: «Истиннымъ событіемъ дня на нынѣшней недѣлѣ былъ диспутъ извѣстнаго ученаго г. Ключевскаго, занимающаго уже нѣсколько лѣтъ въ здѣшнемъ университетѣ столь отвѣтственную каѳедру русской исторіи, осиротѣвшую послѣ смерти Соловьева. Давно уже, а можетъ быть и никогда, древнія стѣны здѣшней almae matris не были свидѣтелями такого шумнаго и единодушнаго восторга, какъ тотъ, которымъ встрѣтила многочисленная публика и студенты появленіе г. Ключевскаго на каѳедрѣ. Среди благоговѣйной тишины ораторъ произнесъ свою вступи-

тельную рѣчь, которая поражала какъ глубиною содержанія, такъ и изяществомъ формы. Скромно и очень просто изложилъ онъ главные выводы своей диссертаціи, имѣющіе, по единогласному отзыву офиціальныхъ и неофиціальныхъ оппонентовъ, громадное значеніе для исторіографіи... Впечатлѣніе, произведенное диспутомъ г. Ключевскаго, было близко къ восторженному энтузіазму. Знаніе предмета, мѣткость отвѣтовъ, исполненный достоинства тонъ возраженій, все это свидѣтельствовало, что мы имѣемъ дѣло не съ восходящимъ, а уже взошедшимъ свѣтиломъ русской науки. Нужно же было и видѣть, какимъ громомъ аплодисментовъ встрѣтила публика и учащаяся молодежь провозглашеніе г. Ключевскаго докторомъ русской исторіи. Кто видѣлъ это сердечное, безграничное, восторженное поклоненіе таланту высокаго учителя, тотъ не забудетъ никогда этихъ минутъ...» (*Голосъ*, 4-го октября 1882 г., № 269).

Съ той поры имя В. О. Ключевскаго получило широкую, всероссійскую извѣстность. Не только его ученики и слушатели, но и читатели его произведеній, любители и спеціалисты, признавали въ немъ исключительныя дарованія и познанія. Авторитетъ В. О. Ключевскаго росъ непрерывно, и самъ В. О. Ключевскій умѣлъ содѣйствовать этому росту новыми трудами. Двоякаго рода были его дальнѣйшіе труды. Во-первыхъ, В. О. Ключевскій печаталъ въ журналѣ *Русская Мысль* рядъ спеціальныхъ монографій большого исторіографическаго значенія; во-вторыхъ, онъ выступалъ по разнымъ случаямъ съ «рѣчами», обращенными къ широкой публикѣ. Изъ его монографій особенно замѣчательны: «Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи» (1885), «Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи (1886), «Составъ представительства на земскихъ соборахъ въ древней Руси» (1890—1892). Къ числу такихъ же монографій относится и «Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему» (*Чтенія Моск. Общ. Исторіи и Др. Росс.*, 1884). Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ читатели находили любопытнѣйшіе выводы, оригинальныя точки зрѣнія, свѣжій и цѣнный матеріалъ. Монографіи В. О. Ключевскаго давали толчокъ къ дальнѣйшему изученію и изслѣдованію, будили мысль, создавали направленіе. Популярныя «рѣчи» В. О. Ключевскаго, обыкновенно, пріурочивались къ общественнымъ торжествамъ и юбилейнымъ днямъ. Весьма извѣстны двѣ рѣчи о Пушкинѣ (1880 и 1887 г.)—по поводу открытія Пушкинскаго памятника и въ пятидесятилѣтіе кончины Пушкина. Не менѣе извѣстны слово въ память преп. Сергія Радонежскаго (1892) и лекція о «добрыхъ людяхъ древней Руси» (1892). Всѣ эти и подобныя

имъ произведенія В. О. Ключевскаго такъ обдумывались и обрабатывались, что не только служили украшеніемъ праздника, на которомъ были сказаны, но и навсегда дѣлались образцами научно-изящной популяризаціи. Репутація Ключевскаго, какъ большаго ученаго и превосходнаго лектора, поднялась и до весьма высокихъ круговъ. Московскій генералъ-губернаторъ великій князь Сергій Александровичъ въ своемъ дворцѣ не разъ устраивалъ избранную аудиторію для Василія Осиповича. Въ 1893—1895 гг. В. О. Ключевскій былъ приглашаемъ въ Аббасъ-Туманъ для чтенія лекцій великому князю Георгію Александровичу. Позднѣе, въ 1902 году, университетскій общій курсъ русской исторіи В. О. Ключевскаго былъ изданъ въ весьма высокихъ сферахъ (по газетнымъ сообщеніямъ—графомъ С. Ю. Витте) въ количествѣ всего 50 экземпляровъ и безъ вѣдома самого Ключевскаго, который по этому поводу писалъ, что «авторъ не принималъ участія въ этомъ изданіи, даже не зналъ о немъ долгое время, не имѣетъ его экземпляра и не искалъ его имѣть». Столь же неожиданный, сколь и лестный симптомъ популярности курса, повидимому, озаботилъ Василія Осиповича не меньше, чѣмъ тѣ литографскія его изданія, въ которыхъ со многими неисправностями и безъ всякихъ разрѣшеній печатались «пестрыя студенческія записи, приблизительно и на свой страхъ воспроизводящія изложеніе профессора». Съ 1904 года В. О. Ключевскій самъ началъ публиковать свой «Курсъ русской исторіи». Послѣднія семь-восемь лѣтъ жизни были имъ посвящены исключительно обработкѣ этого курса, которую В. О. Ключевскій рѣшился, по его словамъ, предпринять «въ близости конца преподавательской работы». Покойный не успѣлъ довершить этого дѣла: вышло всего четыре части «Курса»—до Екатерининской эпохи. Предсмертная болѣзнь застала Василія Осиповича на пятой части труда, изданія которой ждемъ отъ его сына и наслѣдника.

Таковъ научный формуляръ В. О. Ключевскаго. В. О. Ключевскій всегда и всецѣло принадлежалъ наукѣ. Можно сказать, что у него не было «біографіи»: вся его жизнь прошла въ Москвѣ, за книгами и рукописями, за чтеніемъ лекцій и за кабинетною работою. Его отдыхомъ бывала, говорятъ, рыбная ловля да бесѣды въ оживленныхъ кружкахъ московской университетской интеллигенціи. Охотно выступая на каѳедрѣ и много работая въ кабинетѣ, онъ былъ въ сущности доступенъ очень немногимъ, близкимъ къ нему лицамъ. Трудно поэтому дать его характеристику и изобразить генезисъ его взглядовъ и основы его міросозерцанія.

Для людей, которые не стояли близко къ Ключевскому и знали его по его трудамъ или же видали его на каѳедрѣ и въ ученыхъ собраніяхъ, знаменитый историкъ представлялся обаятельнымъ, своеобразнымъ и даже нѣсколько загадочнымъ по своей сложности лицомъ. Къ Ключевскому влекла необыкновенная сила его ума и остроумія и яркая красота его языка и рѣчи. Когда онъ говорилъ свои обдуманныя и даже, казалось, заученныя лекціи и доклады, невозможно бывало оторвать вниманія отъ его фразы и отвести глазъ отъ его сосредоточеннаго лица. Властная мощь его неторопливо дѣйствовавшей логики подчиняла ему вашъ умъ, художественная картинность изложенія плѣняла душу, а неожиданныя вспышки ѣдкаго и оригинальнаго юмора, вызывая неудержимую улыбку, надолго западали въ вашу память. Подобныя же впечатлѣнія вызывали и тѣ статьи Ключевскаго, которыя были разсчитаны не на однихъ спеціалистовъ. Ихъ чтеніе не только васъ убѣждало и учило, но и давало вамъ эстетическое наслажденіе—богатствомъ и точностью языка, блескомъ выразительной и красивой фразы, художественностью концепсій. Ключевскій совмѣщалъ въ себѣ силу ума и богатство ученаго знанія съ талантомъ поэтическаго воспріятія и воспроизведенія. Въ этомъ секретъ его обаянія. Не на всѣхъ, однако, равнымъ образомъ дѣйствовали особенности научнаго дарованія Ключевскаго. Были критики, указывавшіе на то, что изобразительность изложенія Ключевскаго, переходившая иногда въ вычурность и манерность, являетъ собою ученое безвкусіе и литературную искусственность. Извѣстно, напримѣръ, нетерпимое отношеніе проф. В. И. Сергѣевича ко всему, что ни писалъ Ключевскій. По мнѣнію покойнаго юриста, «въ сочиненіяхъ такого рода (каковы сочиненія Ключевскаго)... выяснить себѣ настоящую мысль автора нерѣдко представляется дѣломъ очень нелегкимъ». Обусловленное разностью ученыхъ пріемовъ и взглядовъ, осужденіе Сергѣевича имѣло и субъективно-психологическую основу—въ чрезвычайномъ различіи духовной природы обоихъ изслѣдователей. Формально точный и сухой логическій умъ Сергѣевича былъ очень далекъ отъ пониманія манеры, съ какой создавались труды Ключевскаго. Иногда самъ В. О. Ключевскій отступалъ отъ своего обычнаго способа изложенія и печаталъ нѣкоторыя монографіи безъ полной стилистической отдѣлки. Таковъ, напримѣръ, его очеркъ первоначальной исторіи городовъ на Руси, помѣщенный въ первой редакціи «Боярской думы» (*Русская Мысль*, 1880 г. №№ 1, 3, 4 и 10). Таковъ «Русскій рубль» и отчасти—изслѣдованія по исторіи крѣпостного права и земскихъ соборовъ. Обращаясь отъ этихъ спеціальныхъ работъ къ

болѣе популярнымъ и общимъ трудамъ Ключевскаго, легко можно чувствовать, какъ много содѣйствовала цѣлости и силѣ впечатлѣнія усвоенная Ключевскимъ въ послѣднихъ трудахъ своеобразная литературная манера. Да, великимъ мастеромъ слова былъ Ключевскій! Никто другой не умѣлъ дать читателю такихъ цѣльныхъ и и гармоничныхъ настроеній, какъ онъ; никто другой не умѣлъ такъ обвѣять васъ впечатлѣніями отжитыхъ эпохъ.

Спокойствіе объективнаго историка въ высшей степени было присуще трудамъ Ключевскаго. Онъ умѣлъ не увлекаться полемикой ни съ настоящими историками, ни съ дѣятелями прошедшаго. Полемическій элементъ вовсе отсутствуетъ въ изслѣдованіяхъ В. О. Ключевскаго; обходятся даже такіе ученые мнѣнія и выводы, съ которыми, казалось бы, естественно было сосчитаться [1]). И въ съ прошлое смотритъ нашъ историкъ если далеко не равнодушно, то весьма сдержанно, не показывая «ни жалости, ни гнѣва». Судъ историка у Ключевскаго дѣйствуетъ чаще всего посредствомъ мимолетнаго сарказма или же благодушнаго, но мѣткаго юмора. На читателя очень воспитательно вліяетъ постоянное умѣнье Ключевскаго быть спокойнымъ и серьезнымъ, несмотря на способность къ ѣдкой шуткѣ. Тѣмъ неожиданнѣе проблески нѣкотораго пессимизма и скорбнаго настроенія въ Ключевскомъ. Иногда читатель чувствуетъ, что историкъ какъ бы не удовлетворенъ настоящимъ. Въ одномъ изъ курсовъ Ключевскій, напримѣръ, такъ отзывался о своей современности: «надо признаться, что это поколѣніе, къ которому принадлежитъ и говорящій, доселѣ плохо разрѣшало свои задачи, и надо думать, что оно сойдетъ съ поприща, не разрѣшивши ихъ». Иногда же (и чѣмъ позднѣе, тѣмъ чаще) скорбь и негодованіе историка обращались въ русское прошлое. Въ IV-й части «Курса» можно отмѣтить нѣсколько поразительныхъ въ этомъ отношеніи мѣстъ. Они таковы, что заставляютъ думать о ростѣ пессимизма въ пожилые годы историка и о нѣкоторой убыли прежняго научнаго самообладанія. Но и вообще и всегда внутреннія настроенія Ключевскаго могли порождать недоумѣніе своею сложностью и неожиданностью. Мы помнимъ, какое удивленіе вызвала, всѣми именно Ключевскому усвоенная, статья «Грусть», подписанная буквою К и напечатанная въ *Русской Мысли* 1891 года въ память 50-лѣтія кончины М. Ю. Лермонтова. Въ статьѣ звучали такія элегическія струны, царило такое настроеніе «по-

[1]) Такъ, В. О. совсѣмъ не полемизировалъ съ В. И. Сергѣевичемъ. Любопытно сказанное мнѣ имъ когда-то шутливое замѣчаніе, что Сергѣевичъ тѣмъ похожъ на Грознаго, что оба они привыкли идеи перекладывать на первы. Этою шуткою В. О. далъ мнѣ понять, какъ онъ относился къ нападкамъ Сергѣевича.

этической резиньяціи», какихъ нельзя было и предполагать въ «историкѣ Ключевскомъ». Столь же мало отъ историка Ключевскаго можно было ожидать той степени лиризма, съ какою была имъ написана рѣчь памяти императора Александра III (1894). Эти два выступленія Ключевскаго были учтены какъ симптомы душевнаго перелома, перемѣстившіе его вправо отъ прежнихъ позицій. Но прошло десятилѣтіе, и послѣдніе годы застали нашего историка на прежнихъ позиціяхъ. Душевный «переломъ» не былъ перемѣною взглядовъ и чувствъ; онъ оказался только симптомомъ большой душевной сложности, въ которой сплелись мудренымъ узломъ самые разнородные элементы русской стихіи и общечеловѣческой мысли.

С. Ѳ. Платоновъ.

Историческіе взгляды В. О. Ключевскаго.

Въ лицѣ Василія Осиповича Ключевскаго Россія лишилась человѣка съ ярко выраженной индивидуальностью и крупнымъ талантомъ: своеобразный творческій умъ и научная пытливость соединялись въ немъ съ глубокимъ чутьемъ исторической дѣйствительности и съ рѣдкимъ даромъ художественнаго ея воспроизведенія.

Русская историческая наука многимъ обязана Ключевскому и, конечно, не замедлитъ надлежащимъ образомъ оцѣнить его заслуги и разобраться въ той массѣ мыслей, наблюденій и выводовъ, которые онъ съ такимъ мастерствомъ расточалъ на своихъ лекціяхъ и въ своихъ научныхъ трудахъ, всегда возбуждая умственную дѣятельность слушателей или читателей, часто очаровывая ихъ яркостью образовъ и оживленностью своей рѣчи; но передъ еле закрывшейся могилой великаго историка и свѣжимъ воспоминаніемъ о тяжелой утратѣ, трудно дать всестороннюю оцѣнку его личности и значенія; легче отмѣтить, хотя бы въ самыхъ краткихъ и бѣглыхъ чертахъ, нѣсколько важнѣйшихъ особенностей его научнаго міровоззрѣнія и, не входя въ подробное изученіе ихъ генезиса, выяснить то вліяніе, которое онѣ оказали на его пониманіе общаго хода нашей исторіи.

Въ образованныхъ кругахъ московскаго общества шестидесятыхъ годовъ Ключевскій уже не засталъ ни прежняго интереса къ нѣмецкому идеализму, ни той борьбы, которую западники вели съ «первыми славянофилами». Благодаря измѣнившимся условіямъ, молодой ученый могъ свободно пользоваться взглядами и выводами разныхъ школъ и направленій и вырабатывалъ свои собственныя воззрѣнія не безъ вліянія тѣхъ впечатлѣній, какія онъ вынесъ изъ эпохи великихъ реформъ и соціальнаго переустройства нашей жизни.

Воспитывающее дѣйствіе «западнаго направленія» Ключевскій испыталъ на себѣ со времени поступленія своего въ московскій университетъ; правда, онъ уже не могъ учиться ни у Грановскаго, ни у Кудрявцева и мало слушалъ Ешевскаго, который читалъ древнюю

---

[1]) Эта статья подъ заглавіемъ „Памяти В. О. Ключевскаго“ была первоначально напечатана въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1911 г., августъ, стр. 337—353 и воспроизводится здѣсь съ незначительными измѣненіями.

и среднюю исторію съ большими перерывами; но Соловьева Ключевскій узналъ въ цвѣтѣ силъ и студентомъ третьяго курса сталъ записывать его лекціи. Внимательно вслушиваясь въ его «говорящее размышленіе», даровитый студентъ старался ухватиться за нить развиваемыхъ имъ мыслей и не замѣчалъ его отрывистой рѣчи: онъ чувствовалъ, что съ нимъ бесѣдуетъ человѣкъ съ стройнымъ и цѣльнымъ міросозерцаніемъ и съ выработаннымъ, столь же цѣльнымъ, взглядомъ на ходъ русской исторіи, крупные факты которой онъ всегда разсматривалъ при свѣтѣ общихъ историческихъ идей. На лекціяхъ своего учителя, большого поклонника Гизо, Ключевскій научился цѣнить его общіе взгляды; онъ сроднился съ мыслью «о закономѣрности» историческихъ явленій и привыкъ изучать ихъ въ «естественной и необходимой» ихъ связи между собою и въ ихъ органическомъ развитіи; на тѣхъ же лекціяхъ онъ знакомился, конечно, съ исторіей русскаго государства, а отчасти и съ «исторіей сословій», не говоря о цѣломъ рядѣ болѣе частныхъ замѣчаній, вводившихъ его въ изученіе нашего прошлаго. И впослѣдствіи онъ продолжалъ думать, что для того, чтобы «идти прямо и твердо къ своей работѣ, каждый изслѣдователь русскаго прошедшаго долженъ начинать съ того, чѣмъ кончилъ Соловьевъ свою рѣчь о томъ же», и что Соловьевъ, «какъ маякъ, еще долго будетъ служить первымъ указателемъ пути даже для того, кто далеко разойдется съ нимъ въ своихъ послѣднихъ выводахъ».

Дѣйствительно, Ключевскій во многомъ разошелся съ Соловьевымъ, и прежде всего въ исходныхъ положеніяхъ, а не только въ «послѣднихъ выводахъ»: онъ исходилъ изъ другой соціологической оцѣнки историческихъ факторовъ и иначе строилъ историческій процессъ.

Съ соціологической точки зрѣнія, не чуждой, впрочемъ, и Соловьеву, Ключевскій представлялъ себѣ человѣческое общежитіе такимъ же фактомъ мірового бытія, какъ и жизнь окружающей насъ природы, а возникновеніе, ростъ и смѣну подобнаго рода союзовъ, со всѣми условіями и послѣдствіями ихъ жизни, называлъ историческимъ процессомъ. Съ той же соціологической точки зрѣнія Ключевскій различалъ и «предметы историческаго изученія»: подобно тому, какъ соціологи дѣлятъ свою науку на соціальную статику и соціальную динамику, и нашъ историкъ полагалъ, что исторія должна изучать «строеніе общества», «свойства и дѣйствія созидающихъ и направляющихъ его силъ», и слѣдить за выработкою человѣка и человѣческаго общежитія, за его «успѣхами», или его «прогрессомъ»; но тогда какъ Соловьевъ, подобно

Боклю, сталъ указывать на возрастающее вліяніе «духовныхъ силъ» въ исторіи, Ключевскій, слѣдуя иному соціологическому направленію, обращалъ особенное вниманіе на матеріальные факторы. Съ такой соціологической точки зрѣнія Ключевскій не могъ придавать идеямъ того значенія, какое приписывалъ имъ Соловьевъ[1]). Ключевскій полагалъ, что историкъ, занимающійся исторіей общества, а не отдѣльныхъ личностей и ихъ идей, интересуется плодами личнаго творчества лишь съ точки зрѣнія ихъ «дѣеспособности»; лишь та идея, которая становится историческимъ факторомъ общежитія, т.-е. выходитъ изъ предѣловъ личнаго существованія и дѣлается общимъ достояніемъ, и не только общимъ, но и обязательнымъ, т.-е. общепризнаннымъ правиломъ или убѣжденіемъ, заслуживаетъ вниманія историка; лишь добившись общаго признанія и ставъ руководительницей политики, законодательства или хозяйственнаго оборота, она можетъ быть признана «историческимъ явленіемъ». Слѣдовательно, историку приходится сосредоточивать свое вниманіе на изученіи болѣе видныхъ факторовъ историческаго развитія, т.-е. экономическихъ и соціальныхъ отношеній, а также политическаго строя. Въ позднѣйшее время, кажется, самъ Ключевскій ввелъ, однако, существенную оговорку въ такое пониманіе: заявляя, что «умственный трудъ и нравственный подвигъ всегда останутся лучшими строителями общества, самыми мощными двигателями человѣческаго развитія», онъ сталъ придавать «чисто методологическое значеніе» изученію преимущественно фактовъ «политическихъ и экономическихъ», т.-е. настаивалъ на извѣстномъ порядкѣ изученія историческихъ факторовъ, по мѣрѣ того, какъ они входятъ въ общій историческій процессъ, а не въ соотвѣтствіи съ ихъ послѣдующимъ значеніемъ. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій долженъ былъ, однако, признать, что историкъ «идетъ отъ слѣдствій къ причинамъ, отъ явленій къ силамъ», т.-е., что онъ долженъ пользоваться фактами «экономическими и политическими» (да и многими другими) и для изученія исторіи идей, разумѣется, тѣхъ, которыя имѣли историческое значеніе; самъ онъ принималъ во вниманіе такое требованіе, когда утверждалъ, напримѣръ, что исторія задаетъ каждому народу «работу надъ своей собственной природой», т.-е. «работу надъ самимъ собою», неосуществимую, конечно, безъ руководящихъ «идей» или «идеаловъ»; или когда

---

[1]) Впрочемъ, въ извѣстной рецензіи своей на книгу Щапова о соціально-педагогическихъ условіяхъ умственнаго развитія русскаго народа (1870 г.), Ключевскій обнаружилъ, повидимому, иное отношеніе къ „исторіи интеллектуальной жизни“: развитіе ея „совершается вообще правильнѣе другихъ сферъ жизни“... „по существу она проще и легче для изученія въ сравненіи съ исторіей общественной жизни“...

высказывалъ, что «энергія личнаго матеріальнаго интереса возбуждается не самымъ этимъ интересомъ, а стремленіемъ обезпечить личную свободу, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю, умственную и нравственную» и что «эта послѣдняя на высшей ступени своего развитія выражается въ сознаніи общихъ интересовъ и въ чувствѣ нравственнаго долга дѣйствовать на пользу общую».

Въ пониманіи «процессовъ», образующихъ исторію, Ключевскій также нѣсколько разошелся съ Соловьевымъ: самъ онъ, говоря о современныхъ ему теченіяхъ, замѣтилъ, что, хотя одни изучаютъ «генезисъ и развитіе политическихъ формъ и соціальныхъ отношеній», а другіе — «ростъ національныхъ преданій и обычаевъ, духъ и бытъ народа», но различіе ихъ взглядовъ не имѣетъ принципіальнаго значенія; напротивъ, онъ признавалъ такія направленія лишь «простымъ раздѣленіемъ труда въ работѣ надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ» и, значитъ, считалъ возможнымъ пользоваться выводами обоихъ; не придерживаясь исключительно ни того, ни другого, онъ могъ почерпать изъ обоихъ то, что ему казалось нужнымъ для выработки своего собственнаго пониманія нашего прошлаго. Дѣйствительно, Ключевскій пополнилъ схему, принятую Соловьевымъ: сохранивъ, конечно, понятіе о государствѣ, но приписывая большое значеніе и «народности» — началу, на которомъ въ то время уже сходились сторонники разныхъ теченій,—онъ ввелъ ее въ свое построеніе русской исторіи. Такимъ образомъ, онъ сосредоточилъ свое вниманіе на выясненіи двухъ процессовъ: онъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ понятіе о государствѣ вырабатывалось въ практикѣ жизни и выяснялось въ сознаніи народа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не упускалъ изъ виду, однако, и того, какъ, въ связи съ ростомъ государства, завязывались и сплетались основныя нити, образовавшія своей сложной тканью нашу народность.

Естественно, что, въ виду такого пониманія историческихъ факторовъ и «процессовъ», а также, вѣроятно, и подъ вліяніемъ переживаемой имъ эпохи великихъ реформъ и соціальнаго переустройства нашей жизни, Ключевскій долженъ былъ преимущественно интересоваться тѣми ея элементами, которые онъ называлъ «политическими, соціальными и экономическими» фактами; принимая во вниманіе ученіе о народности, онъ не считалъ возможнымъ изучать исторію «политическихъ и общественныхъ формъ» безъ заполнявшаго ихъ содержанія, т.-е. внѣ ихъ связи съ соціальной жизнью, составомъ общества, борьбою классовъ и тому подобными процессами; онъ ставилъ ихъ, въ свою очередь, въ тѣсную зависимость отъ «экономическихъ отношеній» и въ особенности отъ «производительности народнаго труда», но не упускалъ, однако, изъ виду

и обратной зависимости «фактовъ экономическихъ» отъ «политическихъ», особенно замѣтной въ моменты напряженнаго развитія военныхъ силъ нашей страны.

Въ самомъ дѣлѣ, въ большинствѣ главнѣйшихъ трудовъ Ключевскаго можно подыскать не мало примѣровъ того соціологическаго интереса, съ какимъ онъ относился къ «политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ фактамъ» русской исторіи. Въ студенческой работѣ, посвященной обозрѣнію сказаній иностранцевъ о Россіи, онъ уже обратилъ преимущественное вниманіе на тѣ свѣдѣнія, какія они сообщали о географіи страны, о нѣкоторыхъ явленіяхъ государственной и общественной жизни, а также о «матеріальной», но не о нравственной ея сторонѣ, «гораздо менѣе открытой для посторонняго глаза»; съ того времени онъ не переставалъ изучать тѣ же категоріи фактовъ. Въ другой работѣ, также предпринятой, вѣроятно, подъ вліяніемъ своего учителя, Ключевскій, правда, занялся критическимъ разборомъ матеріала, который, казалось бы, имѣлъ очень мало отношенія къ такимъ процессамъ, а именно обратился къ изслѣдованію древне-русскихъ житій святыхъ; но онъ приступилъ къ ознакомленію съ ними въ надеждѣ найти въ нихъ обильный и свѣжій источникъ для выясненія того участія, какое монастыри принимали въ колонизаціи сѣверо-восточной Руси и только въ виду особенностей самихъ источниковъ долженъ былъ измѣнить постановку своей темы. И въ послѣднемъ случаѣ, однако, онъ все же придерживался соціологической точки зрѣнія при изученіи, напримѣръ, той среды, въ которой зародилась литературная форма житій, ея типическихъ чертъ и послѣдующихъ ея превращеній, распространенія житій въ обществѣ, а также того воздѣйствія, какое «древне-русскій читатель оказывалъ на біографа». Во всякомъ случаѣ, въ позднѣйшихъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ Ключевскій преимущественно сосредоточилъ свое вниманіе на исторіи учрежденій и соціально-экономическихъ отношеній, касаясь иногда и другихъ темъ въ статьяхъ и рѣчахъ болѣе случайнаго происхожденія.

Въ связи съ принятою имъ соціологической точкой зрѣнія и интересомъ къ народности, Ключевскій, при изученіи учрежденій, гораздо болѣе Соловьева обращалъ вниманіе на соціальныя и экономическія отношенія. Въ капитальномъ своемъ трудѣ о боярской думѣ, напримѣръ, Ключевскій довольно рѣзко обнаружилъ такое именно свое отношеніе къ исторіи учрежденій: проводя различіе между ихъ содержаніемъ и формою, онъ полагалъ, что нельзя изучать ихъ безъ выясненія наполнявшаго форму матеріала, такъ какъ въ противномъ случаѣ трудно понять, почему одинъ и тотъ же «по-

рядокъ» въ разныхъ условіяхъ получалъ различное значеніе. Тотъ же взглядъ нашъ историкъ примѣнилъ и въ спеціальномъ своемъ изслѣдованіи о боярской думѣ: онъ интересовался не тѣмъ, «откуда взялись формы, свои онѣ или чужія», а тѣмъ, «какое туземное содержаніе влилось въ нихъ и переработало ихъ»; онъ изучалъ «соціальную исторію думы», «въ связи съ исторіей общества», въ связи съ «процессомъ образованія верхнихъ его слоевъ»; онъ подчеркивалъ вліяніе соціальнаго состава управленія на развитіе боярской думы и слѣдилъ за образованіемъ московской правительственной аристократіи, бывшей политическою силой, но не властью, права которой были бы пріобрѣтены оружіемъ или ограждены закономъ; онъ выяснялъ и тѣ перемѣны, которыя происходили въ соціальномъ и правительственномъ составѣ думы, постепенное превращеніе ея въ центральный органъ управленія и ея законодательное значеніе, а также ея перерожденіе изъ аристократическаго совѣта въ бюрократическое учрежденіе, вплоть до замѣны ея сенатомъ. Свой интересъ къ соціально-политической исторіи Ключевскій проявилъ и въ извѣстныхъ статьяхъ о «составѣ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси»; подвергнувъ его тонкому анализу, онъ пришелъ и къ новому выводу касательно характера самаго учрежденія: онъ полагалъ, что «основнымъ принципомъ» представительства на земскихъ соборахъ XVI-го вѣка было, въ сущности, «представительство по должностному правительственному положенію, а не по общественному выбору», хотя, впрочемъ, не забылъ отмѣтить въ составѣ послѣдняго изъ соборовъ того же вѣка и «выборныхъ представителей уѣздныхъ дворянскихъ обществъ». Кромѣ того, связавъ исторію земскихъ соборовъ XVI в. съ исторіей земскихъ учрежденій, онъ выяснилъ происхожденіе и значеніе представительства въ XVI вѣкѣ, какъ «высшей формы поруки въ управленіи»: онъ показалъ, что правительство, созывая соборъ, стремилось «обезпечить себѣ дружное и усиленное содѣйствіе всѣхъ мѣстныхъ обществъ», должностные представители которыхъ, «поручившись за исполнимость соборнаго приговора, должны были принять на себя и провести въ мѣстныя общества отвѣтственное его исполненіе».

Въ другихъ работахъ Ключевскій приступилъ къ изученію соціально-экономическихъ, а не соціально-политическихъ отношеній: уже до появленія статей о земскихъ соборахъ онъ напечаталъ замѣчательныя свои изслѣдованія по исторіи прикрѣпленія крестьянъ и крѣпостного права, паденіе котораго произвело на него сильное впечатлѣніе. Вмѣсто того, чтобы сводить процессъ прикрѣпленія къ исторіи мѣръ, предпринимаемыхъ московскимъ правительствомъ, Ключевскій впервые выяснилъ значеніе возраставшей частной за-

висимости владѣльческаго крестьянина отъ землевладѣльца, обусловленной, главнымъ образомъ, экономическими отношеніями, и обратилъ особенное вниманіе на то, какимъ образомъ движеніе холопства въ сторону крестьянства встрѣтилось съ противоположнымъ движеніемъ крестьянства въ сторону холопства и какъ этотъ двойной процессъ завершился первой ревизіей и привелъ къ образованію крѣпостнаго состоянія.

Въ разысканіяхъ подобнаго рода Ключевскій долженъ былъ, конечно, натолкнуться на цѣлый рядъ проблемъ, касавшихся чисто экономической исторіи Московской Руси и до того времени очень мало затронутыхъ въ нашей исторіографіи: онъ обратилъ серьезное вниманіе, напримѣръ, на одинъ изъ самыхъ основныхъ и труднѣйшихъ вопросовъ экономической исторіи, а именно, на вопросъ о цѣнности денегъ, и попытался опредѣлить отношеніе покупательной силы или мѣновой цѣнности нашего рубля XVI—XVII вв. къ современной и постепенное ея паденіе, совершившееся, впрочемъ, не безъ нѣкоторыхъ колебаній.

Такой же соціологическій интересъ къ «политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ фактамъ» въ ихъ совокупности Ключевскій обнаружилъ, наконецъ, и въ своемъ «Курсѣ русской исторіи». Въ введеніи къ нему онъ заявляетъ, что имѣетъ въ виду заняться «соціологическимъ» изученіемъ ея, какъ «мѣстной исторіи» и будетъ излагать «факты политическіе и экономическіе, съ ихъ разнообразными слѣдствіями и способами проявленія и—только, ничего болѣе». И дѣйствительно, въ своихъ лекціяхъ онъ обращаетъ большое вниманіе на ходъ колонизаціи и ея результаты, на «политическія и общественныя формы», на внутреннія политическія отношенія, на составъ общества, на то положеніе и взаимное отношеніе, какое устанавливалось между соціальными классами подъ вліяніемъ экономическихъ и иныхъ условій, и т. п.

«Соціологическое изученіе» русской исторіи Ключевскій понималъ, однако, не въ смыслѣ абстрактнаго разсмотрѣнія «политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ фактовъ»: по примѣру Соловьева исходя изъ мысли о «связи явленій», о томъ, что «въ исторіи, какъ и въ природѣ, ничто не дѣйствуетъ одиноко, особнякомъ», онъ давно уже обратилъ вниманіе на многообразіе историческаго процесса; при изученіи того, а не иного сочетанія «политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ фактовъ» онъ стремился комбинировать свою соціологическую точку зрѣнія съ собственно исторической и, подобно Соловьеву, но съ большею послѣдовательностью оттѣнялъ «своеобразность» русской исторіи. Вообще обнаруживъ такое стремленіе уже въ одной изъ своихъ статей,

писанныхъ лѣтъ сорокъ тому назадъ, по поводу «соціально-педагогическихъ условій умственнаго развитія русскаго народа», онъ болѣе систематично проводитъ его, напримѣръ, въ «Боярской Думѣ» и особенно въ «Курсѣ русской исторіи».

Въ самомъ пониманіи задачъ мѣстной исторіи, какое Ключевскій предлагаетъ въ началѣ своего «Курса», онъ высказываетъ такой именно взглядъ на «соціологическое изученіе» нашего прошлаго: онъ полагаетъ, что «мѣстная исторія» даетъ готовый и обильный матеріалъ и для «исторической соціологіи», т.-е. для ученія о «строеніи общества», и для знакомства съ «законами движенія» людского общежитія или съ тѣмъ, «при какихъ условіяхъ извѣстный элементъ его двигаетъ человѣчество впередъ по пути мірового прогресса и когда задерживаетъ его движеніе»; но онъ признаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что «отдѣльная исторія извѣстнаго народа можетъ быть важна своеобразностью своихъ явленій», т.-е. своеобразіемъ сочетаній ея элементовъ, хотя бы они, порознь взятые, и были сходны съ элементами другихъ исторій, и что, слѣдовательно, «научный интересъ исторіи того или другого народа опредѣляется количествомъ своеобразныхъ мѣстныхъ сочетаній и вскрываемыхъ ими свойствъ тѣхъ или иныхъ элементовъ общежитія». Съ такой двойственной точки зрѣнія Ключевскій приступаетъ и къ изученію русской исторіи: она представляетъ сравнительно простые процессы, «въ которыхъ можно достаточно отчетливо разглядѣть работу историческихъ силъ, дѣйствіе и значеніе различныхъ пружинъ, входившихъ въ сравнительно несложный составъ нашего общежитія»; но она отличается и «своеобразнымъ сочетаніемъ дѣйствовавшихъ въ ней условій народной жизни».

Итакъ, «своеобразіе» нашей исторіи Ключевскій понимаетъ прежде всего въ смыслѣ своеобразнаго сочетанія хотя бы и сходныхъ съ другими элементовъ русской жизни, и характеризуетъ каждый ея періодъ особаго рода сочетаніемъ ихъ, отличнымъ отъ того, какое они получали въ другомъ. Въ зависимости, напримѣръ, отъ различія въ комбинаціяхъ между элементами государственной власти, соціальной жизни и производительности народнаго труда, обусловленныхъ частью мѣстными условіями колонизаціи, частью «внѣшними обстоятельствами», Ключевскій и построяетъ въ своемъ «Курсѣ» общій ходъ нашей исторіи: онъ полагаетъ, что колонизація, которую, впрочемъ, не упускалъ изъ виду и его предшественникъ, была «основнымъ» ея фактомъ и что всѣ другіе ея факты стояли въ близкой или отдаленной связи съ колонизаціей; онъ заявляетъ, что «этотъ фактъ и служитъ основаніемъ плана курса». Ближайшую съ нимъ связь онъ усматриваетъ и въ нѣко-

торыхъ «политическихъ и экономическихъ фактахъ»: онъ полагаетъ, что Русь съ VIII-го до XIII-го вѣка была «днѣпровской, городовой, торговой»; съ XIII-го до середины XV-го вѣка—«верхневолжской, удѣльно-княжеской, вольно-земледѣльческой»; съ середины XV-го до второго десятилѣтія XVII-го вѣка—«великой, московской, царско-боярской, военно-земледѣльческой»; наконецъ, съ начала XVII-го до середины XIX-го вѣка—«всероссійской, императорско-дворянской, съ крѣпостнымъ хозяйствомъ, земледѣльческимъ и фабрично-заводскимъ».

Въ предлагаемой имъ періодизаціи русской исторіи, Ключевскій, какъ видно, остался вѣренъ своей первоначальной концепціи историческаго процесса: онъ разсуждаетъ о своеобразномъ сочетаніи «политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ фактовъ», но не удѣляетъ въ немъ особаго мѣста для «идей», несмотря на то, что самъ высоко цѣнитъ развитіе національнаго самосознанія и процессъ образованія исторической личности русскаго народа, которые нельзя сводить къ однимъ только внѣшнимъ проявленіямъ его дѣятельности, не нарушая цѣлесообразности и непрерывности ея эволюціи. Впрочемъ, въ указанномъ выше смыслѣ Ключевскій принимаетъ во вниманіе и «интеллектуальные факторы», дѣйствовавшіе въ русской исторіи, особенно позднѣйшей. Хотя вмѣсто древней религіи восточныхъ славянъ онъ и говоритъ только о ихъ «миѳологіи», да и касается ея лишь въ связи съ слѣдствіями колонизаціи, хотя онъ и не останавливается на подробномъ разсмотрѣніи вліянія христіанской и византійской культуры на древнерусскую жизнь и довольствуется преимущественно изученіемъ церковныхъ уставовъ русскихъ князей и вліяніемъ церкви на гражданскій бытъ и политическій порядокъ, мимоходомъ упоминая объ «успѣхахъ гражданственности и просвѣщенія» въ средѣ «господствующаго класса», но въ другихъ случаяхъ онъ отмѣчаетъ и роль идей въ нашемъ историческомъ развитіи. Возвышеніе московскихъ князей Ключевскій ставитъ, напримѣръ, въ зависимость отъ отношенія ихъ къ русской церкви и замѣчаетъ, что имъ удалось успѣшно собрать въ своихъ рукахъ «матеріальныя, политическія силы русскаго народа» благодаря дружному содѣйствію добровольно соединившихся его духовныхъ силъ; онъ слѣдитъ за ростомъ «политическаго самосознанія великорусскаго общества», за развитіемъ московской политической теоріи, приведшей къ рѣзкому отдѣленію московскаго государя отъ всего остальнаго общества и къ «идеѣ подданства»,—словомъ, за образованіемъ того «кодекса политическихъ понятій, которымъ такъ долго жила потомъ Московская Русь». Вслѣдъ за тѣмъ онъ указываетъ на «національныя и рели-

гіозныя связи, спасшія общество въ смутное время», и останавливается на характеристикѣ тѣхъ двухъ направленій «въ умственной жизни русскаго общества», которыя сложились подъ вліяніями греческимъ и западнымъ и, въ борьбѣ другъ съ другомъ, «всего болѣе оживляли вялую общественную жизнь, направляемую темной, тяжелой и пустой государственной дѣятельностью, какая съ нѣкоторыми перерывами, томительно длилась до половины XIX вѣка». При изображеніи эпохи преобразованій онъ также замѣчаетъ, что уже въ XVII-мъ вѣкѣ русская мысль «тронулась и пыталась повлечь за собой застоявшуюся жизнь», а «въ пробужденіи простодушной вѣры русскихъ людей того времени въ науку и довѣрчивой надежды съ ея помощью все исправить» усматриваетъ «главный нравственный успѣхъ въ дѣлѣ подготовки реформы Петра Великаго» и руководящія начала его собственной преобразовательной дѣятельности; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ полагаетъ, что такое влеченіе, неравномѣрно дѣйствуя на разные классы русскаго общества, нарушало прежнее «духовное согласіе, господствовавшее въ немъ вопреки соціальной розни», но что «та же вѣра, поддерживала насъ и послѣ преобразователя всякій разъ, когда мы, изнемогая въ погонѣ за успѣхами западной Европы, готовы были упасть съ мыслью, что мы не рождены для цивилизаціи, и съ ожесточеніемъ бросались въ самоуничиженіе». Итакъ, по мѣрѣ пристальнаго изученія позднѣйшихъ періодовъ нашей исторіи, Ключевскій все болѣе подчеркиваетъ значеніе «идей» въ ея ходѣ, что̀ и даетъ ему возможность отмѣчать новыя различія въ сочетаніяхъ элементовъ русской жизни, характеризующихъ данный періодъ ея развитія.

Нельзя не замѣтить, однако, что Ключевскій часто придаетъ понятію о «своеобразіи русской исторіи» еще болѣе узкое значеніе: при изученіи ея «хода» онъ едва ли даже не преимущественно интересуется индивидуальнымъ характеромъ даннаго сочетанія элементовъ, въ его зависимости отъ «встрѣчи» данныхъ условій мѣста и времени, а не только сходствомъ каждаго изъ элементовъ, отдѣльно взятаго, съ другими; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обращаетъ вниманіе на такой же характеръ субъекта развитія—носителя этого сочетанія, и не упускаетъ изъ виду своеобразія нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ составныхъ его элементовъ и частей изучаемаго имъ цѣлаго. Самъ Ключевскій указываетъ, напримѣръ, на то, что изслѣдователь мѣстной исторіи встрѣчаетъ ея моменты и условія «въ своеобразныхъ сочетаніяхъ и при невиданныхъ имъ внѣшнихъ обстоятельствахъ» и что они, слѣдовательно, «внѣ даннаго мѣста, неповторимы»; что отдѣльные народы, принимавшіе наиболѣе замѣтное участіе въ историческомъ процессѣ, раскрываютъ природу

человѣчества съ разныхъ сторонъ и особенно ярко проявляютъ ту или другую силу ея; что народъ становится въ государствѣ не только политической, но и исторической личностью, съ болѣе или менѣе ясно выраженнымъ національнымъ характеромъ и сознаніемъ своего мірового значенія и это сознаніе возрастаетъ по мѣрѣ усиливающагося вліянія его на другіе народы. Такую точку зрѣнія Ключевскій готовъ былъ, конечно, приложить и къ изученію русской исторіи; самъ онъ говоритъ, что «научная цѣль» его Курса будетъ достигнута, если ему удастся дать изображеніе русскаго народа, «какъ исторической личности». И дѣйствительно, онъ слѣдитъ за тѣмъ, въ какихъ именно условіяхъ мѣста и времени этотъ народъ дѣйствовалъ, какъ его жизнедѣятельность надолго сосредоточилась въ великорусскомъ племени, каковъ былъ его характеръ и какіе именно люди всего болѣе двигали его исторіей, какія «внѣшнія обстоятельства» или историческія событія оказывали вліяніе на его прошлое, какую роль онъ игралъ среди другихъ европейскихъ націй, и т. п. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій, въ сущности, пытается отмѣтить и тѣ историческіе моменты, которые придаютъ каждому изъ періодовъ нашей исторіи своеобразный характеръ, отличный отъ соотвѣтствующихъ періодовъ въ исторіи другихъ народовъ.

Въ собственно историческомъ пониманіи древняго кіевскаго періода нашей исторіи Ключевскій расходится, однако, съ Соловьевымъ. Вмѣсто того, чтобы говорить о родовомъ бытѣ древней Руси, сходномъ съ древнимъ патріархальнымъ бытомъ другихъ народовъ, нашъ историкъ выясняетъ тѣ мѣстныя условія и «внѣшнія обстоятельства», подъ вліяніемъ которыхъ онъ разлагался и роды взаимно сближались между собой; въ зависимости отъ того именно положенія, какое заняли восточные славяне на «круговой водной дорогѣ, опоясавшей всю Европу», онъ объясняетъ возникновеніе и тѣхъ древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси, которые укрѣплялись подъ вліяніемъ печенѣжскихъ набѣговъ и главнѣйшіе изъ которыхъ стали политическими центрами областей, образовавшихся не изъ племенныхъ союзовъ, а изъ торговыхъ округовъ. Ключевскій замѣчаетъ также, что и норманы-варяги появились извнѣ на томъ же большомъ водномъ и торговомъ пути не въ томъ видѣ, въ какомъ они являлись на западѣ: они проникли сюда въ качествѣ вооруженныхъ купцовъ, пробиравшихся черезъ Русь въ богатую Византію, а не пиратовъ, и, осѣдая въ русскихъ городахъ, усиливали собою тотъ туземный классъ «военно-торговой аристократіи», изъ которой выдѣлился князь и образовалась его дружина; онъ приходитъ къ заключенію, что въ то время «внѣшнія и внутрен-

нія отношенія въ торгово-промышленномъ мірѣ русскихъ городовъ сложились въ такую комбинацію, въ силу которой охрана границъ страны и ея внѣшней торговли стала ихъ общимъ интересомъ, подчинившимъ ихъ князю кіевскому и сдѣлавшимъ кіевское варяжское княжество зерномъ русскаго государства». Въ связи съ такимъ явленіемъ и съ «внѣшними обстоятельствами» Ключевскій разсматриваетъ и дальнѣйшіе процессы подчиненія старинныхъ «городовыхъ областей» кіевскимъ князьямъ, превратившимъ свою вооруженную силу въ политическую власть и объединившимъ подъ нею, посредствомъ очередного княжескаго владѣнія, восточныхъ славянъ въ одно «земское цѣлое»; словомъ, онъ выясняетъ, какимъ образомъ Кіевская Русь стала «колыбелью русской народности».

Вообще, настаивая на «своеобразіи» русской исторіи, Ключевскій не забываетъ отмѣтить ея особенности и въ «удѣльные вѣка»: онъ и тутъ исходитъ именно изъ того положенія, какое заняло великорусское племя въ «гидрографическомъ узлѣ» верхневолжской Руси и изъ ея колонизаціи, оказавшей вліяніе на образованіе понятія о князѣ, какъ о личномъ собственникѣ удѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ключевскій менѣе Соловьева склоненъ подчеркивать сходство княжескаго удѣла-вотчины съ феодальными порядками; онъ, конечно, замѣчаетъ все болѣе усиливавшееся распаденіе верхневолжской Руси «на мелкія тѣла, въ строѣ которыхъ, съ наивнымъ безразличіемъ, элементы государственнаго порядка сливались съ нормами гражданскаго права», и готовъ признать въ юридическомъ значеніи самого удѣльнаго князя, соединявшаго въ своемъ лицѣ государя и верховнаго собственника земли, черты сходства съ феодализмомъ; но онъ не усматриваетъ его ни въ процессѣ возникновенія такого смѣшенія, ни въ отношеніяхъ князя къ его боярамъ и вольнымъ слугамъ: отношенія ихъ были лично-служебными, такъ же, какъ отношенія черныхъ людей были лично поземельными[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, считая возвышеніе московскихъ князей изъ среды удѣльныхъ державцевъ, потерявшихъ прежнее значеніе, залогомъ собиранія элементовъ верховной власти и будущаго государственнаго единства Московской Руси, онъ указываетъ на ту «встрѣчу» благопріятныхъ условій и обстоятельствъ, благодаря которой оно стало возможнымъ, хотя сами московскіе Даниловичи, за исключеніемъ развѣ Дмитрія Донского, и не выдавались какими-либо особыми личными качествами: изучая этотъ процессъ, да и то отношеніе, какое въ продолженіе XIV вѣка установилось среди сѣвернаго населенія къ

---

[1]) Въ своей „Боярской Думѣ“ Ключевскій рѣзче подчеркиваетъ землевладѣльческое значеніе боярства въ удѣльное время, но первый томъ его „Курса“ вышелъ болѣе двадцати лѣтъ послѣ изданія „Боярской Думы“.

московскому княжеству и его «хозяевамъ-вотчинникамъ», руководившимъ народной обороной, онъ настаиваетъ на томъ, что ихъ государство развивалось въ связи съ внѣшнимъ расширеніемъ ихъ территоріи и стало складываться подъ гнетомъ внѣшняго ига и въ національной борьбѣ съ нимъ.

Въ изображеніи слѣдующаго періода русской исторіи, начинающагося со времени вступленія Ивана III на великокняжескій столъ, Ключевскій обнаруживаетъ то же стремленіе оттѣнить ея особенности. Въ отличіе отъ Соловьева онъ усматриваетъ, напримѣръ, «основной фактъ» нашей исторіи XV—XVI вв. не въ общемъ процессѣ смѣны родовыхъ отношеній между князьями—отношеніями государственными, а въ превращеніи московскаго княжества въ «національное великорусское государство». Московское государство образовалось изъ великорусскаго племени, благодаря стремленію къ политическому единству на народной основѣ, слагавшемуся подъ вліяніемъ той борьбы, которую оно вело на «два фронта: на западѣ—за національное единство, на юго-востокѣ—за христіанскую цивилизацію, тамъ и здѣсь за свое существованіе». Такимъ образомъ, «оборона государства отъ внѣшнихъ враговъ» становилась тѣмъ «высшимъ интересомъ», который не допускалъ окончательнаго разрыва враждовавшихъ общественныхъ силъ, заставляя ихъ противъ воли дѣйствовать дружно: «подъ руководствомъ командира» каждый становился или солдатомъ, оборонявшимъ отечество, или работникомъ, который долженъ былъ кормить тѣхъ, кто его обороняетъ. Впрочемъ, въ то время верховная власть съ неопредѣленнымъ, т.-е. неограниченнымъ пространствомъ ея дѣйствія и съ нерѣшеннымъ вопросомъ объ отношеніи къ собственнымъ органамъ, именно къ главному изъ нихъ—къ боярской аристократіи, не могла еще достигнуть внутренняго государственнаго единства: даже Иванъ Грозный, съ его «настоящимъ великорусскимъ умомъ», сознавъ себя національнымъ государемъ, «на половину своего самосознанія остался удѣльнымъ вотчинникомъ» и больше задумывалъ, чѣмъ сдѣлалъ для того, чтобы завершить образованіе «національнаго великорусскаго государства». Да и въ позднѣйшее время «вотчинно-династическій взглядъ на государство» не совсѣмъ утратился: онъ послужилъ одною изъ основныхъ причинъ смуты и только въ смутное время, впервые глубоко затронувшее политическое сознаніе русскихъ людей, они «опытомъ убѣдились, что государство, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, можетъ быть безъ государя, но ни государь, ни государство не могутъ обойтись безъ народа».

Все болѣе входя въ область «автобіографіи», Ключевскій сильнѣе Соловьева обнаруживаетъ, наконецъ, ту же наклонность, выдвигать «своеобразіе» нашей исторіи и въ своемъ пониманіи

новаго ея періода,—времени, когда русскіе государи завершили собираніе всей русской народности и государственная территорія вобрала въ себя всю русскую равнину. Въ своей характеристикѣ этого періода нашъ историкъ придаетъ особенно важное значеніе международному положенію страны: «неестественное отношеніе внѣшней политики государства къ внутреннему росту народа», который въ развитіи своихъ силъ отставалъ отъ задачъ, становившихся передъ государствомъ, вслѣдствіе ускореннаго внѣшняго роста,—таковъ, по его мнѣнію, главный фактъ, оказавшій существенное вліяніе и на соотношеніе остальныхъ фактовъ того времени—политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ; онъ обусловилъ стѣсненіе «внутренней свободы народа», усиленіе соціальнаго неравенства и ухудшеніе въ положеніи трудящихся классовъ. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій даетъ сжатую характеристику послѣдняго періода нашей исторіи; различая во внѣшней политикѣ того времени два момента—оборонительный и наступательный, онъ приходитъ къ слѣдующей формулѣ: «по мѣрѣ того, какъ усиливалось напряженіе внѣшней оборонительной борьбы, усложнялись спеціальныя государственныя повинности, падавшія на разные классы общества, и по мѣрѣ того, какъ оборонительная борьба превращалась въ наступательную, съ верхнихъ общественныхъ классовъ снимались ихъ спеціальныя повинности, замѣняясь спеціальными сословными правами, и скучивались на низшихъ классахъ; но по мѣрѣ того, какъ росло чувство народнаго недовольства такимъ неравенствомъ, правительство начинало подумывать о болѣе справедливомъ устройствѣ общества».

Въ связи съ такимъ пониманіемъ «хода дѣлъ» въ новый періодъ нашей исторіи Ключевскій допускаетъ еще одно характерное уклоненіе отъ схемы Соловьева: онъ начинаетъ этотъ періодъ съ начала XVII вѣка, а не съ эпохи преобразованій, и такимъ образомъ еще болѣе сглаживаетъ кажущійся разрывъ между временемъ до и послѣ реформы. Въ своемъ построеніи, однако, Ключевскій не только усиливаетъ, но и измѣняетъ взглядъ Соловьева: не начиная новаго періода съ эпохи преобразованій Петра Великаго, новѣйшій нашъ историкъ не разрываетъ тѣсной ея связи съ предшествующимъ нашимъ развитіемъ и, значитъ, не приписываетъ реформѣ того чрезмѣрнаго значенія, которое будто бы состояло въ «крутомъ поворотѣ на западъ» и въ «заимствованіи плодовъ европейской цивилизаціи»; но, подчеркивая значительную зависимость реформы отъ времени, наступившаго послѣ смуты, онъ отмѣчаетъ и то, что явилось, «сверхъ чаянія», въ качествѣ «непредвидѣнныхъ» послѣдствій.

Въ самомъ дѣлѣ, Ключевскій полагаетъ, что XVII вѣкъ весь

былъ эпохой, подготовлявшей реформу Петра Великаго, и что «его программа была вся готова еще до начала дѣятельности преобразователя» и даже шла «дальше того, что онъ сдѣлалъ». Послѣ тщательнаго изученія реформы онъ приходитъ къ заключенію, что Петръ сберегъ въ себѣ «слишкомъ много допетровскаго царя» и многое взялъ изъ старой Руси: государственныя силы, верховную власть, право и сословія, иногда, впрочемъ, соединяя элементы старины въ новыя сочетанія, или раздѣляя слитые; у Запада онъ заимствовалъ лишь техническія средства для устройства арміи, флота, государственнаго и народнаго хозяйства и правительственныхъ учрежденій, не всегда сохраняя западно-европейскіе образцы въ прежнемъ ихъ видѣ и «передѣлывая ихъ на московскій ладъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, нашъ историкъ не упускаетъ изъ виду и того, что преобразованія Петра «направлялись условіями его времени, до него не дѣйствовавшими», что они частью вторгнулись въ его дѣло со стороны, частью были созданы имъ самимъ. Съ такой точки зрѣнія Ключевскій вскрываетъ и своеобразіе реформы: въ томъ именно видѣ, въ какомъ она произошла, реформа зависѣла прежде всего отъ «сѣверной» войны и ея случайностей. Сѣверная война была «главнымъ движущимъ рычагомъ» реформы; она указала порядокъ реформы, сообщила ей темпъ и самые пріемы ея осуществленія. Реформа, по своему исходному моменту и по своей конечной цѣли, была военно-финансовая; всѣ остальныя мѣры оказались либо неизбѣжными слѣдствіями, либо подготовительными средствами къ достиженію главной цѣли; факты, вытекавшіе изъ этого двойственнаго значенія реформы, коснулись всѣхъ классовъ, отозвались на всемъ народѣ. На ряду съ своеобразными обстоятельствами, при которыхъ преобразователю приходилось дѣйствовать, Ключевскій указываетъ и на своеобразіе его личности; онъ не мало посвятилъ труда выясненію ея особенностей: хотя реформа «сама собою вышла изъ насущныхъ нуждъ государства и народа», но эти нужды были «почувствованы властнымъ человѣкомъ съ чуткимъ умомъ и сильнымъ характеромъ, талантами, дружно совмѣстившимися въ одной изъ тѣхъ исключительно счастливо сложенныхъ натуръ, какія, по неизвѣданнымъ еще причинамъ, отъ времени до времени появляются въ человѣчествѣ». Такою личностью онъ признаетъ Петра Великаго, предпринявшаго борьбу деспотизма съ народомъ и съ его косностью, но не чуждаго мысли, что его военно-финансовая реформа, въ своемъ продолженіи, должна стать соціально-экономической и быть направленной къ усиленію производительныхъ силъ страны, съ помощью общественной самодѣятельности. Нашъ историкъ не забываетъ отмѣтить и тѣ послѣдствія, которыя «сверхъ чаянія» непредвидѣнно возникли изъ реформы: они ока-

зались или въ извѣстной мѣрѣ благотворными для русской жизни, или, напротивъ, зловредными искаженіями, въ томъ случаѣ, напримѣръ, когда стремленіе поднять производительность народнаго труда средствами европейской культуры, превратилось по смерти преобразователя, «въ усиленную фискальную эксплоатацію и полицейское порабощеніе самого народа».

Пристально всматриваясь въ ходъ реформы, Ключевскій, какъ видно, сильно подчеркиваетъ своеобразное вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ на внутреннія преобразованія и ограничиваетъ ихъ значеніе, а также и роль самого преобразователя; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ признаетъ, что самъ Петръ «проникся мыслью о народномъ благѣ, какъ никто изъ нашихъ царей», и не отрицаетъ того новаго историческаго момента, который его реформа отчасти обусловила: изъ забытаго Европой арьергарда, оберегавшаго тылъ европейской цивилизаціи, Россія стала государствомъ, впервые дѣятельно вступившимъ, какъ органическій членъ, въ семью европейскихъ державъ.

Итакъ, въ своемъ построеніи послѣдняго періода нашей исторіи Ключевскій сливаетъ время до и послѣ реформы; но онъ все же придаетъ ей особаго рода значеніе и отмѣчаетъ весьма важное вліяніе ея на послѣдующее наше развитіе. Долго остановившись на характеристикѣ преобразованій и ихъ послѣдствій, онъ не успѣлъ, однако, съ той же индивидуализирующей точки зрѣнія разсмотрѣть своеобразіе дальнѣйшаго хода русской исторіи; онъ довелъ изображеніе ея лишь до того времени, когда «дворцовое государство преемниковъ Петра I получило видъ сословно-дворянскаго», а «правовое народное государство было еще впереди и не близко».

Такимъ образомъ, въ своемъ общемъ курсѣ, Ключевскій преимущественно придерживается собственно историческаго пониманія нашего прошлаго, въ значительной мѣрѣ соподчиняя ему ту соціологическую точку зрѣнія, съ которой онъ приступилъ къ своимъ изслѣдованіямъ по исторіи учрежденій и соціально-экономическихъ отношеній: для такого именно пониманія онъ и пользуется соціологическимъ методомъ изученія фактовъ русской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, Ключевскій изображаетъ историческую личность русскаго народа въ ея развитіи, оттѣняетъ зависимость хода нашей исторіи отъ «встрѣчи» разнаго рода условій, отъ мѣстныхъ особенностей и отъ «внѣшнихъ обстоятельствъ», даже какъ будто подчеркиваетъ сравнительно большее съ теченіемъ времени вліяніе послѣднихъ и не упускаетъ изъ виду историческихъ лицъ, «по неизвѣданнымъ еще причинамъ отъ времени до времени появляющихся въ человѣчествѣ»; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ все же продолжаетъ примѣнять «соціологическій методъ» къ изученію причинъ и послѣдствій этихъ фактовъ: онъ не столько описываетъ ихъ, сколько изслѣ-

дуетъ, какимъ образомъ они возникли и, въ особенности, какое вліяніе они оказали на жизнь русскаго общества, на его «строеніе» и его «движеніе». Съ такой точки зрѣнія нашъ историкъ изучаетъ, напримѣръ, и основаніе кіевскаго княжества, и образованіе великорусскаго московскаго государства, и политическую, а также соціальную борьбу, наступившую въ смутное время, и эпоху преобразованій, въ особенности военно-финансовую реформу, оказавшую «глубокое дѣйствіе на складъ общества и на дальнѣйшій ходъ событій», и многія другія менѣе крупныя явленія нашей исторіи.

Въ задачи настоящей замѣтки не входитъ разсмотрѣніе болѣе частныхъ, но не менѣе цѣнныхъ наблюденій и выводовъ, которые Ключевскій высказываетъ чуть ли не на каждой страницѣ своихъ трудовъ, всегда освѣщенныхъ творческою мыслью и богатыхъ свѣжимъ фактическимъ содержаніемъ; но и сказаннаго, можетъ быть, достаточно для того, чтобы напомнить главнѣйшіе принципы его соціологическихъ и собственно историческихъ изысканій и дать почувствовать, что его научная дѣятельность составляетъ цѣлую эпоху въ нашей исторіографіи.

Все шире и глубже охватывая русскую историческую дѣйствительность въ ея цѣлостности, Ключевскій много сдѣлалъ для научной ея конструкціи и для послѣдующей ея разработки: онъ высказалъ не мало блестящихъ гипотезъ и построеній, которыя всего болѣе будили нашу историческую мысль и двигаютъ ее впередъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она подвергаетъ критикѣ его собственныя предположенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ключевскій умѣлъ «говорить» не только отвлеченными формулами, но и живыми образами; они подсказываютъ читателю многое, что онъ не могъ бы воспринять изъ строго размѣренной рѣчи кабинетнаго ученаго: они даютъ чувство прошлой жизни и заставляютъ переживать историческую дѣйствительность, а переживаніе ея облегчаетъ дѣятельное, иногда даже новое пониманіе того, что̀ было. Ключевскій не довольствовался, однако, такими результатами: самъ глубоко переживая и прошлыя судьбы нашей родины, и соціальныя реформы шестидесятыхъ годовъ, и тяжелую политическую борьбу послѣднихъ лѣтъ, онъ думалъ, что исторія отечества должна имѣть также прикладную цѣль для дѣтей его; своими трудами онъ хотѣлъ содѣйствовать тому, чтобы каждый изъ насъ былъ «хоть немного историкомъ» и могъ «стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ». И едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что Ключевскій въ значительной мѣрѣ достигъ своей цѣли: читая его исторію русской народности, каждый изъ насъ чувствуетъ, что онъ живетъ не только въ ея прошломъ, но и для ея будущаго...

А. Лаппо-Данилевскій.

Ключевскій

мыслитель и художникъ.

Въ некрологѣ М. С. Корелина теперь самъ вызывающій некрологи Ключевскій говоритъ про своего усопшаго товарища-профессора, что онъ былъ «настолько основательный историкъ, чтобы знать, какой коловоротъ ужасовъ представляетъ исторія» [1]). И если все-таки изъ своихъ научныхъ занятій Корелинъ вынесъ оптимистическое міросозерцаніе, то это потому, что онъ вѣрилъ въ силу идей. «Если оно (человѣчество) еще не погибло въ хаосѣ внѣшнихъ бѣдствій и своихъ собственныхъ заблужденій, значитъ, есть въ немъ спасительныя силы могущественнѣе этого хаоса, которыя со временемъ одолѣютъ его, водворятъ прочный порядокъ: это идеи, выражающія лучшія свойства и стремленія человѣческаго духа, его идеалы». Но такъ излагая вѣрованія историка-гуманиста, излагая ихъ не безъ скептическаго налета, Ключевскій ни здѣсь, ни на какой-либо другой изъ своихъ талантливыхъ страницъ не высказался опредѣленно и явственно, вѣритъ ли онъ самъ, или нѣтъ, въ спасительную мощь идеаловъ и идей. Мы знаемъ, съ его словъ, навѣрное только одно: поскольку идеи — плоды личнаго творчества, поскольку онѣ остаются духовной собственностью своихъ индивидуальныхъ носителей, не больше, постольку онѣ въ его глазахъ не имѣютъ исторической цѣнности, не имѣютъ даже историческаго бытія. Предметъ исторіи не человѣкъ, а люди, и потому только тѣ мысли, которыя нашли для себя цѣлый «приборъ» воплощенія и организаціи и въ этомъ своемъ качествѣ стали воздѣйствовать на собирательность, на группы,—только онѣ пріобрѣтаютъ характеръ историческихъ факторовъ. Впрочемъ, говорить о Ключевскомъ лучше всего словами Ключевскаго, а своими словами его не разскажешь, и потому читатели не посѣтуютъ на цитаты изъ него, между про-

---

[1]) „Вопросы философіи и психологіи“, кн. 46, стр. XVII.

чимъ — и на тѣ, которыя образно и ярко освѣщаютъ его мнѣніе по затронутому вопросу. «Сколько вѣковъ, — говоритъ онъ, — отъ созданія міра молнія, повидимому, безполезно и даже разрушительно озаряла ночную мглу, пугая воображеніе и не увеличивая количества свѣта, потребляемаго человѣкомъ, не замѣняя даже ночника при колыбели! Но потомъ электрическую искру поймали и приручили, дисциплинировали, запрягли въ придуманный для нея снарядъ и заставили освѣщать улицы и залы, пересылать письма и таскать тяжести,— словомъ, превратили ее въ культурное средство. И идеи нуждаются въ подобной же обработкѣ, чтобы стать культурно-историческими факторами... Идеи, блеснувшія и погасшія въ отдѣльныхъ умахъ, въ частномъ личномъ существованіи, столь же мало увеличиваютъ запасъ общежитія, какъ мало обогащаютъ инвентарь народнаго хозяйства замысловатыя маленькія мельницы, которыя строятъ дѣти на дождевыхъ потокахъ» [1]). Подобно тому какъ «набожное представленіе выси небесной отливается въ куполъ Софійскаго собора» и лишь тогда является ощутимымъ объектомъ для историка, такъ и всякое другое представленіе, всякая идея получаетъ «дѣеспособность» исключительно въ томъ случаѣ, если онѣ овладѣваютъ какой-нибудь практической силой и становятся замѣтны или властны для общества.

Едва ли можно оспаривать утвержденіе, что только тѣ идеи представляютъ для историка реальную величину, которыя покинули свою одинокую родину—чье-нибудь отдѣльное сознаніе. Но эта аксіома сама по себѣ еще не указываетъ, принадлежитъ ли исповѣдующій ее къ тѣмъ историкамъ-оптимистамъ, которые убѣждены, что «коловоротъ ужасовъ», хаосъ міровыхъ событій, будетъ покорёнъ силой торжествующей идеи, свѣтлымъ вліяніемъ идеала. И не отсюда, не изъ подобныхъ изъявленій Василія Осиповича, а изъ общаго духа и смысла его книгъ, ясно, что самъ онъ былъ далекъ не только отъ того «вѣчно-безоблачнаго лазурнаго міросозерцанія», которому не считалъ причастнымъ и оптимиста Корелина, но и вообще не былъ историкомъ-энтузіастомъ, тѣмъ менѣе—историкомъ-эвдемонистомъ. Онъ, правда, говоря о долгѣ, завѣщанномъ, предками утверждалъ, что «ихъ недоимки—наши задачи»; онъ дорожилъ «историческимъ сознаніемъ», потому что оно предохраняетъ «какъ отъ косности, такъ и отъ торопливости», и по его поощряющему слову, «каждый изъ насъ долженъ быть хоть немного историкомъ, чтобы стать сознательно и добросовѣстно дѣйствующимъ гражданиномъ» [2]). Но, вообще, въ перспективахъ и даляхъ грядущаго онъ не усма-

---

[1]) „Курсъ русск. исторіи“, 1904 г., часть I, стр. 31, 32.
[2]) Тамъ же, стр. 40—42.

тривалъ, кажется, какого-нибудь несомнѣннаго и желаннаго благополучія. Прошлое не обнадеживало его въ будущемъ,—по крайней мѣрѣ, ничего не обѣщало, ни за что не ручалось. Вѣдь онъ часто на протяженіи русскаго историческаго пути отмѣчалъ не только остановки, но и попятные шаги. Вѣдь онъ разсказалъ намъ, что «въ исходѣ XVII в. люди, задумавшіе учредить въ Москвѣ академію, первое у насъ высшее училище, находили возможнымъ открыть доступъ въ нее «всякаго чина, сана и возраста людямъ безъ оговорокъ», а «полтораста лѣтъ спустя, при Николаѣ I, секретный комитетъ гр. Кочубея... рѣшительно высказался по поводу самоубійства обучавшагося живописи двороваго человѣка за вредъ допущенія крѣпостныхъ людей «въ такія училища, гдѣ они пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію» [1]). Ключевскій зналъ, что эту линію регресса можно было бы провести и дальше, что изгнаніе изъ школы «кухаркиныхъ сыновей» было провозглашено гораздо позднѣе кочубеевскаго комитета. Онъ слишкомъ зналъ вообще, что, употребляя одно изъ его любимыхъ выраженій, «походка» исторіи очень неровна и «пугливая оглядка назадъ» неизбѣжно сопутствуетъ многимъ движеніямъ впередъ. Такое сознаніе не обрекаетъ фатализму, но во всякомъ случаѣ мало поощряетъ оптимистическія надежды. И если, по опредѣленію Ключевскаго, исторія—«коловоротъ ужасовъ», то развѣ мы теперь изъ этого коловорота вышли? И не правы ли тѣ мыслители, которые утверждаютъ, что по существу, въ концѣ всѣхъ концовъ, по своему послѣднему внутреннему смыслу, настоящее ничѣмъ не отличается отъ прошлаго и міръ—одно и то же, и на протяженіи вѣковъ и пространствъ передъ нами только разыгрываются варіаціи на одну и ту же тему, такъ что прошлое ничѣмъ не интереснѣе настоящаго, и все равно, съ какого момента и въ какомъ мѣстѣ ни стать зрителемъ человѣческой траги-комедіи? Ключевскій былъ такой историкъ, которому въ одной фактической исторіи было тѣсно, и онъ уходилъ изъ нея въ общія мысли, въ практическую психологію, въ литературную критику: уже одно это, въ связи съ тою жизненной мудростью, которая богато разсыпала по его страницамъ свои полновѣсныя зерна, — уже одно это позволяетъ думать, что идеи коловорота, коловращенія, вѣчной смѣны и повторенія событій не могли не посѣщать его большого ума и отъ изученія временъ не отвлекать его къ тому, что сверхвременно и надъисторично. Однако, было бы ошибочно и произвольно считать его пессимистомъ—уже потому, что пессимизмъ категориченъ въ самомъ отрицаніи

---

[1]) „Курсъ“, 1908 г., ч. III, стр. 7.

своемъ, а Василій Осиповичъ, воплощеніе осторожности, одинаково избѣгалъ и рѣшительныхъ утвержденій, и рѣшительныхъ отрицаній. Его книги имѣютъ особенный тонъ, который и дѣлаетъ ихъ исключительную внутреннюю музыку; и вотъ, вслушиваясь въ этотъ единственный тонъ Ключевскаго, въ тембръ его историческаго повѣствованія, вы невольно замѣчаете, что передъ вами—скептикъ. Аттической солью шутки, всегда готовой и всегда умѣстной, столь же тонкой, сколько и увлекательной, пересыпаетъ онъ свое изложеніе и разрѣшаетъ ею то настроеніе серьезности, которое овладѣло было и имъ самимъ, и ужъ навѣрное его читателями. Серьезное отъ этого не улетучивается,—оно приходитъ опять, и еще болѣе углубленное; но черезъ нѣсколько шаговъ насъ встрѣчаетъ новая острота, и мы уже сами идемъ ей навстрѣчу и ждемъ ея. Правда, это почти совсѣмъ отсутствуетъ въ «Житіяхъ святыхъ» и гораздо, несравненно меньше характеризуетъ «Боярскую Думу», чѣмъ его «Курсъ» и его небольшіе этюды. Вообще, особенности его стиля для насъ будутъ необъяснимы, если мы забудемъ, что большинство его произведеній—скрытые діалоги: онъ читаетъ лекціи, онъ произноситъ рѣчи,—онъ бесѣдуетъ. Конечно, его собесѣдники хранятъ внѣшнее молчаніе, но потенціально они отвѣчаютъ, подаютъ реплики, безмолвно участвуютъ въ какомъ-то разговорѣ; Ключевскій видитъ или воображаетъ предъ собою аудиторію; онъ непремѣнно съ нею считается; какъ писатель, вѣрнѣе—какъ сказатель, онъ почти всегда—на людяхъ, и люди ему необходимы. Онъ слушаетъ себя ихъ слухомъ, онъ читаетъ себя ихъ глазами. Внутренне-одинокій, уединенный работникъ не только библіотекъ и архивовъ, но и собственнаго духа, едва ли кому-нибудь доступный въ самой срединѣ своего сердца, онъ, однако, тихо и бережно взращенные плоды своихъ думъ и изысканій имѣетъ потребность выносить наружу, не только въ томъ обычномъ смыслѣ, въ какомъ это свойственно каждому преподавателю, но и въ болѣе глубокомъ, въ смыслѣ психологическомъ. Ключевскій—прирожденный и преднамѣренный собесѣдникъ; ему нужно, чтобы его слушали (недаромъ въ частной жизни былъ онъ такой геній разговора, властитель бесѣды). Но такъ какъ, повторяемъ, въ глубинѣ-то сердца, на днѣ своей мысли, онъ всегда остается одинъ и наединѣ съ собою, то его умственная словесная общительность не есть настоящій лиризмъ души, и можетъ быть именно поэтому она чаще всего принимаетъ блестящую форму остроумія, неотразимой насмѣшливости, и по всей его рѣчи излучисто вьется прихотливая змѣйка тончайшей ироніи, здѣсь и тамъ загораясь неожиданными переливами своей окраски. Шутка порою заслоняетъ человѣка отъ другихъ, устанавливаетъ,

говоря словами Ницше, «паѳосъ разстоянія», и не оттого ли, между прочимъ, такъ широко пользовался ею, одновременно общительный и уединенный, Ключевскій? Какъ бы то ни было, уже эта манера его, эта склонность къ ироніи,—уже она, повидимому, говоритъ о его скептицизмѣ, и съ перваго взгляда, читая его, представляешь себѣ, что подобно тому какъ былъ, у Виктора Гюго, «человѣкъ, который смѣется», такъ Ключевскій—историкъ, который смѣется. Безстрастное лицо Кліо было бы ему не къ лицу. На его устахъ—если не постоянная, то частая усмѣшка. И онъ слишкомъ остроуменъ, чтобы для этой способности своего духа не использовать того изобильнаго матеріала, какой предлагаетъ человѣческая исторія. Это и придаетъ его разсказу особое освѣщеніе, характерный колоритъ. Василій Осиповичъ—такая выдающаяся индивидуальность, что въ его передачѣ, меньше нежели въ чьей-либо, можетъ быть эпическое спокойствіе. Неизмѣнно вѣрный истинѣ, онъ однако людей и событія обращаетъ къ себѣ той стороною, какую онъ самъ выбираетъ, и этотъ выборъ есть уже оцѣнка и приговоръ. Замѣчательно, что при своей щепетильной научной добросовѣстности онъ все-таки не можетъ не вмѣшиваться въ ходъ историческаго процесса. Онъ всегда—рядомъ съ тѣми, о комъ передаетъ, собою оттѣняетъ ихъ, и только черезъ *его* изысканную призму можемъ мы глядѣть на русскихъ дѣятелей (впрочемъ, послѣдняго слова онъ почти не употребляетъ, замѣняя его—безъ всякаго умысла—словомъ «дѣлецъ»). Относясь къ исторіи необычайно серьезно, но въ то же время подчасъ обращая ее также и въ оселокъ для своего остроумія, въ мишень своей мѣткости, онъ въ результатѣ достигаетъ того, что герои исторіи—вмѣстѣ съ тѣмъ и его герои. Не только исторія, но и онъ—авторъ Алексѣя Михайловича или Петра III. Совмѣстное творчество объективнаго факта и самого Ключевскаго—они и создаютъ ту живую книгу, которая называется «Курсъ русской исторіи».

Огромная доля, вносимая въ эту русскую исторію самою личностью историка, выступаетъ передъ читателями не только въ видѣ оригинальнаго дарованія, но и какъ та скептическая окраска, о которой мы только что говорили. Однако, болѣе пристальное изученіе Ключевскаго значительно колеблетъ первоначальную мысль о немъ, какъ о скептикѣ и нигилистѣ, какъ объ ученомъ-Мефистофелѣ.

Нигилистическія искры, иронію, сомнительный ореолъ уничтожающей насмѣшливости и отрицанія надъ умной головою Ключевскаго, тушитъ его сердце. Какъ мало онъ ни склоненъ показывать его, какъ ни дорожитъ онъ помянутымъ уже паѳосомъ разстоянія, удаляющей преградой острой шутки,—онъ все же не умѣлъ скрыть

своей прекрасной тайны,—не скрылъ того, что самъ онъ—добрый и благоволящій человѣкъ, что онъ также—усердный искатель и цѣнитель чужой доброты. До умиленности, правда, онъ никогда не доходитъ, ни предъ кѣмъ и ни предъ чѣмъ; но «добрые люди древней Руси» привлекаютъ его собственное доброе вниманіе. Онъ славитъ «ежедневную, молчаливую, тысячерукую милостыню»; онъ сердечно говоритъ про русскую женщину, что жалость къ бѣдному и убогому, это—чувство, съ которымъ она на свѣтъ родится, и оправдываетъ свою ласковую мысль образомъ Юліаніи Лазаревской; онъ благотворителя Ртищева присоединяетъ къ числу «тѣхъ рѣдкихъ и немного странныхъ людей, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ самолюбія, по крайней мѣрѣ въ простомъ ходячемъ смыслѣ этого слова... Ртищевъ не понималъ обиды, какъ иные не знаютъ вкуса въ винѣ, не считая этого за воздержаніе, а просто не понимая, какъ это можно пить такую непріятную и безполезную вещь. Своему обидчику онъ первый шелъ навстрѣчу съ просьбой о прощеніи и примиреніи». И, можетъ быть, Ключевскій не считалъ неправыми всѣхъ этихъ Ульянъ и Ртищевыхъ, которые оставили такой завѣтъ жизни: «жить—значитъ любить ближняго, то-есть помогать ему жить; больше ничего не значитъ жить и больше не для чего жить» [1]).

Въ рѣчи о Новиковѣ онъ говоритъ, что не вспоминать, а видѣть хотѣлось бы ему добраго человѣка: «А для изображенія Сем. Ив. Гамалѣи, правителя канцеляріи московскаго главнокомандующаго, у меня не найдется и словъ: хотѣлось бы видѣть такого человѣка, а не вспоминать о немъ. Я недоумѣваю, какимъ образомъ подъ мундиромъ канцелярскаго чиновника, и именно русской канцеляріи прошлаго вѣка, могъ уцѣлѣть человѣкъ первыхъ вѣковъ христіанства. Гамалѣѣ подобаетъ житіе, а не біографія или характеристика. Сомнѣваюсь, сердился ли онъ на кого-нибудь хоть разъ въ свою жизнь. Во всемъ мірѣ только съ однимъ существомъ онъ воевалъ непримиримо, это—съ своимъ собственнымъ, съ его пороками и страстями, и съ какими страстями!—съ нюханьемъ табаку, напримѣръ, и т. п... Блаженный въ лучшемъ смыслѣ этого слова, котораго современники справедливо прозвали «Божьимъ человѣкомъ!» [2]).

Въ публичной лекціи «Два воспитанія» Ключевскій сказалъ: «видѣть дѣтей и любить ихъ — это одно и то же», и эту лекцію онъ заключилъ не менѣе выразительными, такими же незабвенными словами: «Намъ нѣтъ нужды опасаться, что жизненный путь на-

---

[1]) „Добрые люди древней Руси“, Москва, 1907, стр. 7, 9, 19, 20, 30.

[2]) „Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени“. *Русская Мысль*, 1895, I, стр. 52.

шихъ дѣтей по выходѣ изъ школы будетъ скудно усыпанъ печалью. У нашей молодежи того и другого пола много сердца, а было бы сердце—печали найдутся» [1]).

Вся эта апологія сердца и непритворныя хвалы доброму человѣку, эти афоризмы: «видѣть дѣтей и любить ихъ — это одно и то же», «было бы сердце—печали найдутся»,—все это не вышло бы изъ устъ Мефистофеля, и надо всѣмъ этимъ только насмѣялся бы дѣйствительный насмѣшникъ или кто-нибудь изъ тѣхъ «нравственныхъ сухарей», которымъ нашъ историкъ уподобляетъ Анну Іоанновну и Бирона. Очевидно, Ключевскій сложнѣе, чѣмъ онъ кажется сначала, и присуща ему не одна только змѣиная мудрость. И если историческая дистанція, если даже отдаленность временъ не заглушала въ немъ живыхъ эмоцій, симпатическаго отношенія къ давнишней добротѣ, то еще болѣе вызывало въ немъ отклики чувства то, что́ только будетъ исторіей, станетъ прошлымъ, а пока представляетъ собою трепетъ настоящаго, злобу и волненіе сегодняшняго дня. Тѣ, которые стояли къ нему близко, свидѣтельствуютъ, что русско-японскую войну и всѣ послѣднія русскія событія вообще онъ переносилъ далеко не исторически, не безстрастно, и какъ разъ эти впечатлѣнія значительно повліяли на строй его политическихъ взглядовъ, на его замѣтный уклонъ влѣво, на его оцѣнку русскаго самовластія. И это не случайно, что именно послѣ нашихъ бурныхъ годинъ появились въ печати его слова: «Самовластіе само по себѣ противно, какъ политическій принципъ. Его никогда не признаетъ гражданская совѣсть» [2]). Но помимо этихъ, въ печатномъ словѣ не выраженныхъ или выраженныхъ недостаточно опредѣлительно, политическихъ сочувствій усопшаго историка; помимо его общаго отношенія къ «правительственному испугу» [3]) и къ тѣмъ испуганнымъ, которые обращаются къ власти «со стереотипнымъ предложеніемъ caveant consules, а это значитъ въ переводѣ, чтобы опасность была предотвращена соотвѣтственнымъ испугу градусомъ восточной долготы» [4]),—помимо всего этого, мы имѣемъ одинъ подлинный и никакихъ сомнѣній не оставляющій документъ, который совершенно ясными и прекрасными словами говоритъ о томъ, что живые факты, просто и непосредственно задѣвающіе человѣческую душу, возмущающіе сердце, сводили Ключевскаго съ его обычной осторожной колеи и побуждали его высказываться

---

[1]) „Два воспитанія“, *Русская Мысль*, 1893, III, стр. 85, 99.
[2]) „Курсъ русской исторіи“, 1910, часть IV, стр. 293.
[3]) „Курсъ русской исторіи“, ч. III, стр. 170.
[4]) „Памяти С. М. Соловьева“, *Научное Слово*, 1904, VIII, стр. 128.

столь же авторитетно и прямо, сколько и задушевно. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ ученый, доводившій обдуманность своихъ утвержденій до такой степени, что, напримѣръ, изложивъ передъ аудиторіей сущность западничества и славянофильства, онъ не пожелалъ дать имъ своей оцѣнки и рѣшительно выяснить, на какой же онъ самъ сторонѣ и во что же вѣруетъ онъ самъ, а предпочелъ отъ этого уклониться («теперь не время») и «мимоходомъ отмѣтить привлекательныя особенности обоихъ направленій» [1]),— этотъ зоркій наблюдатель собственныхъ шаговъ и нещедрый охотникъ на обязывающія слова, ихъ ревнивый оберегатель, господинъ своихъ устъ, подъ свѣжимъ и тягостнымъ впечатлѣніемъ убійства Г. Б. Іоллоса, написалъ о немъ такія строки: «Съ покойнымъ Г. Б. судьба свела меня въ концѣ 80-хъ годовъ, въ памятную тяжелую пору. Мы тогда раздѣлили съ нимъ много дружескихъ печальныхъ бесѣдъ. Мнѣ глубоко симпатиченъ былъ прямой и ясный взглядъ покойнаго въ оцѣнкѣ историческихъ явленій, полный тонкаго пониманія жизни, чуждый догматизма. Увидавшись послѣ многихъ лѣтъ при иномъ настроеніи умовъ, при новомъ складѣ общественныхъ отношеній, мы встрѣтились старыми друзьями. *Герценштейнъ палъ за русскій народъ, за русскаго земледѣльца, и Іоллосъ обагрилъ своею кровью чисто-русскую землю, землю города Москвы, собирательницы и устроительницы русской земли* (курсивъ нашъ. Ю. А.). Пусть такія смерти останутся въ русской памяти символомъ обновленной Россіи, объединяющей въ своемъ сердцѣ собранныя ею народности» [2]).

Эти слова говорятъ сами за себя; но, произнесенныя Ключевскимъ, такъ внятно сказанныя имъ на всю Россію, они получаютъ особый смыслъ и углубляются въ своемъ историческомъ и этическомъ значеніи, въ своемъ благородствѣ и духовной красотѣ. Такъ настойчиво и такъ даровито высказывавшійся въ своемъ «Курсѣ» о роли собирательницы-Москвы, Ключевскій въ 1907 г. породнилъ съ нею людей чужого племени и показалъ, что есть родственность высшаго порядка, та родственность идей и общаго служенія, въ силу которой русская земля обагряется еврейской кровью и падаетъ еврей за русскій народъ, за русскаго земледѣльца. Эта возвышенная концепція создана самой жизнью, эта романтика реальна; но для того чтобы ее подтвердить компетентнымъ словомъ историка, для того чтобы въ эпоху жестокаго воинствующаго націонализма, подъ гулъ и угрозы злорадствующихъ

---

[1]) „Курсъ русск. истор.“, 1908, часть III, стр. 337.

[2]) *Русскія Вѣдомости*, 1907 г., № 61 отъ 16 марта.

убійству голосовъ, сказать, что Герценштейнъ и Іоллосъ продолжаютъ русскую исторію, великое дѣло собирательницы-Москвы, сказать это именно Ключевскому,—для этого нужно было особенное мужество, и Ключевскій нашелъ его въ себѣ, мужество чести и сердца.

Но, разумѣется, не только въ этой области непосредственно-сердечныхъ чувствъ было для него убѣжище и спасеніе отъ поглощающаго скептицизма, отъ нигилистической разрушительности. Когда ищешь credo Ключевскаго, его положительныхъ вѣроученій, то скоро убѣждаешься, что они находятся для него и въ самомъ процессѣ научной работы, въ его отношеніи къ истинѣ, въ его умственной честности. Внимательное и безкорыстное изученіе факта—уже это одно религіозно, уже это одно предполагаетъ въ изучающемъ наличность какихъ-то неколебимыхъ догматовъ. Только спеціалисты, конечно, имѣютъ право и возможность оцѣнивать все то, что Ключевскій сдѣлалъ для науки, и характеризовать по существу тѣ новыя идеи, которыми онъ щедро одарилъ своихъ учениковъ, свою школу, русскую исторіографію въ ея цѣломъ. Но не надо быть спеціалистомъ, для того чтобы видѣть не только красоту, но и общую значительность его историческаго разсказа и его обращеніе со своими темами, его серьезную стихію вообще. Каждому его читателю ясно, что не чертою безпечальнаго нигилизма, а проявленіемъ глубоко-добросовѣстнаго и утвердительнаго отношенія къ признаннымъ цѣнностямъ служитъ, напримѣръ, едва ли не главная внутренняя сторона его первой диссертаціи «Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ». Продѣлать огромный и скучный трудъ надъ «житіями», какъ надъ историческими источниками, и уже на протяженіи его замѣтить, что въ сущности это—источникъ очень скудный, въ общихъ мѣстахъ и трафаретахъ, въ церковной риторикѣ, въ «плетеніи словесъ» (какъ одинъ изъ агіографовъ, Епифаній, самъ характеризуетъ свое изложеніе) [1]), топящій почти все реальное, конкретно-фактическое, для историка цѣнное, и въ этомъ сознаться, этотъ отрицательный результатъ своего изслѣдованія явить откровенно, нисколько не затушевывая всей его безотрадной скудости,—для этого нужна именно та мужественная честность духа, та побѣда надъ инстинктомъ самосохраненія, отъ которыхъ, навѣрное, былъ бы свободенъ настоящій скептикъ. У Ключевскаго, значитъ, не было тенденціи во что бы то ни стало оправдать свою работу мнимой значительностью выводовъ, и мы прямо слышимъ отъ него хотя бы такое заявленіе: «разобранныя

---

[1]) „Древне-русскія житія святыхъ“, Москва, 1871, стр. 93.

житія древнѣйшихъ сѣверныхъ святыхъ не могутъ служить ни вѣрными образчиками древнѣйшей сѣверной агіобіографіи, ни чистымъ историческимъ источникомъ: ихъ литературные пріемы и точка зрѣнія на описываемыя лица не принадлежатъ этому періоду, а основные фактическіе источники не принадлежатъ непосредственно исторіи» [1]). Правда, можно уловить у него естественную горечь изслѣдователя, собравшаго со своей ученой нивы очень необильный урожай, печально жалующагося, въ данномъ случаѣ, на ту несчастливую «заботливость, съ какою древне-русскіе біографы предвосхищаютъ у него работу: ему нечего обобщать, нѣтъ нужды по мелкимъ отрывочнымъ и случайнымъ чертамъ путемъ утомительнаго наблюденія воспроизводить общій образъ древне-русскаго агіобіографа; такъ старательно послѣдній заботился самъ спрятать свою дѣйствительную, живую личность подъ ходячими чертами общаго типа» [2]).

Кромѣ того, Василій Осиповичъ при всей своей склонности къ общимъ картинамъ и характеристикамъ, къ линіямъ объединяющимъ, однако, во имя научной правды, нисколько не торопился ихъ рисовать и проводить и, употребляя одно изъ его любимыхъ выраженій, не «скучалъ» предварительной кропотливой работой и не оберегалъ отъ своей ироніи тѣхъ, кто въ этомъ повиненъ. Черной работой онъ не гнушался, бѣлоручкой не былъ и никогда не увѣнчивалъ зданія недостроеннаго. Оставаться навсегда въ мелочахъ и подробностяхъ было бы ему тягостно и невозможно, и на только что цитированной страницѣ его «Древне-русскихъ житій» мы встрѣчаемъ его насмѣшку надъ тѣмъ состояніемъ «торжественнаго самосозерцательнаго покоя, въ которомъ навсегда поселяются самоувѣренные историки, посвятившіе свою многолѣтнюю ученую жизнь начертанію пяти съ половиной мѣсяцевъ изъ исторіи маленькаго народа»; но мелочи и подробности онъ покидалъ лишь послѣ того, какъ ихъ изучилъ. Только анализъ даетъ право на синтезъ. И право на свои замѣчательныя обобщенія Ключевскій пріобрѣлъ себѣ неоспоримо, такъ какъ онъ не презрѣлъ частнаго. У него была наклонность къ общему, онъ выходилъ за предѣлы факта, но лишь послѣ того какъ фактъ исчерпывался до дна. Изложеніе Ключевскій пронизываетъ мыслью, и онъ не однажды высказывается о томъ, что «безъ историко-философской основы исторія становится забавой празднаго любопытства», что въ строеніи историческаго процесса есть свой «силлогизмъ», есть «своя таблица умноженія, свое непререкаемое *дважды два*, безъ котораго

---

[1]) Тамъ же, стр. 51.

[2]) Тамъ же, стр. 403.

немыслимо никакое историческое мышленіе»[1]); ему кажется, что именно въ русскомъ обществѣ XVIII вѣка, гдѣ тонъ давали «случайные» люди, жившіе «день за день, мыслившіе сами себя только минутными дождевыми пузырями», именно тамъ всего труднѣе было вкоренить мысль, что «въ исторіи нѣтъ ничего случайнаго и міръ не творится вновь каждый день съ восходомъ солнца, что эти постоянно лопавшіеся пузыри возникаютъ и исчезаютъ по точному смыслу законовъ вѣковѣчнаго историческаго процесса и эти безродныя знаменитости, выкидываемыя капризомъ фортуны на поверхность жизни, могутъ, буде того пожелаютъ, умирать безъ потомства, но не сумѣютъ обойтись безъ предковъ» [2]). Но это совмѣщается у него, вполнѣ естественно и необходимо, съ довѣріемъ только къ такому міросозерцанію, которое выработано «путемъ опыта и наблюденія на самомъ толокѣ жизни, а не въ тишинѣ закупореннаго кабинета, гдѣ отвлеченнымъ мышленіемъ отливаются математическія схемы, прозрачныя и кристаллически-правильныя, какъ альпійскіе льды, но зато ломкія и холодныя, какъ они же» [3]).

Онъ не любилъ ученаго щегольства; внѣшній и внутренній эстетизмъ не позволялъ ему выставлять напоказъ будничную обстановку той подготовительной мастерской, въ которой вырабатываются научныя истины, и даже отъ характеристики Ивана Грознаго онъ на минуту уклонился, чтобы кольнуть слишкомъ усердныхъ поклонниковъ цитаты: «не менѣе иныхъ нынѣшнихъ записныхъ ученыхъ Иванъ любилъ пестрить свои сочиненія цитатами кстати и некстати...» [4]). Но внутренне онъ носилъ въ себѣ, конечно, цитаты, знанія изо всей русской исторіи и изо всѣхъ книгъ о ней. И удивительно то еще, что хотя у него былъ неодолимый вкусъ къ людямъ (именно, не столько любовь, сколько вкусъ къ нимъ) и онъ очень охотно давалъ свои знаменитыя характеристики историческихъ фигуръ; хотя его привлекало человѣческое, драматизмъ исторіи, ея живыя лица, ея лицедѣи, ея конкретные спектакли, онъ однако былъ одинаково силенъ и въ личномъ, и въ безличномъ элементѣ историческаго процесса, во внутреннихъ причинахъ и въ реальныхъ оказательствахъ исторіи, и учрежденіямъ онъ удѣлялъ не меньше, а больше вниманія, чѣмъ людямъ. Къ внѣшнему описанію, къ занимательной иллюстраціи онъ не спѣшилъ. Его не отпугивала сухость, и онъ ее уничтожалъ, такъ что вездѣ, на всемъ пространствѣ своихъ книгъ, онъ поддерживаетъ въ сво-

---

[1]) „Памяти С. М. Соловьева“, *Научное Слово*, 1904, VIII, стр. 120, 123, 131.
[2]) „И. Н. Болтинъ“, *Русская Мысль*, 1892, XI, стр. 120.
[3]) Тамъ же, стр. 119.
[4]) „Курсъ русской исторіи“, 1906 г., часть III, стр. 243.

ихъ читателяхъ почти одинаковую напряженность интереса. Талантливѣйшій разсказчикъ, знатокъ и цѣнитель дѣйственности, далеко не врагъ анекдота, онъ тѣмъ не менѣе углубляется и въ экономику, въ системы и отношенія сверхличнаго характера, въ самый механизмъ прошлаго. При этомъ онъ не заграждаетъ реальности предвзятыми схемами и, свободный умъ, каждое учрежденіе улавливаетъ въ его динамикѣ и жизненномъ своеобразіи. Онъ предостерегаетъ отъ всяческой модернизаціи: «въ умахъ минувшихъ временъ надобно осторожно искать своихъ любимыхъ мыслей» [1]), и такъ же осторожно надобно мѣрять прежнія учрежденія мѣрками теперешними. Оттого, напримѣръ, земскіе соборы XVI вѣка въ изображеніи Ключевскаго имѣютъ право на титулъ народнаго представительства, хотя представителями народа являлись тамъ все должностныя, служащія лица и хотя «догматика права» не узаконила юридически подобныхъ формъ участія общества въ управленіи [2]). «Народное представительство возникло у насъ не для ограниченія власти, а чтобы найти и укрѣпить власть: въ этомъ его отличіе отъ западно-европейскаго представительства» [3]). Или пусть въ Западной Европѣ аристократія обыкновенно создавалась изъ верхняго слоя общества завоевателей, — это не обязываетъ историка находить такой же процессъ и въ Московскомъ государствѣ: здѣсь, наоборотъ, «цвѣтъ боярства составился изъ людей, которые или предки которыхъ подверглись завоеванію, вооруженному или дипломатическому, изъ князей, сведенныхъ съ своихъ престоловъ или поспѣшившихъ сойти съ нихъ, не дожидаясь, пока ихъ сведутъ. Въ Москвѣ именно отъ того и явилось слишкомъ много знатныхъ, что тамъ собралось черезчуръ много павшихъ и побѣжденныхъ. Но эта черта можетъ дать больше матеріала для назидательныхъ размышеній объ ироніи исторіи, чѣмъ для научнаго объясненія историческаго факта» [4]). Или къ Боярской думѣ нельзя подходить, увлекаясь слишкомъ симметрическими построеніями, ревниво оберегая теорію раздѣленія властей, чрезмѣрно помня о разницѣ между совѣщательнымъ и обязательнымъ для власти значеніемъ думы: «люди тѣхъ вѣковъ не различали столь тонкихъ понятій, возникавшія столкновенія разрѣшали практически въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, отдѣльные случаи не любили обобщать, возводить въ постоянныя нормы, и не подготовили намъ прямого отвѣта на нашъ вопросъ» [5]).

---

[1]) Тамъ же, часть IV, стр. 245.
[2]) Тамъ же, часть II, стр. 498, 499.
[3]) „Курсъ“, ч. III, стр. 272.
[4]) „Боярская Дума“, изд. 1902 г., стр. 294.
[5]) Тамъ же, стр. 5.

Вотъ это живое чувство факта, практики, пониманіе того, чѣмъ жили и какъ мыслили «люди тѣхъ вѣковъ», умѣніе отъ сухой и формальной абстракціи уходить въ самую средину дѣйствительности, in medias res, искусственной плотиной логической схемы не задерживать той естественной подвижности, той вѣчной текучести, какую представляетъ собою реальная жизнь,—это все и позволяло Ключевскому прошлое воскрешать, а не препарировать его. До такой степени исторія у него живетъ, горитъ и дышитъ, что, какъ это и необходимо, онъ соединяетъ ея жанръ, ея баталіи съ ея пейзажемъ: у него дѣйствующимъ лицомъ является природа, онъ не только какъ условный трафаретъ, но и ощутительно воспринимаетъ вліяніе на людей климата и почвы. И оттого самыя увлекательныя изъ своихъ увлекательныхъ страницъ онъ посвящаетъ художественному изображенію того, какъ природа Россіи созидала исторію Россіи, то «историческое тѣло», какимъ среди другихъ историческихъ тѣлъ является русскій народъ. Говоря о томъ фактѣ, который можно бы назвать парадоксомъ русской исторіи, о томъ именно, что, когда главная масса населенія изъ черноземной области средняго Днѣпра передвинулась въ область верхней Волги, на волжскій суглинокъ, то поневолѣ на открытомъ днѣпровскомъ черноземѣ Русь стала «усиленно эксплоатировать лѣсныя богатства и торговать, а на лѣсистомъ верхне-волжскомъ суглинкѣ стала усиленно выжигать лѣсъ и пахать», Ключевскій даетъ потомъ характеристику этихъ черноземовъ и лѣсовъ, рисуетъ намъ ту силу, которая «держитъ въ своихъ рукахъ колыбель каждаго народа—природу его страны». Въ противоположность «береговому кружеву» Западной и Южной Европы, Россія лишь малой долей своихъ границъ имѣетъ море. Сосѣдство съ Азіей оказало на Россію не только моральное дѣйствіе: «дѣятельное участіе азіатскихъ вѣтровъ составляетъ климатическое отличіе Европейской Россіи отъ Западной Европы... Воздушная борьба Азіи съ Европой въ предѣлахъ нашей равнины невольно напоминаетъ тѣ давнія историческія времена, когда Россія служила широкой ареной борьбы азіатскихъ народовъ съ европейскими, напоминала бы, можетъ быть, и болѣе позднія времена, когда въ сѣверной полосѣ завязалась нравственная борьба между вѣяніями западными и восточными, если бы это явленіе не было такъ далеко отъ метеорологіи». Поверхность русской равнины, ея «узорчатая рябь»; лѣсъ, который когда-то «назойливыми зарослями оспаривалъ съ трудомъ расчищенные лугъ и поле, медвѣдемъ и волкомъ грозилъ самому и домашнему скоту», а теперь въ южной полосѣ средней Россіи стоитъ какъ «все рѣдѣющее напоминаніе» о прошломъ; степь съ ея «злыми эпизодами, татарскими наше-

ствіями да казацкими бунтами»; русская рѣка, съ которой у русскаго человѣка не бывало «никакихъ недоразумѣній», съ которой онъ жилъ «душа въ душу», «никакой другой стихіи не говоря въ пѣснѣ такихъ ласковыхъ словъ»,—недаромъ Петръ Великій «съ удивительной силой вниманія изучалъ эту единственную въ мірѣ сѣть вѣчно движущихся и не требующихъ ремонта шоссейныхъ дорогъ» [1]): когда читаешь все это и еще многое другое, посвященное русской природѣ, то трудно не отдаться глубокому восхищенію передъ этимъ изяществомъ слова и мысли, и видишь передъ собою уже не только ученаго, но и поэта, и вспоминаешь имъ самимъ нарисованный обликъ лѣтописца, у котораго «природа прямо вовлечена въ исторію» и сама—«живое, дѣйствующее лицо исторіи, живетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, радѣетъ ему» [2]). Такъ происходитъ знаменательное совпаденіе, осуществляется благое наслѣдованіе: въ Ключевскомъ находитъ себѣ преемника Несторъ; наивный отшельникъ, элементарная душа, въ знаменіяхъ природы чующая волю Божью, черезъ вереницу столѣтій встрѣчаетъ своего продолжателя въ лицѣ тончайшаго, изысканнаго, свободолюбиваго мыслителя, и подъ сѣнью одной общей природы и одного къ ней сыновняго чувства стоятъ лѣтописецъ и прагматикъ, простодушный разсказчикъ и скептическій изслѣдователь, монахъ и профессоръ...

Тѣ намеки, которые у этого лѣтописца и многихъ другихъ профессоръ нашелъ, онъ удивительно дополнилъ и развилъ въ яркія картины. Для того чтобы это сумѣть, надо быть не только профессоромъ, ученымъ, но и художникомъ. Этому условію такъ удовлетворяетъ Ключевскій. Онъ не философъ, и въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ слогъ его нѣсколько теряетъ въ своей увѣренности, и себя какъ мыслителя Василій Осиповичъ выявляетъ именно въ своихъ отношеніяхъ къ конкретному, въ той сферѣ явленій, гдѣ онъ чувствуетъ себя привольно, какъ ихъ полновластный господинъ. Такая философія, не уложенная въ опредѣленную абстрактную систему, а претворенная въ распорядокъ фактовъ и запечатлѣнная образнымъ словомъ,—это и характеризуетъ ученаго-художника.

Русская исторія должна быть разсказана русскимъ языкомъ. Напоминать ли, что Ключевскій этотъ долгъ исполнилъ и какъ онъ его исполнилъ? Любая страница его книгъ говоритъ объ этомъ сама, говоритъ каждой строкою, почти каждымъ предложеніемъ своего текста. У него—рѣдкое чувство рѣчи. Онъ знаетъ, что

---

[1]) „Курсъ", часть I, стр. 19, 43, 44, 45, 49, 50, 51, 69, 70, 71, 73; часть IV, стр. 161.

[2]) „Курсъ", часть I, стр. 112.

языкъ памятливѣе памяти, консервативнѣе сознанія и въ нѣдрахъ слова нерушимо хранитъ прошлое: «языкъ запомнилъ много старины, свѣянной временемъ съ людской памяти» [1]). Это такъ удобно, такъ счастливо для Ключевскаго: къ его непосредственному ощущенію слова присоединяется сознательное убѣжденіе, что языкъ—историческій источникъ, вѣчный памятникъ старины, въ немъ находящей свое безсмертіе. И вотъ Ключевскій любовно вслушивается въ русскіе звуки, поговорки, въ названія древнихъ урочищъ, и вы такое выносите впечатлѣніе, точно прежніе люди не всѣ ушли, а оставили одного, завѣщали и наказали ему, чтобы онъ ихъ представилъ и воспроизвелъ, далъ понятіе новымъ о старыхъ, разсказалъ будущему о прошедшемъ, и разсказалъ не какъ ученый только, не просто какъ искусный знатокъ и начетчикъ, а какъ оставшійся въ живыхъ современникъ старины. Прошлое для Ключевскаго какъ бы и не проходило,—такъ онъ вживается въ него; исчезаетъ граница между прежнимъ и настоящимъ, когда читаешь его драгоцѣнныя книги. И эта связь между древностью и новизной чувствуется такъ ясно именно потому, что авторъ говоритъ по-русски и стилемъ своимъ побѣждаетъ время. Иной разъ самый подборъ словъ, прежнихъ и теперешнихъ, уже показываетъ это единство жизни, эту сплошность, которая изъ Руси и Россіи дѣлаетъ одно цѣлое, одну живую, одушевленную ткань. Вотъ, напримѣръ, какъ воспроизводитъ Ключевскій образъ монаха XVI вѣка по представленію современнаго ему боярства, перемежая тогдашнія и теперешнія слова, свои и чужія, и сливая ихъ въ одну чистую русскую струю, въ одинъ синтезированный складъ красивой рѣчи: «Это раболѣпный ласкатель и потаковщикъ властей, исполненный презорства и гордыни съ низшими, расхититель и наставникъ расхитителей, тунеядецъ, питающійся мірскими крестьянскими слезами, шатающійся по городамъ, чтобы безстыдно выманить у вельможи село или деревнишку, жестокосердый притѣснитель своей братіи крестьянъ, бросающійся на нихъ дикимъ звѣремъ, сребролюбецъ ненасытный, жидовинъ-ростовщикъ, лихоимецъ и прасолъ, пьяница и чревоугодникъ, помышляющій только о пирахъ и селахъ съ крестьянами, возлюбившій «вся неподобная міра сего», не десятый чинъ ангельскій, не свѣтъ мірянамъ, а «соблазнъ и смѣхъ всему міру» [2]). Такая сліянность отзвучавшихъ и еще звучащихъ словъ, внѣшнее проявленіе внутренней родственности временъ, не служитъ ли новымъ объясненіемъ той убѣжденности историка, въ силу которой онъ,

---

[1]) Тамъ же, часть I, стр. 141.

[2]) „Боярская Дума“, изд. 1902 г., стр. 275.

подходя къ XVII вѣку, искренне считаетъ себя уже автобіографически ему сопричастнымъ, ему современнымъ, такъ какъ это столѣтіе начинаетъ собою новый періодъ исторіи, тотъ періодъ, когда возникали уже «ранніе зародыши идей, соприкасающихся съ нашимъ сознаніемъ»? «Изучая явленія этого времени, чувствуешь, что чѣмъ дальше, тѣмъ больше входишь въ область автобіографіи, подступаешь къ изученію самого себя, своего собственнаго духовнаго содержанія, насколько оно связано съ прошлымъ нашего отечества»[1]).

Если вообще дѣленіе литературы на форму и содержаніе не достаточно правильно, не достаточно глубоко, потому что онѣ органически срастаются между собой, проникаютъ другъ друга и часто форма является только оттѣнками содержанія, и особенности слога, это—особенности мысли, то по отношенію къ Ключевскому это надо сказать по преимуществу. Его рѣчь имѣетъ особую интонацію, которой не убиваетъ, не заглушаетъ бумага и напечатанная строка. Кто слышалъ его лекціи и бесѣды, тѣ знаютъ, что одно изъ ихъ очарованій заключалось именно въ переливахъ интонаціи, въ модуляціяхъ голоса; и нельзя было не удивляться, какъ много мысли и мудрости, какъ много сути и содержанія можно вложить въ самую фонетику рѣчи. И вотъ эта черта живого Ключевскаго сохранилась въ его книгахъ. Слышатся въ нихъ повышенія и пониженія голоса,—или, можетъ быть, это—иллюзія, призрачное эхо его реальныхъ рѣчей, воспоминаніе его умолкнувшихъ устъ?.. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что если ужъ дѣлить на части то единое цѣлое, какое представляютъ собою его страницы, то въ немъ, кромѣ традиціонныхъ формы и содержанія, надо различать еще и тонъ. Часто послѣдній звучитъ лукавствомъ—тамъ, гдѣ умная шутка только оттѣняетъ умную серьезность и гдѣ авторъ отдается своей, нисколько его не огорчающей склонности—подмѣчать смѣшное въ людяхъ и отношеніяхъ, какой-нибудь изъянъ въ нихъ, какое-нибудь нарушеніе внѣшней или внутренней стильности. Гдѣ же лукавое отсутствуетъ, тамъ слышится, какъ мы уже замѣтили раньше, простая бесѣда, желаніе вовлечь въ разговоръ слушателя, сдѣлать его какъ будто своимъ сотрудникомъ, установить съ нимъ интимность или, по крайней мѣрѣ, доброе знакомство.

У Ключевскаго стиль—каллиграфія. А каллиграфія имѣетъ, кромѣ положительныхъ, и отрицательныя стороны. Она дается не легко, это не естественный почеркъ, и она медлительна. Такія особенности мы и видимъ у нашего писателя. Его фраза построена

---

[1]) „Курсъ“, часть III, стр. 2.

умно, слишкомъ умно; она не непосредственна, и она не первой и не сама собою сорвалась съ пера. Самопроизвольно перо не могло бы создать такого изящества,—нужна для этого еще обдуманная и медленная работа мысли. Первыя слова это не тѣ, которыя употребляетъ Ключевскій. Онъ изысканъ. Онъ нерѣдко бываетъ вычуренъ; въ самой простотѣ его—искусственность. Стиль его не любитъ чертить прямыя линіи, и въ этой области авторъ вовсе и не хочетъ кратчайшихъ разстояній. Наоборотъ, онъ здѣсь предпочитаетъ кружные пути, окольныя дороги. Онъ неторопливо, размѣренными шагами идетъ къ своей цѣли. И прежде чѣмъ онъ одинъ разъ отрѣжетъ, онъ больше, чѣмъ семь разъ примѣритъ. Иной разъ боишься даже, какъ бы необычайная обдуманность слова не помѣшала размаху мысли,—ея широтѣ. Невольно припоминаются цитируемыя у этого великоросса великорусскія пословицы и вся слѣдующая за ними тирада: «Вѣдь лбомъ стѣны не прошибешь и только вороны прямо летаютъ... Великороссъ мыслитъ и дѣйствуетъ, какъ ходитъ. Кажется, что́ можно придумать кривѣе и извилистѣе великорусскаго проселка? Точно змѣя проползла. А попробуйте пройти прямѣе: только проплутаете и выйдете на ту же извилистую тропу» [1]). Такъ и словесный проселокъ самого Ключевскаго приведетъ куда надо. И получается у него фраза, въ которой ничего не переставишь, не измѣнишь, въ которой точность дошла до щепетильности,—фраза слишкомъ готовая. Она не вдохновенная, не горячая, въ ней слышится далеко не одна импровизація; но ей присуща вся та красота, которая отличаетъ умъ. Отдѣльныя слова и предложенія соединяются въ общій узоръ, гдѣ каждая черточка тщательно взвѣшена и смѣрена, гдѣ на каждой детали видна печать настойчивой отдѣлки. Ювелиръ слова, старинный мастеръ мозаики, Ключевскій и даетъ въ своихъ произведеніяхъ непрерывную художественную вязь. Всегда себѣ равный, ровный, безъ уклоненій и отступленій, онъ тихо движется по своимъ словеснымъ колеямъ. Филигранная работа надъ претвореніемъ идеи въ соотвѣтственное слово еще усиливаетъ принципіальную, самодовлѣющую, безкорыстную осторожность, которая и вообще такъ свойственна Ключевскому; и если даже васъ поражаютъ иногда стилистическія неожиданности, внезапные обороты рѣчи, то вы навѣрное знаете, что все это, не предвидѣнное вами, не является такимъ же для него. Мысль его и слово вспыхиваютъ вдругъ; но потомъ онъ самъ уже тщательно поддерживаетъ этотъ изъ темноты безсознательнаго выплывшій огонекъ. Однако пусть въ его фразахъ не переливается горя-

---

[1]) „Курсъ“, ч. I, стр. 387.

чая кровь, пусть онѣ не трепещутъ, не имѣютъ сангвиническаго темперамента,—отъ нихъ не вѣетъ однако охлаждающее дуновеніе напряженности; нельзя сказать, чтобы читатель ощущалъ здѣсь усилія автора, борьбу со словомъ, упорное одолѣваніе лексическаго матеріала. Ключевскій не побѣждаетъ, онъ уже побѣдилъ, и вы любуетесь его трофеями, и хотя понимаете, какъ нелегко и какъ планомѣрно они побѣдителю достались, все-таки не испытываете впечатлѣнія предварительной усидчивости и принужденности. И настолько сроднились у него мысль и слово, что (какъ это, впрочемъ, относится и ко всѣмъ большимъ писателямъ) вы не знаете, что́ отнести на счетъ первой и что́—на счетъ послѣдняго. Онѣ помогаютъ другъ другу. Излюбленные пріемы Ключевскаго—антитезы и сравненія и даже его хіазмы (крестообразныя соединенія однихъ и тѣхъ же словъ)—одинаково принадлежатъ и формѣ, и содержанію его книгъ.

«Государство пухло, а народъ хирѣлъ» [1]). «Личная свобода становилась обязательной и поддерживалась кнутомъ» [2]). «Корректура—не реформа», (по поводу Никонова исправленія церковныхъ книгъ). «Что умѣли дѣлать всѣ, то онъ (Никонъ) дѣлалъ хуже всѣхъ [3]). «Петръ (Великій) отлился односторонне, но рельефно, вышелъ тяжелымъ и вмѣстѣ вѣчно-подвижнымъ, холоднымъ, но ежеминутно готовымъ къ шумнымъ взрывамъ—точь въ точь какъ чугунная пушка его петрозаводской отливки» [4]). «Простой народъ относился къ временщикамъ съ самой задушевной ненавистью» [5]). «Онъ (предокъ Онѣгина) старался стать своимъ между чужими и только становился чужимъ между своими» [6]). Это все—нѣсколько наудачу взятыхъ примѣровъ изъ фразеологіи Ключевскаго, и не говорятъ ли они о томъ, что трудно отличить, гдѣ, собственно, кончается самое содержаніе его идей и гдѣ начинается ихъ внѣшняя оболочка; и въ концѣ концовъ, не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что у него совсѣмъ никакой оболочки нѣтъ, а его мысли одѣты сами въ себя? Полутоны и оберъ-тоны мыслей, оттѣнки идей, это и составляетъ его слогъ, какъ это въ сущности составляетъ и каждый хорошій слогъ—единый организмъ мысли и слова. Точно такъ же характерное для Ключевскаго остроуміе не является какимъ-то внѣшнимъ придаткомъ къ его мышленію и рѣчи, а сливается съ

---

1) „Курсъ", часть III стр. 11.
2) Тамъ же, стр. 185.
3) Тамъ же, стр. 385, 399.
4) „Курсъ", часть IV, стр. 33.
5) „Курсъ", часть III, стр. 169.
6) „Евгеній Онѣгинъ и его предки", „*Русская Мысль*", 1887, II, стр. 301.

ними въ одну гармонію и поэтому всегда умѣстно, никогда не звучитъ отчуждающей нотой. Его красное словцо всегда содержательно, и вопреки поговоркѣ ему въ жертву не приносится ни родной отецъ, ни матушка-правда. Умъ, даже играющій, все-таки—умъ.

Про опричнину, про этихъ «штатныхъ разбойниковъ», мы читаемъ: «учрежденіе это всегда казалось очень страннымъ какъ тѣмъ, кто страдалъ отъ него, такъ и тѣмъ, кто его изслѣдовалъ» [1]). Генералъ-прокуроръ сената долженъ былъ по песочнымъ часамъ слѣдить за интенсивностью и работоспособностью сенаторовыхъ мыслей; онъ «посредствомъ своихъ песочныхъ часовъ руководилъ его (сената) разсужденіями и превращалъ его въ политическое сооруженіе на пескѣ» [2]). Москвичи даже «величали своего государя ключникомъ и постельничимъ Божіимъ, примѣняя языкъ московскаго двора къ столь возвышеннымъ отношеніямъ» [3]). «Манифестъ 18 февраля (1762 г.), снимая съ дворянства обязательную службу, ни слова не говоритъ о дворянскомъ крѣпостномъ правѣ, вытекшемъ изъ нея, какъ изъ своего источника. По требованію исторической логики или общественной справедливости на другой день, 19 февраля, должна была бы послѣдовать отмѣна крѣпостного права; она и послѣдовала на другой день, только спустя 99 лѣтъ» [4]). Что же, эти остроумныя сопоставленія, эти шутки, почти каламбуры—нуждаются ли они въ оправданіи? Не подсказаны ли они самою жизнью, не встрѣтились ли въ нихъ субъективный умъ и объективный фактъ, не глубокая ли мысль, цѣлая историческая концепція, смотритъ на насъ изъ послѣдняго примѣра, гдѣ показано, какъ сравнительно съ 18 февраля 1762 года трагически запоздало 19 февраля 1861 года? И развѣ ужъ очень придирчивый ригоризмъ посѣтуетъ, что Ключевскій, комментируя и дополняя сатирическій образъ у Фонвизина, даетъ волю своему остроумію и напоминаетъ, что фонвизинская княгиня Халдина «не находила ничего страннаго въ томъ, что всѣ ея дѣти уродились въ друзей ея мужа,—вѣдь въ мужниныхъ же друзей, а не какихъ-либо иныхъ, поймите вы это» [5])...

Неожиданно-красивый оборотъ рѣчи, остроумная диверсія нисколько не мѣшаютъ существу изложенія. Вотъ, напримѣръ, въ статьѣ «Два воспитанія», говоря о принципахъ древне-русской педагогіи и приведя знаменитыя слова: «Любя сына, учащай ему раны, не жалѣй

---

1) „Боярская Дума", изд. 1902 г., стр. 331.

2) „Курсъ", ч. II, стр. 171.

3) „Курсъ", часть IV, стр. 238.

4) Тамъ же, стр. 431.

5) „Воспоминаніе о Новиковѣ", *Русская Мысль*, 1895 г., I, стр. 45.

жезла; дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою...», Ключевскій перебиваетъ самого себя и говоритъ: «Впрочемъ, какъ скоро дѣло дошло до дочери, у меня не хватаетъ духа продолжать изложеніе тѣхъ изысканныхъ формулъ, въ которыхъ выражали этотъ пріемъ древне-русскія педагогическія руководства». Ясно, что здѣсь дѣло не въ дочери: и безъ того было бы излишне перечисленіе всѣхъ возможныхъ манипуляцій *жезла*, «т.-е. простой глупой палки», но какъ находчиво, съ какимъ нравственнымъ и эстетическимъ изяществомъ освободилъ себя авторъ отъ дальнѣйшаго углубленія въ дѣйственные методы «Домостроя»!..

Характерной чертой въ остроуміи Ключевскаго и во всей его литературной манерѣ вообще является то, что онъ никогда не употребляетъ многоточій, — между тѣмъ, казалось бы, ему они были бы къ лицу больше, чѣмъ кому бы то ни было: вѣдь многоточіе тогда ставится, когда не досказано, не все сказано, когда умолчаніемъ автора открываются для читателя дальнѣйшія перспективы, а ихъ ли нѣтъ у Василія Осиповича? Но въ томъ и состоитъ его стилистическое лукавство, что онъ дѣлаетъ видъ, будто онъ ни при чемъ, будто сказалъ все, сказалъ серьезно и не оставилъ позади и впереди своихъ словъ никакой мысли, никакого умысла; такъ не подчеркивая себя, онъ отъ этого становится еще тоньше и ярче. «Въ университетѣ при академіи наукъ лекцій не читали, но студентовъ сѣкли» (оцѣните это *но*!) [1]). При Петрѣ «казнокрадство и взяточничество достигли размѣровъ, небывалыхъ прежде, развѣ только послѣ» [2]). Сдѣлавъ частой мишенью своихъ ядовитыхъ, но все-таки не злыхъ и не убивающихъ, стрѣлъ прежнее духовенство, «полицію совѣсти» (и какъ бы забывъ объ этомъ, когда писалъ свою рѣчь о «Благодатномъ воспитателѣ русскаго народнаго духа), онъ въ самомъ серьезномъ тонѣ и съ самымъ серьезнымъ видомъ, какъ будто безъ внутреннихъ и внѣшнихъ многоточій, повѣствуетъ намъ, что на попойкахъ у Петра въ Лѣтнемъ саду царь слишкомъ щедро угощалъ водкой, и счастливыми считали себя тѣ, кто могъ отъ нея уклониться: «только духовныя власти не отвращали лицъ своихъ отъ горькой чаши и весело сидѣли за своими столиками; отъ иныхъ далеко отдавало рѣдькой и лукомъ». Или въ тѣ же петровскія времена, когда всяческіе сборы и налоги «назойливымъ іюльскимъ оводомъ приставали къ плательщику на каждомъ шагу», и оплачивались даже борода и усы, «съ которыми древне-русскій человѣкъ соединялъ представленіе объ образѣ и подобіи Божьемъ»;

---

[1]) „Два воспитанія“, *Русская Мысль*, 1893 г., III, стр. 90.

[2]) „Курсъ русской исторіи“, часть IV, стр. 261.

когда явились разные «прибыльщики» и прожектеры (между ними и Посошковъ, представившій Петру смѣлую и яркую, хотя «углемъ написанную картину» положенія Россіи, тотъ самый Посошковъ, который былъ едва ли не первымъ фабрикантомъ игральныхъ картъ въ Россіи,—о чемъ не забудутъ «трудолюбивые люди, наклонные отдохнуть послѣ трудовъ»),—такъ въ тѣ времена предлагали установить сборы даже съ рожденій. По этому поводу мы читаемъ: «Дивиться надо, какъ могли прожектеры и прибыльщики проглядѣть налогъ на похороны. Свадебная пошлина была уже изобрѣтена древне-русской администраціей... и сама по себѣ еще понятна: женитьба—все-таки маленькая роскошь; но обложить русскаго человѣка пошлиной за рѣшимость появиться на свѣтъ и позволить ему умирать безпошлинно—финансовая непослѣдовательность, впрочемъ исправленная духовенствомъ» [1]).

Конечно, отъ стиля Ключевскаго страдало не только духовенство, исправляющее всякія финансовыя непослѣдовательности: всѣмъ и каждому приходилось не легко,—хотя бы, напримѣръ, этимъ московскимъ князьямъ Даниловичамъ, которые при нападеніи врага уѣзжаютъ «куда-нибудь подальше, на Волгу, собирать полки, оставляя въ Москвѣ для ея защиты владыку митрополита да жену съ дѣтьми» [2]); даже Петра Великаго, который былъ «исключеніемъ изъ всякихъ правилъ», Ключевскій изъ своего правила не исключилъ, даже своеобразную орѳографію его вспомнилъ, то, что будущій преобразователь «между двумя согласными то и дѣло подозрѣвалъ твердый знакъ»; на что ужъ тишайшій былъ царь Алексѣй Михайловичъ, но и его не оставилъ своею шуткою историкъ и разсказалъ про его опыты въ стихотворствѣ: «сохранились нѣсколько написанныхъ имъ строкъ, которыя могли казаться автору стихами»; а какъ поздніе петербургскіе преемники государей-москвичей, «больше хронологическихъ знаковъ, чѣмъ историческихъ лицъ», потерпѣли отъ характеристикъ Ключевскаго, это помнятъ всѣ.

Вообще, исчерпать хотя бы главныя блестки ума, ироніи, красоты, пересыпающія творчество Василія Осиповича, было бы задачей трудной, именно потому, что ихъ слишкомъ много. Но, съ другой стороны, очень благодарную работу исполнилъ бы тотъ, кто извлекъ бы изъ его книгъ собраніе его чеканныхъ афоризмовъ, сравненій, эпиграммъ.

Любовь къ своему и чужому слову, бережное обращеніе съ родною рѣчью, подборъ словъ, нанизываемыхъ одно къ другому не

---

[1]) Тамъ же, стр. 46, 53, 170, 172, 174, 175.

[2]) Тамъ же, часть I, стр. 59.

въ случайномъ, а въ необходимомъ порядкѣ, послѣ предварительной ихъ рекогносцировки—это присуще Ключевскому до такой степени, что лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія встрѣчаешь какую-нибудь неубранную соринку на его слишкомъ гладкой стилистической дорогѣ (мы бы предпочли, напримѣръ, чтобы Василій Шуйскій не назывался у него «изынтриганившійся»; странно прочесть, что въ началѣ XVI-аго вѣка удѣльнаго дмитровскаго князя Юрія рѣшили «арестовать»; оспоримо слово «благоговѣйнство» [1]); зато хорошо въ своей смѣлости необычное употребленіе: «и надъ своими *горями*, и надъ своими радостями [2]). Образъ онъ выдерживаетъ тщательно, метафору слѣдитъ на всемъ ея пространствѣ и почти всегда помнитъ о ея физическомъ происхожденіи, такъ что, напримѣръ, слово «стало» не стерлось для него въ своемъ буквальномъ, а не переносномъ смыслѣ, и если первоначальное «житіе стало во главѣ двухъ отдѣльныхъ сказаній», то Ключевскій скажетъ, что оно «неловко» стало [3]). Если легенду онъ однажды назоветъ «прозрачной», то, запомнивъ это хорошо, онъ дальше прибавитъ, что она «плохо закрываетъ дѣйствительныя событія, послужившія для нея основой» [4]). Русскіе умы были «больше воспаленные, чѣмъ просвѣщенные новыми идеями» [5]). Мы нашли только одно исключеніе изъ этой выдержанности его метафоръ (правда, мы и не очень искали ихъ): «этому взгляду... критикъ не могъ придать цѣльнаго изложенія, высказывалъ его по частямъ, осколками» [6])—тутъ разнородность образовъ: взгляда нельзя излагать, высказывать, а высказывать нельзя осколками.

Въ общемъ же Василій Осиповичъ не только доводитъ свои образы до полной законченности, но иной разъ конкретизація понятій заходитъ у него даже слишкомъ далеко, становится не совсѣмъ пріятной. «Преобразовательная увлекаемость и самоувѣренное всевластіе—это были двѣ руки Петра, которыя не мыли, а сжимали другъ друга» [7]). «Къ русской дѣйствительности этотъ ученый русскій служака сталъ какъ-то криво, нечаянно и больно ушибся головой объ ея уголъ и безъ особенной пользы, хотя и безъ вреда, всю остальную жизнь коптилъ небо, со-

---

1) „Курсъ", часть III, стр. 40; часть II, стр. 169; часть III, стр. 388.
2) „Курсъ", ч. I, стр. 384.
3) „Древне-русскія житія святыхъ", стр. 29.
4) Тамъ же, стр. 41.
5) „Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ", 1895, I стр. 54.
6) „И. Н. Болтинъ", *Русская Мысль*, 1892, XI, стр. 114.
7) „Курсъ", часть IV, стр. 290.

зерцая звѣзды» [1]) (впрочемъ, остроумна здѣсь встрѣча звѣздъ, которыя служака созерцаетъ, и неба, которое онъ коптитъ.).

Ключевскій самъ, на одной изъ своихъ страницъ, слегка намѣчаетъ свое стилистическое credo. «Легкое дѣло—тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить—тяжелое дѣло, у кого не дѣлается это само собой, какъ бы физіологически. Слово—что походка: иной ступаетъ всей своей ступней, а шаги его едва слышны; другой крадется на цыпочкахъ, а подъ нимъ полъ дрожитъ» [2]).

«Легкое дѣло—тяжело писать и говорить, но легко писать и говорить—тяжелое дѣло»: это не только одна изъ блестящихъ крестообразныхъ антитезъ Ключевскаго, одно изъ его фигурныхъ и филигранныхъ изреченій,—это и глубокая, хотя и простая истина. Какъ же одолѣть трудность легкаго слова? С. М. Соловьевъ, по Ключевскому, потому достигалъ этого и потому «рѣзалъ свою мысль тонкими удобопріемлемыми ломтиками», что у него именно мысль была ясная и умѣвшая отыскивать себѣ подходящее выраженіе въ словѣ. «Гармонія мысли и слова,—продолжаетъ Василій Осиповичъ,—это очень важный и даже нерѣдко роковой вопросъ для нашего брата преподавателя. Мы иногда портимъ свое дѣло нежеланіемъ подумать, какъ надо сказать въ данномъ случаѣ, и корень тяжкихъ неудачъ нашихъ—въ неумѣніи выразить свою мысль, одѣть ее какъ слѣдуетъ. Иногда бѣдненькую и худенькую мысль мы облечемъ въ такую пышную форму, что она путается и теряется въ ненужныхъ складкахъ собственной оболочки и до нея трудно добраться, а иногда здоровую, свѣжую мысль выразимъ такъ, что она вянетъ и блекнетъ въ нашемъ выраженіи, какъ цвѣтокъ, попавшій подъ тяжелую жесткую подошву. Во всемъ, гдѣ слово служитъ посредникомъ между людьми, а въ преподаваніи особенно, неудобно какъ переговорить, такъ и недоговорить» [3]).

Позволительно съ этими разсужденіями въ принципѣ не вполнѣ согласиться. Пусть будетъ мысль,—остальное приложится, слово приложится. Слово—звучащая мысль, и послѣдняя едва ли не сама собою облекается въ подходящее выраженіе. Поиски слова, это—поиски мысли. Когда она во всѣхъ ея оттѣнкахъ, во всѣхъ ея изгибахъ и складкахъ найдена,—найдено все. Впрочемъ, спорить съ теоріей Василія Осиповича лучше всего ссылкой на него самого,—на его практику, которая, какъ мы старались показать,

---

1) „Евгеній Онѣгинъ и его предки“, *Русская Мысль*, 1887 г., стр. 299.

2) „С. М. Соловьевъ какъ преподаватель“ изъ сборника „Воспоминанія о студенческой жизни“, М., 1899, стр. 9.

3) Тамъ же, стр. 10.

при всей его заботѣ о стилѣ, представляетъ органически-сліянное единство мысли и слова. Тонкости его стиля—тонкости его идей. И если онъ хвалитъ Соловьева за то, что общія историческія идеи органически вырастали у него изъ объясняемыхъ ими фактовъ, какъ «старинныя колонны, обвитыя вьющимся растеніемъ» создаютъ иллюзію, будто эта молодая жизнь, эти вьющіеся побѣги «растутъ изъ самаго мрамора» [1]), то не только такая слитность мысли и факта присуща и самому Ключевскому, но его характеризуетъ и подобная же внутренняя тожественность мысли и слова. Вообще, все то, что вмѣняетъ въ заслугу ученикъ учителю, Ключевскій Соловьеву,— все это характеризуетъ обоихъ, и достойнымъ преемникомъ славнаго предтечи оказался тотъ студентъ III курса, Василій Ключевскій, который началъ слушать соловьевскій курсъ русской исторіи въ такую пору, когда, по одному изъ многихъ его счастливыхъ выраженій, студентъ уже чувствуетъ себя «хозяиномъ своего *я*» и уже въ состояніи «ухватить себя за свои собственные усы» [2]).

Было бы, можетъ быть, слишкомъ спеціально и слишкомъ детально входить въ разборъ того, насколько Ключевскій сознательно прибѣгалъ къ созвучію словъ, къ намекающимъ аллитераціямъ, насколько онъ цѣнилъ музыкальность рѣчи. Такія выраженія, какъ «правитель безъ правилъ» (о Петрѣ), или «онъ упорнымъ упражненіемъ умѣлъ» (про И. В. Лопухина), или «логика полумыслей и политика полумѣръ» (о московскихъ князьяхъ), говорятъ о томъ, что во всякомъ случаѣ не уклонялся онъ отъ выразительности звуковыхъ сочетаній.

Живая работа сердца, глубокій духъ научнаго изслѣдованія и вотъ только что отмѣченная нами въ общихъ чертахъ эстетика — это все и является тѣми ernste und ewige Dinge, тѣми моментами высшей серьезности, которые служили для Василія Осиповича палладіумомъ и охраной отъ могущественныхъ соблазновъ скептицизма и нигилизма. Эти же начала объясняютъ и то явленіе, что, какъ мы уже сказали, Ключевскому въ одной только фактической исторіи было тѣсно. У него есть выраженіе: «фактъ, отработанный исторіей»; если такъ, если исторія отрабатываетъ факты и они послѣ этого исчезаютъ, теряютъ свое значеніе и смыслъ, то ясно, что одной подобной исторіи, одной временности мало—мало тому, кто тяготѣетъ къ цѣнностямъ постояннымъ и непреходящимъ. Не оттого ли и уходилъ Ключевскій въ литературу, даже въ литера-

---

[1]) Тамъ же, стр. 19.
[2]) Тамъ же, стр. 7.

турную критику, на которую онъ, самъ такой значительный художникъ, пѣстунъ слова, имѣлъ столь неоспоримое право?

Однако, именно въ этой области особенно сказалось, что онъ какъ-то не принималъ человѣка безъ людей. «Единственный и его собственность», индивидуализмъ вообще—это не его излюбленная сфера. Ему важно единое связать со многимъ, личность—съ обществомъ, и человѣкъ одинокій, самодовлѣющій, внѣ исторической солидарности со своими сосѣдями, предками и потомками, не казался ему важной, цѣнной, можетъ быть—даже реальной величиной. Онъ былъ слишкомъ практикъ (въ лучшемъ смыслѣ слова), чтобы думать иначе. Вѣдь даже самое знаніе онъ, жрецъ знанія, цѣнилъ съ его практической стороны, въ его связяхъ съ нашими нуждами, стремленіями и поступками, а не само по себѣ: «иначе знаніе становится простымъ балластомъ памяти, пригоднымъ для ослабленія житейской качки развѣ только пустому кораблю, который идетъ безъ настоящаго цѣннаго груза» [1]). Высшее безкорыстіе чистой и одинокой идеи, личность, отрѣшенная отъ другихъ,—это не входитъ въ поле зрѣнія историка. И «нравственный уровень общества такъ же мало зависитъ отъ совершенства отдѣльныхъ его членовъ, какъ мало поднимается температура окружающаго воздуха отъ подъема ртути въ термометрѣ, который держитъ теплая рука» [2]).

Между тѣмъ литературное творчество и всякое искусство вообще имѣютъ свое сосредоточіе какъ разъ въ личности творца, въ индивидуальныхъ особенностяхъ художника. Впрочемъ, не всѣ такъ думаютъ: многіе, наоборотъ, въ искусствѣ выдвигаютъ на первый планъ какъ разъ его общественные моменты. Тогда, чтобы не спорить, скажемъ болѣе миролюбиво и пріемлемо: въ искусствѣ есть и личная, и общественная сторона. Естественно, что экскурсы Ключевскаго въ область русскаго искусства, русской художественной литературы, касаются именно послѣдней, а не первой. Онъ—глубокій почитатель Пушкина, и такъ понимаешь, такъ привѣтствуешь его слова: «О Пушкинѣ всегда хочется сказать слишкомъ много, всегда наговоришь много лишняго и никогда не скажешь всего, что слѣдуетъ» [3]); но въ первой своей рѣчи о немъ онъ освѣтилъ какъ разъ историческій элементъ его художества, его значеніе для русской исторіографіи; мало того, онъ незаконно отдѣляетъ въ Пушкинѣ эстетическое отъ нравственнаго, не вполнѣ отчетливо различаетъ въ немъ вѣчное. «Художественная красота его произ-

---

1) „Курсъ русск. исторіи“, 1904, часть I, стр. 38.

2) „Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ“, *Русская Мысль*, 1895, I, стр. 55.

3) „Евгеній Онѣгинъ и его предки“, *Русская Мысль*, 1887, II, стр. 306.

веденій пріучила насъ съ любовію повторять то, чего мы уже не раздѣляемъ, эстетически любоваться даже тѣмъ, чему мы не сочувствуемъ нравственно; въ стихѣ, лучше котораго мы не знаемъ доселѣ, подчасъ звучатъ воззрѣнія, которыя для насъ—общественная или нравственная археологія... И самъ Пушкинъ—... представитель исчезнувшаго порядка идей... Мы ошибемся въ цѣнѣ его современниковъ, если забудемъ, сколько силъ этого великолѣпнаго таланта потрачено было на вѣтеръ, на дѣтскія игрушки для взрослыхъ» [1]). Для тѣхъ, кому Пушкинъ не прошлое, а вѣчное настоящее, тревожною загадкой звучатъ слова, что много его таланта ушло на игрушки, и непонятно, гдѣ, собственно, у Пушкина, въ его личныхъ воззрѣніяхъ, нравственная археологія... И въ другой, знаменитой, статьѣ о Пушкинѣ «Евгеній Онѣгинъ и его предки» Ключевскій тоже говоритъ, что *Евгеній Онѣгинъ* теперь—«просто предметъ изученія, какъ историко-литературный памятникъ»: согласятся ли съ этимъ тѣ, кто изъ пушкинскаго романа и до сихъ поръ черпаетъ неисчерпаемое художественное наслажденіе и вовсе не видитъ въ *Онѣгинѣ* просто историко-литературнаго памятника?... Очень цѣнны историческіе комментаріи Василія Осиповича къ поэтическому, не блѣднѣющему тексту Пушкина, особенно установленіе своеобразной генеалогіи Евгенія Онѣгина, опирающееся на одну изъ любимыхъ идей Ключевскаго,—на идею отраженія и искаженія западничества въ Россіи; но вѣчная сторона пушкинскаго дара не показана съ такою же яркостью, вниманіемъ и силой. Зато радостно читать лирическія воспоминанія Василія Осиповича о томъ, чѣмъ въ молодости былъ Пушкинъ для него и для его сверстниковъ, какъ онъ «беззащитно» отдавался обаянію пушкинскаго стиха, какъ онъ и каждый изъ его ровесниковъ-единомышленниковъ «давалъ себѣ слово не отвергать такъ холодно любви дѣвушки, которая его такъ полюбитъ, какъ Татьяна любила Онѣгина, и особенно если напишетъ ему такое же хорошее письмо»... И, обращаясь къ своей аудиторіи, ласково говоритъ Ключевскій: «Нѣкто изъ людей, начавшихъ сознавать себя раньше, чѣмъ многіе и многія изъ васъ начали дышать, и рѣшился занести свою строчку въ эту посмертную часть, отважился выступить изъ рѣдѣющаго уже ряда своихъ сверстниковъ, чтобы сказать, чѣмъ былъ для него и для нихъ Пушкинъ со своимъ романомъ» [2]).

На той же, конечно, исторической точкѣ зрѣнія стоитъ Ключевскій и въ своемъ, какъ всегда, утонченномъ и оригинальномъ «опытѣ

---

[1]) Сборникъ „Вѣнокъ на памятникъ Пушкина“ Спб., 1880, стр. 271—272.

[2]) „Евгеній Онѣгинъ и его предки“, *Русская Мысль*, 1887, II, стр. 292, 293.

историческаго объясненія учебной пьесы», посвященномъ «Недорослю». Тамъ очень явственными нитями связаны съ русской жизнью образы Фонвизина: какъ его отрицательные типы, такъ и «академики добродѣтели»—Стародумъ, Правдинъ, Милонъ. Но трудно согласиться съ мыслью автора, что комизмъ «Недоросля» основанъ на тонкомъ различеніи людей и ролей: его «лица комичны, но не смѣшны, комичны, какъ роли, и вовсе не смѣшны, какъ люди. Они могутъ забавлять, когда видишь ихъ на сценѣ, но тревожатъ и огорчаютъ, когда встрѣчаешь ихъ внѣ театра, дома или въ обществѣ». Вѣдь это не специфично для «Недоросля», это характеризуетъ не его одного: развѣ, напримѣръ, Фамусовъ, Молчалинъ, городничій, Держиморда и унтеръ-офицерская вдова въ реальной жизни, не на сценѣ, смѣшны? развѣ и о нихъ не думаешь той же тягостной думы, какая, по неизмѣнно-красивому слову Василія Осиповича, посѣщаетъ насъ, когда послѣ созерцанія забавныхъ положеній въ театрѣ мы выходимъ «изъ душнаго марева электрическаго свѣта на пронизывающую свѣжесть уличной мглы»? [1])

Ключевскій былъ такъ знаменитъ, что incognito не могло ему удаться; своего стиля, своего умственнаго лица онъ не могъ бы скрыть ни подъ какой личиной. Поэтому все читающее русское общество сразу, по когтямъ, узнало его подъ скромной буквой *К.*, подписавшей статью «Грусть» въ *Русской Мысли* (1891, VII)—статью о Лермонтовѣ. И есть нѣчто знаменательное въ томъ, что какъ разъ этотъ очеркъ мы не имѣемъ формальнаго права причислять къ литературному наслѣдству Василія Осиповича. Пусть и здѣсь авторъ въ субъективныхъ настроеніяхъ поэта видитъ одновременно и очень важный историческій симптомъ, пусть они въ его глазахъ совпадаютъ съ душевной категоріей всего русскаго народа, пусть сближаетъ К. грусть Лермонтова съ «практической русско-христіанской грустью» царя Алексѣя Михайловича,—во всякомъ случаѣ, только здѣсь, только у К., а не у Ключевскаго, на первое мѣсто поставлены личныя эмоціи, только здѣсь мы видимъ проникновеніе въ самодовлѣющій внутренній міръ писательской индивидуальности. И надо сказать, что хотя статья эта была въ свое время иными встрѣчена рѣзко и недружелюбно, какъ парадоксъ, какъ извращеніе истины, она, на нашъ взглядъ, вѣрно и глубоко прозрѣваетъ основную стихію Лермонтова. И Владиміръ Соловьевъ, и Мережковскій, и многіе другіе критики, съ разной оцѣнкой, но съ одинаковой настойчивостью, какъ фактъ, выдвигали демонизмъ, сверхчеловѣчество нашего поэта и главной его чертою считали гордыню; между

[1]) „Недоросль Фонвизина", журналъ *Искусство и наука*, 1896, I, стр. 12, 13.

тѣмъ К. раньше и лучше другихъ понялъ, что Лермонтовъ только рядился въ трагическія маски, примѣрялъ къ себѣ байронизмъ, хотѣлъ, по мѣткой характеристикѣ автора, казаться «лейбъ-гвардіи гусарскимъ Мефистофелемъ», а на самомъ-то дѣлѣ, въ глубинѣ сердца, былъ искренне-грустенъ, но простъ и смиренъ, какъ проста и смиренна русская природа и русская народная душа, и подлинными симпатіями своего духа тяготѣлъ не къ эффектамъ злобы и сарказма, а къ тихому величію доброты и отреченія, не къ Печорину, а къ Максиму Максимычу.

Кромѣ историческаго толкованія литературы, возможно и отношеніе къ ней чисто-имманентное, т.-е. такое, при которомъ ее освѣщаешь ея собственнымъ свѣтомъ, не уходишь въ сторону отъ литературнаго произведенія, а, напротивъ, остаешься исключительно въ немъ, проникаешь въ него все глубже и глубже и пользуешься только тѣми матеріалами, какіе даетъ оно само. Можно разсматривать художника въ предѣлахъ его личности, безотносительно къ странѣ и эпохѣ, внѣ условій историческаго времени и пространства. О такомъ пониманіи искусства, о такомъ абсолютизмѣ литературной критики, въ кружкѣ «Научнаго Слова», подъ гостепріимнымъ кровомъ Г. К. Рахманова, съ пишущимъ эти строки не однажды велъ оживленныя бесѣды Василій Осиповичъ. Онъ соглашался брать каждаго человѣка и каждаго писателя только на опредѣленной долготѣ и широтѣ; онъ, разумѣется, не поступался ни одной пядью своей исторической позиціи,—но онъ *понималъ* и другое міровоззрѣніе, онъ чутко вслушивался и въ другія мысли. И онъ говорилъ, что во всякомъ случаѣ онѣ представляютъ для него, уже какъ для историка, значительный интересъ и что, можетъ быть, при характеристикѣ новѣйшаго періода русской жизни ему придется отмѣтить и подобное, не совсѣмъ традиціонное отношеніе къ нашей художественной литературѣ; онъ указывалъ даже, что есть одна родственная почва, на которой онъ со своимъ диспутантомъ можетъ сойтись вполнѣ... И не было большей поучительности, чѣмъ съ этимъ историкомъ разговаривать о внѣ-историческихъ моментахъ и методахъ. И онъ хотѣлъ еще и еще вернуться къ этой заинтересовавшей его темѣ.

Но смерть отнимаетъ у насъ нашихъ собесѣдниковъ, она не даетъ окончить разговора... И теперь, когда навсегда замолкли умныя уста Василія Осиповича, въ видѣ неискусной благодарности за то бодрящее, что пришлось изъ нихъ слышать, одинъ изъ его собесѣдниковъ, не-историкъ, посвящаетъ его памяти свои посильныя страницы...

Ю. Айхенвальдъ.

Воспоминанія о В. О. Ключевскомъ.

Я не былъ близко знакомъ съ жизнью Василія Осиповича Ключевскаго и съ его профессорской дѣятельностью въ университетѣ и духовной академіи. Поэтому я могу говорить лишь о встрѣчахъ съ нимъ въ его студенческіе годы и затѣмъ въ то время, когда его «судьбой отсчитанные дни» уже приближались къ концу. Утѣшаю себя, вспоминая слова Гейне, который говоритъ, что для того, чтобы понять и оцѣнить человѣка и его дѣятельность, нужно видѣть ихъ не въ зенитѣ, а на восходѣ и закатѣ.

Въ 1862 году, вслѣдствіе студенческихъ волненій, петербургскій университетъ былъ закрытъ на два года. Группа петербургскихъ студентовъ, къ которой принадлежалъ и я, переселилась въ Москву и образовала тѣсный дружескій кружокъ, быстро освоившійся съ Москвой и полюбившій ея бытовыя особенности. Кружокъ состоялъ преимущественно изъ слушателей словеснаго факультата,— бывшихъ воспитанниковъ единственной тогда въ Петербургѣ классической третьей гимназіи. Юристовъ въ немъ было всего двое: я и покойный Гизетти. Между этими словесниками особенно выдѣлялись —Н. Н. Куликовъ, живой, остроумный и сердечный человѣкъ, представлявшій центральную фигуру нашего кружка, и М. А. Кавосъ, оставившій во всѣхъ, кто его зналъ, память о себѣ, какъ о человѣкѣ рѣдкаго,—даже въ то время, и притомъ самаго разносторонняго образованія. Намъ всѣмъ приходилось много работать на недѣлѣ, давая уроки и *записывая* лекціи въ университетѣ, но по субботамъ вечеромъ мы собирались у Куликова и двухъ его товарищей, жившихъ вмѣстѣ, въ переулкѣ у Николы Явленнаго, близъ Арбата. Мы приносили каждый свою долю участія въ общей трапезѣ, слушали игру Куликова на купленномъ въ складчину старенькомъ фортепіано и бесѣдовали до глубокой ночи о всевозможныхъ вопросахъ, волновавшихъ наши молодые умы. Вскорѣ къ этому кружку примкнулъ уже коренной москвичъ Александръ Ивановичъ Кирпичниковъ, будущій извѣстный ученый и профессоръ харьков-

скаго и московскаго университетовъ. Тогда это былъ высокій, сутуловатый, очень худой и блѣдный, нѣсколько угрюмый человѣкъ, вносившій въ наши бесѣды много интереса къ исторіи и теоріи искусства и вызывавшій одного изъ насъ (Травинскаго), фанатическаго поклонника Шопенгауэра, своими ироническими замѣчаніями на горячіе споры, длившіеся чуть не до утра. Теперь никого изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ... Остался я одинъ и, обращаясь къ этому незабвенному времени, невольно повторяю стихи Некрасова: «а станешь стариться—нарви—цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,—и ими сердце оживи».

Уже по прошествіи трехъ мѣсяцевъ наши словесники стали все чаще и чаще упоминать имя своего товарища Ключевскаго, относясь къ нему съ все возрастающимъ интересомъ и уваженіемъ. Наконецъ однажды, сколько мнѣ помнится, осенью 1863 года, онъ посѣтилъ наше субботнее собраніе и не разъ затѣмъ въ немъ появлялся. Его невзрачная, скромная фигура, тихій голосъ и сдержанная молчаливость вначалѣ невольно возбуждали у тѣхъ, кто не былъ на томъ же курсѣ одного съ нимъ факультета, вопросъ: «да что же такого особеннаго въ этомъ Ключевскомъ? Почему сотоварищи,—склонные вообще къ критическому отношенію и зоркіе на недостатки, добродушно осмѣиваемые,—относятся къ нему съ такимъ почтеніемъ, какъ бы по молчаливому соглашенію признавая его авторитетомъ въ своей средѣ?» Но стоило ему живо заинтересоваться предметомъ разговора, особливо если онъ касался исторіи или искусства, какъ на эти вопросы получался самый вразумительный отвѣтъ. Ключевскій оживлялся, вставалъ, дѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и—обыкновенно стоя—начиналъ говорить, немедленно овладѣвая общимъ вниманіемъ. Его рѣчь на чудесномъ русскомъ языкѣ, тайной котораго онъ владѣлъ въ совершенствѣ, лилась неторопливо; по временамъ онъ останавливался и на минуту задумывался и затѣмъ снова плѣнялъ и удивлялъ выпуклостью образовъ, остротою и глубокимъ содержаніемъ эпитетовъ и богатствомъ свѣдѣній, приводимыхъ въ новомъ и подчасъ неожиданномъ освѣщеніи, за которымъ чувствовалась упорная работа самостоятельной мысли. Уже тогда въ томъ, что онъ говорилъ, намѣчалися—его взглядъ на исторію, какъ на соціальный процессъ по преимуществу, и его любовь къ изученію историческихъ явленій и періодовъ со стороны проявленія въ нихъ природы страны, человѣческой личности и людского общества. Для большинства изъ насъ, ходившихъ въ Петербургѣ слушать блестящія лекціи Костомарова, то, что высказывалъ Ключевскій, было въ значительной степени новостью. Талантливый художникъ преобладалъ въ Косто-

маровѣ надъ спокойнымъ созерцателемъ, и чувствовалось, что создаваемые имъ образы вліяютъ на самый характеръ его изслѣдованій и на свойство его выводовъ. Онъ (я говорю преимущественно о его лекціяхъ объ Иванахъ III и IV, читанныхъ въ 1861—62 годахъ) ярко и увлекательно рисовалъ картины тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, заботливо отдѣлывая бытовыя условія и обстановку, среди которыхъ они проявились. Наоборотъ, Ключевскій обращалъ главное вниманіе на причины этихъ явленій, глубоко вдумываясь въ нихъ, и какъ бы слѣдуя извѣстной формулѣ: «vires unite agunt». Костомаровъ набрасывалъ искусною рукою изображеніе сложнаго зданія,—Ключевскій расчищалъ и изслѣдовалъ почву для закладки фундамента. Многихъ изъ насъ интересовалъ расколъ, не только какъ религіозное и бытовое, но и какъ историческое явленіе, при чемъ не всѣхъ удовлетворяла Щаповская теорія происхожденія старообрядчества. Въ этомъ отношеніи указанія Ключевскаго и бесѣды съ нимъ были для насъ и желанны, и поучительны. Я не разъ вспоминалъ ихъ въ позднѣйшіе годы, когда встрѣчался съ этимъ глубокой важности явленіемъ нашей жизни въ моей судебной, преподавательской и законодательной дѣятельности. Однажды, уже на послѣднемъ курсѣ, великимъ постомъ, онъ направилъ насъ утромъ въ воскресенье въ Кремль—потолкаться между народомъ передъ соборами и послушать въ отдѣльныхъ группахъ обычныя тогда пренія раскольниковъ съ православными, происходившія свободно и чуждыя казенно-полицейскаго участія нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ миссіонеровъ. Мы повторили эти утренніе походы нѣсколько разъ уже безъ него, вынеся изъ нихъ живыя представленія о многомъ, чего не могла бы намъ дать тогдашняя скудная въ этомъ отношеніи литература.

Послѣ смерти Ключевскаго мнѣ пришлось получить письмо бывшаго ученика покойнаго, молодого талантливаго историка, который говоритъ: «Ключевскій былъ историкомъ Московской, а не какой иной Руси; онъ самъ представляется ея памятникомъ, настоящимъ московскимъ человѣкомъ. Онъ не былъ ни гражданиномъ правового государства—будущей Россіи, ни дѣятелемъ подернутой западной культурой Руси Петровской, ни кіевскимъ богатыремъ, ни вольнымъ сыномъ Новгорода. Онъ былъ всецѣло слугой и богомольцемъ московскихъ государей, современникомъ Тишайшаго царя, а можетъ быть и царя Ивана. Эту эпоху онъ всего лучше зналъ, ее онъ всего красочнѣе рисовалъ, съ нею всего тѣснѣе сжился. Онъ былъ то же для Руси Московской, что былъ Забѣлинъ для самой Москвы. Старая Московія говорила его устами, и онъ думалъ ея мозгомъ и чувствовалъ ея сердцемъ. Въ этомъ

была и сильная и слабая его сторона. Этимъ онъ подкупалъ историка, но этимъ же и отпугивалъ отъ себя политика...» Я не могу однако раздѣлить этого взгляда на Ключевскаго за тѣ періоды его дѣятельности, о которыхъ я говорилъ выше и когда я лично могъ присмотрѣться къ нему. Въ наши студенческіе годы онъ не былъ поклонникомъ старой Москвы, а къ славянофильству относился несомнѣнно скептически. Но онъ уже тогда изучилъ и зналъ Москву съ большой подробностью. Въ его бесѣдахъ ея исторія рисовалась слушателю, какъ цѣлая, опредѣленная и законченная картина, а не какъ отдѣльные фрагменты послѣдней. Любя русскаго человѣка, Ключевскій «проникновенно» вглядывался въ создавшіяся исторически свойства его, выработанныя условіями, среди которыхъ послѣдній жилъ и съ которыми ему постоянно приходилось бороться. Стоитъ припомнить тонкую характеристику русскаго человѣка, сдѣланную въ его лекціяхъ: наклонность дразнить счастье и играть въ удачу, откуда явилось знаменитое «авось»,—его удивительную способность къ напряженному кратковременному труду и его непривычку къ труду размѣренному и постоянному,—легкость одолѣнія имъ препятствій и опасностей и частое неумѣніе выдержать съ тактомъ и достоинствомъ успѣхъ,—способность подводить *итоги* на счетъ искусства составлять *смѣты*. Но цѣня лучшія свойства русской души и сливаясь съ ними, Ключевскій не идеализировалъ прошлаго и съ безпристрастіемъ историка и скорбью родного и близкаго человѣка указывалъ на слабое развитіе и рабскую приниженность личности, на подавленность и случайность проявленія общественныхъ силъ, на грубость нравовъ и восточную хитрость пріемовъ въ этой самой Москвѣ Грознаго и Тишайшаго, отводя среди причинъ всего этого справедливое мѣсто печальной и скудной природѣ, такъ мало дававшей опоры для свободнаго развитія общежитія.

Доказательствомъ является его кандидатское разсужденіе «Сказанія иностранцевъ о Московскомъ государствѣ», напечатанное впервые въ приложеніяхъ къ московскимъ университетскимъ извѣстіямъ, только что начавшимъ выходить въ 1865—66 годахъ, рядомъ съ разсужденіями товарищей Ключевскаго по выпуску изъ университета—Шайкевича «О преступленіяхъ противъ чести», Никольскаго «О внѣшнихъ таможенныхъ пошлинахъ» и моимъ «О правѣ необходимой обороны». Уже въ этомъ первомъ печатномъ обширномъ трудѣ Ключевскаго, представляющемъ результатъ огромной подготовительной работы, совершенно необычной для кандидатскихъ сочиненій, слышатся основные звуки его будущихъ блистательныхъ лекцій. Двѣнадцать главъ рисуютъ намъ Московское

государство со всѣхъ сторонъ и съ точекъ зрѣнія различныхъ наблюдателей. Опредѣляя историческую стоимость источниковъ своего «разсужденія», Ключескій совершенно справедливо находилъ, что правильно оцѣнивать и объяснять многія явленія русской жизни иностранецъ, чуждый русскимъ понятіямъ и привычкамъ, не могъ, но *описывать* ихъ, выставлять ихъ выдающіяся черты, высказывать непосредственное впечатлѣніе, производимое ими, онъ могъ лучше и полнѣе, нежели люди, къ нимъ приглядѣвшіеся и притерпѣвшіеся... Поэтому домашняя жизнь и нравственный бытъ общества ускользали отъ наблюденій иностранцевъ, но зато внѣшнія явленія и наружный порядокъ общественной жизни, а также ея матеріальная сторона съ особой вѣрностью и полнотою укладывались въ эти наблюденія. И картина, изображаемая нашимъ историкомъ на основаніи такихъ наблюденій, почерпнутыхъ изъ 35 иностранныхъ источниковъ,—отличается яркостью и полнотою именно въ отношеніи внѣшнихъ проявленій русской жизни съ XV по XVII вѣкъ. Какъ живы, напримѣръ, описаніе пріема иностранныхъ пословъ въ Москвѣ,—передача впечатлѣній послѣднихъ отъ царскаго двора и самого царя, считающаго себя несравненно выше западныхъ христіанскихъ монарховъ, презрительно говорящаго Поссевину: «что это за государи?!» и моющаго послѣ пріема пословъ руки въ нарочито поставленной при аудіенціи золоченой лохани съ кувшиномъ и полотенцемъ;—какъ характерны отзывы иностранцевъ о твердости, съ которою русскій ратникъ исполняетъ тяжелыя предпріятія и, равнодушный къ своему помѣщенію и пищѣ, переноситъ нужду и трудъ;—въ какихъ живыхъ краскахъ представляется русская городская жизнь въ XVI и XVII столѣтіяхъ! Притомъ въ этой картинѣ постоянно чувствуется строгая разборчивость автора въ матеріалѣ, которымъ онъ пользуется, стараясь провести ясную грань между внѣшнею и внутреннею жизнью народа, между той областью, гдѣ слѣдуетъ искать Wahrheit, и тою, гдѣ неминуемо приходится встрѣчаться съ Dichtung со стороны «чужихъ»...

Въ этомъ отношеніи трудъ Ключевскаго очень выгодно отличался отъ составленнаго Костомаровымъ «Очерка домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», вышедшаго на шесть лѣтъ раньше и преисполненнаго безусловнымъ довѣріемъ къ сказаніямъ иностранцевъ (въ особенности къ запискамъ Горсея) именно о той сторонѣ русской жизни, которая имъ была наименѣе доступна и понятна. Въ памяти у насъ, товарищей Ключевскаго, слушавшихъ вмѣстѣ съ нимъ исторію словесности у Буслаева (для юристовъ это былъ предметъ необязательный, но многіе посѣщали эти лекціи, привлекаемые глубокимъ

интересомъ ихъ и оригинальностью), еще были свѣжи указанія Ѳедора Ивановича на поспѣшность выводовъ и погрѣшность утвержденій Костомарова. Такъ, напримѣръ, оказывалось, что, говоря объ образѣ Одигитріи—Пятницы, Костомаровъ смѣшалъ съ Богоматерью св. Параскеву—Пятницу, при чемъ въ источникѣ, которымъ онъ пользовался, говорится вовсе не о Пятницѣ, а о Пядницѣ, т.-е. о небольшомъ образкѣ, величиною *въ пядь*, откуда и самое слово пядница. Точно такъ же невѣрнымъ оказывалось и предположеніе его о томъ, что на народныхъ игрищахъ существовалъ обычай увѣнчивать удалыхъ и ловкихъ побѣдителей, какъ это будто бы явствуетъ изъ поговорки: «безъ борца—нѣтъ вѣнца», тогда какъ это вовсе не народная поговорка XVI или XVII столѣтія, а *духоборческій* «стихъ» конца XVIII столѣтія, обѣщающій *вѣнецъ* въ будущей жизни для *борцовъ* духомъ съ грѣхами, соблазнами и прелестью здѣшняго міра.

Въ началѣ іюня 1865 года мы окончили курсъ и разошлись по разнымъ дорогамъ. Снова увидѣть Ключевскаго мнѣ пришлось лишь черезъ пятнадцать лѣтъ, въ іюнѣ 1880 года на торжествѣ открытія въ Москвѣ памятника Пушкину. Это открытіе было однимъ изъ самыхъ выдающихся событій въ русской общественной жизни послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Послѣ ряда удушливыхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ лѣтъ, съ начала 1880 года стало легче дышать, и общественная мысль и чувство начали принимать хотя и не вполнѣ опредѣленныя, но, во всякомъ случаѣ, болѣе свободныя формы. Въ затхлой атмосферѣ застоя, гдѣ все начало покрываться ржавчиной отсталости, вдругъ пронеслись свѣжія струи чистаго воздуха и все постепенно стало оживать. Блестящимъ проявленіемъ такого оживленія былъ и Пушкинскій праздникъ въ Москвѣ. Наканунѣ открытія памятника былъ торжественный пріемъ депутацій въ залѣ городской думы (на Воздвиженкѣ) и чтеніе адресовъ и привѣтствій; на другой день съ утра Москва приняла праздничный видъ—у памятника, закутаннаго пеленой, собрались многочисленныя депутаціи правительственныхъ, ученыхъ и литературныхъ обществъ и редакцій съ вѣнками и хоругвями. Послѣ обряда передачи памятника городу—пелена развернулась и упала—и подъ крики «ура» и пѣніе хорами «Славься» Глинки предстала бронзовая фигура Пушкина съ задумчиво склоненной надъ толпою головою. Казалось, что въ эту минуту великій поэтъ простилъ русскому обществу его старую вину предъ собою и временное забвеніе. У многихъ на глазахъ заблистали слезы... Хоругви задвигались, поочередно склоняясь предъ памятникомъ, и у подножія его быстро стала расти гора вѣнковъ

и эмблемъ. Черезъ часъ въ обширной актовой залѣ университета, переполненной такъ, что яблоку негдѣ было упасть, состоялось торжественное засѣданіе. Послѣ провозглашенія именъ избранныхъ въ почетные члены университета Я. К. Грота, П. В. Анненкова и Тургенева — при чемъ послѣднее было встрѣчено взрывомъ рукоплесканій и привѣтственныхъ криковъ, бурными волнами носившимися въ обширной залѣ — на каѳедру взошелъ Ключевскій. Несмотря на слабый голосъ, онъ быстро овладѣлъ присутствующими. Въ его манерѣ говорить я почувствовалъ особое умѣнье насторожить и обострить вниманіе слушателей. Простое, безъ всякихъ вычуръ слово его было такъ полновѣсно и съ такимъ искусствомъ соединяло въ себѣ отвлеченныя опредѣленія, широкія обобщенія и жизненные образы, что слушающій очень скоро чувствовалъ себя вполнѣ во власти лектора. Въ сжатое и точное его изложеніе по временамъ и совершенно неожиданно вправлялись афоризмы, въ которыхъ одновременно блистали яркая мысль и тонкое остроуміе. Всѣ тѣ умственныя свойства и особенности, которыми онъ выдѣлялся среди насъ, еще будучи студентомъ, широко развились въ немъ и окрѣпли. Въ немъ слышался уже не только настойчивый искатель истины въ любимомъ дѣлѣ, но и хозяинъ въ немъ, ею уже въ значительной мѣрѣ овладѣвшій. Пушкинъ-поэтъ и Пушкинъ-историкъ предстали въ рѣчи Ключевскаго предъ слушателями въ своемъ взаимоотношеніи, освѣщенномъ ново и оригинально. Пушкинъ оказался всего менѣе историкомъ въ своихъ историческихъ сюжетахъ—въ «Полтавѣ», «Борисѣ Годуновѣ» и др. и далъ цѣнный матеріалъ для историка въ повѣсти, написанной между дѣломъ и безъ претензій на историческую достовѣрность. «Капитанская дочка», по мнѣнію Ключевскаго, представляла такое правдивое воспроизведеніе эпохи, такую выхваченную изъ подлинной жизни того времени картину, что спеціальное изслѣдованіе Пушкина «Исторія Пугачевскаго бунта» можетъ быть разсматриваемо только, какъ подробное примѣчаніе къ «Капитанской дочкѣ». А затѣмъ Ключевскій представилъ послѣдовательное развитіе главнѣйшихъ типовъ XVIII и начала XIX столѣтій, закрѣпленныхъ Пушкинымъ въ различныхъ его произведеніяхъ. Указывая на генетическую связь между ними, онъ въ особенности остановился на одномъ, зародившемся слишкомъ двѣсти лѣтъ назадъ, въ лицѣ выдающагося историческаго дѣльца— Ордина Нащокина и выраженномъ во времена Пушкина скучающимъ отъ бездѣлья Евгеніемъ Онѣгинымъ. «Это русскій человѣкъ,—говорилъ Ключевскій,—который выросъ въ убѣжденіи, что, хотя онъ и не родился европейцемъ, но *обязанъ* стать имъ. Безъ его біографіи пустѣетъ исторія нашего

общества послѣднихъ двухъ столѣтій. Около него сосредоточиваются, иногда отъ него исходятъ самыя важныя умственныя, а подчасъ и политическія движенія». Въ рядѣ почерпнутыхъ у Пушкина, опредѣленныхъ и рельефно описанныхъ образовъ прошли передъ нами разнообразные виды этого типа, зависѣвшіе отъ различныхъ способовъ рѣшенія рокового вопроса о томъ, какъ сдѣлаться европейцемъ, родившись русскимъ и рѣшивъ, что русскій—не европеецъ. Тутъ были и тѣ, которые находили, что русское надо дѣлать по-западно-европейски, и тѣ, которые стремились передѣлать русское въ западно-европейское, и тѣ, которые думали стать европейцами, оставаясь русскими, и, наконецъ, тѣ, которые находили, что необходимо перестать быть русскими. Между ними оказывались желающіе заимствовать съ Запада свѣтъ знанія, но безъ огня, и желающіе взять его цѣликомъ съ тѣмъ, чтобы не подносить однако близко къ глазамъ. Каждый изъ этихъ видовъ—арапъ Ибрагимъ, капитанъ Мироновъ, поручикъ Гриневъ, Дубровскій и Троекуровъ—все это типы, драгоцѣнные для историка. Сами по себѣ будучи продуктомъ поэтическаго вымысла, они, однако, составляютъ существенное дополненіе къ историческимъ актамъ и мемуарамъ. Галлерея заключалась историческимъ недорослемъ—не карикатурой, а простымъ и вседневнымъ явленіемъ, не лишеннымъ довольно почтенныхъ качествъ. Это былъ самый обыкновенный русскій дворянинъ средней руки, учившійся понемногу, сквозь слезы, при Петрѣ, со скукой при Екатеринѣ II, но сдѣлавшій нашу военную исторію и протоптавшій славный путь подъ руководствомъ Румянцевыхъ и Суворовыхъ. Къ этой послѣдней разновидности Пушкинъ относился съ сочувствіемъ, заставивъ капитанскую дочку предпочесть добродушнаго армейца Гринева блестящему гвардейцу Швабрину. «Историку восемнадцатаго столѣтія,—заявилъ Ключевскій,—остается одобрить и сочувствіе Пушкина и вкусъ капитанской дочки». Свое чтеніе Ключевскій закончилъ характеристикой Евгенія Онѣгина и его ближайшихъ потомковъ—Чацкаго и Печорина и указаніемъ, что заслуга Пушкина для исторіи въ томъ, что онъ далъ связную лѣтопись нашего общества въ лицахъ слишкомъ за цѣлое столѣтіе и какъ художникъ сталъ между составителемъ мемуаровъ и историкомъ, къ великой радости послѣдняго.

Рѣчь Ключевскаго, освѣтивъ творчество Пушкина съ новой стороны, произвела глубокое впечатлѣніе и вызвала во многихъ мѣстахъ шопотъ сочувствія, которое еще до конца ея выразилось въ громкихъ рукоплесканіяхъ.

Снова прошло много лѣтъ, что мы не видались, хотя довольно часто справлялись другъ о другѣ. Я зналъ отъ бывшихъ слуша-

телей его, какъ окончательно сложился въ немъ глубокій ученый и мыслитель, перешедшій отъ «Исторіи *Государства* Россійскаго» и «Исторіи *Россіи*» къ исторіи образованія личности *русскаго народа*, — и какъ развился замѣчательный художникъ, властитель гибкаго и покорнаго слова, умѣвшій не только возсоздавать историческіе образы, но и любить ихъ, воплощая ихъ въ условіяхъ ихъ времени и дѣятельности, а не трактуя ихъ горделиво съ высоты современныхъ взглядовъ. Старая, былая дѣйствительность оживала у него поэтому съ особой ясностью, не окрашенная предвзятостью. Въ его изслѣдованіяхъ и изложеніи исторія, употребляя выраженіе Цицерона, была не только vita memoriae и testis temporum, но и lux veritatis, исключавшій роль судьи тамъ, гдѣ гораздо болѣе мѣста мыслителю. Эти разсказы и отзывы подтвердились мѣрою полною, когда позднѣе я сталъ получать отъ него его превосходный курсъ исторіи съ дорогими для меня надписями на заглавной страницѣ. Я читалъ ихъ, не отрываясь, поучаясь и наслаждаясь одновременно и по нѣскольку разъ вовращаясь къ однѣмъ и тѣмъ же страницамъ. Въ моей памяти еще жилъ благородный обликъ Сергѣя Михайловича Соловьева, задушевность его тона и широкій захватъ въ его лекціяхъ «исторіи Россіи въ эпоху преобразованія». Какъ сейчасъ вижу его, какъ бы углубленнаго въ свои размышленія и наблюденія, съ полузакрытыми глазами, начинающимъ эти свои лекціи въ слегка приподнятомъ тонѣ разсказомъ о томъ, какъ «въ одномъ государствѣ царственный ребенокъ, вслѣдствіе семейной вражды, подвергался страшной опасности, спасся чудеснымъ образомъ, воспитывался въ уединеніи среди низкихъ людей, набралъ себѣ изъ среды ихъ новую храбрую дружину, одолѣлъ съ нею противниковъ и сталъ основателемъ новаго общества, новаго могущественнаго государства, проводилъ всю свою жизнь въ борьбѣ и оставилъ по себѣ двойную память: одни благословляли его, другіе проклинали»... Программа, начертанная въ этихъ словахъ, была выполнена Соловьевымъ съ чрезвычайной подробностью и удивительнымъ богатствомъ данныхъ, добытыхъ упорнымъ и неустаннымъ трудомъ. Но синтезъ всей этой сложной работы былъ сдѣланъ его ученикомъ съ неподражаемой ясностью и краткостью. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести это мѣсто изъ лекцій Ключевскаго, столь характеризующее его самого, какъ историка-мыслителя. «Петръ I,— говоритъ онъ,—своими понятіями и стремленіями близко подошелъ къ идеѣ правового государства: онъ видѣлъ цѣль государства въ добрѣ общемъ, въ народномъ благѣ, не въ династическомъ интересѣ, а средство для ея достиженія въ законности, въ крѣпкомъ

храненіи «правъ гражданскихъ и политическихъ»; свою власть онъ считалъ не своей наслѣдственной собственностью, а должностью царя, свою дѣятельность—служеніемъ государству. Но обстоятельства и привычки помѣшали ему привести свое дѣло въ полное согласіе съ собственными понятіями и намѣреніями. Обстоятельства вынуждали его работать больше въ области политики, чѣмъ права, а отъ предшественниковъ онъ унаслѣдовалъ два вредные политическіе предразсудка—вѣру въ творческую мощь власти и увѣренность въ неистощимости народныхъ силъ и народнаго терпѣнія. Онъ не останавливался ни предъ чьимъ правомъ, ни передъ какой народной жертвой. Ставъ преобразователемъ въ европейскомъ духѣ, онъ сберегъ въ себѣ слишкомъ много московскаго допетровскаго царя, не считался ни съ правосознаніемъ народа, ни съ народной психологіей и надѣялся искоренить вѣковой обычай, водворить новое понятіе такъ же легко, какъ измѣнялъ покрой платья или ширину фабричнаго сукна. Вводя все насильственно, даже общественную самодѣятельность вызывая принужденіемъ, онъ строилъ правомѣрный порядокъ на общемъ безправіи, и потому въ его правомѣрномъ государствѣ рядомъ съ властью и закономъ не оказалось всеоживляющаго элемента, свободнаго лица, гражданина».

«Я взялъ съ собою за границу,—писалъ мнѣ въ 1908 году изъ Швейцаріи старый московскій студентъ, извѣстный адвокатъ Пассоверъ, человѣкъ большого ума, съ преобладаніемъ въ немъ скептическаго и строго критическаго склада,—я взялъ съ собою курсъ русской исторіи Ключевскаго... Послушайте! вѣдь это просто геніально! этотъ трудъ такъ меня захватилъ и своей формой и своимъ содержаніемъ, что мнѣ хочется упрекнуть васъ: зачѣмъ вы не указали мнѣ на эти книги раньше, если ихъ уже читали, а если не читали, то что можете вы представить въ свое оправданіе?! Благодаря имъ я соединяю поправленіе отъ физической болѣзни съ отдыхомъ для мысли, уставшей отъ той фальсификаціи науки, которою насъ въ послѣдніе годы потчуютъ подъ разноцвѣтными ярлыками». Въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ, будучи два раза въ Москвѣ, я посѣтилъ Василія Осиповича въ его домѣ на Житной улицѣ и провелъ съ нимъ вечеръ у Н. В. Давыдова. Близорукое и бездушное преслѣдованіе «инако вѣрующихъ» въ области религіозной, пагубно для правосудія отражавшееся и на дѣятельности судебныхъ органовъ, и слѣпое, по отношенію къ будущему, подавленіе всякихъ проявленій правосознанія и самодѣятельности въ обществѣ, связанное съ суровымъ отношеніемъ къ «инако мыслящимъ», были предметами нашихъ бесѣдъ, во время которыхъ въ голосѣ и выраженіяхъ Ключевскаго звучала негоду-

ющая скорбь. Помнится, что его, какъ и встрѣченнаго мною за границей А. И. Чупрова, возмущало, но «не удивляло» противодѣйствіе, оказанное В. К. Плеве по почину статсъ-секретаря Муравьева чтенію мною публичныхъ лекцій «О нравственныхъ началахъ въ уголовномъ процессѣ». Въ это же время его смущала наша дальневосточная политика, восхваляемая нѣкоторыми органами печати, самонадѣянно и болѣе, чѣмъ преждевременно присвоившими Сѣверной Манчжуріи названіе «Желтороссіи».

Затѣмъ наступила тяжелая година 1904 года и состоялись извѣстныя засѣданія комитета министровъ, въ которыхъ откровенно было признано болѣзненное состояніе нашего внутренняго государственнаго организма и намѣчены нѣкоторые способы и средства лѣченія. Къ послѣднимъ относился восьмой пунктъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года, въ которомъ было повелѣно «устранить изъ нынѣ дѣйствующихъ о печати постановленій излишнія стѣсненія и поставить печатное слово въ точно опредѣленные закономъ предѣлы, предоставивъ тѣмъ отечественной печати, соотвѣтственно успѣхамъ просвѣщенія и принадлежащему ей вслѣдствіе сего значенію, возможность достойно выполнять высокое призваніе быть правдивою выразительницею разумныхъ стремленій на пользу Россіи». Вслѣдствіе этого 21 января 1905 года образовано было особое совѣщаніе для пересмотра дѣйствующаго цензурнаго законодательства и для составленія новаго проекта устава о печати. Въ составъ этого совѣщанія подъ предсѣдательствомъ Д. Ф. Кобеко вошли и мы съ Ключевскимъ. Исторія занятій этого совѣщанія очень поучительна, какъ примѣръ благихъ намѣреній и горячей законодательной работы, заѣденныхъ медлительностью канцелярской рутины и отсутствіемъ твердости въ столкновеніи съ мимолетной «злобой дня». Здѣсь не мѣсто касаться ея въ подробности. Достаточно лишь сказать, что въ тридцати слишкомъ ея засѣданіяхъ, начатыхъ съ единодушнымъ желаніемъ огромнаго большинства членовъ поставить печать въ нормальныя условія и освободить ее отъ обширнаго наслоенія мѣръ и распоряженій, основанныхъ на усмотрѣніи и произволѣ, былъ выработанъ проектъ устава о совершенной отмѣнѣ предварительной цензуры и о замѣнѣ ея по отношенію къ преступленіямъ печати такъ называемымъ «Objectivverfahren», при которомъ судебная кара падаетъ на сочиненіе, но не на личность автора. Грозныя событія опередили, однако, внесеніе этого устава на законодательное разсмотрѣніе, и, задержанный на своемъ пути въ теченіе пяти мѣсяцевъ бюрократическимъ квіетизмомъ, онъ былъ неожиданно для членовъ комиссіи замѣненъ прямо противоположными «временными правилами», дѣйствующими

и донынѣ тамъ, гдѣ и они въ свою очередь не замѣняются усмотрѣніемъ высшаго мѣстнаго административнаго начальства. Ключевскій принялъ близко къ сердцу задачу этого совѣщанія, пріѣзжалъ на важнѣйшія засѣданія изъ Москвы или періодически проживалъ для нихъ въ Петербургѣ, прося меня во время его отсутствія держать его въ курсѣ нашихъ работъ и вызывать его въ случаяхъ неотложной надобности въ его участіи или голосѣ. Онъ останавливался въ гостиницѣ Palais Royal, въ Пушкинской улицѣ, передъ засѣданіемъ заходилъ обыкновенно ко мнѣ, и мы вмѣстѣ ѣхали въ Маріинскій дворецъ. Раза два мы совершили то же послѣ обѣда у М. М. Стасюлевича, въ кругу главнѣйшихъ участниковъ «Вѣстника Европы», гдѣ Ключевскій былъ всегда желаннымъ гостемъ, несмотря на свою сдержанность стараго москвича, несвободнаго отъ нѣкотораго скептицизма по отношенію къ принятію «въ серьезъ» петербургскихъ взглядовъ и рѣчей.

Въ засѣданіяхъ онъ, привыкшій къ совмѣстной работѣ съ людьми болѣе или менѣе однородныхъ пріемовъ мышленія и способовъ выражаться, не безъ любопытства вглядывался въ духовную и нравственную «смѣсь одеждъ и лицъ», которая свойственна нашимъ междувѣдомственнымъ совѣщаніямъ и комиссіямъ. Тутъ были журналисты и публицисты (Стасюлевичъ, Суворинъ, Арсеньевъ, Пихно и князь Мещерскій), поэты (Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Цертелевъ), представители разныхъ вѣдомствъ, бывшіе и настоящіе начальники главнаго управленія по дѣламъ печати, сенаторы, духовныя лица (епископъ Антонинъ и др.) и, наконецъ, добровольцы, въ родѣ кіевскаго «обывателя», покойнаго Б. М. Юзефовича, постоянно остававшагося при особомъ мнѣніи и послѣ нѣсколькихъ горячихъ, но неуспѣшныхъ выступленій отрясшаго прахъ ногъ своихъ и покинувшаго совѣщаніе. Но лично Ключевскій выступалъ рѣдко, и тѣмъ съ большимъ вниманіемъ прислушивались всѣ къ его словамъ, въ которыхъ онъ являлся не только историкомъ, но и политикомъ. Такъ, онъ подробно высказался по вопросу о переходѣ отъ концессіонной системы разрѣшенія повременныхъ изданій къ системѣ явочной. Доказывая, что надо держаться практической почвы и критиковать дѣйствующій порядокъ съ точки зрѣнія права, пользы и цѣлесообразности, онъ возражалъ на заявленія противниковъ явочной системы, что она вызоветъ появленіе изданій, измѣняющихъ къ худшему самый тонъ печати, переполненіе рынка недоброкачественными газетами и ущербъ для кармана подписчиковъ. «Все это,—говорилъ онъ,—вполнѣ возможно и при концессіонной системѣ, все это у насъ уже бывало и, что всего важнѣе, миновало безъ вреда для государственнаго порядка и общественной нравствен-

ности. Десять лѣтъ тому назадъ 78 литераторовъ въ запискѣ, поданной на Высочайшее имя, засвидѣтельствовали единогласно, что концессіонный порядокъ былъ именно одною изъ причинъ вторженія промышленниковъ и спекулянтовъ въ нашу печать. Защитники дѣйствующаго у насъ порядка ищутъ опоры въ аналогіяхъ: сравниваютъ литератора съ инженеромъ, докторомъ, аптекаремъ и т. д., но аналогія сама по себѣ не разрѣшаетъ вопроса, она должна опираться на принципъ, а съ принципіальной точки зрѣнія большая разница между профессіональными правами и тѣмъ правомъ слова, одна изъ формъ котораго—право печати. Профессіональныя права пріобрѣтаются — право слова есть право личное, принадлежащее каждому полноправному гражданину, оно можетъ быть ограничено или потеряно лишь по суду или по соображеніямъ государственнымъ. Признано правда, что право слова, какъ и право союзовъ и собраній, имѣетъ политическое значеніе, что это одна изъ формъ общественной дѣятельности; но изъ этого вытекаетъ лишь обязанность подчиняться въ своей дѣятельности извѣстнымъ условіямъ, ограниченіе же самаго приступа къ пользованію печатнымъ словомъ не можетъ быть оправдано никакими политическими соображеніями: можно ли лишать человѣка права издавать газету въ виду возможныхъ, но еще не случившихся съ его стороны злоупотребленій? Это значитъ—наказывать за счетъ несодѣянныхъ преступленій. Всякій полноправный и безупречный гражданинъ въ правѣ обращаться къ той или другой формѣ печатнаго слова, не испрашивая этого права, а только подчиняясь условіямъ, какими законъ обставилъ его осуществленіе. Концессіонный порядокъ свелъ эти условія къ уничтоженію самаго права, между тѣмъ Уложеніе о наказаніяхъ предоставляетъ суду не только пріостанавливать повременное изданіе или даже прекращать его совершенно, но и лишать виновныхъ издателей и редакторовъ права на эти званія въ теченіе продолжительнаго срока, и потому судъ можетъ давать достаточную гарантію противъ злоупотребленій. Говорятъ, что переходъ отъ дѣйствующей концессіонной системы къ системѣ явочной слишкомъ крутъ. Съ этимъ трудно согласиться,— крутъ былъ бы, наоборотъ, переходъ отъ явочной системы къ концессіонной. Затѣмъ для избѣжанія перелома предлагаютъ улучшить дѣйствующую концессіонную систему изъятіемъ выдачи разрѣшеній на повременныя изданія изъ рукъ министра внутреннихъ дѣлъ и ея сосредоточеніемъ въ особомъ внѣвѣдомственномъ учрежденіи изъ высшихъ судебныхъ и административныхъ чиновъ, самое положеніе которыхъ гарантировало бы правильную, послѣдовательную и безпристрастную оцѣнку всѣхъ происходящихъ въ области печатнаго слова явленій. Предполагалось даже ввести въ составъ

такого учрежденія членовъ Академіи наукъ. На первый взглядъ, такое соединеніе въ единой коллегіи представителей права, политики и науки очень привлекательно, только трудно догадаться, какъ будетъ дѣйствовать совмѣстно такая смѣшанная коллегія. Особенное недоумѣніе вызываетъ вопросъ, что дѣлать въ ней членамъ Академіи наукъ. У науки одинъ критерій—критика научная и художественная, а тутъ академикамъ придется разрѣшать вопросы чисто полицейскіе. На какихъ, наконецъ, данныхъ будетъ подобная коллегія основывать свои рѣшенія? Безъ собственныхъ развѣдочныхъ органовъ она принуждена будетъ обращаться за справками во всѣ вѣдомства. Такимъ образомъ, изъ *внѣвѣдомственной* она должна будетъ превратиться во *всевѣдомственную* и отъ всѣхъ вѣдомствъ зависимую; единоличное усмотрѣніе замѣнится усмотрѣніемъ коллегіальнымъ, что едва ли будетъ улучшеніемъ...»

При обсужденіи ст. 140 цензурнаго устава, предоставлявшей министру внутреннихъ дѣлъ право, по соображеніямъ высшаго правительства, налагать печать молчанія на уста періодическихъ изданій по тому или другому вопросу государственной важности, статьи, выродившейся на практикѣ въ ничѣмъ не оправдываемыя запрещенія говорить о тотализаторѣ и о допингѣ, о болѣзняхъ и перемѣщеніяхъ должностныхъ лицъ, о «поповкахъ» черноморскаго флота и т. п.,—Ключевскій высказалъ, что статья эта представляется ему занесенною изъ какого-то другого документа и носитъ на себѣ слѣды болѣе литературной, чѣмъ законодательной обработки, судя по выраженіямъ, съ трудомъ поддающимся юридическому анализу («высшее правительство», «вопросы государственной важности»). Одна изъ главныхъ цѣлей этой статьи—предупредить разглашеніе тайнъ того или другого вѣдомства. Но эта цѣль касается больше скромности подвѣдомственныхъ канцелярій, чѣмъ самой печати. Это въ значительной мѣрѣ вопросъ служебной дисциплины, а не свободы печатнаго слова. Въ примѣненіи своемъ, эта статья иногда какъ будто стыдилась самой себя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—говорилъ намъ Ключевскій,—министръ народнаго просвѣщенія, во время студенческихъ волненій, посѣщалъ въ Москвѣ высшія учебныя заведенія, говорилъ съ профессорами, успокоительно бесѣдовалъ со студентами. Но періодическая печать, удрученная циркулярами о безусловномъ запрещеніи печатать какія-либо извѣстія о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, молчала объ этихъ бесѣдахъ. Тогда по редакціямъ разосланъ былъ циркуляръ отъ 17 февраля 1902 года, разрѣшавшій или даже предписывавшій «болѣе свободно» печатать о министрѣ народнаго просвѣщенія. Лучше совсѣмъ отмѣнить спорную статью, чѣмъ улучшать ее какими-либо ограниченіями, ко-

торыя на практикѣ превратятся въ излишнія стѣсненія для печати. Предметы, печатное обсужденіе которыхъ *въ извѣстный моментъ* будетъ неудобнымъ, должны быть указаны въ общемъ законодательствѣ, а не въ спеціальномъ уставѣ о печати, и самое примѣненіе этихъ указаній нужно урегулировать какимъ-либо законодательнымъ способомъ, съ наименьшимъ участіемъ административнаго усмотрѣнія... Особенно горячо выступалъ онъ нѣсколько разъ противъ сохраненія обособленной духовной цензуры. Онъ указывалъ, что надо *въ дѣйствительности* освободить печать отъ излишнихъ стѣсненій. Однимъ изъ нихъ несомнѣнно является духовная цензура. Отдѣлъ устава объ этой цензурѣ, составленный въ 1828 году, на практикѣ привелъ къ чрезвычайному произволу, заставляющему не понимать, какъ могла еще существовать при немъ духовная литература. Нельзя разсматривать духовную цензуру, какъ спеціальную, въ родѣ медицинской или драматической. Цензурный уставъ дѣло полицейское, а церковь должна умѣть сама защищать себя.— Въ подтвержденіе своего взгляда на шаткость основаній, которыми руководится духовная цензура, онъ разсказалъ намъ, что разъ покойный Борисъ Николаевичъ Чичеринъ принесъ ему большую кипу листовъ, прося провести это чрезъ духовную цензуру. Онъ далъ рукопись на просмотръ цензору-профессору московской духовной академіи, и чрезъ недѣлю тотъ сказалъ ему: «если вы формально представите намъ это сочиненіе, мы запретимъ, а если напечатаете, какъ свѣтское, мы придираться не будемъ». Такъ появилась замѣчательная книга Чичерина «Наука и религія». Въ своихъ возраженіяхъ защитникамъ этой цензуры Ключевскій очертилъ ея своеобразную исторію. «Практика сначала пыталась создать цензуру *мнѣній*,—говорилъ онъ,—но это не удалось, и явилась цензура *корректуръ*. Цензоръ поправлялъ корректуру, выбрасывалъ одно, вставлялъ отъ себя другое, измѣнялъ третье, и такъ появилась цѣлая литература поддѣльныхъ книгъ, въ которыхъ подъ именемъ автора печатался цензоръ. Къ шестидесятымъ годамъ развитіе литературы пошло такъ широко, что духовная цензура не могла его удержать, и потому гражданскою литературою перестала интересоваться, а остановилась на произведеніяхъ людей своего вѣдомства, сдѣлалась цензурою писателей изъ духовнаго вѣдомства. Я удивляюсь, какъ еще сохранилась у молодежи энергія работать. Изъ корректурной обратясь въ сословную, цензура стала преслѣдовать авторовъ изъ своего вѣдомства и стала сливаться съ критикою. Тутъ и не разберешь, гдѣ кончается разборъ чужого мнѣнія и гдѣ начинается полемика съ чужимъ мнѣніемъ. Полный произволъ: цензоръ, не уполномоченный церковью и не обладающій авторитетомъ церкви, говоритъ автору,

что сочиненіе не годится, и писатель долженъ подчиниться»... Особенно горячо возсталъ онъ противъ предложенія епископа Антонина о необходимости включить въ уставъ о печати постановленіе о правѣ церковной власти провѣрять содержаніе духовныхъ книгъ и высказывать по нему свой судъ и осужденіе. «Никогда съ этимъ не соглашусь!—воскликнулъ Ключевскій.—Уставъ—полицейское дѣло. У Церкви есть право обличенія, вразумленія, поученія, все это права чисто нравственнаго свойства, этого и довольно. Но избави Богъ, если будетъ включено въ уставъ о печати право Церкви высказываться о содержаніи печатныхъ произведеній и произносить по нимъ свой судъ! Какъ примирить институтъ духовной цензуры съ тѣмъ общимъ положеніемъ, что единственный критерій вѣры—Евангеліе и что единственный судья его толкованія—Вселенскій Соборъ? Ни право Церкви высказывать свое осужденіе, ни право писателя получать одобреніе Св. Синода—не дѣло устава о цензурѣ. У Церкви есть одинъ только авторитетъ—Священное Писаніе. Ужели имѣется въ виду создать и въ Россіи index librorum prohibitorum, какъ на Западѣ? Тамъ этотъ индексъ представляетъ изъ себя книгу въ 900 страницъ, съ очень любопытными отзывами. Были попытки въ древней Руси составить списки «отреченныхъ» книгъ, но, слава Богу, эти попытки не удались нашимъ предкамъ; не привилось у насъ это шпіонство религіозныхъ убѣжденій, и къ концу XVI вѣка списки запретныхъ книгъ исчезли изъ употребленія. У Церкви нѣтъ власти, а только нравственный авторитетъ. Всякая власть есть *по необходимости*, насиліе, а Церковь должна быть чужда насилія».

Въ концѣ мая 1905 года Ключевскій вернулся въ Москву. Но событія смѣнялись такъ быстро и неожиданно, вліяя на взгляды и настроенія, что въ концѣ іюля онъ вновь прибылъ въ Петербургъ для принятія участія въ другомъ совѣщаніи, имѣвшемъ гораздо болѣе важную задачу, окончательно выразившуюся въ указѣ Сенату 6 августа 1905 года объ учрежденіи законосовѣщательной Государственной Думы. Намъ не удалось увидѣться, такъ какъ я проводилъ лѣто въ Сестрорѣцкомъ курортѣ, откуда выѣзжалъ рѣдко, но я слышалъ изъ достовѣрнаго источника, что Ключевскому пришлось отстаивать сохраненіе за Думой права законодательнаго почина и безсословность выборовъ въ нее, ссылаясь на то, что его—историка и знатока народной души и міросозерцанія—пугаютъ послѣдствія возникновенія въ народномъ воображеніи представленія о сословномъ Царѣ, блюдущемъ интересы лишь одного какого-либо класса своего государства. Осенью 1905 года онъ писалъ мнѣ: «Вмѣстѣ со всѣми, кому дороги успѣхи русскаго

общественнаго правосознанія и русскаго свободнаго слова, привѣтствую васъ глубокимъ товарищескимъ поклономъ въ день исполнившагося сорокалѣтія вашей службы. Тревожныя дѣла въ университетѣ, къ прискорбію моему, не позволяютъ мнѣ пріѣхать въ Петербургъ и лично поздравить васъ. Лѣтомъ я много жалѣлъ, что уже не засталъ васъ въ Петербургѣ, а суета и тревоги, среди которыхъ проходили мои петербургскіе дни, помѣшали мнѣ навѣстить васъ въ Сестрорѣцкѣ: мнѣ очень недоставало вашего общества и совѣта о текущихъ событіяхъ». Мы видѣлись въ послѣдній разъ—на очень короткое время,—когда онъ пріѣзжалъ на выборы въ Государственный Совѣтъ отъ Академіи и университетовъ. Хотя и уклонившись отъ принятія званія члена Государственнаго Совѣта и всецѣло отдавшись своей ученой жизни, а затѣмъ тяжко потрясенный семейной утратой, онъ, тѣмъ не менѣе, судя по одному изъ писемъ ко мнѣ, съ лихорадочнымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми «муками рожденія» нашего обновляемаго государственнаго строя. Онъ высоко ставилъ самый фактъ существованія Государственной Думы и далеко не раздѣлялъ тѣхъ порицаній и опасеній, которыя вызвали роспускъ Думы перваго призыва, очень его взволновавшій. «Присматриваясь къ дѣятельности этой Думы,—писалъ онъ мнѣ 21 іюля 1906 года,—я былъ вынужденъ признать два факта, которыхъ не ожидалъ: это—быстрота, съ какою сложился въ народѣ взглядъ на нее, какъ на самый надежный органъ законодательной власти, и потомъ безспорная умѣренность господствующаго настроенія, ею проявленнаго. Это настроеніе авторитетнаго въ народѣ учрежденія неизмѣримо умѣреннѣе той революціонной волны, которая начинаетъ насъ заливать, и существованіе Думы—это самое меньшее, цѣною чего можетъ быть достигнуто безкровное успокоеніе страны». Гораздо суровѣе относился онъ къ Верхней Палатѣ того времени, упрекая ее въ дилетантизмѣ и склонности къ застою...

Членъ-корреспондентъ въ 1889 году и вслѣдъ затѣмъ съ 1900 года ординарный академикъ историко-филологическаго отдѣленія Академіи наукъ, Ключевскій по непререкаемому праву вошелъ въ среду высшаго ученаго учрежденія Россіи. Но въ составѣ академіи съ 1899 года былъ образованъ Разрядъ изящной словесности, а Ключевскій, независимо отъ своихъ ученыхъ заслугъ, былъ выдающійся художникъ, мастеръ русскаго слова и стилистъ. Члены Разряда могли сказать про него, повторяя извѣстное изреченіе: «rien ne manque à sa gloire—il manque à la nôtre», и въ ноябрѣ 1908 года онъ былъ единогласно избранъ въ почетные академики даже безъ баллотировки. На извѣщеніе мое объ этомъ

онъ отвѣтилъ письмомъ отъ 13 ноября, которое позволяю себѣ привести цѣликомъ, въ виду высказанныхъ въ немъ взглядовъ на значеніе писателей, какъ общественныхъ типовъ. «Пребольшое вамъ спасибо,—пишетъ онъ,—за ваше участіе въ моемъ избраніи. Оно смутило меня; читая извѣстительную телеграмму, я спросилъ себя: за что? Но въ подписяхъ я прочиталъ имена, которыя привыкъ произносить съ глубокимъ уваженіемъ и любовью, и они меня успокоили. Вы спрашиваете, какъ мнѣ живется. И такъ и сякъ. Лѣто закончилъ воспаленіемъ горла, поправился въ Крыму, а теперь опять расклеиваюсь, простужаясь то и дѣло. Эти передряги и мѣшали мнѣ быть исправнымъ вашимъ корреспондентомъ. Но не вините меня за то строго: я умѣю цѣнить Ваши письма и только не умѣю своевременно отвѣчать на нихъ. Не знаю, какъ благодарить васъ за присланную вами статью о гр. Л. Н. Толстомъ и за «Отрывки изъ воспоминаній». Не буду разборчивъ въ выраженіяхъ, напишу первыми попавшимися словами. Во-первыхъ, «Отрывки» заставили меня пережить чуть не половину моей жизни, 60-е, 70-е и 80-е гг. минувшаго столѣтія, и это вторичное переживанье пополнило мои личныя воспоминанія и во многомъ ихъ исправило. А потомъ вы прямо-таки открыли мнѣ Тургенева, Достоевскаго, Некрасова, Писемскаго, превратили литературные силуэты, какими они мнѣ представлялись, въ живые, яркіе образы. И знаете, за что я вамъ особенно благодаренъ? Изъ вашихъ разсказовъ, столь для меня новыхъ, я не вынесъ разочарованій, напротивъ, обогатилъ только запасъ своихъ сочувствій: въ ежедневной дѣйствительности, какъ вы изобразили этихъ мастеровъ, въ конкретнѣйшихъ, иногда мелкихъ случаяхъ ихъ жизни, вами разсказанныхъ, они не менѣе привлекательны, даже нерѣдко привлекательнѣе, чѣмъ въ своихъ произведеніяхъ. Сколько въ нихъ, думалось мнѣ при чтеніи вашихъ воспоминаній,—сколько въ нихъ историческаго и вмѣстѣ сколько трагическаго! Не каждый изъ нихъ носилъ на шейномъ шнуркѣ мундштукъ вмѣсто креста подобно Писемскому; но на плечахъ каждаго, не исключая и Писемскаго, тяготѣлъ крестъ русской жизни. Желалъ бы я видѣть смѣльчака, историка *той*, т.-е. нашей, эпохи, который рѣшился бы обойтись безъ Тургенева, Достоевскаго и т. д. не въ главѣ о литературѣ, а въ отдѣлѣ объ общественныхъ типахъ, и вамъ въ этомъ отдѣлѣ волей-неволей придется занять въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ мѣсто пушкинскаго Пимена.—Только что прочиталъ продолженіе вашихъ судебныхъ воспоминаній въ послѣдней книжкѣ «Русской Старины». Это—изнанка той же эпохи, и можно только позавидовать безгрѣшной завистью, съ какихъ разнообразныхъ

сторонъ пришлось вамъ взглянуть на жизнь своего времени. Новые разсказы поразили меня не менѣе прежнихъ. Семья чиновника NN останется въ моей памяти такимъ же *глубокимъ рубцомъ*, какъ и игуменія Митрофанія. Не сердитесь на меня, дорогой Анатолій Ѳедоровичъ, за мои признанія: я знаю, они вамъ не нужны; но вы вѣдь въ нихъ виноваты. Вы спрашиваете, прислать ли ваши рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ объ университетѣ Шанявскаго и по другимъ вопросамъ?—Я прошу васъ объ этомъ. Мало того: я надѣюсь, пріѣхавъ въ Петербургъ (чего на свѣтѣ не бываетъ!), услышать вашъ разсказъ объ одномъ дѣлѣ, вами мнѣ обѣщанный. Видите, какъ я иногда памятливъ. Я былъ очень огорченъ извѣстіемъ о прекращеніи «Вѣстника Европы»: безъ «Вѣстника Европы» я не понимаю русской журналистики, какъ не понимаю очковъ безъ стеколъ. Но слава Богу: очки останутся со стеклами. Хотѣлось бы узнать что-нибудь о М. М. Стасюлевичѣ. Хорошо помню его «день субботній». До свиданія. Не обходите меня ни письмами, ни литературными произведеніями: тѣ и другія для меня лѣкарства отъ моихъ недуговъ. Душевно Вамъ преданный В. Ключевскій».

Согласно его желанію, я посылалъ ему стенографическіе отчеты засѣданій Верхней Палаты по вопросамъ особой важности и обѣщалъ прислать таковой и по обсужденію законопроекта о свободѣ совѣсти, вопросъ о которой онъ въ нашихъ бесѣдахъ считалъ однимъ изъ самыхъ коренныхъ и неотложныхъ. Но этого сдѣлать не пришлось. Засѣданія по законопроекту произошли уже чрезъ полгода послѣ того, какъ навсегда смежились уста моего стараго университетскаго товарища. Можетъ быть, это для него и къ лучшему... Едва ли въ памяти покойнаго не «остались бы рубцомъ»,—самая возможность—послѣ великодушныхъ возвѣщеній указа 23 апрѣля 1905 года—беззастѣнчиваго предложенія лишать переходящихъ изъ православія въ другія христіанскія исповѣданія права поступать на государственную службу, а уже находящихся на ней исключать изъ нея, или принятіе большинствомъ поправки объ обращеніи въ православную вѣру малолѣтнихъ иновѣрцевъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, безъ согласія ихъ родителей.

Съ горестью пришлось узнать о кончинѣ Василія Осиповича... Онъ такъ много еще могъ бы дать русской наукѣ и русскому обществу, владѣя тайной художественнаго внушенія и имѣя даръ внушенія нравственнаго,—вліяя на читателя и слушателя одновременно и красотою и совѣстью своего таланта... Но тотъ же цитированный мною вначалѣ поэтъ сказалъ: «всякое пламя приноситъ себя въ жертву: чѣмъ ярче оно пылаетъ, тѣмъ ближе оно къ гибели...»

А. Ѳ. Кони.

В. О. Ключевскій, какъ преподаватель.

Двадцать семь лѣтъ тому назадъ обаяніе имени Василія Осиповича Ключевскаго привлекло меня въ московскій университетъ съ юго-восточной окраины Россіи. Въ 1884 году я впервые увидѣлъ и услышалъ своего будущаго учителя. Я живо представляю себѣ Ключевскаго, какимъ я увидѣлъ его тогда, входящаго на каѳедру въ несуществующей уже теперь «большой словесной» аудиторіи московскаго университета, чтобы начать намъ, первокурсникамъ, свой общій курсъ русской исторіи. Пока Василій Осиповичъ усаживался на каѳедрѣ—тогда онъ читалъ сидя, только впослѣдствіи онъ сталъ читать не иначе, какъ стоя,—мы пристально всматривались въ его лицо, обрамленное въ то время небольшой, нѣсколько заостренной черной бородкой и черными же волосами на головѣ, одна прядь которыхъ всегда характерно свѣшивалась поперекъ лба. Его лицо приковывало къ себѣ вниманіе необыкновенной нервной подвижностью, за которой сразу чувствовалась утонченная психическая организація. Только главное украшеніе этого лица, удивительные по выразительности и глубинѣ взгляда глаза оставались по большей части полускрытыми, вытянутыми въ щелки вслѣдствіе сильной близорукости Василія Осиповича и лишь временами, на краткій мигъ сверкали они на аудиторію чернымъ огнемъ, довершая своимъ одухотвореннымъ блескомъ силу обаятельности этого лица.

«Таковъ и долженъ быть истинный ученый, погруженный въ сложную работу духа», думалъ я, пока Ключевскій еще не произнесъ ни слова.

А затѣмъ зазвучала тихая рѣчь Василія Осиповича, безпрерывно поражавшая неожиданно-своеобразными интонаціями, ослѣпительно-яркими образами, оригинальнѣйшими оборотами пытливой и острой, какъ сталь, мысли.

И аудиторія сидѣла покоренная, очарованная, вся отдавшаяся во власть могучаго таланта.

Попытаемся же отдать себѣ отчетъ въ источникѣ того очаро-

ванія, которое испытывали слушатели Ключевскаго у подножія его каѳедры.

Исторической наукѣ свойственна роковая особенность. Для успѣшнаго проникновенія въ ея тайны необходима совмѣстная работа такихъ умственныхъ силъ, которыя чрезвычайно рѣдко въ равной мѣрѣ совмѣщаются въ одномъ человѣкѣ. Нельзя быть историкомъ, не умѣя открывать въ пестрой сутолокѣ жизненныхъ фактовъ объединяющей ихъ законосообразности. Безъ этого дара не будетъ историка, будетъ только разсказчикъ, ибо пережить прошлое въ своемъ воображеніи еще не значитъ понять его. Но нельзя также быть историкомъ, не умѣя мысленно представить себѣ и возсоздать словомъ передъ другими явленій прошлаго во всей ихъ конкретности, во всемъ ихъ индивидуальномъ своеобразіи, во всей сочности присущихъ имъ жизненыхъ красокъ. Безъ этого дара конкретнаго возсозданія былой жизни не будетъ историка, будетъ, только резонирующій діалектикъ, играющій словесными формулами, ибо дѣйствительный матеріалъ исторіи состоитъ не изъ совокупности отвлеченныхъ формулъ, а изъ повседневной сутолоки отдѣльныхъ жизненыхъ явленій.

И каждый историкъ тѣмъ ближе подойдетъ къ дѣйствительной сущности своей науки, чѣмъ равномѣрнѣе и гармоничнѣе совмѣщаются въ его умѣ и способность силою воображенія стать лицомъ къ лицу передъ матеріаломъ былыхъ жизненныхъ фактовъ, и способность обнаружить надъ этимъ матеріаломъ обобщающую власть своей мысли.

Я не знаю историка, въ умѣ котораго эти два столь разнородные дара были бы совмѣщены въ болѣе равномѣрной пропорціи, нежели то было у Ключевскаго. Эта-та именно счастливая особенность ума нашего знаменитаго историка сдѣлала его заразъ и замѣчательнѣйшимъ ученымъ изслѣдователемъ и геніальнымъ преподавателемъ своей науки.

Благодаря этой-то особенности своего умственнаго склада онъ, какъ ученый, могъ дѣлать неожиданныя открытія въ области своего предмета, возсоздавая цѣлыя эпохи, отличительные признаки которыхъ не удавалось учесть другимъ изслѣдователямъ, или впервые разъясняя истинный характеръ такихъ институтовъ древности, которые были извѣстны и ранѣе, но сущность которыхъ ускользала отъ пониманія прочихъ спеціалистовъ. Какъ на примѣръ возсозданія Ключевскимъ цѣлой исторической эпохи, цѣлой исторической формаціи, которую ранѣе никто не сумѣлъ отыскать между строкъ древнихъ лѣтописей и документовъ, можно указать на замѣчательныя главы «Боярской Думы», посвященныя изображенію внутрен-

няго устройства сѣверо-восточныхъ удѣльныхъ княжествъ. Правда, еще Соловьевъ отмѣтилъ общіе признаки отличія этихъ сѣверо-восточныхъ удѣловъ отъ болѣе древнихъ княжествъ южнаго Приднѣпровья. Но вѣдь только Ключевскій—и никто ранѣе его—возсоздалъ во всей конкретности и отчетливости тотъ своеобразный міръ отношеній и порядковъ, который мы привыкли теперь называть жизненнымъ укладомъ удѣльной эпохи. А въ качествѣ образца удивительнаго мастерства, съ которымъ Ключевскій конструировалъ отдѣльные институты древности, достаточно назвать его изслѣдованія о происхожденіи крѣпостного права или о земскомъ соборномъ представительствѣ въ московскомъ государствѣ.

И та же самая особенность его ума, отмѣченная выше, давала ему, какъ преподавателю, могучую, всепокоряющую власть надъ аудиторіей и дѣлала для насъ изъ его лекцій истинный праздникъ духовнаго наслажденія.

Своими лекціями съ каѳедры Ключевскій практически разрѣшалъ столь спорный вопросъ о значеніи лекціоннаго способа университетскаго преподаванія. Часто не безъ основанія говорятъ: зачѣмъ читать съ каѳедры то, что можетъ быть съ удобствомъ напечатано въ формѣ книги и съ чѣмъ всякій будетъ имѣть возможность познакомиться путемъ чтенія, не утруждая себя хожденіемъ въ аудиторію? Нельзя не признать это возраженіе противъ лекціонной системы весьма серьезнымъ. И только въ двухъ случаяхъ это возраженіе совершенно отпадаетъ.

Во-первыхъ, ученый можетъ посвящать свои лекціи, читаемыя съ каѳедры, ознакомленію аудиторіи съ ходомъ своихъ текущихъ научныхъ изысканій, вводя слушателей внутрь своей ученой лабораторіи, сообщая имъ пріемы и подробности тѣхъ своихъ кабинетныхъ изслѣдовательскихъ работъ, которыя еще не достигли законченности, необходимой для ихъ обнародованія въ печати.

Ключевскій, однако, не шелъ этимъ путемъ. Онъ строго различалъ задачи университетскаго курса и монографическаго изслѣдованія. Всего лучше можно убѣдиться въ этомъ, сравнивъ его монографіи о крѣпостномъ правѣ или о земскихъ соборахъ съ соотвѣтствующими отдѣлами его университетскаго курса. При такомъ сравненіи наглядно выясняется, съ какой послѣдовательностью и съ какимъ искусствомъ устранялъ онъ изъ курса громоздкій спеціальный аппаратъ своихъ изслѣдованій, чтобы тѣмъ выпуклѣе, тѣмъ скульптурнѣе представить вниманію аудиторіи свои конечные выводы и обобщенія. Съ каѳедры онъ читалъ то самое, что мы находимъ и въ печатномъ текстѣ его курса, не считая, разумѣется, второстепенныхъ, мелкихъ варіацій.

И все-таки, кто изъ слышавшихъ лекціи Ключевскаго не согласится съ тѣмъ, что слушатель его лекцій получалъ нѣчто бо́льшее, нежели читатель его курса? И развѣ мы, его бывшіе слушатели, перечитывая теперь этотъ курсъ, не дополняемъ каждый разъ читаемаго невольнымъ воспроизведеніемъ въ своей памяти голоса, интонацій, игры лица нашего учителя и развѣ это мысленное воспроизведеніе не помогаетъ намъ глубже проникнуть въ намѣренія автора этого курса? Для тѣхъ, кто не слышалъ курса Ключевскаго изъ собственныхъ устъ профессора, печатный текстъ этого курса навсегда останется нотами, секретъ исполненія которыхъ исчезъ безвозвратно. Велико наслажденіе читать этотъ курсъ, но оно даетъ лишь отдаленное понятіе о томъ наслажденіи, которымъ сопровождалось слушаніе его съ каѳедры. Этимъ дается и второй возможный отвѣтъ по вопросу о лекціонной системѣ университетскаго преподаванія: чтобы чтеніе лекцій сохраняло свое значеніе, несмотря на существованіе книгопечатанія, нужно читать ихъ такъ, чтобы самый способъ ихъ произнесенія создавалъ особенно благопріятное условіе для проникновенія въ смыслъ читаемаго. Наивысшей степенью этого дара и обладалъ Ключевскій. Я хотѣлъ бы, чтобы меня поняли. Я говорю не объ эстетическихъ эмоціяхъ отъ мастерского чтенія. Конечно, такія эмоціи играли важную роль въ притягательной силѣ лекцій Ключевскаго, но я считаю нужнымъ отмѣтить, что въ способѣ чтенія лекцій знаменитымъ историкомъ получали свое удовлетвореніе и чисто *научно-преподавательскія* задачи. Я хочу сказать, что на способѣ произнесенія лекцій нашимъ учителемъ ярко отражался и непосредственно передавался слушателямъ самый складъ его научнаго мышленія. Вотъ почему, хотя бы порой и безсознательно, мы цѣнили слушаніе его лекцій независимо отъ ихъ прочтенія по литографіи или по книгѣ, не только ради эстетическаго наслажденія, но и въ цѣляхъ самаго изученія предмета.

Лекторскими пріемами Ключевскаго какъ-то неуловимо, но тѣмъ не менѣе необыкновенно сильно подчеркивалась составлявшая наиболѣе характерную черту его научнаго мышленія *конкретная основа его сложныхъ и тонкихъ научныхъ обобщеній.*

Когда Ключевскій произносилъ свои лекціи, съ виртуознымъ искусствомъ обозначая соотвѣтственными интонаціями всякій оттѣнокъ своей мысли, тогда всѣ отчетливо чувствовали, съ какой прозрачной ясностью представляетъ себѣ лекторъ тѣ явленія историческаго прошлаго, на которыхъ онъ строилъ свои обобщающіе выводы. Для меня несомнѣнно, что Ключевскій въ теченіе своей рѣчи мысленно *видѣлъ* передъ собою то, о чемъ онъ говорилъ.

Отсюда вытекало его могущественное воздѣйствіе на аудиторію въ въ смыслѣ психическаго ея зараженія. Необходимый при всякаго рода публичныхъ выступленіяхъ съ устнымъ словомъ психическій контактъ между лекторомъ и его слушателями можетъ достигаться различными путями. Есть ораторы, которые заражаютъ аудиторію собственной возбужденностью, собственнымъ повышеннымъ настроеніемъ. Но это годится лишь при извѣстныхъ условіяхъ и въ особыхъ случаяхъ, когда самая цѣль чтенія способна возбуждать страсти и самый предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, является боевымъ кличемъ, волнующимъ сердца. Это годится скорѣе для политическаго митинга, нежели для академической лекціи. На лекціяхъ Ключевскаго, подъ обаяніемъ рѣчи профессора, многочисленная аудиторія нерѣдко превращалась какъ бы въ единое существо—до того всѣ сливались въ общемъ восхищенномъ вниманіи, но источникъ этого духовнаго подъема аудиторіи здѣсь былъ иной. Лекторъ захватывалъ и покорялъ вниманіе слушателей именно той необычайной отчетливой конкретностью, съ какой онъ самъ представлялъ себѣ предметъ своего чтенія, а потому и своихъ слушателей ставилъ какъ бы лицомъ къ лицу съ разъясняемыми историческими явленіями и процессами. Тихо звучала съ каѳедры рѣчь Ключевскаго, и мы чувствовали себя, слушая ее, необыкновенно *близко* отъ предмета лекціи, какъ будто тутъ, въ самой аудиторіи, проносилось надъ нами вѣяніе историческаго прошлаго. Спѣшу напомнить при этомъ, что въ курсѣ Ключевскаго очень небольшое мѣсто занимаетъ элементъ разсказа, чисто фактическаго повѣствованія; онъ вплетается въ изложеніе курса лишь временами, каждый разъ на краткій моментъ, только въ качествѣ иллюстрирующихъ эпизодовъ. Почти все содержаніе курса составляетъ не повѣствованіе, а объясненіе, не разсказъ, но анализъ общихъ политическихъ и соціальныхъ процессовъ народной жизни. Но именно этотъ отвлеченный матеріалъ Ключевскій, какъ никто, умѣлъ предлагать вниманію слушателей въ наглядно-конкретной формѣ, такъ что всѣмъ чувствовалось, что его обобщенія не висятъ въ воздухѣ, не вымотаны сами изъ себя, но, какъ медъ съ цвѣтовъ, сняты съ зорко и отчетливо обслѣдованныхъ историческихъ фактовъ.

Бывали и въ лекціяхъ Ключевскаго патетическія мѣста, когда голосъ лектора спускался почти до шопота и слова выговаривались съ особенною многозначительною медленностью и аудиторія замирала въ жуткомъ волненіи. Такъ бывало, наприм., когда Ключевскій описывалъ Ивана Грознаго по его возвращеніи въ Москву изъ бѣгства въ Александровскую слободу и ярко обрисовывалъ, какъ разрушительно подѣйствовала на организмъ Грознаго пере-

несенная имъ только что «нравственная лихорадка», или когда цитировалъ трогательныя мѣста изъ переписки царя Алексѣя Михайловича и т. п. Большею частью въ этихъ случаяхъ, доведя слушателей до напряжнѣйшей взволнованности, Ключевскій внезапно давалъ выходъ изъ этого напряженія неожиданной нотой комическаго сарказма, и аудиторія, за минуту до того едва переводившая духъ въ глубокомъ молчаніи, вдругъ разражалась продолжительнымъ бурнымъ смѣхомъ. Помните, наприм., какъ при характеристикѣ царя Алексѣя Михайловича Ключевскій, давъ аудиторіи вдоволь умилиться надъ сердечностью писемъ этого царя, приступалъ затѣмъ къ объясненію переходнаго характера занятой этимъ царемъ политической и жизненной позиціи и быстро исчерпывалъ эту тему образнымъ сравненіемъ царя Алексѣя съ человѣкомъ, который лишь поднялъ одну ногу, чтобы переступить завѣтную черту въ новый для него міръ, да такъ и остался на всю жизнь въ столь неудобной позѣ.

Эти неожиданныя смѣны нѣжнаго паѳоса яркимъ сарказмомъ вдругъ давали почувствовать, что лекторъ, такъ близко подводящій слушателей къ предмету лекцій, самъ все время остается полнымъ властителемъ своего матеріала, всегда стоитъ надъ нимъ, подчиняя его силѣ своего анализа и строгости своей ироніи. И это обстоятельство удваивало власть лектора надъ аудиторіей, ибо аудиторія всегда инстинктивно требуетъ, чтобы лекторъ, заставляя ее волноваться, самъ оставался твердымъ господиномъ своихъ чувствъ и настроеній.

Такъ, удивительный даръ схематизаціи сочетался въ Ключевскомъ съ яркимъ чутьемъ конкретнаго. Если онъ настойчиво училъ изъ-за деревьевъ не упускать изъ виду лѣса, то, съ другой стороны, и самый этотъ лѣсъ изучаемыхъ имъ историческихъ явленій интересовалъ его не только своими общими очертаніями, какъ смутное пятно, виднѣющееся на горизонтѣ историческаго кругозора, но и всѣмъ шумомъ копошащейся въ этомъ лѣсу дѣйствительной жизни. Лишь конкретныя наблюденія надъ историческими фактами считалъ онъ надежной отправной точкой для серьезныхъ, обобщающихъ выводовъ и потому-то онъ неизмѣнно стремился къ тому, чтобы научныя схемы историческаго процесса отнюдь не стирали пестроты и многообразія жизненныхъ явленій, а наоборотъ, вбирали эту пестроту и многообразіе въ свои рамки.

Изъ этихъ методологическихъ посылокъ вытекало и особенное отношеніе Ключевскаго къ такъ называемому сравнительно-историческому методу изученія исторіи. Въ противоположность увлеченіямъ многихъ соціологовъ, склонныхъ понимать примѣненіе этого метода въ

смыслѣ выдвиганія на первый планъ *сходственныхъ* чертъ въ однородныхъ явленіяхъ различныхъ мѣстныхъ исторій, Ключевскій обнаруживалъ всегда особенный интересъ къ опредѣленію мѣстныхъ варіацій историческихъ процессовъ, къ изученію своеобразія каждой мѣстной исторіи. Конечно, этотъ интересъ вытекалъ у него не изъ отрицанія общихъ законовъ развитія человѣческихъ обществъ. Какъ разъ наоборотъ. Онъ полагалъ, что эти общіе законы всего успѣшнѣе могутъ быть выявлены именно путемъ предварительнаго учета всѣхъ мѣстныхъ варіацій, безъ достаточнаго вниманія къ которымъ примѣненіе сравнительно-историческаго метода легко сбивается на слишкомъ скудные содержаніемъ шаблоны и вмѣсто отысканія единства въ многообразіи нерѣдко получается голословное отрицаніе подлиннаго многообразія исторической дѣйствительности ради какой-то фантастической, произвольно придуманной, чисто книжнымъ путемъ выведенной однотонности историческаго процесса. А Ключевскій дорожилъ лишь такими научными схемами, которыя не мертвили, а оживотворяли историческій матеріалъ, не суживали, а расширяли подлежащее научному объясненію богатство историческихъ наблюденій.

Это постоянное стремленіе Ключевскаго къ конкретизаціи историческаго анализа чувствовалось и въ такихъ излюбленныхъ имъ преподавательскихъ пріемахъ изложенія, какъ аналогіи и сравненія. Въ цѣляхъ наглядности историческаго изученія онъ любилъ уподоблять явленія древней жизни тому, что слушателямъ было знакомо изъ окружающей ихъ дѣйствительности. Съ этимъ пріемомъ нерѣдко встрѣчаешься въ его лекціяхъ. Начальника Челобитнаго приказа XVI столѣтія онъ называетъ, наприм., статсъ-секретаремъ у принятія прошеній на Высочайшее имя; Боярскую думу XVI—XVII вв. онъ сравниваетъ съ совѣтомъ министровъ и т. п. Эти пояснительныя уподобленія никогда, однако, не переходили у него въ то, что мы называемъ модернизаціей исторической старины. Скорѣе можно сказать, что онъ употреблялъ такія уподобленія лишь въ качествѣ школьнаго пріема, для того, чтобы привычными для уха слушателей выраженіями облегчить имъ подходъ къ пониманію того, что прикрывалось нѣкогда древними терминами. Но сближая подчасъ древнюю и новую терминологію, Ключевскій былъ горячимъ противникомъ смѣшенія древнихъ и новыхъ понятій, этого навязыванія старинѣ нашихъ современныхъ представленій, которое столь искаажетъ въ нашемъ сознаніи перспективу историческихъ явленій. Какъ разъ наоборотъ. Познакомтесь тщательно съ его курсомъ и вы убѣдитесь въ томъ, что на всемъ пространствѣ этого курса особенное вниманіе лектора устремлено на опре-

дѣленіе того *разстоянія,* которое отдѣляетъ наши понятія отъ міровоззрѣнія и склада мысли, лежавшаго въ основѣ древнихъ жизненныхъ порядковъ и отношеній. Въ этомъ направленіи прозорливость Ключевскаго достигала изумительнаго совершенства, необычайной изощренности. Напомню въ видѣ примѣра его блестящій анализъ государственныхъ понятій, которыя царили въ умахъ русскихъ людей до смутнаго времени и тѣхъ переломовъ, которые обнаружились въ этихъ понятіяхъ къ началу XVII в. въ связи съ событіями Смуты. Цѣлый рядъ непонятныхъ съ нашей точки зрѣнія явленій политической исторіи московскаго государства объясняется здѣсь господствомъ въ умахъ того времени *вотчинно-династическаго* взгляда на государство. А самая «смута», разыгравшаяся на Руси на рубежѣ XVI и XVII столѣтій, оказывается въ разъясненіи Ключевскаго симптомомъ нарожденія въ сознаніи русскаго общества новыхъ, чисто государственныхъ воззрѣній на отношеніе гражданъ къ правительственной власти. До конца XVI в. люди московскаго государства не умѣли обнаруживать своего недовольства существующими государственными порядками въ формѣ политическихъ возстаній; недовольные ограничивались лишь уходомъ за предѣлы владѣній московскаго государя. Такъ бывало потому, что государство считалось въ то время достояніемъ не народа, а династіи, и когда московскимъ людямъ становилось тяжело отъ существующаго порядка, они не стремились передѣлать порядокъ, а бѣжали изъ государства подобно тому, какъ слуги или квартиранты, недовольные хозяиномъ дома, не требуютъ измѣненія въ поведеніи хозяина, а оставляютъ домъ, не считая его своимъ. И только когда династія пресѣклась и государство вдругъ оказалось *ничьимъ,* люди пришли въ броженіе, утративъ привычную почву прежнихъ воззрѣній и впервые почувствовавъ себя самихъ хозяевами и устроителями русской земли. Такъ *смута,* вспыхнувшая на Руси по смерти послѣдняго представителя старой династіи, явилась, согласно этому объясненію, лишь болѣзнью роста политическаго сознанія у русскаго общества того времени; государственный бунтъ оказывается въ результатѣ этого анализа симптомомъ начавшейся переработки старыхъ вотчинныхъ воззрѣній на существо власти въ новыя, истинно-государственныя идеи.

Во второмъ и третьемъ выпускахъ курса Ключевскаго мы и находимъ тонкій анализъ многихъ государственныхъ учрежденій московской Руси, разъясняющій своеобразіе этихъ учрежденій именно въ связи съ общимъ переломомъ въ строѣ политическаго мышленія людей московскаго государства. Рисуя передъ слушателями древніе институты, Ключевскій, какъ никто, умѣлъ показывать ихъ освѣ-

щенными изнутри; умѣлъ вскрывать и разъяснять то, какъ сами современники понимали ихъ смыслъ и значеніе.

Благодаря этому дару проникновенія въ строй жизни и мысли отдаленныхъ отъ насъ эпохъ Ключевскому удавалось вбирать въ свои историческія построенія былую жизнь со всѣми ея противорѣчіями, со всей ея пестрой непослѣдовательностью. Именно поэтому отъ его ученыхъ схемъ и обобщеній всегда вѣетъ такой жизненностью. Какъ часто историки, стремясь къ законченности своихъ выводовъ, вольно или невольно оскопляютъ историческую дѣйствительность, отбрасываютъ въ сторону непослушные ихъ схемамъ факты, лишь бы свести къ стройному единству свои наблюденія надъ историческимъ матеріаломъ. Ключевскій любилъ идти инымъ путемъ. Историческій процессъ никогда не рисовался ему въ видѣ геометрическаго чертежа. Обиліе противорѣчій въ рисункѣ этого процесса было для нашего учителя лучшимъ доказательствомъ вѣрности такого рисунка исторической дѣйствительности. Онъ считалъ наибольшей ошибкой подходить къ разрѣшенію историческихъ загадокъ съ вопросомъ: «да или нѣтъ», ибо жизнь всего чаще отвѣчаетъ «ни да, ни нѣтъ», и я не знаю историка, который умѣлъ бы столь чутко и тонко, какъ Ключевскій, охватывать своимъ анализомъ всю пестроту присущихъ историческимъ явленіямъ жизненныхъ противорѣчій. Оттого онъ былъ такъ силенъ въ изученіи стихійной динамики историческихъ явленій, оттого онъ такъ ярко умѣлъ освѣщать мало оформленныя, не подходящія ни подъ одну изъ привычныхъ намъ категорій учрежденія древности.

Такова, напримѣръ, его конструкція политическихъ отношеній между царемъ и боярствомъ въ московскомъ государствѣ XVI столѣтія. Царь и боярство того времени являлись яростными врагами и вели ожесточенную борьбу. Значитъ, ихъ стремленія были противоположны? Таково самое естественное заключеніе съ точки зрѣнія формальной логики. А Ключевскій во всеоружіи фактовъ отвѣчаетъ: нѣтъ, царь и боярство смертельно враждовали другъ съ другомъ во имя одной и той же, общей имъ политической программы.

Боярство, возставая на царя, требовало того же, что дѣлалъ и самъ царь, а царь, воздвигая грозу на бояръ, не могъ ступить шагу, не опираясь на содѣйствіе боярства. «Но вѣдь это безсмыслица», воскликнетъ иной строгій логикъ. «А откуда вы знаете, что въ жизни не бываетъ безсмыслицъ?» отвѣтитъ на это прозорливый историкъ и тутъ же укажетъ на ту почву, на которой такая безсмыслица могла вырасти: борьба царствовавшаго дома съ бояр-

ствомъ имѣла въ XVI в. не политическій, а династическій источникъ, и потому-то общность политическихъ стремленій не предотвращала самой острой вражды между царемъ и боярствомъ.

Подобныя построенія, тонкой иглой врѣзавшіяся въ самое существо изучаемыхъ явленій, Ключевскій предлагалъ слушателямъ съ наглядной ясностью, которая порой граничила съ осязаемостью.

Важную роль въ составѣ его преподавательскихъ пріемовъ играли при этомъ тѣ высокохудожественныя сравненія, которыми онъ любилъ расцвѣчать свое изложеніе. Художественность этихъ сравненій, помимо ихъ необычайной красоты и мѣткости, состояла въ томъ, что они никогда не носили книжнаго, гелертерскаго характера. Матеріалъ для этихъ сравненій всегда былъ взятъ изъ житейской повседневности. Конечно, прибѣгая къ сравненіямъ такого рода, Ключевскій прежде всего отдавалъ непроизвольную дань своему художественному темпераменту, который съ такой роскошью красокъ проявлялся въ его знаменитыхъ личныхъ характеристикахъ историческихъ дѣятелей и не съ меньшей яркостью сверкалъ въ отдѣльныхъ афоризмахъ, внезапно вплетавшихся въ изложеніе иногда очень сухихъ историко-юридическихъ или экономическихъ вопросовъ.

Порою такіе афоризмы служили лишь литературнымъ украшеніемъ стиля, срывались съ языка и пера Ключевскаго лишь какъ непроизвольный плодъ его могучаго воображенія. Разсказавъ, напримѣръ, о легендахъ, возникшихъ въ новгородскомъ обществѣ послѣ паденія политической самостоятельности Великаго Новгорода, Ключевскій прибавлялъ: «когда разрушается сильный физическій организмъ, его разрушеніе сказывается тяжкими вздохами и стонами; когда гибнетъ общественный союзъ, жившій долгой и сильной жизнью, его гибель обыкновенно предваряется или сопровождается *легендой*. Оттого и новгородцы окружили воспоминаніе о паденіи своей вольности многими легендарными сказаніями, тогда какъ удѣльныя княжества низовой Руси кончали свое самостоятельное существованіе молча, стиснувъ зубы, какъ умираетъ великорусскій крестьянинъ». [1])

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, однако, художественныя сравненія Ключевскаго преслѣдовали чисто учебную цѣль. Онъ зналъ, конечно, что въ его всегда многочисленной аудиторіи находятся люди, которымъ легче мыслить отвлеченными понятіями, и другіе, которымъ легче мыслить конкретными образами. Самъ въ совершенствѣ владѣя обоими способами мышленія, онъ хотѣлъ

[1]) Въ печатномъ текстѣ курса соотвѣтствующее мѣсто изложено нѣсколько иначе. Я цитирую по собственной дословной студенческой записи.

привести всѣхъ своихъ слушателей къ одному уровню пониманія своихъ сложныхъ и глубокихъ построеній, и потому-то такъ часто въ его изложеніи мысль, высказанная въ отвлеченной формѣ, подкрѣплялась образомъ, всегда сверкавшимъ неотразимой художественной красотой.

Иногда такое сравненіе приводилось съ явною цѣлью—пояснить трудное по сложности наблюденіе нагляднымъ и простымъ примѣромъ. Ключевскій объясняетъ, напримѣръ, источники кризиса политическаго самосознанія русскаго общества въ эпоху смуты конца XVI в. и даетъ при этомъ такой великолѣпный пояснительный образъ: «какъ въ бурю листья на деревьяхъ повертываются изнанкой, такъ смутныя времена народной жизни, ломая фасады, обнаруживаютъ задворки, и при видѣ ихъ люди, привыкшіе замѣчать лицевую сторону жизни, невольно задумываются и начинаютъ думать, что они доселѣ видѣли далеко не все».

Иногда съ помощью такихъ образныхъ оборотовъ сложная мысль сжималась въ возможно болѣе краткую и яркую формулу. Напримѣръ, Ключевскому нужно сопоставить темпъ политической жизни вольнаго Новгорода и вольнаго Пскова, и онъ исчерпываетъ это сопоставленіе одной фразой: «переходя отъ Новгорода къ Пскову,—говоритъ онъ,—испытываешь чувство, точно при переходѣ отъ толкучаго рынка въ тихій переулокъ». Ему нужно очертить своеобразный характеръ борьбы боярства съ царскою властью въ XVI столѣтіи, борьбы глухой, придавленной, тускло выраженной, и ему достаточно для этого пяти словъ: «это,—говоритъ онъ,—скорѣе пантомима, чѣмъ драма». Наконецъ, иногда онъ прибѣгаетъ къ образнымъ уподобленіямъ для того, чтобы наглядно подчеркнуть связь даннаго отдѣльнаго явленія со всѣмъ строемъ жизни соотвѣтствующей эпохи. Такъ, напримѣръ, указывая на безсистемность въ строѣ центральныхъ правительственныхъ учрежденій въ московскомъ государствѣ, Ключевскій замѣчаетъ: «московское управленіе складывалось, какъ строились московскіе государевы дворцы; вмѣстѣ съ ростомъ царской семьи и хозяйства къ основному корпусу прибавлялись пристройки и надстройки, терема, свѣтлицы, новыя крыльца и переходы». И не оттѣняется ли этимъ сравненіемъ то важное наблюденіе, что въ жизни московскаго государства вотчинныя привычки на каждомъ шагу брали верхъ надъ политическими принципами.

Таковъ былъ Ключевскій, какъ преподаватель съ каѳедры. Весь его курсъ представляетъ собою выдержанную схему русской исторіи. Въ построеніи этой схемы онъ развилъ могучую силу обобщающей мысли. Но эта схема не была безплотна. Вся она

опиралась на необычайное чутье ея создателя къ конкретной исторической дѣйствительности и на необычайный даръ воспроизведенія этой дѣйствительности передъ духовными взорами аудиторіи.

Я очертилъ, какъ сумѣлъ, механику преподаванія своего учителя. Но какъ описать то обаяніе мощнаго творческаго ума, которымъ вѣяло на насъ отъ его лекцій, которое волновало нашу мысль, зажигало въ насъ интересъ къ исторической наукѣ! Силу и прелесть этого обаянія не разложишь на составные элементы, не представишь въ точномъ описаніи. Можно точно расчленить и описать строеніе розы, но безсильна человѣческая рѣчь для изображенія ея дивнаго, божественнаго аромата.

Мнѣ хочется сказать еще нѣсколько словъ о Ключевскомъ, какъ о руководителѣ начинающими учеными, которыхъ онъ оставлялъ при своей каѳедрѣ для подготовки къ профессорскому званію. Во всемъ, что касалось научной работы, Ключевскій по отношенію къ своимъ непосредственнымъ ученикамъ былъ требователенъ и строгъ. Въ глубинѣ души Ключевскій былъ очень отзывчивымъ и добрымъ человѣкомъ. Я лично знаю случаи, когда онъ послѣ длиннаго и тяжелаго факультетскаго засѣданія, истомленный и голодный, ѣхалъ прямо изъ университета въ отдаленный переулокъ и подымался по высокой лѣстницѣ въ студенческую мансарду для того, чтобы, не откладывая, поскорѣе сообщить студенту только что состоявшееся постановленіе факультета, благопріятное для его дѣла. Многіе изъ учениковъ Ключевскаго могли бы разсказать о тѣхъ настойчивыхъ хлопотахъ, которыя онъ добровольно бралъ на себя, чтобы отвести отъ кого-либо изъ нихъ надвигающуюся бѣду или смягчить послѣдствія постигшихъ ихъ тяжелыхъ непріятностей. Недаромъ Ключевскій умѣлъ такъ трогательно разсказывать на лекціяхъ о «милой», какъ онъ выражался, отзывчивости царя Алексѣя Михайловича къ душевнымъ скорбямъ окружающихъ людей. Но въ противоположность тому, какъ это нерѣдко наблюдается у насъ, русскихъ, Ключевскій никогда не смѣшивалъ доброту съ попустительствомъ человѣческимъ слабостямъ. И потому онъ умѣлъ быть требовательнымъ и строгимъ, когда дѣло касалось того, что было ему дорого, и прежде всего— его науки. Эта требовательность проистекала изъ высокой оцѣнки значенія профессорской каѳедры, какъ того очага, отъ котораго долженъ распространяться свѣтъ истинной науки. И онъ правильно думалъ, что путь къ профессорской каѳедрѣ долженъ вести черезъ серьезныя испытанія пригодности человѣка къ настоящей научной работѣ. Ключевскій умѣлъ широко раскрывать

духовныя объятія, но ученикъ долженъ былъ сначала доказать свое право на это, а доказать это право въ глазахъ Ключевскаго можно было только проявленіемъ самостоятельности въ области научной работы. Учиться быть ученымъ значило, по мнѣнію Ключевскаго, не ходить на помочахъ или костыляхъ постоянныхъ совѣтовъ учителя, а умѣть самостоятельно подмѣтить въ работѣ учителя и воспринять для себя то, что составляетъ зерно и душу настоящаго научнаго творчества. Я думаю, что Ключевскій въ данномъ случаѣ правильно понималъ свою учительскую миссію и являлся истиннымъ жрецомъ своей науки, ревниво оберегавшимъ огонь на ея алтарѣ.

Съ той же суровой, но здоровой требовательностью, внушаемой серьезнымъ отношеніемъ къ идеѣ гражданскаго долга, подходилъ Ключевскій и вообще къ оцѣнкѣ людей, въ особенности тѣхъ, кому предоставляется возможность вязать и рѣшить судьбы страны. Ключевскаго, въ виду строгости его личныхъ оцѣнокъ, нерѣдко называли скептикомъ. Не думаю, чтобы это названіе было точно. Вѣдь настоящій скептицизмъ проистекаетъ прежде всего изъ неспособности отдаться увлеченію какимъ-либо положительнымъ идеаломъ. Суровыя оцѣнки, какія Ключевскій давалъ дѣятелямъ и ихъ дѣйствіямъ, были проникнуты, наоборотъ, горькой мыслью о томъ, какъ мало соотвѣтствуютъ дѣянія людей тѣмъ идеаламъ, которые, по его убѣжденію, должны лежать въ основѣ человѣческаго общежитія.

Итакъ, онъ былъ не скептикъ, а прозорливый и строгій критикъ, котораго нельзя было подкупить внѣшнимъ блескомъ и показной мишурой, часто прикрывающими собою ничтожество души и мелкость ума. Потому-то онъ съ такой болью всматривался въ текущія событія окружающей жизни и съ такой тревогой думалъ о дальнѣйшихъ судьбахъ родины. Въ послѣднее время онъ говорилъ о нашихъ политическихъ «новостяхъ» не иначе, какъ съ чувствомъ горькаго раздраженія.

Такимъ онъ и ушелъ отъ насъ, унеся съ собой въ могилу тревожныя чувства и тяжелыя думы о родной странѣ.

Мы, непосредственно общавшіеся съ Василіемъ Осиповичемъ, не можемъ думать о немъ безъ чувства интимной любви къ его памяти. Это чувство уже не будетъ, конечно, доступно послѣдующимъ поколѣніямъ, но и отдаленнѣйшіе наши потомки будутъ чтить Ключевскаго, какъ одного изъ крупнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ представителей русской культуры, который совмѣстилъ въ своей личности историка-ученаго, историка-поэта и историка-гражданина.

А. Кизеветтеръ.

В. О. Ключевскій какъ руководитель начинающихъ ученыхъ.

(изъ личныхъ воспоминаній.)

Могучій и оригинальный образъ Василія Осиповича Ключевскаго, неизгладимо вліявшій на всякаго, кому пришлось встрѣтиться съ нимъ въ жизни, сильнѣе всего запечатлѣлся во мнѣ въ первые годы моего личнаго общенія съ нимъ, послѣ окончанія университетскаго курса, когда, пользуясь его указаніями, я готовился къ магистерскому экзамену. Это было во второй половинѣ 90-хъ годовъ.

Воспоминаніе всегда субъективно; устранить личный уголъ зрѣнія невозможно, когда по собственнымъ впечатлѣніямъ стараешься возстановить обликъ другого человѣка, и потому я далекъ отъ мысли, что въ этихъ строкахъ я смогу дать всестороннюю и исчерпывающую характеристику Василія Осиповича, какъ руководителя молодыхъ людей, только что рѣшившихъ посвятить себя спеціальнымъ занятіямъ русской исторіей. Возможно даже, что отношеніе его къ другимъ его послѣдователямъ на первыхъ порахъ ихъ дѣятельности было инымъ, чѣмъ ко мнѣ, но мнѣ хочется, съ своей стороны, запечатлѣть нѣкоторыя черты почившаго учителя, какъ онѣ запомнились мнѣ тогда.

Василій Осиповичъ не принадлежалъ къ числу профессоровъ, широко растворявшихъ двери свого научнаго святилища. Въ мое студенческое время мы всѣ, подобно другимъ поколѣніямъ, предшествовавшимъ намъ и смѣнившимъ насъ, жадно слушали его общій курсъ и увлекались его спеціальными лекціями объ источникахъ русской исторіи, которыхъ, кстати сказать, Василій Осиповичъ, кажется, не любилъ и считалъ неудачными. Но пойти къ Василію Осиповичу за совѣтомъ и справками, просить его указаній и содѣйствія въ студенческихъ работахъ было дѣломъ не легкимъ. Многихъ изъ насъ онъ манилъ въ міръ прошлаго русской земли своими несравненными лекціями, своей любовью къ родной старинѣ,—любовью, подернутой легкой дымкой скептицизма и, несмотря на это, глубокой, искренней, проникавшей каждое его слово; но Василій Осиповичъ дорожилъ своимъ временемъ, онъ не любилъ докучливыхъ,

подчасъ наивныхъ студенческихъ вопросовъ и потому старался предупредить ихъ, давая, при началѣ семинарія, который онъ велъ на 3 и 4 курсахъ историческаго отдѣленія, точныя и опредѣленныя указанія по литературѣ нѣкоторыхъ вопросовъ русской исторіи; желающіе могли потомъ разрабатывать эти вопросы въ видѣ сочиненій для зачета 6-го семестра и для государственной комиссіи; свои указанія онъ сопровождалъ отдѣльными замѣчаніями методологическаго характера.

Если Василій Осиповичъ не выказывалъ особой щедрости на бесѣды со студентами, то еще болѣе труднымъ дѣломъ казалось мнѣ идти бесѣдовать съ нимъ о такомъ важномъ вопросѣ, какъ оставленіе при университетѣ и составленіе программы для магистерскаго экзамена. Трудность дѣла увеличивалась въ моихъ глазахъ, (а соотвѣтственно этому росла и моя робость), еще и потому, что во время пребыванія въ университетѣ я не имѣлъ случая выдѣлиться изъ среды другихъ моихъ товарищей и былъ мало извѣстенъ самому Василію Осиповичу, поѣздки котораго въ Аббасъ-Туманъ для занятій съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ совпали съ двумя послѣдними годами моего пребыванія въ университетѣ.

Я не ошибся, найдя со стороны Василія Осиповича пріемъ вѣжливый, но сдержанный. Онъ выразилъ готовность быть мнѣ полезнымъ, но не слишкомъ меня обнадежилъ и нѣсколько разъ повторялъ слова, истинный смыслъ которыхъ сталъ мнѣ понятенъ только много позднѣе. «Намъ нужно понять другъ друга,—говорилъ онъ,—я готовъ давать вамъ указанія, если вы будете понимать меня, а я пойму васъ». Признаюсь, что слова эти, подчеркнуто повторенныя знаменитымъ профессоромъ молодому человѣку, только что соскочившему со школьной скамьи и имѣвшему въ области исторической науки одни лишь желанія и стремленія, произвели на меня съ самаго начала дѣйствіе, обратное тому, которое они должны были имѣть: доискиваясь, какъ слѣдовало понимать профессора и сказанныя имъ слова, я первое время пересталъ ихъ понимать совершенно. Это не замедлило сказаться на дѣлѣ, когда мои сношенія съ Василіемъ Осиповичемъ, прерванныя въ теченіе года на время отбыванія воинской повинности, вновь возобновились осенью 1896 года.

Принявъ меня очень любезно, Василій Осиповичъ вновь выразилъ готовность дать мнѣ руководящія замѣчанія, тутъ же намѣтилъ мнѣ три первыхъ вопроса магистерской программы, касавшіеся древней русской исторіи, и предложилъ опять придти къ нему, когда я познакомлюсь съ этими вопросами. «Ну, а если мнѣ нужно

будетъ спросить васъ о какихъ-нибудь подробностяхъ, то гдѣ я могу васъ найти?» обратился я къ Василію Осиповичу. «Въ университетѣ, послѣ лекцій, въ четвергъ и субботу», былъ отвѣтъ.

Заниматься любимымъ предметомъ мнѣ хотѣлось страстно, у меня было и время, и возможность посвятить себя научнымъ занятіямъ, но на первыхъ порахъ неопытность и проистекавшая отсюда робость мѣшали мнѣ правильно организовать мои занятія. Я терялся, не зналъ, съ чего начать; колебался, какія сочиненія читать прежде всего, что поставить на первый планъ, что считать второстепеннымъ; у меня не было въ то время никого по близости, къ кому я бы могъ обратиться съ подобными вопросами, и недѣли три спустя послѣ посѣщенія Житной улицы я рѣшился побезпокоить Василія Осиповича въ университетѣ. Пріемъ, который я нашелъ въ профессорской прежняго «Новаго» университетскаго зданія, сильно отличался отъ пріема, оказаннаго мнѣ передъ тѣмъ. Василій Осиповичъ былъ видимо недоволенъ моими мелочными вопросами и даже готовъ былъ усмотрѣть въ нихъ нѣкоторую назойливость; безпокойно ходя по профессорской, онъ сказалъ мнѣ, что не можетъ взять на себя руководства подобными мелочами, и, наконецъ, раздраженный настойчивостью, съ которою я просилъ его сказать мнѣ, что̀ мнѣ дѣлать, куда обращаться за справками и детальными указаніями по литературѣ предмета, онъ отвѣтилъ не безъ рѣзкости: «ищите по Межову».

Мнѣ не оставалось ничего, какъ самому своими средствами выпутываться изъ затрудненій; я рѣшилъ болѣе не затруднять Василія Осиповича въ университетѣ и отправился къ нему на квартиру лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя, окончивъ мою работу надъ первыми вопросами программы, пошелъ скрѣпя сердце, потому что надо было устанавливать слѣдующую серію вопросовъ по удѣльной и московской эпохамъ.

Меня ожидало новое удивленіе. Василій Осиповичъ принялъ меня любезно, какъ ранѣе; онъ выслушалъ со вниманіемъ отчетъ о моихъ занятіяхъ и о томъ, какъ справился я съ первымъ научнымъ изученіемъ отдѣльныхъ вопросовъ, и вновь снабдилъ меня цѣнными указаніями относительно дальнѣйшихъ работъ. Меня онъ, кажется, понялъ; но я опять ушелъ отъ него въ недоумѣніи; я все еще продолжалъ его не понимать. Разгадка явилась, однако, довольно скоро спустя, неожиданно, съ такой стороны, откуда я ея вовсе не ожидалъ. Около того же времени, въ концѣ 90-хъ годовъ, мой близкій пріятель, музыкантъ, оканчивавшій курсъ консерваторіи, разрабатывалъ для медальнаго сочиненія тему, связанную съ древне-русской жизнью. Не будучи вовсе знакомъ съ Ва-

силіемъ Осиповичемъ, онъ отправился къ нему съ просьбой помочь ему узнать древне-русскую жизнь удѣльныхъ вѣковъ и проникнуть въ бытъ того времени. Съ полнымъ вниманіемъ отнесся Василій Осиповичъ къ его просьбѣ, отвѣтилъ на всѣ его вопросы, пошелъ даже далѣе, продержавъ его долгое время подъ очарованіемъ тѣхъ вдохновенныхъ экскурсовъ въ родную исторію, на которые онъ былъ такой великій мастеръ. «Наша обязанность,—закончилъ онъ, провожая своего собесѣдника,—помогать, чѣмъ можемъ, художникамъ, желающимъ изучить русскую исторію и ищущимъ вдохновенія въ ней; я только не люблю, когда ко мнѣ обращаются съ вопросами спеціалисты: самъ доходи».

Въ этомъ «самъ доходи» было для меня цѣлое откровеніе. Все его отношеніе ко мнѣ, къ моимъ исканіямъ въ области исторической науки, къ моимъ вопросамъ, обращеннымъ къ нему, стало мнѣ совершенно яснымъ. Позднѣе мнѣ пришлось узнать много фактовъ, подтверждающихъ взгляды, высказанные Василіемъ Осиповичемъ въ вышеприведенной бесѣдѣ. Не разъ обращались къ нему дѣятели художественнаго міра, живописцы, музыканты, литераторы, артисты,—и всегда съ неизмѣнной благосклонностью и вниманіемъ встрѣчалъ онъ ихъ, терпѣливо выслушивая нерѣдко наивные, а иногда и просто вздорные вопросы лицъ, часто никакого представленія не имѣвшихъ о томъ, что имъ было нужно, и дѣлился съ ними громаднымъ запасомъ своихъ знаній, оживляя въ своей рѣчи образы дѣятелей минувшихъ эпохъ въ такихъ яркихъ образахъ и краскахъ, что казалось, будто онъ говоритъ о людяхъ, которые были его личными знакомыми. Такъ помогать неспеціалистамъ онъ, дѣйствительно, считалъ своей священной обязанностью. Но бывали и другіе случаи: Василій Осиповичъ сердился и негодовалъ на молодыхъ людей, имъ же самимъ оставленныхъ при университетѣ, когда они слишкомъ докучали ему своими вопросами, не желая или не умѣя «доходить сами» до дна историческихъ первоисточниковъ, и онъ не стѣснялся громко выражать свое негодованіе, когда видѣлъ или думалъ, что человѣкъ, заявившій о своемъ желаніи спеціально заниматься русской исторіей, лѣнился или хотѣлъ, не напрягая большихъ усилій, добиться результатовъ, недостижимыхъ безъ упорной и продолжительной работы.

Мнѣ кажется, что «доходи самъ» было его лозунгомъ, его девизомъ въ отношеніяхъ къ начинающимъ спеціалистамъ и къ молодымъ ученымъ. Его требованія были опредѣленны и просты: основательное знакомство съ первоисточниками и провѣрка ихъ исторической литературой. На изученіи первоисточниковъ были построены всѣ его собственныя работы; такого же изученія перво-

источниковъ требовалъ онъ и отъ тѣхъ, кто хотѣлъ быть послѣдователемъ его на поприщѣ русской исторической науки. Никакое знакомство съ литературой, съ «пособіями» не могло въ его глазахъ сравниться съ результатами работы надъ памятниками; вотъ почему изученіе памятниковъ онъ и полагалъ въ основу вопросовъ, обычно включаемыхъ имъ въ программу магистерскаго экзамена. Работая надъ сырымъ матеріаломъ самъ, онъ требовалъ, чтобы и другіе не боялись черной работы, которая одна лишь ведетъ къ непосредственному общенію съ прошлой жизнью, къ наиболѣе близкому знакомству съ минувшими эпохами; въ этой области требованія его были непреклонны, и ничто не могло возбудить въ немъ бо́льшаго и притомъ самаго искренняго негодованія, какъ желаніе замѣнить изученіе какого-нибудь первоисточника русской исторіи историко-литературнымъ вопросомъ новѣйшаго времени. Не бояться черной работы, доходить самому до первичной формы историческихъ извѣстій, научиться самому оріентироваться въ спеціальной литературѣ—таковы были требованія, которыя онъ предъявлялъ къ начинающимъ свою ученую дѣятельность молодымъ людямъ. Понять эти требованія, обнаружить способность и склонность самому разобраться въ вопросѣ и самостоятельно вести свою работу, полюбить работу надъ первоисточникомъ, какой бы онъ ни былъ,—значило выполнить то условіе, которое онъ ставилъ мнѣ, ставилъ, вѣроятно, и другимъ лицамъ.

Зато какъ умѣлъ Василій Осиповичъ ободрить, помочь и направить, когда между нимъ и прибѣгавшимъ къ нему устанавливалось то взаимное пониманіе, безъ котораго дальнѣйшія отношенія не представлялись ему возможными. Мнѣ живо припоминаются нѣкоторыя изъ бесѣдъ съ нимъ въ его небольшомъ скромномъ кабинетѣ, когда въ немногихъ словахъ, въ образной рѣчи Василій Осиповичъ сообщалъ столько свѣдѣній, что очарованному слушателю приходилось лишь напрягать усилія, чтобы не утратить изъ своей памяти сыпавшагося передъ нимъ богатства. Особенно ярко запечатлѣлась въ моемъ умѣ яркая характеристика Шлецера и его знаменитаго сочиненія; достаточно было выслушать слова Василія Осиповича, чтобы предубѣжденіе скуки, напыщенности и устарѣлости, которое до того твердо засѣло во мнѣ по отношенію къ Шлецеровскому Нестору, исчезло и замѣнилось лихорадочнымъ желаніемъ скорѣе съ нимъ ознакомиться; не менѣе живо помню я его рѣчи о «Русской Правдѣ», открывшія моимъ изумленному взору богатый юридическій міръ древней Руси, или его бесѣду о малорусской исторіографіи временъ Хмѣльницкаго и его преемниковъ. Часъ такой бесѣды стоилъ многихъ недѣль работы; вели-

кій историкъ щедро, безъ счету дѣлился своими знаніями, и, слушая его, я съ трудомъ вѣрилъ, что это тотъ самый Василій Осиповичъ, который такъ сурово отнесся ко мнѣ когда-то ранѣе, когда недовѣріе къ моимъ занятіямъ и моимъ стремленіямъ въ области исторической науки въ немъ еще не разсѣялось.

Мнѣ неоднократно приходилось слышать отзывы о Василіи Осиповичѣ, какъ о крупномъ человѣкѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ не былъ педагогомъ. Личный опытъ, вынесенный изъ общенія съ нимъ, заставилъ меня придти къ нѣсколько инымъ выводамъ. Въ отсутствіи стремленія приподнять научную завѣсу передъ непосвященными; въ нѣкоторомъ недовѣріи къ лицамъ, не успѣвшимъ доказать своей любви и привязанности къ избранной дѣятельности; въ требованіи, чтобы такое лицо «само доходило», само углубляло свои познанія и привыкало къ самостоятельной научной дѣятельности; въ тепломъ участіи, наконецъ, и въ щедрой помощи тѣмъ, кто, по его мнѣнію, доказалъ или доказываетъ свою искреннюю любовь къ избранному дѣлу и обнаруживаетъ нѣкоторое умѣніе находить свою дорогу и работать самостоятельно,—во всемъ этомъ нельзя не видѣть сознательныхъ пріемовъ своеобразной ученой педагогіи, выработанной многолѣтней практикой, долгими думами сильнаго и оригинальнаго ума. Я не знаю, согласятся ли со мною тѣ, которымъ, какъ и мнѣ, выпало на долю въ жизни знать Василія Осиповича и работать подъ его руководствомъ, но у меня, по крайней мѣрѣ, сложилось твердое убѣжденіе, что описанные выше пріемы, многимъ, быть можетъ, бывшіе не по сердцу, нѣкоторыхъ, можетъ быть, отпугавшіе и заставившіе свернуть съ намѣченнаго было пути, составляли своеобразный учено-педагогическій методъ, который Василій Осиповичъ могъ измѣнять въ деталяхъ по отношенію къ тому или другому изъ многочисленныхъ своихъ учениковъ, но отъ котораго въ цѣломъ не отступалъ никогда.

Я закончу еще однимъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ послѣднихъ моментовъ передъ вступленіемъ моимъ въ область вполнѣ самостоятельной работы. Рѣдко кто такъ просто и обаятельно держалъ себя на магистерскомъ экзаменѣ, какъ Василій Осиповичъ. Не генераломъ отъ науки выступалъ онъ здѣсь, но старшимъ товарищемъ, ободрявшимъ смущеннаго новобранца; не судья говорилъ здѣсь съ подсудимымъ, а наставникъ съ ученикомъ, и робость, овладѣвавшая экзаменующимся передъ громаднымъ знаніемъ и высокимъ авторитетомъ экзаминатора, подъ вліяніемъ ободряющихъ кивковъ склоненной головы, смѣнялась увѣренностью въ своихъ силахъ и чувствомъ довѣрія и благодарности къ строго смотрѣвшему и внимательно слушавшему учителю.

Ю. Готье.

В. О. Ключевскій.

I.

Яркое солнце. Смѣющійся весенній день. Трамвай быстро переноситъ меня съ Николаевскаго вокзала въ самую глушь Замоскворѣчья. Широкая улица съ просторно разбросанными низенькими провинціальными домиками, съ истинно московскимъ, лучше сказать, замоскворѣцкимъ названіемъ: «Житная» улица. Знакомый домикъ между заборами, въ которомъ все, отъ сараевъ и стараго сада до комнатнаго убранства, пахнетъ тихой московской стариной, немного запущенной, заживо отходящей въ прошлое.

Сегодня мнѣ въ этотъ домикъ не войти. Начался уже выносъ. Дворъ передъ крыльцомъ, тротуаръ, часть улицы наполнены народомъ. На противоположномъ тротуарѣ тоже толпа. Солнце играетъ на цвѣтныхъ платкахъ женщинъ, на развѣвающихся волосахъ мужчинъ. Конный жандармъ и городовые посреди улицы странно нарушаютъ мѣстный стиль тихаго квартала. Выносятъ открытый гробъ, слышится пѣніе. Это поетъ молодежь, но она какая-то необычная, какая-то тоже своя На минуту сердце сжимается сожалѣніемъ. Для Ключевскаго, котораго сегодня хоронитъ Москва, это какъ будто слишкомъ скромное начало. Слишкомъ просто, провинціально, слишкомъ по-домашнему. Но слѣдующая мысль гонитъ первую. Ничего, зато это стильно. Такъ онъ жилъ, такъ онъ умеръ: среди своего квартала, среди этихъ простыхъ людей, обожавшихъ *своего* Ключевскаго, домовладѣльца, прихожанина, богатаго житейской мудростью, богатаго еще чѣмъ-то, что здѣсь невѣдомо, но что заставляетъ кварталъ гордиться своимъ знаменитымъ обитателемъ. Умеръ Ключевскій, и со смертью его опустѣла Житная улица, а за Житной улицей опустѣла Москва, а за Москвой опустѣла Россія.

Да, это—стильно. Ключевскій, органически сросшійся съ своимъ кварталомъ, Ключевскій, пустившій глубокіе и прочные корни въ самомъ подлинномъ, непоказномъ, плотно охватившемъ его кру-

гомъ, старо-русскомъ быту—это тотъ Ключевскій, котораго знаетъ Россія. И эта слишкомъ юная молодежь, ученики и ученицы школы живописи и ваянія, послѣдняя любимая аудиторія послѣднихъ годовъ его старости,—хорошо, что она пришла первая проводить учителя. Она тоже любитъ *своего* Ключевскаго. Ей тоже многое въ немъ непонятно, многое невѣдомо. Но и она чутьемъ чуетъ, что сегодня хоронятъ національную славу Россіи. Ей, этой юной молодежи, какъ прихожанамъ, какъ роднымъ, какъ всѣмъ простымъ и безхитростнымъ людямъ, свободнѣе открывалось это больное, измученное сердце. Съ ними оно отдыхало, здѣсь распрямлялись складки души, слишкомъ чувствительной, чтобы всегда оставаться открытой. Да, они правы, они лучше знали, лучше умѣли любить Ключевскаго, чѣмъ многое множество офиціальныхъ его почитателей на разныхъ уровняхъ и высотахъ культуры. Это—тѣ, кому Ключевскій былъ близокъ и дорогъ прежде всего какъ человѣкъ.

Негустая колонна двинулась, останавливаясь у приходскихъ церквей. Въ толпѣ—родные, старинные друзья и знакомые, ближайшіе ученики разныхъ поколѣній и возрастовъ. Путь въ университетскую церковь—не близкій. Но гробъ, незатѣйливый, желтый, съ небогатой пеленой, всю дорогу несетъ на себѣ молодежь. И тѣ, кто несутъ, неохотно уступаютъ ношу другимъ, которые ждутъ своей очереди.

Сквозь кисею мнѣ видны по временамъ очертанія знакомаго, дорогого лица. Оно сильно пожелтѣло и осунулось. Маленькая горбинка на носу стала совсѣмъ большой. А на пальцахъ, аккуратно сложенныхъ, уже проступили темно-багровыя пятна. Глубоко впали умные, проницательные глаза. Они, навѣрное, потухли послѣдними...

II.

Тридцать два года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы впервые встрѣтились съ В. О. Ключевскимъ. За тридцать два года измѣнились, конечно, и наблюдатель и предметъ наблюденія. В. О. Ключевскій, котораго мы застали вполнѣ сложившимся лекторомъ, но еще только начинавшимъ ученымъ, на нашихъ глазахъ сталъ главой цѣлой школы, сдѣлался славой Россіи. Послѣдующіе годы, до самаго конца жизни, тоже не проходили безслѣдно для В. О. Ключевскаго, вызывая въ немъ всегда очень чуткое отношеніе къ мѣнявшимся настроеніямъ русской общественной жизни и заставляя считаться съ дальнѣйшимъ развитіемъ русской исторической науки. Выходившій въ послѣдніе годы жизни В. О. Ключевскаго «Курсъ русской исторіи» какъ разъ даетъ наглядную картину всѣхъ тѣхъ позд-

нѣйшихъ наслоеній, которыя наложило время на хорошо намъ извѣстные преподавательскіе и научные взгляды покойнаго историка.

Было бы ошибкой взять этотъ итогъ цѣлой жизни за исходную точку характеристики личности, и безъ того до чрезвычайности сложной. Пользуясь преимуществомъ возраста, я лучше изложу эту характеристику въ послѣдовательномъ порядкѣ моихъ личныхъ впечатлѣній — студента, магистранта, спеціалиста по той же наукѣ и, наконецъ, общественнаго дѣятеля. Распредѣленныя въ своей естественной послѣдовательности, эти не всегда одинаковыя впечатлѣнія сами собой уже сложатся въ общій жизненный итогъ.

Впервые я увидѣлъ В. О. Ключевскаго, когда осенью 1879 г. онъ занялъ въ московскомъ университетѣ каѳедру С. И. Соловьева.

Ему было тогда сорокъ лѣтъ, но онъ казался старше своего возраста. Сухая, изможденная фигура, которую злые языки сравнивали съ допетровскимъ подьячимъ, а добрые — съ идеальнымъ типомъ древняго лѣтописца. Лукавство и умъ; лукавство, подчасъ злое, подчасъ веселое, насмѣшливое, задорное—въ глазахъ. Умъ и талантъ—въ неторопливомъ чеканѣ строго взвѣшенной рѣчи, въ этихъ всегда неожиданныхъ оборотахъ и сравненіяхъ, сперва поражавшихъ и приковывавшихъ воображеніе, потомъ сердившихъ своей кажущейся случайностью, потомъ снова притягивавшихъ мѣткостью и глубиной, и опять сердившихъ, и опять чаровавшихъ. А среди кованой рѣчи вдругъ яркая, яркая картина, навсегда врѣзавшаяся въ памяти, или острое словцо, неожиданный поворотъ анекдота, заражавшіе смѣхомъ, или короткая сентенція, суровая характеристика, попадавшія, какъ ударъ бича, прямо въ намѣченную точку. Нервные пальцы, отъ времени до времени поправлявшіе прядь волосъ, прикрывавшую характерный шрамъ на лбу. Размѣренныя остановки рѣчи, смягчавшія естественное заиканіе и превращавшія въ милую особенность самый недостатокъ произношенія. Все какое-то свое, особенное, ни съ чѣмъ несравнимое и недоступное подражанію...

Что русской исторіей заинтересоваться нельзя,—это было почти аксіомой среди студентовъ моего выпуска и предшествовавшихъ. Мы дошли до третьяго курса безъ Ключевскаго. Русская исторія для насъ была грудой неперевариваемаго сырого матеріала, изъ котораго невозможно высѣчь никакой искорки мысли. Наклеить на него ярлыкъ мысли извнѣ,— о, да, это было мыслимо. Примѣръ этого, казалось намъ, мы видѣли въ лекціяхъ старѣвшаго Соловьева, дочитывавшаго послѣдніе годы. Отъ скуки повторенія, должно быть, фактическое содержаніе все вывѣтрилось изъ этихъ лекцій, когда-то тоже сверкавшихъ мыслью и привлекавшихъ все молодое. Остались одни блѣдныя очертанія мысли, одни условные символы, со-

кращенные знаки закостенѣвшей теоріи, мало понятные для молодыхъ, но строгихъ судей. Когда старый профессоръ въ сотый разъ говорилъ о «жидкомъ элементѣ» въ русской исторіи, магическое когда-то слово превращалось въ мертвую фразу, и, разочарованные, мы начинали жаловаться на жидкій элементъ въ лекціяхъ самого «патріарха» русской исторіи. Что касается лекцій Нила Попова, съ ними мы знакомились только передъ самымъ экзаменомъ. Раньше знали о нихъ только одни студенты-издатели лекцій. Но и для нихъ трудъ изданія, по взаимному согласію, превращался въ трудъ переписыванія отмѣченныхъ профессоромъ мѣстъ изъ разныхъ спеціальныхъ работъ по русской исторіи.

И вдругъ это новое явленіе— лекціи Ключевскаго, объявленныя къ концу семестра. Мы, впрочемъ, заранѣе знали, что будемъ имѣть дѣло не съ новичкомъ. Лекціямъ Ключевскаго предшествовала громкая слава. И обширная аудиторія, собравшаяся слушать новаго профессора, была заранѣе настроена въ его пользу.

То, что мы услышали, превзошло всѣ ожиданія—просто потому, что никакіе разсказы не могли и не могутъ передать обаянія, которое производили лекціи Ключевскаго въ его своеобразномъ произношеніи.

Это былъ не самый сильный отдѣлъ курса: преемники Петра Великаго. Но онъ былъ одинъ изъ болѣе эффектныхъ и сразу доступныхъ. Такъ хорошо извѣстныя потомъ всей читающей Россіи характеристики представителей власти мы услышали тогда впервые. Наименѣе заинтересованные наукой сразу нашли, что русскую исторію можно слушать не только безъ скуки, но и съ увлеченіемъ. Болѣе посвященные скоро замѣтили, что за забавными анекдотами скрывается глубокое пониманіе эпохи, за художникомъ скрывается мыслитель. Что можно *мыслить* надъ русской исторіей, что здѣсь есть что *понимать*,—это было даже для самыхъ серьезно настроенныхъ изъ насъ новой и пріятной неожиданностью. В. О. Ключевскій построилъ для насъ мостъ отъ тѣхъ методовъ изученія и пониманія, которые мы привыкли считать послѣднимъ словомъ европейской науки, къ тѣмъ методамъ и пріемамъ, при помощи которыхъ онъ самъ не то объяснялъ, не то строилъ русскую исторію. Мы взяли отъ него сразу и методъ, и самые результаты. Такъ убѣдительна была связь между фактами и заключеніями, такъ обоснованно и педагогично самое изложеніе, такъ понятенъ и доступенъ тотъ языкъ новой терминологіи, на которую переводилъ намъ Ключевскій русскую исторію съ невѣдомаго и недоступнаго языка документовъ и прагматиковъ, что мы съ благодарностью и съ вѣрой ухватывались за выводъ, такъ прочно обоснованный,

такъ искусно классифицированный. Черезъ Ключевскаго мы впервые поняли русскую исторію. И тѣ изъ насъ, кто потомъ спорилъ съ этимъ пониманіемъ, все-таки изъ него же исходили. Такъ первый планъ мѣстности, хотя бы набросанный въ общихъ штрихахъ, долго служитъ исходной точкой при дальнѣйшемъ изученіи деталей. Такъ выдающіяся точки, разъ закрѣпленныя въ памяти, помогаютъ найти въ неизвѣстной мѣстности дорогу въ какомъ угодно направленіи.

Быть можетъ, это было наше субъективное представленіе, представленіе поколѣнія, начавшаго серьезно учиться въ концѣ 70-хъ годовъ? Быть можетъ, для своего времени, для 40-хъ годовъ, такія же вѣхи ставилъ Соловьевъ, для 20-хъ—Каченовскій? Быть можетъ, и слава Ключевскаго, какъ учителя нѣсколькихъ поколѣній, должна затмиться славой будущихъ учителей будущихъ поколѣній? Быть можетъ, въ насъ говоритъ непосредственное чувство, непосредственное впечатлѣніе, которое будетъ вытѣснено такими же непосредственными впечатлѣніями нашихъ преемниковъ, тоже, какъ и наши впечатлѣнія, ни съ чѣмъ несравнимыми? И тогда, быть можетъ, слава нашего учителя опустится на иной уровень въ общей перспективѣ десятилѣтій, станетъ въ рядъ съ иными свѣтилами, быть можетъ, померкнетъ, какъ померкла тоже когда-то необычайно яркая слава Каченовскаго?

Я не буду отвѣчать, что на этотъ разъ непосредственное чувство длится что-то слишкомъ ужъ долго. Тридцать два года прошло со времени нашей первой встрѣчи съ Ключевскимъ, и никто еще не замѣнилъ его на разъ занятомъ имъ мѣстѣ. Не видно замѣстителя ему и въ будущемъ, по крайней мѣрѣ ближайшемъ. Но не буду ссылаться на безспорный фактъ прочности славы Ключевскаго, уже испытанной временемъ. Я сошлюсь на другое. Это другое есть уже не одна только личность Ключевскаго, какъ бы могущественна и оригинальна она ни была сама по себѣ. Это есть его мѣсто въ связи поколѣній.

Говорить о «связи поколѣній» по отношенію къ Ключевскому можно въ самомъ различномъ смыслѣ и съ очень различныхъ точекъ зрѣнія. На эту тему можно написать цѣлые томы, для сочиненія которыхъ придетъ свое время. Я ограничусь болѣе тѣсными рамками личныхъ воспоминаній. Осматриваясь въ этихъ предѣлахъ, я нахожу, что и въ нихъ вопросъ о «связи поколѣній» проходитъ красной нитью черезъ всѣ фазы моихъ отношеній къ покойному. И не какъ вопросъ академическаго интереса, а какъ самый нужный, самый существенный, подчасъ самый больной лично вопросъ. Такъ бываетъ, когда непосредственно встрѣчаются люди разныхъ поко-

лѣній и когда любовь и уваженіе къ старшему внушаютъ младшему потребность пониманія и объясненія.

Правда, когда рѣчь идетъ о такомъ несравненномъ, одиночномъ явленіи, какъ талантъ и личность Ключевскаго, кажется какъ-то странно искать объясненій въ «связи поколѣній». Ключевскій, какимъ его привыкли видѣть на разстояніи, долженъ быть одинъ, самъ по себѣ. Какъ мыслитель и ученый, онъ такъ своеобразенъ, такъ крупенъ, что искать корней и нитей представляется уже какъ бы нѣкоторымъ посягательствомъ на источники его вліянія и славы.

Я думаю, это — ошибка. Именно большіе люди, сильные и оригинальные умы требуютъ иного къ себѣ отношенія. А особенно умы, духовное творчество которыхъ стало общимъ національнымъ достояніемъ.

Мысль, могущая быть усвоенной массою, въ какой бы личной формѣ она ни была выражена, не можетъ быть плодомъ случайнаго, хотя бы и геніальнаго вдохновенія. Чтобы такая мысль явилась, нужна долгая подготовка почвы, нужны усилія многихъ поколѣній. И творчество Ключевскаго потому зрѣло и прочно, потому классично, что при всей своей индивидуальности оно не случайно. Оно тѣсно связано съ прошлымъ и бросаетъ тѣни въ будущее. Оно глубоко коренится въ исторіи русской науки и воспринимаетъ плоды современной европейской исторической мысли. Оно, наконецъ, выросло на почвѣ русской общественности, но далеко не чуждо человѣческихъ идеаловъ.

III.

Я упоминалъ уже, что 1879 году мы впервые встрѣтились съ Ключевскимъ, какъ съ профессоромъ... Русской исторіи тогда мы не знали и не чувствовали потребности знать. Но мы успѣли уже узнать послѣднія слова европейской науки. И ко всякому новому учителю, прежде чѣмъ подчиниться его вліянію, мы предъявляли извѣстныя требованія. Если Ключевскій покорилъ насъ сразу, то, конечно, не потому только, что онъ красиво и эффектно разсказывалъ историческіе анекдоты. Мы искали и нашли въ немъ прежде всего мыслителя и изслѣдователя, взгляды и пріемы котораго отвѣчали нашимъ запросамъ.

Въ чемъ состояли эти запросы? На это и теперь, спустя тридцать лѣтъ съ лишнимъ, отвѣчаютъ первыя двѣ лекціи «Курса русской исторіи» В. О. Ключевскаго. Несмотря на нѣкоторыя позднѣйшія наслоенія фразеологіи и мысли, существенное содержаніе методологическихъ взглядовъ Ключевскаго на изученіе русской исторіи осталось здѣсь то же самое, какимъ мы знали его тогда и какимъ

оно сложилось подъ непосредственнымъ вліяніемъ тогдашнихъ запросовъ нашего поколѣнія къ методологіи и къ философіи исторіи.

Для насъ, тогдашнихъ студентовъ-филологовъ московскаго университета, было аксіомой, что изученіе исторіи не можетъ и не должно ставить себѣ прикладныхъ цѣлей. Съ этой точки зрѣнія и славянофильское, и западническое, и народническое, и либеральное толкованіе русской исторіи были для насъ одинаково подозрительны. Мы не хотѣли строить русской исторіи ни на идеѣ заимствованія, ни на идеѣ самобытности: вообще ни на какихъ идеяхъ практическаго характера, налагаемыхъ извнѣ. Мы соглашались изучать русскую исторію, какъ изучали всякую, съ точки зрѣнія общей научной проблемы—внутренней органической эволюціи человѣческаго общежитія. Мы еще не называли тогда этой проблемы *соціологической* проблемой. Но мы уже рѣшительно чуждались всякихъ философско-историческихъ построеній, всякихъ произвольныхъ нанизываній фактовъ сообразно требованіямъ цѣлесообразности, навстрѣчу тому или другому философскому или общественному идеалу. Мы хотѣли только констатированія явленій «закономѣрности». Мы искали «законовъ» въ исторіи.

На эти наши требованія В. О. Ключевскій отвѣтилъ не разсужденіями и теоріями, а самымъ фактомъ своего отношенія, какъ изслѣдователя, къ русской исторіи, какъ къ предмету изслѣдованія. Разсужденія его по этому вопросу мы прочли потомъ въ первыхъ лекціяхъ II тома и нашли ихъ соотвѣтствующими по выводамъ—нашимъ собственнымъ.

Приступая къ чтеніямъ, профессоръ не спѣшилъ рекомендовать прикладное значеніе отечественной исторіи. Изученіе русской исторіи важно, но не потому прежде всего, чтобы въ ней слѣдовало искать образцовъ для подражанія или матеріала для воспитанія въ себѣ «любви къ отечеству и народной гордости». Напротивъ, какъ бы заранѣе историкъ спѣшитъ согласиться, что культурное значеніе данной «мѣстной исторіи» сравнительно ничтожно. Онъ указываетъ, какъ на источникъ для изученія «общаго культурнаго движенія человѣчества», на «всеобщую исторію». Для спеціальнаго же изученія «мѣстной» русской исторіи онъ выдвигаетъ особую «научную цѣль». Дѣло въ томъ, что «отдѣльная исторія извѣстнаго народа можетъ быть важна своеобразностью своихъ явленій, независимо отъ ихъ культурнаго значенія, когда представляетъ изучающему возможность наблюдать такіе процессы, которые особенно явственно вскрываютъ механику исторической жизни». Эта механика вскрывается особенно явственно именно въ русской исторіи, какъ благодаря «сравнительной простотѣ» ея явленій, такъ и благодаря

«своеобразному сочетанію» въ ней «силъ и элементовъ» тѣхъ же самыхъ, какъ въ западной исторіи, но «въ иномъ подборѣ». Благодаря этому «методологическому удобству», исторія Россіи важна какъ прекрасное вспомогательное средство для изученія «науки объ обществѣ» или «исторической соціологіи».

Строгій соціологъ можетъ усомниться въ спеціальныхъ «методологическихъ удобствахъ» русской исторіи и въ ея особой «простотѣ». Онъ можетъ не согласиться съ самой возможностью противополагать, съ этой точки зрѣнія, «мѣстную» исторію «всеобщей». Но онъ не откажется признать, что если «всеобщій» историкъ исходитъ изъ положенія: Weltgeschichte ist Weltgericht, то противополагать этому отживавшему уже тогда воззрѣнію точку зрѣнія «исторической соціологіи» — значитъ находиться въ самомъ курсѣ того воззрѣнія, безъ котораго никакое научное изученіе исторіи невозможно для нашего поколѣнія.

IV.

Не только методъ, но и выборъ содержанія курса отвѣчалъ потребностямъ этого поколѣнія. Начало университетскихъ чтеній Ключевскаго совпало со временемъ, когда исторія учрежденій, «конституціонная исторія» именно отдѣльныхъ странъ, отодвинула на второй планъ всемірную исторію культурныхъ идей. Но одна голая исторія механизма государственныхъ учрежденій уже не удовлетворяла... Уже поставленъ былъ вопросъ объ отношеніи политическихъ формъ къ наполнявшему ихъ соціальному матеріалу. А изученіе соціальной структуры общества уже считалось невозможнымъ безъ изученія экономическихъ отношеній. «Экономическій матеріализмъ» еще представлялся скорѣе какъ общая тенденція изученія, чѣмъ какъ готовая философско-политическая доктрина, — скорѣе по Сорольду Роджерсу, чѣмъ по Марксу. Но вопросъ о взаимоотношеніи политическаго и экономическаго фактора въ исторіи былъ уже поднятъ. Роль «идей» была заподозрѣна вмѣстѣ съ идеалистическимъ толкованіемъ исторіи, и занятіе ими предоставлено старомоднымъ всемірнымъ или, что то же (по тогдашней терминологіи), «культурнымъ» историкамъ.

В. О. Ключевскій отвѣтилъ на эти вопросы и стремленія, освободивъ ихъ отъ заключавшихся въ нихъ крайностей и увлеченій, но ставъ по существу на одну точку зрѣнія съ молодымъ поколѣніемъ. Онъ, который съ такимъ мастерствомъ умѣлъ рисовать культурные типы и идейныя настроенія, посвятилъ свой курсъ исключительно или почти исключительно политической и соціальной исторіи на экономической подкладкѣ. Предвидя у своихъ позднѣй-

шихъ читателей «Курса русской исторіи» недоумѣніе по поводу получившагося такимъ образомъ пробѣла, В. О. отвѣтилъ на него слѣдующими любопытными строками: «А гдѣ же, можетъ быть, спросите вы, домашній бытъ, нравы, успѣхи знанія и искусства, литературы, духовные интересы, факты умственной и нравственной жизни, — словомъ, все то, что на нашемъ обиходномъ языкѣ принято называть идеями? Развѣ онѣ не имѣютъ мѣста въ нашей исторіи или развѣ онѣ не факторы историческаго процесса?» На этотъ вопросъ дается вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: «Идея становится историческимъ факторомъ, когда овладѣваетъ какой-нибудь практической силой, властью, народной массой или капиталомъ. Политическій и экономическій порядокъ извѣстнаго времени можно признать показателемъ его умственной и нравственной жизни... Въ отдѣльныхъ умахъ, въ частномъ обиходѣ... (мы встрѣчаемъ) запасъ другихъ помысловъ и стремленій, не достигшихъ такого господства». Я цитирую по 1-му изданію I тома «Исторіи». Въ послѣдующихъ изданіяхъ это мѣсто измѣнено. Но именно въ цитированной формѣ оно лучше отвѣчаетъ тому, уже историческому, прошлому, которое я пробую характеризовать по личнымъ воспоминаніямъ.

Позднѣе Ключевскій ввелъ и другія оговорки, указавши, что тутъ рѣчь идетъ не столько о существѣ дѣла, сколько о методологіи, о порядкѣ историческаго изученія. Но какъ бы то ни было, для самого себя онъ призналъ обязательнымъ тотъ же порядокъ, какъ и для своихъ слушателей. И нашъ первый выпускъ съ восхищеніемъ прочелъ подзаголовокъ докторской диссертаціи Ключевскаго, печатаніе которой началось съ слѣдующаго 1880 г. въ «Русской Мысли»: «Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества». Выборъ темы для диссертаціи, очевидно, диктовался тѣми же методологическими соображеніями, какъ и выборъ содержанія курса. «Изученіе древне-русской боярской думы ставитъ изслѣдователя прямо передъ исторіей древне-русскаго общества, передъ процессомъ образованія общественныхъ классовъ». Передъ этимъ господствующимъ интересомъ, передъ «соціальной исторіей думы» для историка, какъ и для насъ, отступала на второй планъ ея «конституціонная» исторія. Какъ я уже сказалъ выше, искать въ русскомъ прошломъ политическихъ прецедентовъ для будущаго, такъ же какъ и изучать исторію нашихъ учрежденій съ точки зрѣнія «самобытности» или «заимствованія», казалось для насъ поверхностнымъ и ненаучнымъ. И мы вполнѣ раздѣляли мнѣніе Ключевскаго, изложенное въ первоначальномъ текстѣ «Боярской Думы», что подобныя «односторонности» и «пристрастія» суть просто запоздалый пережитокъ «политической философіи прошлаго (XVIII)

вѣка». Съ точки зрѣнія соціально-экономической эволюціи насъ интересовало, какъ и автора «Боярской Думы», не то, «откуда взялись формы, свои онѣ или чужія», а то, «какое туземное содержаніе влилось въ нихъ и переработало ихъ». Словомъ, прикладное значеніе исторіи мы могли понимать различно съ нашимъ учителемъ; но, подходя къ научному историческому изученію, мы соглашались, что необходимо испробовать свои силы тамъ, гдѣ, казалось, легче всего было подойти къ открытію исторической закономѣрности: въ сферѣ наиболѣе элементарныхъ соціальныхъ явленій, которыми опредѣляется основной ходъ историческаго процесса.

Какъ же развертывалась схема русской исторіи на основаніи этихъ принципіальныхъ соображеній у самого нашего руководителя? Отвѣтъ, детально раскрытый въ «Боярской Думѣ», мы находили въ еще болѣе доступной формѣ во всемъ планѣ расположенія университетскаго курса. Намъ казалась совершенно устарѣвшей схема дѣленія русской исторіи по узко-юридическимъ признакамъ. Смѣна «родового быта» «государственнымъ», хотя бы даже и осложненная переходнымъ періодомъ «вотчиннаго» или «частнаго» владѣнія,— эта схема Соловьева, Кавелина и Чичерина насъ уже не удовлетворяла. Она представлялась намъ слишкомъ отвлеченной, витающей гдѣ-то высоко надъ конкретными явленіями исторической жизни. В. О. Ключевскій отвѣтилъ на наши сомнѣнія тѣмъ, что низвелъ схему русскаго историческаго процесса въ самую гущу конкретныхъ явленій. Его построеніе казалось намъ выводомъ, непосредственно вытекающимъ изъ наблюденія и изслѣдованія. Вотъ почему оно такъ сразу насъ захватило и покорило.

V.

Какъ извѣстно, дѣленіе русской исторіи на періоды у Ключевскаго прежде всего слѣдуетъ факту матеріальному въ самомъ подлинномъ смыслѣ, факту географическому. Русь днѣпровская, Русь верхне-волжская, Русь великорусская, Русь всероссійская— насколько это звучало конкретнѣе, чѣмъ всякія Руси «удѣльныя», «царскія», «императорскія»! Особенно когда въ основу дѣленія вводился вмѣстѣ съ географическимъ признакомъ и признакъ этнографическій—переселеніе населенія съ мѣста на мѣсто, фактъ «колонизаціи», «основной фактъ русской исторіи». Столь же естественно богатая днѣпровская Русь характеризовалась какъ «городовая» и «торговая», а бѣдная Русь верхне-волжскаго «суглинка»—какъ Русь земледѣльческая. Изъ географическо-экономическихъ условій самъ собой вытекалъ тотъ или другой соціальный строй: преобладаніе

городского класса на югѣ, бродячее земледѣльческое населеніе княжеской вотчины на сѣверѣ, потомъ постепенное стѣсненіе крестьянскато труда военно-дворянскимъ классомъ, долгая исторія крестьянской неволи. Наконецъ, и политическая классификація являлась вполнѣ понятной и обоснованной, когда опиралась на всѣ эти предварительно выясненныя смѣны въ матеріальныхъ порядкахъ жизни. На югѣ—искусственное наслоеніе «князей-наемниковъ», захватившихъ въ свои руки городовыя области, а черезъ нихъ—всѣ нити тогдашняго народнаго труда. Русская земля, какъ цѣлое, эксплоатируемое для блестящей внѣшней торговли артелью князей-сородичей. Потомъ, съ упадкомъ торговли, паденіе политической цѣльности земли, дробленіе, все болѣе мелкое, и появленіе отдѣльныхъ «земель» и вѣчъ—зародышъ будущаго народнаго и земскаго единства. Потомъ князь-вотчинникъ, перенесшій эксплоатацію народнаго труда на земледѣльческій сѣверъ, вслѣдъ за отливомъ колонизаціи, въ область сельскохозяйственнаго труда, и основавшій на грубой силѣ ту власть, которая послужила для политическаго объединенія, повлекшаго за собой, какъ послѣдствіе, и политическія идеологіи: христіанскую (Божественное происхожденіе власти), вселенскую (наслѣдство византійскаго православія) и національную (единство русской народности). Такимъ образомъ, каждый изъ четырехъ періодовъ, на которые дѣлилъ русскую исторію В. О. Ключевскій, получалъ свою характеристику, основанную на сочетаніи всѣхъ основныхъ признаковъ: географическо-этнографическаго, экономическаго, соціальнаго и политическаго.

Курсъ В. О. Ключевскаго составился для цѣлей преподаванія и во время преподаванія. Немудрено, что, со свойственнымъ ему педагогическимъ искусствомъ, лекторъ нашелъ средства закрѣпить въ нашемъ воображеніи всю эту схему, связавъ ее съ рядомъ конкретныхъ фактовъ и характеристикъ, такъ сказать, драматизировавъ ходъ русской исторической эволюціи. Позднѣе тѣ изъ насъ, кто занялся спеціальнымъ изученіемъ исторіи по слѣдамъ В. О. Ключевскаго, не могли не замѣтить, что именно эта драматизація, являвшаяся самой яркой связующей нитью курса, была и самою рискованною его частью. Фактъ колонизаціи и для насъ, и для нашихъ преемниковъ останется «основнымъ фактомъ русской исторіи». Но для схемы В. О. Ключевскаго понадобились только отдѣльные эпизоды этого огромнаго явленія, и эпизоды не всегда самые крупные и самые достовѣрные. Самое начало русской исторіи въ его схемѣ есть уже драматизація. Это племя дулѣбовъ-валинана, «примученное обрами» и долженствовавшее, по мысли историка, вскрыть промежуточный этапъ предполагаемаго шествія славянъ съ

Дуная на Днѣпръ,—въ лучшемъ случаѣ это есть частичный эпизодъ на опушкѣ того великаго русскаго лѣса, въ которомъ колонизація такъ хорошо укрылась отъ взоровъ историка, что ее не можетъ уже возстановить никакая «народная память». Приходится запастись терпѣніемъ и ждать, пока археологія, топографическая номенклатура, лингвистика, быть можетъ, антропологія откроютъ намъ секретъ этой тайны. Всѣ эти матеріалы не находились въ распоряженіи В. О. Ключевскаго, отчасти не находятся и въ нашемъ распоряженіи. Далѣе, эта эффектная, тоже ярко драматизированная картина южной торговли. Вѣрная сама по себѣ, не скрываетъ ли и она за собой умолчанія объ основномъ базисѣ процесса: о состояніи тогдашней племенной жизни? Когда потомъ приходится объяснять быстрый крахъ всего этого, искусственно вздутаго, кіевскаго богатства, когда приходится вдругъ заговорить о «земляхъ» и «вѣчахъ», развѣ не заключается въ самой быстротѣ этого скачка внизъ признаніе, что предыдущая характеристика расцвѣта не все договорила? Драматизація идетъ и дальше, возбуждая еще болѣе серьезныя сомнѣнія. Когда занавѣсъ, опущеный въ Кіевѣ, открывается на «волжскомъ суглинкѣ», самъ изслѣдователь предвидитъ вопросъ: откуда эта новая сцена и гдѣ осталась старая, что сталось съ ея обитателями? В. О. Ключевскій вводитъ тутъ яркое интермеццо: старая сцена быстро пустѣетъ съ уходомъ всего населенія на западъ и на сѣверо-востокъ. Какъ ни ярка картина, какъ ни несомнѣнны явленія, лежащія въ ея основѣ, какъ ни остроумны сопоставленія историка, доказывающія наличность катастрофы, мы не рискуемъ пойти за нимъ до конца и поставить безспорные факты въ тѣ широкія рамки, въ которыхъ у самого историка они получаютъ характеръ простой «догадки» (II, 356). Не рѣшаемся тѣмъ болѣе, что съ вопросомъ о размахѣ переселенія связанъ тутъ вопросъ о происхожденіи великорусскаго и малорусскаго племени, т.-е. о явленіи, во всякомъ случаѣ болѣе длительномъ и менѣе тѣсно связанномъ съ живописуемой исторической драмой, чѣмъ это нужно для цѣлей историческаго курса.

Я не иду въ изображеніи этихъ сомнѣній далѣе. Ограничусь только указаніемъ, что удовлетворявшая насъ общая схема торжествуетъ преимущественно въ изображеніи первыхъ вѣковъ нашей исторіи. Чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе эти общія рубрики могутъ охватить детальность явленія. Дойдя до четвертаго и послѣдняго періода своей схемы, обнимающаго огромный промежутокъ отъ 1613 до 1855 года, отъ Михаила до Александра II, историкъ принужденъ въ самомъ началѣ заявить, что здѣсь «не просто историческій періодъ, а цѣлая цѣпь вѣковъ». И здѣсь, конечно, онъ про-

водитъ всѣ свои основные признаки дѣленія: признакъ географическій (распространеніе государства до предѣловъ русскаго населенія и далѣе), признакъ экономическій (присоединеніе къ земледѣлію промышленной, фабрично-заводской обработки), признакъ соціальный (дворянство и крѣпостное право). Но уже одинъ перечень этихъ признаковъ показываетъ, какъ они тутъ мало говорятъ. Конечно, В. О. Ключевскій объединяетъ все это время въ одинъ періодъ не случайно. Ниже мы увидимъ, насколько это дѣленіе характерно лично для него.

Высказанныя сомнѣнія—и многія другія—представились нашему уму значительно позднѣе. Быть можетъ, возникновеніе ихъ есть результатъ значительной предоставленной намъ нашимъ руководителемъ свободы личнаго изслѣдованія. В. О. Ключевскій ставилъ *наши* методологическія требованія, приходилъ къ выводамъ, насъ удовлетворявшимъ. Но въ своей работѣ онъ былъ и остался одинокъ. Въ этомъ сказался его своеобразный умъ, его сложный и извилистый, одному ему доступный процессъ мысли.

Я долженъ здѣсь присоединиться къ оговоркѣ, уже сдѣланной въ статьѣ Н. Сперанскаго о Ключевскомъ. У насъ были практическія занятія по русской исторіи съ Ключевскимъ, но въ свою лабораторію онъ насъ не вводилъ. Между нашими упражненіями надъ источниками «Русской Правды», «Псковской Грамоты» и т. д. и готовыми выводами нашего руководителя лежала цѣлая пропасть, которую заполнить было невозможно. Интересъ семинарія сосредоточивался, поневолѣ, не въ нашихъ работахъ, а въ непрерывномъ комментаріи нашего руководителя. Когда кончался этотъ комментарій, мы, на правахъ перваго выпуска, не уходили, но и не вели спеціальныхъ ученыхъ разговоровъ. Мы заводили бесѣду съ В. О. Ключевскимъ... о политикѣ. Вѣроятно, читатель вспомнитъ, что то были бурные годы въ исторіи нашей общественности (1879—81 г.). Матеріала для политическихъ собесѣдованій было сколько угодно. В. О. Ключевскій не уклонялся отъ бесѣдъ, но мнѣнія свои высказывалъ очень уклончиво, чѣмъ немало сердилъ насъ, не имѣвшихъ основанія сомнѣваться въ общей его симпатіи къ молодежи. Какъ бы то ни было, остроуміе и оригинальность, съ какими высказывались самыя для насъ непріятныя мысли, мирили насъ съ собесѣдникомъ, и для нѣкоторыхъ изъ насъ эти памятные вечера сдѣлались началомъ болѣе близкихъ сношеній съ В. О. Ключевскимъ и съ кружкомъ его болѣе старыхъ друзей, къ которому между прочимъ примыкалъ С. Ѳ. Фортунатовъ и покойный Шаховъ.

Ключевскій, какъ руководитель, намъ не помогъ. Тѣмъ съ большимъ вниманіемъ и интересомъ мы слѣдили за каждымъ шагомъ

Ключевскаго, какъ ученаго изслѣдователя. Каждая глава «Боярской Думы», появлявшаяся въ 1880 и 1881 гг. въ «Русской Мысли» была для насъ новымъ откровеніемъ. Этотъ интересъ не ослабѣлъ, а еще болѣе усилился, когда отъ общаго, широкаго синтеза своей докторской диссертаціи В. О. Ключевскій перешелъ къ своимъ кружевнымъ детальнымъ изслѣдованіямъ надъ крѣпостнымъ правомъ и холопствомъ («Русская Мысль» 1885, 1886 гг.) и надъ соціальнымъ составомъ земскихъ соборовъ (тамъ же, январскіе №№ 1890, 1891, 1892 гг.). Каждая новая ученая побѣда дорогого нашего учителя была и нашимъ торжествомъ, тѣмъ болѣе что мы видѣли, какъ мнительно и недовѣрчиво относился онъ къ плодамъ собственной работы и какъ медленно поэтому она двигалась впередъ.

VI.

Наступила, наконецъ, и для насъ пора спеціальной ученой работы. И тѣ изъ насъ, кто спеціализировался на изученіи русской исторіи, должны были, прежде чѣмъ двигаться дальше, дать себѣ отчетъ въ томъ мѣстѣ, которое занимало въ развитіи самой нашей науки это громадное, приковавшее все наше вниманіе явленіе — схема русской исторіи, созданная на нашихъ глазахъ Ключевскимъ. Здѣсь тоже приходилось устанавливать «связь поколѣній», но уже въ иномъ смыслѣ, чѣмъ прежде. Дѣло шло уже не о связи нашего собственнаго поколѣнія съ Ключевскимъ, а о связи Ключевскаго съ поколѣніями изслѣдователей, ему предшествовавшихъ.

Что эта связь была, въ этомъ не могло быть сомнѣнія даже и для тѣхъ, кто не углублялся въ изученіе русской исторіографіи. Въ этомъ убѣждало насъ то, что часто, какъ бы отвѣчая, печатно и устно, на наши вопросы, В. О. Ключевскій собственно давалъ отвѣтъ на постановку этихъ вопросовъ, не нами сдѣланную. При обсужденіи самыхъ современныхъ вопросовъ исторической методологіи часто проскальзывали у него точки зрѣнія, отдѣльные термины и словосочетанія, къ которымъ мы не привыкли въ изложеніи новѣйшихъ европейскихъ историческихъ методовъ. Въ самомъ интимномъ общеніи оставалось что-то намъ чуждое, что подлежало дальнѣйшему выясненію. Для насъ, не то семидесятниковъ, не то восьмидесятниковъ, Ключевскій являлся уже передаточнымъ звеномъ традиціи, кристаллизовавшейся десятилѣтіемъ раньше, въ шестидесятыхъ—семидесятыхъ годахъ.

Вѣроятно, тѣ многочисленныя замѣтки на поляхъ и на выходныхъ листахъ книгъ личной библіотеки Ключевскаго, о которыхъ упоминалось въ печати по смерти его, помогутъ обстоятельно

выяснить тотъ процессъ внимательной и кропотливой спеціальной работы, въ результатѣ которой сложились воззрѣнія Ключевскаго на русскую исторію. Теперь можно лишь бѣгло намѣтить самые общіе штрихи.

Прежде всего, Ключевскій является ученикомъ С. М. Соловьева. Едва ли онъ многимъ обязанъ личному вліянію знаменитаго историка. Единственное практическое указаніе — заняться житіями святыхъ, какъ историческимъ источникомъ—привело, послѣ мелочной и томительной работы, къ отрицательному результату. И Ключевскій не разъ съ горечью вспоминалъ о напрасно потерянномъ времени, какъ главномъ послѣдствіи слишкомъ легко даннаго совѣта. Это однако не исключаетъ вліянія сочиненій Соловьева на Ключевскаго. Вліяніе это было огромное. Невозможно перечислить здѣсь всѣхъ отдѣльныхъ вопросовъ, въ которыхъ оно сказалось. Можно сказать только, что «Исторія» Соловьева была общей канвой, по которой работалъ Ключевскій. Что касается общаго взгляда Соловьева на задачи русскаго историка, то Ключевскій въ своей университетской рѣчи о Соловьевѣ опредѣлилъ этотъ взглядъ такъ, какъ могъ бы опредѣлить и свой собственный: «генезисъ и развитіе политическихъ формъ и соціальныхъ отношеній». Если понадобилось бы провести различіе между обоими историками, то, конечно, въ этой формулѣ пришлось бы для Соловьева сдѣлать удареніе на первой, а для Ключевскаго на второй половинѣ. Раскрывая это различіе дальше, слѣдовало бы обратить вниманіе, какъ въ томъ же поминальномъ словѣ Ключевскій подчеркиваетъ односторонность и неполноту изученія одного только «политическаго порядка», «смѣны политическихъ формъ». Чтобы понять, почему одинъ и тотъ же «порядокъ» въ разныхъ условіяхъ прививался различно, нужно «форму» наполнить «матеріаломъ». Вотъ почему Ключевскій считаетъ долгомъ добросовѣстности, хотя бы попутно и обинякомъ, отмѣтить, что одновременно съ Соловьевымъ «другіе наблюдатели сосредоточивали свое вниманіе на свойствахъ почвы и матеріала, который изъ нея извлекался для построенія общества». Въ противоположность «генезису и развитію» политическихъ формъ и соціальныхъ отношеній», эти другіе наблюдатели изучали «ростъ національныхъ преданій и обычаевъ, духъ и бытъ народа».

Нельзя не угадать въ этой осторожной параллели противоположность западничества и славянофильства въ изученіи русской исторіи. Проведя параллель, Ключевскій дѣлаетъ характерное замѣчаніе: «Это раздвоеніе по существу своему не давало повода къ антагонизму обоихъ направленій въ исторической наукѣ: оно,

собственно, было не болѣе какъ простымъ раздѣленіемъ труда въ работѣ надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ; однако же это раздѣленіе иногда принималось за различіе самыхъ воззрѣній, принциповъ и вызывало борьбу».

Мы знаемъ, что различіе принциповъ было,—и очень существенное. И борьба была жестокой, потому что была принципіальной. Переживи Ключевскій это время—сороковые и пятидесятые годы—какъ очевидецъ и участникъ, онъ, конечно, не могъ бы дать такой смягченной и примирительной формулы «борьбы» двухъ теченій, какую далъ въ приведенныхъ строкахъ. Онъ не написалъ бы ихъ и тогда, если бы былъ совсѣмъ непричастенъ «борьбѣ» и могъ бы отнестись къ ней со стороны, только какъ историкъ и объективный наблюдатель. Но его положеніе среднее. И въ этомъ положеніи—ключъ ко многому, что намъ остается неяснымъ въ Ключевскомъ. Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ противорѣчія славянофильскаго и западническаго взгляда на русскую исторію, дѣйствительно, были велики и неустранимы. Это было то время, когда Соловьевъ заклеймилъ славянофильство названіемъ «антиисторическаго» направленія и вызвалъ ядовитыя реплики Хомякова, Аксакова и Самарина. Это было время споровъ К. Аксакова съ Соловьевымъ и Кавелинымъ о родовомъ бытѣ, Бѣляева съ Чичеринымъ объ общинѣ. Совершенно иное было—шестидесятые годы. Геніальныя прозрѣнія Герцена, находившаго еще въ 40-хъ годахъ, въ самомъ началѣ «борьбы», что славянофилы на нѣсколькихъ вѣрныхъ истинахъ построили не то зданіе, которое изъ нихъ вытекаетъ, а западники должны овладѣть славянофильскими темами, чтобы сдѣлать свое ученіе демократическимъ и популярнымъ,—эти прозрѣнія начали осуществляться въ 60-хъ годахъ. Славянофильство начинаетъ привлекать изслѣдователей самыхъ разнообразныхъ категорій не своимъ квасным націонализмомъ, не своей метафизическо-богословской доктриной, а своимъ обращеніемъ къ изученію народа, его быта, его психическаго склада, матеріальныхъ условій его жизни. На народѣ и народности сходятся въ 60-хъ годахъ самыя разнообразныя направленія, начиная отъ эпигоновъ славянофильства, въ родѣ Бѣляева, и кончая такимъ либераломъ чистой воды, какъ Градовскій. Въ поклоненіи «народности» сходятся Костомаровъ и Буслаевъ, Щаповъ и Бестужевъ-Рюминъ, Забѣлинъ, Аѳанасьевъ. Каждый по-своему, но всѣ толкутся въ эту дверь, и на одинъ моментъ (1861—2) сближаются въ общемъ настроеніи. Это то настроеніе, въ которомъ Писаревъ находитъ одобрительныя слова для Кирѣевскаго, Чернышевскій подаетъ руку Юрію Самарину. Бросить мертвый механизмъ бездуш-

ныхъ юридическихъ формъ, обратиться къ живому матеріалу, наполняющему формы, — таковъ общій лозунгъ въ эти годы. Это настроеніе совпало съ моментомъ вступленія В. О. Ключевскаго въ университетъ и не могло не оказать вліянія на направленіе его научной мысли, только что формировавшейся.

Припомнимъ теперь, что была одна серьезная причина общественнаго порядка, которая именно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ такъ сблизила противниковъ и антиподовъ на одной идеѣ «народности». В. О. Ключевскій сказалъ намъ о ней, когда уже въ XVII столѣтіи усмотрѣлъ «завязку порядковъ, бывшихъ *первыми общественными впечатлѣніями людей моего возраста*». В. О. Ключевскій поступилъ въ университетъ какъ разъ тогда, когда ликвидировалось вѣковое зло русской жизни, крѣпостное право. И это великое общественное событіе оставило на историкѣ сильное, неизгладимое впечатлѣніе. Къ его послѣдствіямъ для политическихъ воззрѣній историка мы еще вернемся.

Теперь прибавимъ только, что не одна идея «народности», но и «реализмъ» шестидесятыхъ годовъ оставили неизгладимый слѣдъ на личности историка. Правда, и тутъ, какъ въ вопросѣ крестьянскаго освобожденія, онъ остался, по условіямъ своего воспитанія, въ сторонѣ отъ главнаго русла движенія. Тѣмъ не менѣе онъ воспринялъ его результаты. Его отношеніе къ научно-реалистическимъ тенденціямъ шестидесятыхъ годовъ видно изъ его суровой рецензіи на одно сочиненіе Щапова (1870). Любопытно, что строгая критика рецензента кончается выраженіемъ благодарности. При всѣхъ недостаткахъ «рѣдко можно встрѣтить изслѣдованіе, которое рѣзче бы обнаруживало научныя потребности русской исторической литературы». Дѣйствительно, требованія научнаго реализма, вытекающія изъ современнаго міровоззрѣнія, нигдѣ въ русской исторической литературѣ не поставлены такъ ясно и отчетливо, какъ у Щапова, и никто такъ близко не подошелъ къ пониманію задачъ научнаго изученія исторіи. И одной приведенной фразы достаточно, чтобы показать, что шестидесятые годы не прошли безъ вліянія на складъ философско-историческихъ взглядовъ Ключевскаго.

Во всякомъ случаѣ именно шестидесятые годы, съ только что изображеннымъ народническимъ настроеніемъ ихъ, съ ихъ реалистической и соціальной подкладкой общественной мысли, дали возможность Ключевскому эмансипироваться отъ непосредственнаго вліянія своего учителя, выйти за предѣлы обветшавшихъ аксіомъ историко-юридической школы и отнестись къ «антагонизму обоихъ направленій» просто какъ къ «раздѣленію труда въ работѣ надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ».

Это нейтральное положеніе въ борьбѣ подражателей съ самобытниками, съ нѣсколько бо́льшимъ наклоненіемъ къ послѣднимъ, В. О. Ключевскій сохранилъ до конца. Въ III томѣ «Исторіи» онъ такъ характеризуетъ «привлекательныя особенности обоихъ направленій». У западниковъ—«дисциплина мысли, любовь къ точному изученію, уваженіе къ научному знанію». У славянофиловъ—«широкая размашистость идей, бодрая вѣра въ народныя силы и та струйка лирической діалектики, которая такъ мило прикрывала въ нихъ промахи логики и прорѣхи эрудиціи».

Какъ видимъ, на сторонѣ западниковъ лежитъ умъ Ключевскаго. Къ славянофильству онъ склоняется сердцемъ. Въ однихъ онъ теоретически уважаетъ ихъ достоинство. Другимъ готовъ любовно простить ихъ недостатки, «промахи» и «прорѣхи». У западниковъ, въ лицѣ своего учителя Соловьева, онъ беретъ стройный методъ, который требуетъ повсюду въ исторіи искать «сходные моменты и условія» закономѣрной исторической эволюціи. Но вмѣстѣ съ славянофилами онъ признаетъ «своеобразныя сочетанія» этихъ «основныхъ элементовъ общежитія» въ русской исторіи и даже склоненъ считать «невиданными» тѣ внѣшнія обстоятельства, при которыхъ развивается русскій историческій процессъ. Выдѣляя въ каждомъ изъ двухъ теченій долю истины, онъ противопоставляетъ ее заблужденіямъ каждаго и тѣмъ спасается отъ ихъ крайностей и односторонностей. Славянофильское «своеобразіе» спасаетъ Ключевскаго отъ увлеченія теоріей механическихъ заимствованій съ Запада. А западническая идея однообразія основныхъ элементовъ исторической эволюціи даетъ ему возможность избѣгнуть увлеченія этимъ «своеобразіемъ» до признанія абсолютной «самобытности» и замкнутой въ себѣ неподвижности нашей національной исторіи.

Однако не одна только историческая перспектива, въ которой шестидесятникъ Ключевскій находится по отношенію къ непримиримымъ противорѣчіямъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, помогаетъ ему быть выше ихъ и сочетать въ одномъ высшемъ синтезѣ ихъ «привлекательныя особенности». Къ тому же ведетъ и личный складъ ума: та полная свобода отъ всякаго догматизма, которая составляетъ коренную черту всего духовнаго склада Ключевскаго. Какъ очень чувствительный измѣрительный аппаратъ, его психика находится въ вѣчномъ колебаніи. Каждое утвержденіе ведетъ за собой въ этомъ мыслительномъ аппаратѣ немедленную оговорку. Каждый порывъ чувства сопровождается скептической усмѣшкой, каждое движеніе воли—колебаніемъ и рефлексіей. Противорѣчіе — и антитеза, какъ ея литературное выраженіе — основная стихія психики Ключевскаго. Я мало зналъ людей, которымъ

такъ трудно было устанавливать даже обыкновенныя житейскія отношенія, такъ мучительно давался подчасъ самый простой житейскій шагъ, какъ В. О. Ключевскому.

Мнительность и скрупулезность изслѣдователя встрѣчала, правда, свой противовѣсъ въ огромномъ талантѣ схематизаціи, въ умѣніи изображать свои выводы въ рѣзкой и яркой формулѣ, въ привычкѣ ко всѣмъ тѣмъ упрощеніямъ, которыя подсказывалъ лектору преподавательскій тактъ. Всѣми этими чертами и отличается общій курсъ лекцій Ключевскаго. Но въ работахъ строго изслѣдовательскаго характера В. О. Ключевскій давалъ полную волю своей мнительности. Оттого и маленькія работы затягивались у него иногда на долгіе годы (статьи о земскихъ соборахъ появились въ трехъ январскихъ книжкахъ «Р. Мысли» въ теченіе трехъ лѣтъ). Оттого и изложеніе этихъ работъ было такъ не похоже на курсъ лекцій, благодаря цѣлому ряду оговорокъ, отступленій и побочныхъ экскурсовъ. Именно вслѣдствіе той же мнительности и требовательности къ себѣ Ключевскій до конца своей жизни не рѣшался издать своего курса. А когда онъ, наконецъ, за него принялся, то и на печатномъ изданіи отразились тѣ же черты изслѣдовательской работы Ключевскаго. Основные штрихи и контуры значительно затушевались и поблѣднѣли, осложненные аппаратомъ учености и тяжестью фактическаго матеріала. Тѣ, кто привыкли думать, что въ курсѣ историческая работа Ключевскаго получила окончательную, навсегда закрѣпленную форму, пусть только сравнятъ литографированное изданіе курса съ печатнымъ, и они увидятъ, какъ много внесено тутъ новыхъ наслоеній, покрывшихъ, а частью и видоизмѣнившихъ старыя.

Эта неустанная, разъѣдающая сама себя работа критической мысли чрезвычайно затрудняетъ изученіе генезиса взглядовъ Ключевскаго. Очень ясный вначалѣ, этотъ генезисъ запутывается и ускользаетъ отъ точнаго опредѣленія, по мѣрѣ того какъ взятая у предшественниковъ мысль подвергается внутренней переработкѣ въ умственной лабораторіи Ключевскаго.

Отсюда же и это разногласіе двухъ характеристикъ Ключевскаго, какъ ученаго, по одной изъ которыхъ можно было бы сказать, что у него все заимствовано, а по другой — не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что все оригинально.

Начиная работу надъ русской исторіей, Ключевскій предварительно серьезно и тщательно изучилъ наличную литературу. Но онъ къ ней потомъ почти никогда не возвращается. Подобно Фюстель-де-Куланжу, онъ всегда основываетъ свое мнѣніе ссылками на источники первой руки, на акты, на лѣтописи: на фактѣ, имъ самимъ

провѣренномъ и установленномъ, а не на чужое мнѣніе о фактѣ. Между первымъ толчкомъ, даннымъ работой предшественника, и окончательнымъ выводомъ изслѣдователя разстояніе оказывается очень большое, и старый выводъ измѣняется часто до неузнаваемости. Но эта связь почти всегда есть и можетъ быть вскрыта детальнымъ изслѣдованіемъ. Возьмемъ для примѣра одно изъ самыхъ оригинальныхъ построеній начала русской исторіи: мысль о связи появленія княжеской власти съ торговлей. Въ другомъ мѣстѣ я указалъ на первообразъ этой мысли: на мнѣнія Шторха, писателя конца XVIII вѣка. Читая иныя страницы другого любимца Ключевскаго, Болтина, вы часто чувствуете, какъ тотъ или другой экскурсъ, даже то или другое мимоходомъ брошенное замѣчаніе западаетъ въ умъ Ключевскаго и гдѣ-нибудь неожиданно всплываетъ въ его изслѣдованіяхъ. То же самое можно было бы замѣтить относительно ряда изслѣдованій Бѣляева, Погодина, Забѣлина, Валуева, Ал. Попова. Я не говорю о работахъ болѣе новыхъ, такъ какъ сопоставленіемъ этихъ именъ хочу охарактеризовать кругъ первоначальнаго историческаго чтенія Ключевскаго. Оно относится, очевидно, къ той порѣ, когда его воззрѣнія только что складывались и когда помощь предшественниковъ была ему особенно нужна. Очевидно, не случайно этотъ рядъ именъ принадлежитъ кругу изслѣдователей славянофильскаго направленія. Именно къ нимъ надо относить приведенный выше намекъ Ключевскаго на «другихъ изслѣдователей, (въ противоположность Соловьеву) сосредоточившихъ свое вниманіе на свойствѣ почвы и матеріала, который изъ нея извлекался для построенія общества». У нихъ Ключевскій, дѣйствительно, нашелъ образцы изученія быта, законодательства, матеріальныхъ и экономическихъ явленій древней Руси. Можно бы было, конечно, назвать и ранніе источники Ключевскаго для изученія «учрежденій»: первыя работы Соловьева, статьи Кавелина и въ особенности Чичерина. Но ссылка на Чичерина какъ разъ и напоминаетъ, что западническія работы только тогда производили на Ключевскаго глубокое впечатлѣніе, когда выходили изъ области изученія «учрежденій» въ область соціальнаго строя. Теорія родового быта, усвоенная при посредствѣ Соловьева, напр., такъ и осталась заимствованіемъ чисто внѣшнимъ, частичной истиной, не выведенной изъ предѣловъ приложенія къ междукняжескимъ отношеніямъ. И даже тамъ она все болѣе ограничивалась оговорками и поправками. Та же мысль могла бы оказаться гораздо плодотворнѣе, могла бы предупредить даже отмѣченный выше пробѣлъ въ изученіи племенного быта южной Руси, если бы Ключевскій во-время взялъ ее изъ замѣчательной статьи въ старомъ «Москвитянинѣ» Петра Кирѣевскаго.

Въ рамкахъ настоящей статьи я не могу, къ сожалѣнію, подробно развить брошенныхъ только что указаній и намековъ. Но для знакомыхъ съ исторіографіей они обрисуютъ съ безспорной опредѣленностью тѣ условія, которыя помогли Ключевскому уже не только въ области общихъ взглядовъ и методологическихъ пріемовъ, но и въ области разработки сырого историческаго матеріала подняться надъ складомъ воззрѣній историко-юридической школы, черезъ Соловьева болѣе всего ему близкой, но, очевидно, съ самаго начала его не удовлетворившей.

VII.

Я указалъ на источники сознательныхъ и намѣренныхъ предпочтеній Ключевскаго. Это, во-первыхъ, характеръ момента, когда Ключевскій началъ самостоятельно работать и мыслить: начало шестидесятыхъ годовъ, смягчившее остроту споровъ и на первое мѣсто выдвинувшее вопросъ о народѣ и о «народности»: разумѣется «народности» не въ смыслѣ казенно-патріотической проблемы графа Уварова, а въ смыслѣ демократической проблемы эпохи крестьянскаго освобожденія. Я указалъ и на другой корень, лежащій въ изслѣдовательской психикѣ Ключевскаго. Остается указать теперь третій и самый главный источникъ, рѣшительно опредѣлившій весь характеръ симпатій и антипатій Ключевскаго. Это—его личная связь съ «бытомъ». Связь эта, разумѣется, предшествовала и годамъ университетскаго ученія, и годамъ самостоятельной изслѣдовательской работы. Связь съ «бытомъ»—это то, что Ключевскій принесъ съ собой въ науку. Это косвенно призналъ и Соловьевъ, давъ своему ученику компромисную съ своей точки зрѣнія тему для магистерской диссертаціи: «Житія святыхъ, какъ историческій источникъ». Конечно, эта черта гораздо полнѣе раскрылась, когда Ключевскій вышелъ изъ-подъ ферулы Соловьева.

Связь Ключевскаго съ старымъ русскимъ бытомъ—органическая и непосредственная. Отецъ В. О. былъ бѣдный священникъ села Ключей, Пензенской губерніи. Дѣтство его прошло въ деревенскомъ захолустьѣ, въ той обстановкѣ, въ какой живетъ наше сельское духовенство. Самыя раннія воспоминанія историка связаны съ яркими бытовыми сценами сельской бѣдноты и безпомощности. Въ моей памяти сейчасъ рисуется маленькая картинка, какъ лучомъ прорѣзавшая для меня это темное начало біографіи человѣка, заслужившаго себѣ почетное мѣсто въ національномъ пантеонѣ. Глухой проселокъ. Грязная дорога, глубоко изрѣзанная колеями. Сбоку въ колеѣ безъ сознанія лежитъ навзничь человѣче-

ская фигура. И въ ней ребенокъ Ключевскій узнаетъ, къ своему ужасу и жалости, своего отца! Я не знаю ни начала, ни конца этой исторіи. Не помню даже, зналъ ли то и другое самъ Ключевскій, разсказавшій мнѣ этотъ эпизодъ, или и въ его памяти онъ вырисовывался какъ одинокій островокъ надъ туманомъ забвенія. Но эти нѣсколько штриховъ говорятъ мнѣ больше, чѣмъ длинное описаніе.

В. О. Ключевскій долго поддерживалъ связь съ родней изъ міра сельскаго духовенства и шутливо разсказывалъ мнѣ, какъ, пріѣзжая въ Москву, родственники считали долгомъ навѣстить выходившаго въ люди племянника и не хотѣли ударить въ грязь лицомъ, ведя съ нимъ серьезные разговоры. Слѣдуя общему тогда влеченію даровитой семинарской молодежи, Ключевскій изъ семинаріи перешелъ въ университетъ. Но этимъ онъ не порывалъ съ своей средой. А преподаваніе въ московской духовной академіи закрѣпило эту связь до самаго конца жизни. Семьи профессоровъ и преподавателей Сергіева посада были естественнымъ расширеніемъ круга старыхъ родныхъ и знакомыхъ. Это были люди все той же духовной среды. Надо прибавить, что это была единственная среда, въ которой Ключевскій не стѣснялся, чувствовалъ себя какъ дома, и въ которую поэтому онъ особенно охотно возвращался, съ удовольствіемъ раздѣляя ея времяпровожденіе, ея бесѣды и ея развлеченія.

Въ этой средѣ Ключевскій нашелъ краски для своихъ «добрыхъ людей древней Руси». Я присутствовалъ на томъ торжественномъ засѣданіи духовной академіи, на которомъ Ключевскій читалъ свою рѣчь о Сергіи Радонежскомъ, и былъ свидѣтелемъ умиленія покойнаго Тертія Филиппова, стараго московскаго «почвенника», отъ этой рѣчи. Я не забылъ и той рѣчи о «содѣйствіи Церкви успѣхамъ русскаго гражданскаго права и порядка», которую Ключевскій произнесъ на годичномъ актѣ (1888 г.) московской духовной академіи и которая такъ и брызжетъ личными признаніями и изліяніями. Ключевскій любовно ловитъ тутъ «звонъ колокола, раздавшійся среди рыночной суматохи». «Въ ветхомъ и пыльномъ свиткѣ самаго сухого содержанія, въ купчей, закладной, заемной, мѣновой или духовной, подъ юридической формальностью иногда прозвучитъ нравственный мотивъ, изъ-подъ хозяйственной мелочи блеснетъ искра религіознаго чувства,—и вы видите, какъ темная хозяйственная сдѣлка озаряется внутри теплымъ свѣтомъ, мертвая норма права оживаетъ и перерождается въ доброе житейское отношеніе». И Ключевскій не можетъ удержаться, чтобы тутъ же не привести нѣсколько строкъ древне-русскаго завѣщанія, которымъ рабы

и холопы, «мужички и женочки», отпускаются на свободу съ денежной наградой, «чтобы людцы мои послѣ меня не пошли съ моего двора и не заплакали». Душа изслѣдователя отдыхаетъ на этихъ минутахъ, онъ ищетъ и заботливо оберегаетъ отъ забвенія эти душевныя созвучія, онъ съ доброй улыбкой пересказываетъ ихъ сочувствующимъ и посвященнымъ. Да, онъ живетъ въ эти минуты одной душой съ далекимъ прошлымъ, находитъ тамъ себя и въ себѣ—эту древнюю русскую душу. Онъ понимаетъ сердцемъ эту руку, протягивавшую милостыню и поддерживавшую огонь въ неугасимой лампадѣ. Это—свое, родное, близкое и понятное. В. О. Ключевскій въ этомъ смыслѣ, дѣйствительно, «почвенникъ».

Да онъ, впрочемъ, и самъ сказалъ намъ это, связавъ весь періодъ русской исторіи, отъ Михаила Ѳедоровича до императора Александра II, въ одно цѣлое и предупредивъ читателя, что здѣсь «чѣмъ дальше, тѣмъ больше входишь въ область автобіографіи, подступаешь къ изученію самого себя, своего собственнаго духовнаго содержанія, насколько оно связано съ прошлымъ нашего отечества».

Здѣсь мы подходимъ къ секрету того непосредственнаго сочувствія къ русской, именно къ *московской*, XVII вѣка, старинѣ, которое такъ сильно чувствуется въ изложеніи «курса исторіи». Именно этотъ періодъ, эти стороны стараго быта чувствовались Ключевскимъ какъ «свое» родное, близкое «собственному духовному содержанію». Прочтите только знаменитую характеристику царя Алексѣя Михайловича, этой «славной русской души», «лучшаго человѣка древней Россіи», и сравните ее съ характеристикой Петра. Тѣ же самые капризы русскаго варварства, какъ мягко, снисходительно, какой любящей рукой обрисованы они въ образѣ «тишайшаго» царя! И какъ рѣзко, безжалостно, какими сгущенными красками, сильными и энергичными мазками наложены тѣ же штрихи на образъ царя-преобразователя! Рисуя происхожденіе раскола, историкъ на нѣсколькихъ страницахъ объясняетъ читателю, что нельзя относиться «пренебрежительно» къ перемѣнѣ обрядовъ, и настойчиво выясняетъ, какое значеніе имѣетъ внѣшность, въ томъ числѣ и церковная, для простой вѣрующей души. Мы предупреждены, что реформа внѣшности есть реформа существенная. Но когда, черезъ посредство той же внѣшности, Петръ грубой рукой прикасается къ старой русской душѣ, историкъ готовъ утверждать, что это не нужно для его реформъ. Элементъ реформы внѣшности есть въ петровскомъ дѣлѣ «помѣха», «законодательная ненужность», элементъ насильственный и случайный, объясняющій лишь, почему употребленныя для реформы усилія не стояли ни

въ какомъ соотвѣтствіи съ успѣхами реформы. Ординъ-Нащокинъ и особенно Ртищевъ, какъ предшественники реформатора, возбуждаютъ особыя симпатіи изслѣдователя именно потому, что ихъ планы реформы оставляютъ «душу» въ покоѣ. И Ключевскій почти беретъ подъ защиту тѣ протесты XVII в. противъ новаго просвѣщенія, которые исходили изъ боязни повредить вѣрѣ и старымъ основамъ религіозно-бытовой морали. О томъ, что могли дать положительнаго эти старыя основы быта, онъ совсѣмъ невысокаго мнѣнія. Онъ, разумѣется, указываетъ и на «гражданское малодушіе» духовенства, и на безнадежную узость его сферы пониманія. Онъ не скупится на насмѣшки и даже сарказмы, когда рѣчь заходитъ о внутреннемъ содержаніи этой московской культуры. Но онъ постоянно и съ особымъ удареніемъ выдвигаетъ одно ея достоинство, которое для него искупаетъ его недостатки. Эта культура была— всѣмъ и для всѣхъ *одинакова*, отъ мала до велика. «При всемъ различіи *общественныхъ положеній* древне-русскіе люди по своему духовному облику были очень похожи другъ на друга, утоляли свои потребности изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ. Бояринъ и холопъ, грамотей и безграмотный... неодинаково строго заучивали свой житейскій катихизисъ. Но они твердили одинъ и тотъ же катихизисъ, въ положенное время одинаково легкомысленно грѣшили и съ одинаковымъ страхомъ Божіимъ приступали къ покаянію и причащенію — до ближайшаго разрѣшенія «на вся». Напротивъ, «западное вліяніе разрушило эту нравственную цѣльность русскаго общества». Вліяя гораздо глубже на отдѣльную личность, чѣмъ прежнее византійское вліяніе, оно зато до сихъ поръ не вышло за предѣлы господствующаго класса и не проникло въ народную толщу. Новая культура, какъ стекло, «неравномѣрно нагрѣваемое», разбила народъ на «два лагеря».

Можно было бы провести дальше эту характеристику и показать, что отношеніе Ключевскаго къ лагерю, отринувшему московскую старину, тоже неравнодушное, но неравнодушное въ обратную сторону. Если въ мірѣ московскаго быта онъ чувствуетъ себя «своимъ», то въ бытѣ петербургскомъ онъ «чужой». Ему тамъ не по себѣ и неловко. Таково естественное впечатлѣніе читателя, выносимое изъ чтенія «Курса» Ключевскаго. Привожу выдержку изъ одного читательскаго письма, мною полученнаго, гдѣ это впечатлѣніе выражено особенно ярко. «Много думая надъ этимъ вопросомъ,— пишетъ мой корреспондентъ,—я пришелъ къ тому заключенію, что В. О., геніальный ученый нашего вѣка, какъ человѣкъ, былъ чуждъ нашему времени. Московская Русь была ему ближе, милѣе и, позволю себѣ сказать, понятнѣе. Я глубоко убѣжденъ, что въ

своемъ кабинетѣ и на каѳедрѣ В. О. видѣлъ передъ собою всю старую Русь, съ царями, московской или новгородской толпой, слышалъ и различалъ ея говоры, любовался пестротой ея красокъ, присутствовалъ на ея богослуженіяхъ и празднествахъ, различалъ въ ней даже отдѣльныхъ лицъ. И съ другой стороны, какъ ни блестящи его схемы и характеристики XVIII вѣка, этотъ періодъ нашей исторіи ему не симпатиченъ. Онъ смотритъ на это время не такъ уже любовно, и мягкая иронія, постепенно утрачивая свое добродушіе, чѣмъ дальше, тѣмъ больше заостряется и дѣлается злой. Вѣкъ европеизированнаго варварства онъ подсмотрѣлъ и подслушалъ, какъ иностранецъ, которому «свое» всегда будетъ милымъ и въ которомъ чужое никогда не перестанетъ возбуждать чувства нѣкоторой враждебности». Замѣтьте, что авторъ этой цитаты, по его словамъ, «не будучи знакомъ съ Ключевскимъ, любилъ его какъ самаго близкаго и родного человѣка».

Впечатлѣнія читателя мѣтко схвачены и ярко выражены. Но вѣренъ ли сдѣланный изъ нихъ выводъ? Если бы это было такъ, то характеристика Ключевскаго упростилась бы до крайности, и въ его исторіи мы могли бы усмотрѣть лишь одну изъ славянофильскихъ варіацій, конечно наиболѣе талантливую. Но дѣло далеко не такъ просто. Наблюденіе здѣсь не доведено до конца. Продолживъ его и углубивъ, мы не выйдемъ, правда, изъ области вопроса о симпатіяхъ Ключевскаго къ «своему» и о его антипатіяхъ къ «чужому». Но все дѣло въ томъ, что именно считалъ историкъ «своимъ» въ старомъ и что было ему «чужимъ» въ новомъ бытѣ. Разобравшись въ этомъ вопросѣ, мы не только прибавимъ новый штрихъ къ характеристикѣ. Мы найдемъ ту общую подпочву, на которой создавались и любовь, и вражда, и симпатіи, и антипатіи историка. И только найдя общій источникъ того и другого, основной, господствующій мотивъ этой сложной психики, мы будемъ въ состояніи сказать, что приблизились къ пониманію личности Ключевскаго.

VIII.

Сочувственно сливаясь съ старымъ бытомъ, входя съ нимъ въ непосредственное интимное соприкосновеніе, В. О. Ключевскій вѣдь не только становился къ этому быту въ сантиментальное отношеніе. Онъ любилъ въ немъ то, что заслуживало, съ его точки зрѣнія, любви. Прежде всего, онъ любилъ извѣстное состояніе душевнаго равновѣсія, съ нимъ связанное, любилъ въ немъ «чинъ», и свято чтилъ обрядъ. Но именно потому, что онъ близко, нутромъ понималъ этотъ бытъ, онъ не могъ и по отношенію къ тем-

нымъ сторонамъ его сохранить лицо безстрастнаго наблюдателя. Обратной стороной любви являлась ненависть, обратной стороной вѣры являлся скептицизмъ. Мы знаемъ по Чернышевскому, по Помяловскому, какой радикализмъ отрицанія „быта» создавался слишкомъ тѣснымъ общеніемъ съ «бытомъ». Этотъ радикализмъ отрицанія, освобождавшій отъ оковъ преданія, возвращавшій уму и душѣ ту типическую, чисто-русскую абсолютную свободу, о которой возвѣстилъ европейцамъ Герценъ,—кто можетъ отрицать наличность и такого психологическаго элемента въ сложной натурѣ Ключевскаго?

Не даромъ съ самаго начала своей профессорской карьеры, еще въ Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ, Ключевскій считался разрушителемъ и освободителемъ. Его убійственныя характеристики, его мѣткая и злая иронія, его инстинктивное недовѣріе ко всему намѣренному и выдуманному,—развѣ всѣ эти коренныя черты его таланта оставляли камень на камнѣ въ мірѣ освященныхъ древностью историческихъ авторитетовъ? Развѣ не оставалось впечатлѣнія у случайнаго собесѣдника и слушателя Ключевскаго, что этотъ человѣкъ ни во что не вѣрилъ?

Впечатлѣніе, конечно, невѣрное. Ключевскій вѣрилъ во многое,—по преимуществу стихійное, но не только въ стихійное. Были моменты въ его изложеніи, когда вошедшая въ привычку ироническая и скептическая манера рѣчи замѣнялась прочувствованными тонами, въ которыхъ слышалась любовь и нѣжность, а изложеніе поднималось до лирики. Но были и такіе моменты, когда глаза загорались злыми огоньками, а слова звучали сарказмомъ. То и другое свидѣтельствуетъ если не о вѣрѣ и убѣжденіи, то во всякомъ случаѣ о глубоко затаенномъ чувствѣ. Постараемся добраться до его источника.

Дѣйствительно, къ «своему» Ключевскій навсегда сохранилъ какую-то жалость, какую-то нѣжность состраданія. Но въ этомъ своемъ онъ выдѣлялъ и хвалилъ то же самое, что, напр., хвалилъ демократъ и народникъ Щаповъ. Свою соціальную среду онъ любилъ видѣть въ роли носительницы идей христіанской культуры и равенства въ мірѣ варварства и насилія. Онъ тщательно выдѣлялъ «голосъ Церкви въ защиту несвободныхъ» и наблюдалъ вліяніе духовенства въ устройствѣ христіанской семьи, обращавшей «жену-рабу въ совѣтницу и подругу мужа», въ оборонѣ интересовъ вдовъ, сиротъ и рабовъ. Къ слабымъ обращено было сочувствіе и состраданіе историка. Сильныхъ онъ не жалѣлъ и не жаловалъ. Въ этомъ настроеніи, вынесенномъ изъ «быта» и воспоминаній, не слѣдуетъ ли искать ключа и къ объясненію того

огромнаго впечатлѣнія, которое произвело на Ключевскаго освобожденіе крестьянъ въ годы его студенчества? И не опредѣлились ли его соціальныя антипатіи его соціальными симпатіями?

Выше я обращалъ не разъ вниманіе на странное на первый взглядъ выдѣленіе всей русской исторіи съ воцаренія Романовыхъ въ одинъ цѣльный періодъ въ «Курсѣ» Ключевскаго. Я указалъ уже и на то, что основнымъ, связующимъ весь этотъ періодъ воедино фактомъ Ключевскій призналъ фактъ существованія крѣпостного права. Мы видѣли, что онъ самъ предупреждалъ читателя о связи между изученіемъ этого періода и «изученіемъ самого себя». Мало того, онъ прямо подчеркнулъ, что соціальная катастрофа, которою закончился этотъ періодъ, была первымъ общественнымъ впечатлѣніемъ, давшимъ толчокъ къ сознательной моральной и гражданской жизни людямъ «его возраста». Изъ всего этого уже видно, какое громадное значеніе, «автобіографическое» и историческое, онъ придавалъ факту существованія и прекращенія крестьянской неволи. И насъ не удивитъ, когда въ «Курсѣ» мы встрѣтимъ заявленія, вродѣ слѣдующаго: «Нравственное дѣйствіе крѣпостного права было шире юридическаго. Оно глубоко понизило уровень нашей гражданственности». «Эта борьба надолго задержала правильный ростъ народныхъ силъ и по ея винѣ землевладѣльческое дворянство, какъ правящій классъ, *дало извращенное, уродливое направленіе всей русской культурѣ*». Въ фактѣ закрѣпощенія историкъ отыскиваетъ объясненіе и политическаго безсилія общества московской Руси. Благодаря ему, «земскій соборъ потерялъ подъ собой земскую почву... Принося къ престолу мысль лишь немногихъ классовъ, (соборъ) не могъ привлечь ни должнаго вниманія сверху, ни широкаго довѣрія снизу...». А «въ господствующемъ землевладѣльческомъ классѣ, отчужденномъ отъ остальнаго общества своими привилегіями, ...разслабляемомъ крѣпостнымъ трудомъ, тупѣло чувство земскаго протеста и дряхлѣла энергія общественной дѣятельности».

Вотъ первоисточникъ отрицательнаго отношенія Ключевскаго къ «культурѣ» XVIII столѣтія. Она была дворянской культурой, «извращенной и уродливой», она, какъ «Евгеній Онѣгинъ и его предки», была позой, гримасой, красивой и умной... ненужностью.

Имѣя все это въ виду, перечитайте теперь вступительныя страницы того третьяго тома «Курса», съ котораго Ключевскій начиналъ «изученіе самого себя» въ русскомъ прошломъ.

«Говорятъ, культура сближаетъ людей, уравниваетъ общество. У насъ было не совсѣмъ такъ. Все усиливавшееся общеніе съ Западной Европой приносило къ намъ идеи, нравы, знанія, много

культуры; но этотъ притокъ скользилъ по верхушкамъ общества, осаждаясь на дно частичными реформами, болѣе или менѣе осторожными и безплодными. Просвѣщеніе стало монополіей господъ, до которой не могло безъ опасности для государства дотрогиваться непросвѣщенное простонародье, пока не просвѣтится. Въ исходѣ XVII вѣка люди, задумавшіе учредить въ Москвѣ академію, первое у насъ высшее училище, находили возможнымъ открыть доступъ въ нее «всякаго чина, сана и возраста людямъ», безъ оговорокъ. Полтораста лѣтъ спустя, при Николаѣ I, секретный комитетъ гр. Кочубея, на который возложено было чисто преобразовательное порученіе, высказался по поводу самоубійства обучавшагося живописи двороваго человѣка за вредъ допущенія крѣпостныхъ людей «въ такія училища, гдѣ они пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію».

Вы чувствуете, какъ въ этомъ сопоставленіи слышится отголосокъ глубоко затаеннаго гнѣва? Вы чувствуете, какъ этотъ гнѣвъ не выдерживаетъ и прорывается въ слѣдующихъ строкахъ? «Учреждались дорогіе дворянскіе кадетскіе корпуса, инженерныя школы, воспитательныя общества для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ, академіи художествъ, гимназіи, разводились въ барскихъ теплицахъ тропическія растенія, но на протяженіи двухъ столѣтій не открыли ни одной чисто-народной общеобразовательной или земледѣльческой школы». Если вы почувствовали психологію этого настроенія, то вы поймете и источникъ того бичующаго вывода, которымъ кончается эта ядовитая тирада. «Новая европеизированная Россія въ продолженіе четырехъ—пяти поколѣній была Россіей гвардейскихъ казармъ, правительственныхъ канцелярій и барскихъ усадебъ: послѣднія проводили въ первыя и во вторыя посредствомъ легкой перегонки въ доморощенныхъ школахъ или экзотическихъ пансіонахъ своихъ *недорослей*, а взамѣнъ ихъ получали оттуда отставныхъ *бригадировъ* съ мундиромъ». Историкъ заговорилъ языкомъ сатирика XVIII вѣка; ему понадобилась терминологія Фонвизина. Но я скажу больше. Это—языкъ другого любимаго Ключевскимъ писателя,—языкъ Николая Ивановича Новикова. Это—голосъ «средняго рода людей», съ его защитой честной «подлости», хотя бы и съ рискомъ «обидѣть цѣлый корпусъ дворянства». Историкъ сталъ на почву тѣхъ «дурныхъ шутокъ» и «меланхоличныхъ писемъ», не въ «улыбательномъ родѣ», которая въ русскомъ прошломъ сдѣлалась почвой первой серьезной общественной оппозиціи, вызвавшей первыя серьезныя опасенія и преслѣдованія власти. Новиковъ вѣдь тоже восхвалялъ былыя «добродѣтели россіянъ», противопоставляя ихъ тѣмъ гнилымъ тропическимъ расте-

ніямъ, которыя «разводились въ барскихъ теплицахъ»! И Новиковъ съ друзьями первый возвысилъ голосъ серьезнаго общественнаго протеста противъ ужасовъ крѣпостного права. Новиковъ, Фонвизинъ, Болтинъ — вотъ люди, которыхъ Ключевскій любилъ и въ XVIII столѣтіи и которымъ онъ даже посвятилъ особыя монографіи.

Я не знаю, когда Ключевскій сознаъ себя демократомъ. Но былъ онъ имъ всегда, начиная съ перваго дня своего рожденія. И это различеніе «своего» отъ «чужого», которое мой корреспондентъ обращаетъ въ укоръ любимому писателю, не есть ли прежде всего различеніе соціальное? Не на этой ли почвѣ развивается у историка его сочувствіе къ простому, «народному» московскому періоду, къ Руси временъ этой «славной русской души», Алексѣя Михайловича, и несочувствіе къ Петровской дворянской Россіи, съ ея привилегіями и рабствомъ, съ ея «барскими теплицами» и гвардейскими казармами? Не здѣсь ли та неразложимая, органическая черта біографіи, которая объясняетъ все основное въ индивидуальной физіономіи историка и дѣлаетъ его личность такой особой, такой непохожей на другихъ, не-«своихъ»? Слѣдуетъ ли въ такомъ случаѣ жалѣть о такомъ распредѣленіи симпатій и антипатій? Объясняя тѣ и другія, не добрались ли мы тутъ, наконецъ, до того подпочвеннаго, непроницаемаго кряжа, который не пропускаетъ живоносную влагу внѣшнихъ впечатлѣній и перерабатываетъ ее въ чистый, кристальный источникъ?

«Если бы народъ вынесъ такой порядокъ (при которомъ «всѣми льготами и выгодами осыпаны были верхи общества, а на низы свалили только тяжести и лишенія»), Россія выбыла бы изъ числа европейскихъ странъ». Читайте, читайте эти строки въ свѣтѣ только что данныхъ объясненій. «Но съ половины XVIII в. въ народной массѣ пробуждается тревожное броженіе особаго характера. Мятежами обиленъ былъ и XVII вѣкъ, и тогда они направлялись противъ правительства, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей. Теперь они принимаютъ соціальную окраску, идутъ противъ *господъ*».

«Хмурясь и робѣя, пережевывая одни и тѣ же планы и изъ царствованія въ царствованіе отсрочивая вопросъ, малодушными попытками улучшенія, не оправдывавшими громкаго титула власти, довели дѣло къ половинѣ XIX в. до того, что его разрѣшеніе стало дѣломъ стихійной необходимости, особенно когда Севастополь ударилъ по застоявшимся умамъ».

Приведенныя соображенія представляются Ключевскому настолько важными, что онъ вводитъ ихъ въ самую формулу, которою

характеризуетъ ходъ дѣлъ въ IV періодѣ русской исторіи. «Но по мѣрѣ того, какъ росло чувство народнаго недовольства такимъ неравенствомъ, правительство начинало подумывать о болѣе справедливомъ устройствѣ общества». Только «по мѣрѣ» недовольства. Не по мѣрѣ того, какъ усвоивались «просвѣтительныя» идеи великаго вѣка русскимъ дворянствомъ. Оно вѣдь отъ литературныхъ упражненій прямо переходило къ расправамъ на конюшнѣ. И Ключевскій настойчиво приглашаетъ читателя «запомнить сейчасъ изложенную схему», свидѣтельствующую объ исторической роли «стихійной необходимости».

IX.

Съ середины 90-хъ годовъ обстоятельства отдалили меня отъ Ключевскаго и отъ Москвы. Я зналъ, что Ключевскій переживаетъ пору тяжелаго, мрачнаго настроенія. Настроеніе это выразилось, между прочимъ, въ 1890 году въ статьѣ «Грусть», напечатанной въ «Русской Мысли». Но какъ разъ въ ту пору, когда настроеніе это достигло своей низшей точки, въ 1894 году, произошла перемѣна царствованія. Для русскаго общества открылись новыя возможности...

Одиннадцать лѣтъ спустя я вновь попалъ въ старую столицу. Картина московской жизни была теперь совсѣмъ новая и особенная. Сердце Россіи усиленно билось. Съѣздъ слѣдовалъ за съѣздомъ, одинъ за другимъ вырастали союзы, вырабатывались резолюціи, программы, политическія формулы, складывались рамки будущихъ партійныхъ организацій. Было бы черезчуръ уже неожиданно встрѣтить въ этомъ широкомъ потокѣ общественнаго оживленія мнительную и недовѣрчивую фигуру Ключевскаго. Но скоро это самое движеніе снова свело насъ послѣ долгой разлуки. И мои новыя впечатлѣнія, несмотря на всѣ перерывы и перемѣны, очень мирно ложатся возлѣ заключеній и наблюденій, только что сдѣланныхъ. Рѣчь шла какъ разъ о «болѣе справедливомъ устройствѣ общества», какъ гарантіи противъ «чувства народнаго недовольства». И Ключевскому пришлось принять въ выработкѣ новаго общественнаго устройства непосредственное и личное участіе, вполнѣ отвѣчавшее его историческимъ взглядамъ.

Демократизмъ Ключевскаго пришелъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ его конституціонализмомъ.

Нѣсколько словъ, попутно, о «конституціонализмѣ» Ключевскаго. Ключевскій, конечно, стоялъ ближе къ демократически-народническому, чѣмъ къ конституціонно-либеральному теченію нашей интеллигенціи. Это вытекаетъ изъ всего, что сказано раньше о его положеніи между шестидесятниками и Соловьевымъ въ области

науки, между разночинцами и дворянами въ области нашей общественности. Онъ никогда, конечно, не доходилъ до страстнаго отрицанія значенія политическихъ формъ. Но до извѣстной степени онъ, несомнѣнно, раздѣлялъ скептическое и слегка насмѣшливое отношеніе къ «конституціи» значительной части нашей демократической интеллигенціи. Въ интимномъ кругу и въ нашихъ студенческихъ бесѣдахъ этотъ вопросъ вызывалъ немало шутливыхъ пререканій.

Но когда дѣло доходило до серьезной формулировки, Ключевскій всегда признавалъ неизбѣжность свободныхъ политическихъ формъ для «болѣе справедливаго устройства общества». Мало того, онъ даже предостерегалъ противъ послѣдствій равнодушія къ политическимъ формамъ. Въ доказательство я приведу цитату изъ первоначальнаго текста «Боярской Думы» въ томъ видѣ, какъ эти строки были напечатаны въ 1880 г. на страницахъ «Русской Мысли»: «Опытъ училъ не разъ,—писалъ Ключевскій тогда,—что благодѣянія конституціоннаго порядка могутъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время ограничиться успѣхами парламентской реторики, что laissez faire можетъ превратиться въ огражденную закономъ эксплоатацію общества однимъ его классомъ, что, короче сказать, лучшая въ техническомъ отношеніи форма политическаго устройства не устраняетъ бѣдствій, дѣйствующихъ при худшихъ формахъ, которыя за то особенно и считались худшими, что онѣ допускали такія бѣдствія или даже признавались ихъ источникомъ». Изложивъ это мнѣніе, которое сдѣлало бы честь Прудону и Бакунину, Ключевскій однако прибавляетъ: «Несомнѣнно, этому перестанутъ удивляться, какъ перестали удивляться тому, что иной, при самомъ гигіеническомъ питаніи, страдаетъ разстройствомъ желудка».

Ключевскій признаетъ и то, что неудачный опытъ съ вѣрой въ «благодѣянія конституціоннаго порядка» произвелъ впечатлѣніе, похожее на политическое разочарованіе... Многіе стали терять вѣру во всеспасающую силу политическихъ гарантій, въ могущество извѣстныхъ государственныхъ формъ, въ магическое дѣйствіе политическихъ словъ, даже въ реальное содержаніе политическихъ идей». Ключевскій предвидитъ далѣе, что это разочарованіе можетъ привести къ «банкротству политическихъ доктринъ». Онъ соглашается наконецъ, что «упомянутый номинализмъ не чуждъ и нашему обществу, чаще всего обнаруживаясь въ формѣ политическаго индиферентизма». Но противъ этого индиферентизма онъ серьезно предупреждаетъ. «На западѣ... можно поручиться, что какъ бы далеко ни зашли тамъ въ равнодушіи къ политическимъ формамъ, новымъ или старымъ, ко многимъ изъ этихъ послѣднихъ тамъ уже

не воротятся, не захотятъ и не сумѣютъ воротиться». А у насъ, спрашиваетъ Ключевскій, «гдѣ не замѣтно ни такого навыка, ни такихъ вкусовъ (къ политикѣ, какъ на западѣ)... имѣютъ ли право раздѣлять это равнодушіе?» Эти строки кажутся какъ будто только что написанными противъ нашихъ новѣйшихъ «политическихъ номиналистовъ».

Такимъ образомъ, при всемъ перевѣсѣ соціальнаго момента надъ политическимъ въ міровоззрѣніи Ключевскаго, конституціонализмъ Ключевскаго не подлежитъ сомнѣнію. Открытымъ для него — не одного его, конечно, — оставался, быть можетъ, лишь вопросъ, какъ въ русской практикѣ конституціонализмъ можетъ быть примиренъ съ демократизмомъ. Но какъ бы это ни случилось, переходъ къ конституціонному строю и по взгляду Ключевскаго неизбѣженъ, какъ жизнь, какъ развитіе жизни. Я помню наше торжество, — насъ, первыхъ учениковъ Ключевскаго и его политическихъ совопросниковъ, когда Ключевскій и публично призналъ это въ своей рѣчи о С. М. Соловьевѣ на университетскомъ актѣ 1880 года, закончивъ эту рѣчь нѣсколько общими, но всѣмъ тогда понятными словами: «Еще въ 1843 г. Соловьевъ писалъ о заключеніи русскимъ обществомъ «святого союза» съ русскимъ университетомъ... «Исторія Россіи», ставшая крупнымъ фактомъ въ развитіи нашего общественнаго сознанія, служитъ новою связью, скрѣпляющею этотъ союзъ. И оба союзника не забудутъ послѣдняго урока, какой самъ собою вытекаетъ изъ историческаго процесса, изображеннаго Соловьевымъ. Обзоръ этого процесса онъ закончилъ словами: «Наконецъ, въ наше время просвѣщеніе принесло свой необходимый плодъ: познаніе вообще привело къ самопознанію». А самопознаніе, прибавилъ бы онъ, если бы довелъ свой разсказъ до нашего времени, должно привести къ самодѣятельности».

Конституціонныя надежды, возбужденныя событіями тѣхъ годовъ, когда велись наши споры и произносилась эта рѣчь, какъ извѣстно, скоро послѣ 1881 года заглохли надолго. Началась та пора, о которой я упомянулъ въ началѣ этого отдѣла. Минуя ее, я возвращаюсь къ начатому разсказу о томъ, что произошло четверть вѣка спустя, въ памятный годъ нашей «свободы».

Въ серединѣ іюля 1905 года Ключевскій далъ мнѣ знать, что онъ въ Петербургѣ и желалъ бы со мною немедленно повидаться. Въ тотъ же день я былъ у него въ Пале-Роялѣ и въ теченіе недѣли съ чѣмъ-то видѣлся и бесѣдовалъ съ нимъ чуть не ежедневно. Онъ былъ одинъ изъ двухъ русскихъ историковъ (другой былъ Н. М. Павловъ), приглашенныхъ участвовать въ такъ называемыхъ петергофскихъ совѣщаніяхъ, въ которыхъ вырабатывалась наша

«конституція» 6-го августа. Надо думать, что въ приглашеніи обоихъ были заинтересованы, главнымъ образомъ, защитники старины въ этихъ совѣщаніяхъ.

И Н. М. Павловъ не обманулъ ожиданій. Что касается Ключевскаго, то со свойственнымъ ему лукавымъ юморомъ онъ разсказывалъ мнѣ, какъ попалъ въ самое ядро дворянской группы, разсчитывавшей видѣть въ немъ «своего». Ошибка была замѣчена лишь черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ Ключевскій сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ секретныхъ обсужденій вопроса о томъ, какъ держать себя на совѣщаніи, главнымъ образомъ, въ вопросѣ о будущемъ избирательномъ законѣ. Изо дня въ день я могъ слѣдить, по разсказамъ В. О., какъ упорно велась атака съ этой стороны, какъ даже послѣ пораженія дворянская группа не потеряла надежды, сдѣлала новыя усилія и въ концѣ-концовъ добилась предложенной Таганцевымъ уступки.

Въ этой борьбѣ голосъ Ключевскаго и его вѣское слово были далеко не лишними. И это слово было сказано въ смыслѣ неблагопріятномъ дворянскимъ притязаніямъ—противъ начала сословности. Возвращаясь къ мысли, высказанной на іюньской аудіенціи кн. С. Н. Трубецкимъ отъ имени земскихъ дѣятелей, Ключевскій напоминалъ, что «заслуги» передъ родиной имѣетъ не одно дворянство, что отвѣтственность за упадокъ его вліянія въ государствѣ падаетъ исключительно на него самого и на его неумѣніе воспользоваться всѣми полученными льготами. «Да избавитъ насъ Богъ отъ опасности, что въ народномъ воображеніи возстанетъ мрачный призракъ сословнаго царя»—таково было, по разсказамъ Ключевскаго, окончаніе самой длинной и самой горячей изъ его рѣчей на петергофскихъ совѣщаніяхъ. Въ ту пору эти рѣчи имѣли всѣ шансы быть выслушанными и принятыми во вниманіе. Въ другомъ мѣстѣ я имѣлъ случай указать, что фонды дворянства въ «сферахъ» стояли тогда крайне не высоко.

Со времени іюльскихъ свиданій мои сношенія съ Ключевскимъ уже не прерывались до самой его смерти. Съ радостью и съ нравственнымъ удовлетвореніемъ я видѣлъ, что все сочувствіе свое В. О. отдалъ той политической группѣ, въ рядахъ которой я имѣю честь стоять. Правда, въ шутливыхъ разговорахъ съ друзьями Ключевскій оговаривался, что по нѣкоторымъ вопросамъ онъ «лѣвѣе к. д.». Въ это время какъ разъ подготовлялся тотъ третій томъ «Курса», въ которомъ это настроеніе обнаружилось очень явственно и изъ котораго я приводилъ соотвѣтственныя цитаты.

Въ печати уже упоминалось объ активныхъ выступленіяхъ В. О. въ качествѣ члена партіи народной свободы. Интересно отмѣтить,

что первый опытъ такихъ выступленій В. О. произвелъ въ той же, близко ему извѣстной средѣ—жителей Сергіева посада. Разумѣется, «партійную» принадлежность Ключевскаго надо понимать со всѣми оговорками, необходимыми, когда рѣчь идетъ о такой самостоятельной и оригинальной личности. Лично со мной В. О. никогда не говорилъ о своей принадлежности къ партіи, и я самъ никогда не затрогивалъ этого вопроса. Но мы оба чувствовали, что между нами установилось какое-то новое взаимное общеніе и пониманіе. И всякій разъ, какъ, пріѣзжая въ Москву, я улучалъ минуту для посѣщенія Житной улицы, Ключевскій жадно выспрашивалъ меня о послѣднихъ политическихъ новостяхъ, объ общемъ политическомъ положеніи, о лицахъ и перспективахъ, въ особенности о перспективахъ. Въ такомъ родѣ было и наше послѣднее свиданіе, въ ноябрѣ прошлаго года, когда я пріѣхалъ на похороны Муромцева. Черезъ недѣлю послѣ этого свиданія Ключевскому сдѣлали операцію, уложившую его на смертный одръ.

Быть можетъ, это была иллюзія рѣдкихъ свиданій, но я долженъ сказать, что во время этихъ нашихъ политическихъ разговоровъ я впервые,—дѣйствительно впервые за все время тридцатилѣтнихъ сношеній,—почувствовалъ между нами «связь поколѣній», безъ всякой, хотя бы самой малой, примѣси «различія поколѣній». Какъ профессоръ, какъ изслѣдователь и ученый, Ключевскій всегда возбуждалъ во мнѣ это ощущеніе «различія», подчасъ мучительное и тѣмъ болѣе болѣзненное, чѣмъ тѣснѣе становилась связь. Но теперь—быть можетъ, разница возраста и вмѣстѣ жизненнаго опыта стала менѣе замѣтна, быть можетъ, самъ Ключевскій подвинулся къ намъ, къ поколѣнію, съ которымъ прожилъ свои самые яркіе годы и которое, въ свою очередь, перестало быть «молодымъ»,—какъ бы то ни было, теперь чувствовалась только «связь» и не чувствовалось «различія». Прибавлю, что эти свиданія доставляли мнѣ не только безмѣрную радость духовнаго общенія съ давно близкимъ и дорогимъ человѣкомъ. Смотрясь въ этотъ бездонный умъ, я провѣрялъ самъ себя, по мѣрѣ того какъ характеризовалъ и разсказывалъ. Тонкая наблюдательность Ключевскаго какъ бы предупреждала концы моихъ характеристикъ. Онъ удивительно мѣтко умѣлъ поставить вопросъ и схватить оттѣнокъ, а главную мысль понималъ съ полуслова.

Говорятъ, онъ былъ пессимистомъ по отношенію къ нашему будущему и высказывалъ это въ частныхъ разговорахъ. В. О. вообще былъ пессимистомъ по складу ума и притомъ крайне чувствительно реагировалъ на повороты политическихъ событій, тѣмъ болѣе, что самъ не участвовалъ въ ихъ подготовкѣ, а воспринималъ ихъ какъ совершившіеся факты. Быть можетъ, въ одну изъ

мрачныхъ минутъ нашего недавняго прошлаго онъ и высказывалъ мрачныя мысли и отказывался вѣрить въ будущее. Но въ основѣ, при всей усталости души на жизненномъ закатѣ, его мысль, его чувство оставались здоровыми. Пессимизмъ Ключевскаго былъ пессимизмомъ очень умнаго и проницательнаго человѣка, а не патологическимъ настроеніемъ неврастеника и не брюзжаньемъ старика. И именно какъ очень умный и проницательный человѣкъ, какъ эволюціонистъ, онъ при всей недовѣрчивости къ сознательной общественной дѣятельности слишкомъ хорошо зналъ, что стихія сама работаетъ для лучшаго будущаго. А въ стихію онъ такъ же крѣпко вѣрилъ, какъ не вѣрилъ въ близорукіе людскіе расчеты. Напомню его неоднократныя указанія, что вѣдь и крестьянскимъ освобожденіемъ Россія обязана не столько работѣ сознательной политической мысли или предусмотрительной уступчивости власти, сколько слѣпой, стихійной необходимости. Въ личныхъ бесѣдахъ, въ самые мрачные моменты реакціи, я положительно никогда не улавливалъ ноты унынія въ моемъ собесѣдникѣ. А теперь не нужно было даже моихъ разсказовъ, чтобы такой опытный наблюдатель общественной психологіи, какъ Ключевскій, почувствовалъ, что что бы ни случилось дальше, но мертвая точка уже оставлена позади.

Я не могу не кончить этой статьи еще одной фактической справкой, — такъ она гармонируетъ съ главной мыслью самой статьи. Уже въ самые послѣдніе мѣсяцы жизни, когда исходъ болѣзни рисовался все въ болѣе мрачныхъ чертахъ, В. О. отозвался на просьбы друзей откликнуться въ печати на пятидесятилѣтній юбилей крестьянскаго освобожденія. Любимая тема задѣла Ключевскаго. Онъ принялся работать и писать. Задуманная статья была уже написана, хотя и не поспѣла къ юбилейному сроку. Такимъ образомъ, какъ будто нарочно, послѣдняя мысль историка сосредоточилась на томъ же предметѣ, который служилъ нервомъ всей его жизненной работы. И юбилейный годъ крестьянскаго освобожденія получилъ особое, символическое, значеніе въ итогѣ этой работы, подведенномъ въ этотъ годъ смертью. Полвѣка гражданской свободы — полвѣка *новаго, пятаго* періода русской исторіи, — это, вѣдь, были и полвѣка собственной сознательной жизни покойнаго. Историкъ видѣлъ и призналъ смыслъ занимающейся зари новой жизни родного народа. И заря освѣтила его собственную, кончавшуюся жизнь новымъ, неожиданнымъ, проникновеннымъ свѣтомъ, въ которомъ гармонически улеглось рядомъ противорѣчивое, разнообразное и сложное. Конецъ и начало жизни слились въ одномъ органическомъ единствѣ: единствѣ дѣтскаго инстинкта, юношескаго чувства, зрѣлаго научнаго анализа и глубокой, устоявшейся на закатѣ, политической мудрости.

П. Милюковъ.

Московская Центральная Публичная Библиотека

Изданія „НАУЧНАГО СЛОВА“.

„Памяти Дарвина“. Сборникъ статей профессоровъ: Умова, Тимирязева, Мечникова, Ковалевскаго, Мензбира и Павлова. Съ фототип. портретами и рисунками. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 75 к.

И. И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. 3-ье дополненное изд. съ портр. автора, рисунками и предислов. **проф. Н. А. Умова.** Цѣна 2 р.

И. И. Мечниковъ. Этюды оптимизма. Съ 27 рисунками и портретомъ автора. Изд. 2-ое. Цѣна 2 руб.

Н. В. Сперанскій. Вѣдьмы и вѣдовство. Цѣна 1 руб. 40 коп.

М. М. Покровскій. Очеркъ по сравнит. исторіи литературы (романъ Дидоны и Энея и его римскіе подражатели). Цѣна 60 к.

Г. К. Рахмановъ. Основы метеорологіи. Съ рисунк. и климатолог. картами. Краткій курсъ для студ. Изд. 2-ое. Цѣна 1 руб.

Д. М. Петрушевскій. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Изд. 2-ое. Цѣна 1 руб. 70 коп.

Ю. И. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Съ фототип. портретами писателей. Выпускъ I. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 20 к. Вып. II. Цѣна 1 руб. 25 коп. Вып. III (послѣдній). Ц. 1 р. 10 к.

Ю. И. Айхенвальдъ. Пушкинъ. Цѣна 80 коп.

Ю. И. Айхенвальдъ. Этюды о западныхъ писателяхъ. Съ фотот. портр. писателей (больш. формата). Цѣна 1 р. 80 коп.

И. М. Сѣченовъ. Автобіографическія записки. Съ предисловіемъ **проф. Н. А. Умова** и портр. авт. Цѣна 1 руб. 30 коп.

П. П. Муратовъ. Образы Италіи. Томъ I. Съ 15 иллюстраціями. Цѣна 2 р. 25 к. Томъ II. Съ 12 иллюстр. Цѣна 1 р. 50 к.

„Освобожденіе крестьянъ—дѣятели реформы“. Въ сборникѣ участвуютъ профес. и препод. Московскаго университета. Приложены портреты дѣятелей. Цѣна 3 р., въ пер. 3 р. 20 к.

В. Арнольди. По островамъ малайскаго архипелага. Съ картами и иллюстраціями. Цѣна 1 р. 80 к.

„В. О. Ключевскій“ — характеристики и воспоминанія. Участвуютъ: Ю. Айхенвальдъ, М. Богословскій, Ю. Готье, А. Кизеветтеръ, А. Кони, А. Лаппо-Данилевскій, М. Любавскій. П. Милюковъ, С. Платоновъ, Б. Сыромятниковъ и Н. Умовъ. Съ 3-мя портр. Ключевскаго. Цѣна 1 р. 90 к., въ коленк. пер. 2 р. 40 к.

Всѣ книги высылаются наложеннымъ платежомъ; пересылка за счетъ издательства.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ имѣютъ 20% скидки, при чемъ стоимость пересылки начисляется.

Складъ всѣхъ книгъ и сохранившихся нумеровъ журнала у издателя: Москва, Нѣмецкая улица, соб. домъ, Г. К. Рахмановъ. Телеф. 1—97.

Центрального
книгохранилище
Инв. 860-5-м

Московский университет
Центральная библиотека

22/2

цѣна 1 р.